

*К*РЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2025 **ТОМ 10** №1

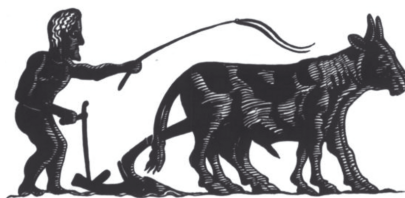
Издается с 2016 года

Выходит 4 раза в год

ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Дж. Пэллот, председатель, Оксфордский университет (Великобритания)
А.М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС
М.Г. Пугачева, ответственный секретарь, НИУ ВШЭ
И.В. Троцюк, заместитель главного редактора, РУДН, РАНХиГС
И.А. Кузнецов, РАНХиГС
О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)
П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)
Т.Г. Нефедова, Институт географии РАН
О.П. Фадеева, ИЭОПП СО РАН
Н.И. Шагайда, РАНХиГС
С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.И. Алексеев, МГУ им. М.В. Ломоносова
В.Б. Безгин, Тамбовский государственный технический университет
С.М. Боррас Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)
С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)
В.Г. Виноградский, РАНХиГС
А.В. Гордон, ИНИОН РАН
В.А. Ильиных, Институт истории СО РАН
Ким Чан Чжин, Университет Сунгконгэ, Сеул, Южная Корея
В.В. Кондрашин, Институт российской истории РАН
Э.Н. Крылатых, РАНХиГС
А.А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС
С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)
В.А. Мау, РАНХиГС
Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)
А.В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики
им. А.А. Никонова
Е. Потехина, Варминьско-Мазурский университет (Польша)
А.Д. Радыгин, РАНХиГС
Судхир Кумар Сутхар, Университет Джавахарлала Неру (Индия)
В.Я. Узун, РАНХиГС
Цзинцон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)
Д. Челетти, Падуанский университет, Падуя (Италия)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 3, офис 2003
Телефон: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Редактор веб-сайта Е.С. Никулина; Корректор И.Е. Кроль;
Дизайн: Издательский дом «Дело», РАНХиГС
В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;
Неизвестный художник, конец XVIII века «Портрет женщины в высоком
кокошнике с цветком граната в руке» из собрания Музея декоративно-
прикладного и промышленного искусства МГХПА им. С.Г. Строганова

© РАНХиГС, 2025

Содержание

Теория

<i>Brutskus B.D.</i> Elimination of the world crisis	6
<i>Presnyakov I.</i> On the “subjective reality” of Teodor Shanin’s peasant projects: Field studies, ‘long table’ method, and Peredelkino (an oral history approach)	16

История

<i>Красильников С.А.</i> В.П. Данилов: научный оппонент «Великого Перелома»	43
<i>Фельдман М.А.</i> «Как ломали НЭП»: введения к книгам пятитомника как феномен историографии (к 100-летию В.П. Данилова)	58
<i>Михаленко Н.В.</i> Образы крестьян на лубках Первой мировой войны	70
<i>Ковалев А.С.</i> Государственная социальная политика в отношении инвалидов и пожилых людей в сельской местности РСФСР в 1920 – 1930-х годах: оригинальные идеи и повседневные практики	77

Современность

<i>Нефедова Т.Г.</i> Взаимодействие сельского и лесного хозяйства как способ выживания восточных районов Костромской области	104
<i>Пивовар Г.А., Широкова П.А., Прусихин О.Е., Алексеев А.И.</i> Типы поселений и система расселения вдоль восточной части Байкало-Амурской магистрали (Амурская область и Хабаровский край)	123
<i>Богданова Л.П., Виноградов Д.М., Смирнова А.А.</i> Человеческое измерение сельской истории: демографические потери и дачная ревитализация одной тверской деревни	153
<i>Никонова Н.А., Никонов А.Г., Дибирова Х.А.</i> Мотивация к органическому производству со стороны малого бизнеса в аграрном секторе Северо-Запада	178
<i>Рязанцев С.В., Вартанова М.Л.</i> Тренды устойчивого развития сельского хозяйства российских регионов в контексте обеспечения национальной и продовольственной безопасности страны	202

Архив

<i>Савинова Т.А.</i> Магистерский экзамен для А.В. Чаянова	226
--	-----

Рецензии

<i>Безгин В.В.</i> Споры крестьян о земле, меже и не только	231
<i>Корандей Ф.С.</i> Сельский ландшафт как инфраструктура: увидеть невидимое	237
<i>Кузнецов И.А.</i> Полезная книга по истории аграрной статистики	245

Научная жизнь

<i>Сафонов Д.А.</i> В.П. Данилов и российское крестьяноведение	252
--	-----

Russian peasant studies

Vol. 10. 2025. No 1

Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD

J. Pallot, Chairman, University of Oxford (UK)
A.M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration (RANEPA)
M.G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE
I.V. Trotsuk, Deputy Editor, RUDN University, RANEPA
I.A. Kuznetsov, RANEPA
O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)
P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)
T.G. Nefedova, Institute of Geography of Russian Academy of Sciences
O.P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of
Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
N.I. Shagaida, RANEPA
S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil), RANEPA

ADVISORY BOARD

A.I. Alekseev, Moscow State University
V.B. Bezgin, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation
S.M. Borrás Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)
S. Wegren, Southern Methodist University (USA)
V.G. Vinogradsky, RANEPA
A.V. Gordon, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian
Academy of Sciences
V.A. Il'inykh, Institute of History of Siberian Branch of Russian Academy
of Sciences
Kim Chang Jin, SungKongHoe University, Seoul, South Korea
V.V. Kondrashin, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
E.N. Krylatykh, RANEPA
A.A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA
S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)
V.A. Mau, RANEPA
S. Merl, University of Bielefeld (Germany)
A.V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for Agrarian Issues
and Information Science
E. Potekhina, University Warmia and Mazury (Poland)
A.D. Radygin, RANEPA
Sudhir Kumar Suthar Jawaharlal Nehru University (India)
V.Ya. Uzun, RANEPA
Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)
D. Celetti, University of Padua, Padua, Italy.

CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow,
Russian Federation.
Phone: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

THEORY

- Brutskus B.D.* Elimination of the world crisis 6
Presnyakov I. On the “subjective reality” of Teodor Shanin’s peasant projects: Field studies, ‘long table’ method, and Peredelkino (an oral history approach). 16

HISTORY

- Krasilnikov S.A.* V.P. Danilov: Scientific opponent of the “Great Break” . . . 43
Feldman M.A. “How the NEP was broken”: Introductions to the books of the five-volume edition as a historiographic phenomenon (on the 100th anniversary of V.P. Danilov) 58
Mikhalenko N.V. Images of peasants in the cheap popular prints of the World War I 70
Kovalev A.S. State social policy towards the disabled and elderly in rural areas of the RSFSR in the 1920s–1930s: Ideas and everyday practices. 77

THE PRESENT TIME

- Nefedova T.G.* Interaction of agriculture and forestry as a way of survival for Eastern districts of the Kostroma Region 104
Pivovarov G.A., Shirokova P.A., Prusikhin O.E., Alekseev A.I. Settlement types and settlement system along the eastern part of the Baikal-Amur Mainline (Amur Region and Khabarovsk Region) 123
Bogdanova L.P., Vinogradov D.M., Smirnova A.A. Human dimension of rural history: Demographic losses and *dacha* revitalization in one Tver village 153
Nikonova N.A., Nikonov A.G., Dibirova Kh.A. Small business’ motivation for organic production in the agricultural sector of the North-West 178
Ryazantsev S.V., Vartanova M.L. Dynamics and key directions of sustainable development of regional agriculture in the context of ensuring national and food security of the Russian Federation 202

ARCHIVE

- Savinova T.A.* Master’s exam for A.V. Chayanov 226

REVIEWS

- Bezgin V.B.* Peasant disputes over land, its division and other issues 231
Korandei F.S. Rural landscape as infrastructure: To see the invisible 237
Kuznetsov I.A. A useful book on the history of agricultural statistics 245

SCIENTIFIC LIFE

- Safonov D.A.* V.P. Danilov and the Russian Peasant Studies 252

Elimination of the world crisis¹

B. D. Bratskus

Alexander M. Nikulin (publisher), PhD (Economics), Head of the Chayanov Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences. Gazetny per., 3-5, bl. 1, Moscow, 125009, Russia. E-mail: harmina@yandex.ru

Vladislav O. Afanasev (publisher), Junior Researcher, Moscow School of Social and Economic Sciences; Gazetny per., 3-5, bl. 1, Moscow, 125009, Russia. E-mail: erpaison@gmail.com

Irina V. Trotsuk (translator), DSc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University; Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prospekt, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Abstract. Boris Davidovich Bratskus (1874–1938) was a remarkable economist whose agrarian studies are usually attributed to A. V. Chayanov's organization-production school. However, agrarian issues were only one aspect of Bratskus's multifaceted intellectual heritage as a major specialist in Jewish migration and colonization in the late 19th — early 20th centuries, in the political-economic criticism of the Russian Revolution, Soviet economic system and socialism in general. He was an insightful expert not only in issues of the Russian and Soviet economic policy but also in international economic-political relations.

In his theoretical and ideological views Bratskus was a consistent supporter of liberalism but not an orthodox supporter of the homo economicus model. He spoke with deep respect and understanding about worldview values of socialism of both populist and Marxist directions, which were associated with the ideas of cooperative family economies and a socially oriented state, and emphasized that the market, free enterprise and economic freedom were fundamental conditions for any freedom in principle.

With the Bolsheviks coming to power, during the civil war, Bratskus consistently and convincingly criticized the Soviet economic policy, for which the United States Political Administration (OGPU) expelled him on the so-called philosophical steamship to Germany. In Europe, until the early 1930s, Bratskus lectured on agrarian issues and political economy at the Russian Scientific Institute in Berlin and taught at the Yiddish University in Vilnius. After the Nazis came to power, he moved to Paris, and in 1935 emigrated to Palestine, where he headed the Department of Agricultural Economics and Policy at the University of Jerusalem, which was established with funds from the Jewish National Fund and at which he conducted research and taught until his death in 1938. Bratskus “was very enthusiastic about not only teaching but also practical activities to

1. The study was conducted as part of the project “Boris Bratskus among Jewish colonization projects in the age of catastrophes (to the 150th anniversary of the scientist)”, supported by the Russian Jewish Congress as part of the Grant Competition for Museum and Exhibition Initiatives 2024.

promote Jewish agriculture”². Bratskus’s great contribution to the developing Jewish agricultural and economic science was recognized and highly praised: his course of lectures was published posthumously, and the national journalism called him a Jewish genius of our time³.

Bratskus was an incredibly gifted and prolific economist and publicist, his analytical articles on the most current social-economic events of the 1920s and 1930s were published in newspapers and magazines not only in the Russian émigré press but also in national languages in periodicals of some European and North American countries. Thereby, it is not surprising that the article “Elimination of the world crisis”, which was discovered in B. D. Bratskus’s collection in the Central Archive for History of the Jewish People⁴ and which the author had prepared for publication but had not managed to publish, provides an overview of fundamental contradictions and probable alternatives for political-economic development of the world economy recovering with difficulty and in contradictory ways from the Great Depression in the second half of the 1930s.

In this article, Bratskus identifies those groups of countries and key sectors of the economy that overcame consequences of the world crisis in different ways. This multipolarity of political-economic development caused Bratskus concern mainly due to the strengthening tendencies of bureaucratic autarkization of economies in some countries preparing for war. At the end of the article, Bratskus prophetically warns that the implementation of the German slogan “guns instead of butter” under declining international movement of migrants, capital, goods and increasing political-economic polarization of countries leads to an escalation of international tension and future military-political conflicts.

Key words: crisis, market, capitalism, unemployment, agriculture, industry, League of Nations, economic policy

EDN AAOQLZ

Today the world economy is in a significant period of development. Since its very emergence, the world economy has never faced such a severe crisis as the one that broke out in the autumn of 1929. For almost three years until the summer of 1932, industrial production had rapidly declined, leaving millions of unemployed, and prices had ominously fell to an unprecedentedly low level. It seemed that the world economy in its true capitalist organization entered apocalyptic times of its final destruction predicted by Karl Marx.

Since the summer of 1932, the degradation of the world economy seemed to have stopped. At the same time, governments that had long hoped for recovery provided by internal forces of the capitalist economy finally found it necessary to actively intervene in economic processes. Due to the specific political conditions of Central Europe (with the least overcome psychological moods generated by the world war), governments in many of its countries have become dictatorial

2. Markov A. (1939) B. D. Bratskus [obituary]. *Novoe Russkoe Slovo*, no 9477, January 16, p. 3.

3. Lask I. M. (1943) Hebrew genius of our times. *Sentinel*, no 11, September 16, p. 7.

4. Central Archive for History of the Jewish People. P320-12. P. 1–19.

ТЕОРИЯ Certainly, the central question is to what extent the emerging but still very weak, spontaneous economic recovery will prove reliable, and whether the economy is capable of being restored once again in individualistic forms.

At such times one must be deeply grateful to the League of Nations, which, in addition to rich data on individual issues published from time to time, has begun to present regularly annual surveys of the state of the world economy (World Economic Survey). I have the fifth survey for the period from July 1935 to July 1936. Its compiler, J. B. Condliffe managed to present a huge material, which is carefully critically analyzed and superbly systematized, on the comparatively small space of some 300 pages, and to draw a clear picture of the world economy development in the past year. Let us try to interpret the current economic processes based on this work.

The presented data allows to assert with complete confidence that even after such an extraordinary upheaval the capitalist economy reveals its inherent cyclical nature; thus, there are forces capable of ensuring a new economic growth. The leading role is played by two great Anglo-Saxon countries — England and the United States, in which the foundations of individualistic economic organization have remained in general intact. A very large positive role was played by the depreciation of their currencies kept within certain limits, which created the basis for a broader credit expansion. In addition to the economic recovery of England, there is a similar trend in all countries of the so-called sterling bloc, i.e., in English dominions and colonies and in Scandinavian countries. The rapid economic growth of the United States has drawn all other countries of the New World into its orbit. Likewise, the leading state of the Far East — Japan — began its expansion. Since the depreciation of sterling and dollar has already stopped and their more or less stable relationship was established, about 85% of the world trade turnover is based on regulated currencies. Economic recovery in England and overseas countries has accelerated, so in both the United States and England a new “boom” is expected.

The economic situation on the European continent (and its colonies) is not as clear. In the countries of the gold bloc (France, Switzerland, the Netherlands, Belgium), the need to protect currency with deflationary measures greatly delayed their economic recovery. One after another, these countries are finally abandoning gold circulation.

As for the countries of Central Europe, primarily Germany, Italy and their neighbors Austria, Czechoslovakia, Hungary and Poland, one cannot deny that their economies also got out of stagnation. However, profound structural changes have taken place in the organization of their economy: bureaucratization of economic life has taken place, and the role of private initiative has declined. The

immensely strengthened dictatorial power considers it possible to push into the background the satisfaction of the masses' current needs in the name of certain national tasks. In the course of overcoming the crisis, a new type of economy is emerging here, somewhat similar to the type of economy in Soviet Russia.

As for this type of economy, due to the completion of its socialist reorganization under the five-year plan, it has reached almost complete autarky; thus, fluctuations in the world economy have almost no effect on it: this economy is entirely a tool for achieving political goals of the totalitarian regime and meets the masses' economic needs to a very insufficient degree. To fulfill the latter task, it does not even have an institution — there is no market that would register such demands⁵.

Let us now consider individual elements of the process under study. As is known, the starting point of capitalist cycles is fluctuations in the production of heavy industries. These cycles are transmitted to light industries and usually hardly affect agriculture. Barter agriculture experienced a long general crisis in the last quarter of the past century and is experiencing one now; the causes of such crises are not directly connected with the cyclical nature of industrial development. Today we witness a combination of an industrial crisis with an agrarian one, each contributed to the deepening of the other, but their courses are different. The peculiarity of agriculture is expressed in the fact that its degradation during the crisis is out of question since agriculture very rarely reacts to falling prices by reducing production. However, world agriculture had gone through restructuring that is very unfavorable for the future of world trade.

Countries of the European continent (except the USSR, where the socialization of agriculture led primarily to its severe degradation) managed to significantly increase the production of nutritious products, especially plant-based ones, through protectionism intensified to unprecedented levels, and in this way to reduce their import to a minimum. These products are now produced at great expense at intensive farms in Europe instead of being imported from overseas countries, where they can be produced cheaply at mechanized extensive farms. The same trends have emerged in the production of agricultural feed and raw materials, namely the stable world production with some weaker trend (in relation to these products) in industrial European countries towards autarky.

Nevertheless, the fact that world agricultural stocks have greatly decreased and their prices have risen significantly can be explained by the Roosevelt government measures aimed at reducing crops and two severe droughts in North America.

5. The observer of the League of Nations says comparatively little about the economy of Soviet Russia, although its comparison with economies of other types is very instructive in some cases.

However, we consider it premature to assert on this basis the final elimination of the agrarian crisis rooted in the rapid mechanization of overseas agriculture and now further complicated by the autarkic tendencies in European industrial countries. Agrarian crises are not overcome quickly.

The development of the production of industrial, non-agricultural raw materials (primarily metals) is subject to completely different laws which are cyclical fluctuations of the industrial crisis. World production of non-agricultural raw materials fell in 1932 by 25% compared to the average for five years (1925–1929) but now has completely recovered, although stocks have decreased sharply. Fluctuations in the world industrial production can be seen in the following figures (they do not represent the USSR with the rapid industrial growth precisely during the world crisis):

Industrial production indices in 1932–1935 (1929 = 100)

Group of industries	1932	1935
Textile	88	104
Steel	39	75
Industry in general	63	84

We see that fluctuations in the production of production means such as steel are incomparably greater than fluctuations in the production of items of direct consumption such as textiles. The characteristic feature of our time is the rapid industrialization of countries whose prosperity was previously based on the mass export of agricultural products — both overseas and European; this feature should be considered a natural reaction to the autarkic tendencies of industrial countries of the European continent in agriculture. Thus, growing difficulties in exporting first-class agricultural products forced Denmark to reduce its butter production by 6% from 1931 to 1934 and the number of pigs slaughtered — by 40% from 1931 to 1935, while its industrial production increased by 21%. Today the growth of industrial production is universal, but in countries of the gold bloc it was rather small. In industrial countries of Central Europe, the production growth is artificially directed in favor of durable goods (buildings, roads, automobiles), since such production is more easily stimulated by the state in its fight against unemployment, and in favor of arms. In Germany, the very energetic economic activity of the state does not promote private initiative and does not lead to the expansion of industrial production in the interests of individual consumption.

If prices are measured in gold, then only since 1935 there has been a small increase. However, today, when few countries retain gold circulation, the importance of gold prices in the world economy is very small. If prices are expressed in the most important world

currency — pound sterling, it turns out that the fall in prices stopped at the moment of its depreciation and that since 1933 wholesale prices have risen continuously and at an accelerating pace.

With rising prices, the abnormalities in their ratios (“scissors”), which disorganized the world economy, are eliminated. Of particular importance was the eliminated discrepancy between prices of agricultural and industrial products. While during the pre-war crises the reduced production of production means was accompanied by a rapid fall in their prices, during the current crisis the success of cartelization has led to a great disadvantage for agriculture: prices were almost unregulated at the beginning of the crisis, and the prices of the most important production means remained quite stable. Today, due to the significant increase in prices of agricultural products the situation of exporting countries has significantly improved. However, as we have already pointed out, this improvement can hardly be considered completely reliable.

The general rise in prices has increased entrepreneurial profits and the pace of economic life. National income has increased, but has it affected consumption?

It should be said that the crisis in general did not noticeably reduce the consumption of nutritious products, since the decline in national income during the developing crisis was initially more than compensated for by the rapid fall in prices of agricultural products. Moreover, the severe crisis did not prevent a rapid rise in international trade in some nutritious products popular in the present era, such as oranges and grapefruits. If we compare these facts with the facts from Soviet Russia, where the not particularly large crop failures of 1931 and 1932 led to severe hunger disasters, the advantages of the market economy, even in times of deep crisis, compared with the market-free planned economy will become quite clear. However, the rise in prices of agricultural products on the international market and especially the extreme aggravation of agrarian protectionism in European industrial countries had led to the fact that elimination of the crisis did not increase the consumption of nutritious products but was reflected much more in the growing consumption of industrial products, especially by agricultural population. In the fight against unemployment, the state especially encourages the expanded consumption of durable goods.

In terms of the created unemployment scale, the current crisis is quite exceptional. By August 1932, the unemployed in England constituted almost a quarter (28%) of all registered workers, whereas during the pre-war crises the share of the unemployed had not reached 10%. The dark side of the present recovery is that although the reduction in unemployment is not universal it lags far behind production growth. By 1932 unemployment had roughly tripled compared to 1929, but in 1935 it was still almost twice as high as in 1929. The slow reduction in unemployment is explained partly by the fact

that many workers switched from shortened to full working hours and partly by rapid technical progress which certainly did not stop even under the crisis and led to a further increase in labor productivity. It must be acknowledged that the state has never played such an active role in the fight against negative consequences of unemployment as during the current crisis. Since in most countries the supply of loans is abundant, it would hardly be possible to reproach the state for having reduced the private enterprise funds for organizing public works. However, in many cases the state unilaterally used the labor force of the unemployed to prepare for war, especially in Germany.

Wages in their monetary terms are growing, but since the cost of living is also rising largely due to the development of autarky, it is impossible to speak of a rise in real wages as a general phenomenon. The discrepancy between the rapid growth of profits and the slow growth of wages leads to an aggravation of labor conflicts during the boom. Since the crisis, governments have paid increased attention to the situation of wage workers. Unemployment insurance was introduced almost everywhere; in many countries the working day was further shortened, and a minimum wage was established.

In addition to the insufficiently rapid reduction of unemployment, the weak point of the current boom is the lagging development of international trade. What is typical for boom periods is that the growth of international trade outpaces the growth of industrial production; in this case, we have the opposite situation: the growth of international trade lags far behind the growth of industrial production. If the quantitative dimensions (not value expression) of international trade in 1929 are equated to 100, then its size in 1932 is 74.5 units and in 1935 — 82. However, since 1936 the growth rate of international trade has increased. There are two main reasons for the lag of international trade: the policy of autarky, weakening the division of labor on an international scale, and the cessation of capital movement on the international market. The following figures for the movement of three main commodity groups in international trade in its quantitative (not value) expression are characteristic:

International trade indices in 1932–1935 (1929 = 100)

Product group	1932	1935
Food	90.5	86
Raw materials	82	93.5
Finished products	58	68.5

The movement of food products in international trade has decreased comparatively little during the crisis. But the economic recovery is accompanied not by an increase in trade in these products but by its further reduction due to the triumph of autarchic tendencies in the economic policy of industrial countries. The reduction in trade in raw

materials during the crisis was greater than in trade in food but the former is quickly restored. Finally, to the detriment of the interests of industrial countries, the greatest reduction during the crisis was in trade in finished industrial goods. This trade has recovered but not at the rate of reduction; thus, in 1935 it was almost one-third less than before the crisis. For the current era, the exchange of industrial raw materials for industrial production means in international trade is a characteristic feature. To the great detriment of the masses' interests, the division of labor between nations has diminished. The autarkic tendencies of industrial countries, which are determined to no small extent by political interests, ultimately harm these countries the most. The role of the European continent in international exchange has clearly declined.

Organization of foreign trade in many countries, especially on the European continent, has taken forms similar to the monopoly in Soviet Russia. Customs tariffs were pushed into the background by quotas. The most favored nation principle can be considered as practically abolished. In many countries the delicate mechanism of private international trade was forced out by heavy bureaucratic organization, the crowning glory of which is bilateral compensation agreements replacing the former circular trade. The payment of international debts in goods becomes impossible in such conditions, which makes the international circulation of capital completely impossible. And the trouble is that just as, according to Gresham's law, bad money drives out good, the contemporary lower bureaucratic forms of international trade tend to drive out the higher individualistic forms that previously prevailed.

Just as we see in its completed form in Soviet Russia, the expansion of state functions has led to swelling budgets which now absorb a considerably larger share of national income than before the crisis. To cover such large budgets, income from property is no longer sufficient, so they are covered to an absolutely extraordinary extent in Soviet Russia by heavy taxation of the masses' consumer goods. Certainly, a considerable part of these budgets is spent on the good cause of fighting unemployment; however, there are different ways to fight it, and one cannot help but see that many states use their increased economic power for specific political interests, for instance, to prepare for war. Thus, satisfaction of the masses' cultural needs is pushed into the background.

There is no doubt that the world is recovering from an unprecedentedly severe crisis. However, as we have seen, this recovery has dark sides, and such shadows are the densest precisely on the European continent. In many countries of Central Europe, the economy has undergone profound structural changes making its organization similar to that of the Soviet economy. Undoubtedly, during the last crisis the state power had great merit in the fight against unemployment and severe consequences of the temporary

disorganization of capitalism. But in many countries this government intervention was paid for dearly by politicization of the national economy which ceases to sufficiently serve the masses' current needs and becomes to a greater extent a means of achieving certain political goals; in the words of the German Minister of Propaganda "guns instead of butter!" these tendencies found their classic expression.

The movement of emigrants stopped, the movement of capital stopped, and the movement of goods decreased. The economic situation of some countries is now much less equal than before. This creates great tensions in international relations, which may lead to new military conflicts.

*Jerusalem — Rehavia
March 1937*

Процесс ликвидации мирового кризиса⁶

Бруцкус Борис Давидович

Публикаторы:

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Чаяновского исследовательского центра Московской высшей школы социальных и экономических наук. 125009, Москва, Газетный пер., д. 3-5, стр. 1. E-mail: harmina@yandex.ru

Владислав Олегович Афанасенков, младший научный сотрудник Московской высшей школы социальных и экономических наук, Газетный пер., д. 3-5, стр. 1. E-mail: erpaison@gmail.com

Переводчик — *Ирина Владимировна Троцук*, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, просп. Вернадского, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Аннотация. Борис Давидович Бруцкус (1874–1938) — замечательный экономист, чьи аграрные исследования принято относить к организационно-производственной школе А. В. Чаянова. Однако аграрная проблематика была лишь одной из сторон многогранного интеллектуального наследия Бруцкуса. Он проявил себя как крупный специалист в исследовании вопросов еврейской миграции и колонизации конца XIX — начала XX века, в политико-экономической критике русской революции, советского экономического строя и социализма в целом. Впрочем, он был проницательным экспертом не только в вопросах российской и советской экономической политики, но и в сфере международных экономических и политических отношений.

По своим теоретическим и идеологическим убеждениям Бруцкус являлся последовательным сторонником либерализма, но никогда не был ортодоксальным сторонником модели homo economicus. Он с глубоким уважением и пониманием

6. Исследование выполнено по проекту «Борис Бруцкус среди проектов еврейской колонизации в век катастроф (к юбилею 150-летия ученого)», поддержанному Российским еврейским конгрессом в рамках Грантового конкурса музейных и выставочных инициатив 2024 г.

отзывался о мировоззренческих ценностях социализма как народнического, так и марксистского направления, связанных с идеями кооперативизма семейных экономик и социально ориентированного государства, подчеркивая вместе с тем, что рынок, свободное предпринимательство и экономическая свобода — фундаментальные условия любой свободы в принципе.

С приходом большевиков к власти, во время гражданской войны Бруцкус последовательно и убедительно критиковал советскую экономическую политику, за что ОГПУ выслало его на так называемом философском пароходе в Германию. В Европе Бруцкус до начала 1930-х годов читал лекции по аграрным проблемам и политической экономии в Русском научном институте в Берлине, преподавал в Идишском университете в Вильнюсе. После прихода к власти нацистов он переехал в Париж, а в 1935 году эмигрировал в Палестину, где возглавил учрежденную на средства Еврейского национального фонда кафедру аграрной экономики и политики в Иерусалимском университете, на которой вел научную и преподавательскую работу вплоть до смерти в 1938 году. Бруцкус «с большим увлечением занимался не только преподаванием, но и практической деятельностью в области содействия еврейскому земледелию»⁷. Большой вклад Бруцкуса в только зарождавшуюся в тот момент еврейскую аграрно-экономическую науку был признан и высоко оценен: посмертно был издан его курс лекций, за который национальная публицистика возвела его в ранг еврейских гениев современности⁸.

Бруцкус был невероятно одаренным и плодовитым экономистом-публицистом, чьи аналитические статьи об актуальных социально-экономических событиях 1920-х–1930-х годов печатались в газетах и журналах не только российской эмигрантской прессы, но и на национальных языках периодических изданий ряда стран Европы и Северной Америки.

Неудивительно, что представленная статья «Процесс ликвидации мирового кризиса», обнаруженная в фонде Б. Д. Бруцкуса в Центральном архиве истории еврейского народа⁹, которую сам автор подготовил к печати, но опубликовать не успел, посвящена обзору фундаментальных противоречий и вероятных альтернатив политического и экономического развития мировой экономики, с трудом и противоречиво оправлявшейся после Великой депрессии во второй половине 1930-х гг. В своем анализе Бруцкус выделяет несколько групп стран и ключевых отраслей экономики, по-разному преодолевавших последствия мирового кризиса. Эта своеобразная, как сейчас бы сказали, многополярность политического и экономического развития вызывала у Бруцкуса тревогу, в первую очередь в связи с усилением тенденций бюрократической автаркизации экономик ряда стран для подготовки войны. В конце статьи Бруцкус пророчески предупреждает, что реализация германского лозунга «пушки вместо масла» в условиях, когда международное передвижение мигрантов, капиталов и товаров сокращается, а политическая и экономическая поляризация стран возрастает, ведет к нагнетанию международной напряженности с ее грядущими военно-политическими конфликтами.

Ключевые слова: кризис, рынок, капитализм, безработица, сельское хозяйство, промышленность, Лига наций, экономическая политика

7. Марков А. (1939) Б. Д. Бруцкус [некролог]. *Новое русское слово*, № 9477, 16 января, с. 3.

8. Lask I. M. (1943) Hebrew genius in our times. *Sentinel*, no 11, September 16, p. 7.

9. Central Archive for History of the Jewish People. P320-12. P. 1–19.

On the “subjective reality” of Teodor Shanin’s peasant projects: Field studies, ‘long table’ method, and Peredelkino (an oral history approach)¹

Presnyakov I.

Ilya Presnyakov, PhD Student, Zvi Yavetz School of Historical Studies, Tel Aviv University, Gilman Bldg., Ramat Aviv, Tel Aviv, 6997801, Israel.
E-mail: presnyakoviliaval@gmail.com

Abstract. The article reconstructs the researchers’ “subjective reality” in Teodor Shanin’s peasant studies projects. While there has been extensive research on methodological, epistemological and empirical dimensions of these projects, little attention has been paid to personal experiences, emotions and transformations of the researchers. This study aims at filling this gap by reconstructing their subjective perceptions through oral histories, memories and published sources and also at ‘localizing’ such a subjective reality by examining its connection with the Peredelkino House of Creativity, where Shanin’s research team used to meet periodically. The article consists of the following parts: first, it outlines the broader conditions of Shanin’s peasant studies expeditions; then it focuses on “subjective reality of the first encounters” with Shanin and his ideas; the fieldwork is examined through the researchers’ observation of rural communities, their efforts to gain peasants’ trust and methodological challenges they faced; further, the study considers the long table discussions at Peredelkino, emphasizing their dual function as spaces for methodological and personal support; finally, the author explains institutionalization of the projects’ subjective reality through their lasting impact on research and educational initiatives of its participants. The findings show that the scholars’ subjective reality was deeply intertwined with the broader intellectual and social-political transformations of the 1990s, which resulted in the specific research culture of Shanin’s peasant studies projects — a combination of reflections on ethnographic experiences, analytical and methodological frameworks with personal experiences, friendship, and intellectual partnership.

Key words: Teodor Shanin, peasant studies, subjective reality, oral history, long table method, Peredelkino, Moscow School of Social and Economic Sciences

EDN BMNVIL

Interdisciplinary studies of the peasantry and rural life, initiated in the late 1980s by Teodor Shanin — a historian and sociologist of peasantry, professor at the University of Manchester and founder of the Russian-British university, Moscow School of Social and Economic Sciences — have undergone a detailed scientific (self-)

1. The author expresses gratitude to the Peredelkino House of Creativity in which a significant part of the article was written.

analysis. First, their philosophical and epistemological foundations, conceptual and analytical frameworks have been examined (Shanin, 1998, 2002). Second, their topics, concepts and findings have been documented (Fadeeva, 1997; Fadeeva, Nikulin, 2002) together with the stages, chronology and content of the collected data (Yastrebinskaya, 2002). Third, the principles of the so-called “long tables” as a methodological feature of these projects have been clarified and adapted to the contemporary conditions (Shteinberg, 2021). However, one perspective of Shanin’s peasant projects has remained insufficiently explored.

The scholars dealt with “voices and perspectives from below”, describing the village through the peasant “eyes and voices”; however, their voices and perspectives often remain unheard and unseen, which certainly does not mean that they were silent. On the contrary, they have spoken about themselves in articles and monographs, but as rational scholars, describing themselves in a rather formal academic way. For instance, one text identifies the qualities of project participants as primarily significant in the research perspective: interdisciplinarity, collectivism, internationalism, good (self-)learning abilities, and reflexivity (Fadeeva, Nikulin, 2002: 111). What did the peasant projects’ scholars feel and experience as ordinary people? How did their personal and professional self-perception evolve during the research and after returning from the field? What acquaintances, discussions and moments of work and rest determined their most vivid memories? What impressions, emotions and feelings accompanied their collective discussions at ‘long tables’? How do they assess their research experience today? The article aims at reconstructing the “subjective reality” of the participants of Shanin’s peasant studies projects through their oral histories and memories.

Presnyakov I.

On the “subjective reality” of Teodor Shanin’s peasant projects: Field studies, ‘long table’ method, and Peredelkino (an oral history approach)

Some preliminary remarks on the subjective reality in oral history

The term “subjective reality” refers to an ontology *sui generis* constituted in communication, fluid and dynamic. The oral historian does not reconstruct “objective past” out of “objective” social-historical process, acting as a “loudspeaker” or “mirror” for historical facts. Rather, he functions as a mediator of individual testimonies, who uncovers subjective reality and translates it into research factuality.

In the article that became program for the oral history approach, Louise Passerini emphasizes that subjective reality is “sufficiently elastic to include both the aspects of spontaneous subjective being contained and represented by attitudes, behavior and language, as well as other forms of awareness, such as the sense of identity, consciousness of oneself, and more considered forms of intellectual activity” (Passerini, 1998: 54). Subjective reality is expressed through

informants' conveyable judgments and self-assessments, emotions and impressions, sensations and perceptions, most vivid memories, (self-)descriptions, and opinions which will be further considered in Shanin's peasant research.

Another goal of the article is to "localize" subjective reality through its connection to a specific space — the Peredelkino House of Creativity in the Moscow Region, where Shanin's scholars periodically came for collective meetings. Certainly, they did not meet only in Peredelkino only, there were also Berezki and Dubki resorts. However, Peredelkino is most frequently recalled as a place for collective intellectual work and shared daily life. How were discussions and daily routines organized at Peredelkino? What role did such meetings play in the projects? How were these meetings experienced and reflected on the personal level? In other words, what was the subjective reality of Shanin's peasant studies projects at the meetings in Peredelkino?

After a brief methodological review, I will trace the emergence and dynamics of the scholars' subjective reality through a sequential description of the projects' stages: from the launch to the encounter with Teodor Shanin and his ideas, through field expeditions and analytical work during "long tables" and finally to the institutionalization of the research results. I will focus on certain elements of the peasant studies' epistemological (conceptual) framework — methodology of double reflexivity, hoping to proof its research potential for contemporary oral history.

First, I prioritize the subjectivity of the object, referring to "how it defines and explains its actions and the choices made" (Shanin, 1998: 85). Therefore, I will focus less on the content and results of Shanin's expeditions and "long tables" and more on the meaning and significance of these studies and meetings for their participants. Second, I conduct an analysis without a pre-established system of hypotheses and explanations, in accordance with the "grounded theory" approach, which Shanin's scholars "accepted as a self-evident methodological stance" (Ibid.: 81), based on the collected data. Third, I aim at focusing on three elements of double reflexivity proposed by Shanin: subjectivity of the object, realities in which it exists, and interpretative actions of the researcher. Accordingly, I will consider subjective aspects of the peasant studies projects in broader context — intellectual, social-economic and other. Fourth, the scholars successfully combined oral sources (interviews) with pre-existing resources of local and regional archives in the studied areas. Similarly, in addition to interviews I conducted, I will rely on the already published materials which are mostly communicative in nature (recollections, interviews, collective discussions, roundtables, video recordings, and documentaries). Despite their predetermined and finalized form, they remain highly relevant to the oral history approach.

In this section, I will briefly outline circumstances that made Shanin's peasant expeditions feasible, emphasizing social and intellectual conditions of the projects originated. *First*, in the Soviet Union at that time, rural research was the domain of a few, albeit notable, groups. The revival of rural studies was ensured by the Novosibirsk school of economic sociology led by Tatyana Zaslavskaya and Rozalina Ryvkina (Zaslavskaya, Ryvkina, 1980; Zaslavskaya, Kupriyanova, 1987). In addition, rural journalism played a significant role, for example, the TV program *Selsky Chas* (Rural Hour) by writer and journalist Yuri Chernichenko was dedicated to the peasant question². In 1986, the film *Arkhangelsky Muzhik* (The Arkhangelsk Man), directed by Anatoly Strelyany, presented the story of Nikolai Sivkov, the first Soviet farmer³. Finally, the village prose (Vasily Belov, Valentin Rasputin, Viktor Astafyev, and others) remains an essential source of knowledge about rural life⁴.

However, the *zemstvo* statistical tradition had been interrupted, and comprehensive surveys of rural life and agriculture had not been conducted for a long time. This was paradoxical, given that in the early 20th century Russian agrarian scholars — Alexander Chayanov, Alexander Chelintsev, Alexander Rybnikov and other members of the organization-production school — had been at the forefront of peasant studies as a field of empirical and theoretical research (Brisch, 2014; Nikulin, 2017). This development was halted in the early 1930s, when many economists, historians and sociologists associated with this school were repressed. As Shanin later noted, since the mid-1960s, while writing his doctoral thesis on the political consciousness of the Russian peasantry, he often thought *"how much I would like to resume this work, to return to those roots of peasant studies that had flourished so brilliantly in Russia"*⁵. The rehabilitation of agrarian scholars in the late 1980s and the newly granted access to archived allowed a return to these forgotten foundations.

Second, the peasant way of life was in decline. Labor productivity in collective farms remained low, and young people were leaving villages. Yet, there were those who remembered pre-collectivization traditions, fests, household practices, crafts, and family history.

Third, conditions necessary for serious peasant studies were

Presnyakov I.
On the "subjective reality" of Teodor Shanin's peasant projects: Field studies, 'long table' method, and Peredelkino (an oral history approach)

2. See, e.g.: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wKEHT1Xg6S>.

3. Strelyany A. (1986) The Arkhangelsk Man. URL: <https://youtu.be/naW8q7o5Kos?si=EK3Dh-p6V7dYj5Fv>.

4. According to some memories, Shanin criticized the Soviet village writers for their "idealization" of the Russian peasantry, although acknowledged that they described rural life and the peasant mindset with considerable accuracy (Doktorov, Nikulin, 2020: 167).

5. Vinogradsky V. (2013) Teodor Shanin's peasant studies project: "Two looks back". URL: https://youtu.be/W6AjtFaHZZ4?si=Th_IJm3qMGk72Mmn.

developing. The Soviet Union had opened to the West in research and academic exchange in addition to the intensified research cooperation within the country. For example, in 1986, the first scientific-practical conference *Worldview and Agricultural Practice* was held in Poltava and led to the publication in 1988 of the monograph *Man and Land: Worldview, Economy, and Social Policy* (Nikolsky, 1988). Shanin followed the Poltava discussions, considering them an example of “a serious critical analysis of problems of Soviet agriculture and social structure of the village” (Shanin, 1989: 7). In 1989, the second All-Union scientific-practical conference of economists, historians, philosophers, agrarian scholars and writers, *Agricultural Production and Environmental Management* was held. In June 1990, Shanin together with the All-Union Academy of Agricultural Sciences (VASKhNIL), Institutes of History and of Philosophy of the USSR Academy of Sciences organized the first international conference of agrarian scholars, which led to the establishment of the International Association of Agrarian Scholars with the academician Alexander Nikonov elected as its president, Teodor Shanin and Sergei Nikolsky as vice presidents⁶.

This renaissance of peasant studies in the USSR reflected not just a scientific interdisciplinary approach but also a diversity of perspectives, including non-academic ones. It is therefore unsurprising that Shanin’s team later consisted not only of agrarian scholars, historians, economists, sociologists and geographers but also of philosophers, philologists, architects and journalists.

“I am not your subject and will decide whom to meet myself...”

To create a team, Shanin used “social networks” — to find and attract a diverse group of specialists through recommendations, announcements, phone calls and even by chance. What was the projects’ participants’ “subjective reality of first encounters” with Shanin and his idea?

Shanin met the historian Viktor Danilov long before the projects. By the time of expeditions, Danilov stood out from the group of researchers because of his age (over 60), life and academic experience: he was a DSc, a professor, and a war veteran⁷. The story of his first meeting with Shanin deserves mention, if only for its unique circumstances. In 1977, while working on his book *Russia as a Developing Society* (Shanin, 1985), Shanin traveled to the USSR. Being already familiar with Danilov’s work, he sought to meet with the Soviet his-

6. For more details see: URL: <https://iphras.ru/page29360777.htm>.

7. The shared experience of military service played a significant role in Shanin’s relationship with Danilov. Shanin regarded Danilov not only as a recognized Russian expert on the peasantry but also as a close friend.

torian. At the Institute of History of the Academy of Sciences, Nikolai Bugai, the academic secretary for international affairs, suggested a list of researchers suitable for meeting with the British professor. Shanin, as he recalls, responded: “*You seem to forget, Mr. Bugai, I am not your subject and will decide whom to meet myself*”. The secretary politely agreed. “*In that case*”, Shanin said, “*I would like to start with Professor Viktor Danilov. I’ve read his works, and they interest me greatly*”. “*Unfortunately, Professor Danilov is unwell*”, Bugai replied. Shanin was disappointed, left the office, walked down the corridor until the door marked “Department of Agrarian History” and knocked. Inside, he found a man, sitting alone and typing with one finger. “*I am looking for Professor Danilov*”, Shanin said. “*I am Danilov*”, the man replied.

Shanin thought that he was unknown to vis-à-vis and began introducing himself, only to hear: “*What are you talking about! Awkward Class, isn’t it?*”⁸. It turned out that Danilov had read Shanin’s works, including *The Awkward Class. Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia, 1910–1925* (Shanin, 1972), and was aware of his other works. Danilov became a leader of the historical part of the peasant studies projects. From 1990 to 1994, historians (both recognized professors and graduate students) worked under his guidance.

The historian Viktor Kondrashin after defending his thesis in February 1992 faced significant problems (unemployed, without Moscow registration, living illegally in a dormitory, he supported his family by playing the *bayan* (chromatic accordion) in the subway and working as a loader). As Kondrashin recalls, once Danilov “*stopped, looked at me, and walked on...*” However, later Danilov offered him a position in the project “*to write a history of the Lokh village for 26\$ a month*” (Kondrashin, Nikulin, 2021: 140, 150). During his graduate studies, Kondrashin collected evidence about the 1930s famine in the Volga villages due to a temporary lack of written sources, and this experience proved invaluable for field research.

The projects’ historians visited local and regional archives, producing so-called “settlement sketches” that captured key historical periods — from the Emancipation reform of 1861, through the Revolution, dekulakization, collectivization and Great Patriotic War to Khrushchev’s reforms. Their sources included diaries, letters, memoirs, *zemstvo* surveys, budget records, household cards, tax rolls, and demographic censuses. Information gaps were filled with data from sociological studies conducted simultaneously. Thus, expeditions had both ethnographic and historical-sociological character (Danilov, 2002).

The Saratov philosopher and sociolinguist Valery Vinogradsky joined the team by chance. He calls himself a “veteran” as he was

Presnyakov I.

On the “subjective reality” of Teodor Shanin’s peasant projects: Field studies, ‘long table’ method, and Peredelkino (an oral history approach)

8. This acquaintance is reconstructed from Shanin’s narratives in: Arkhangelsky, 2022: 146–147; Babashkin, Kuznetsov, 2016: 69–70.

the oldest fieldworker when expeditions began (about 40 years old). In the summer of 1990, while on vacation in the sunny city, Vinogradsky passed by the Institute of Socio-Economic Problems of Agro-Industrial Complex Development of the Academy of Sciences, where he worked. It was a hot day, so he decided to enter to freshen up. On the second floor, he met the institute's director, who told him about "*an English professor gathering a team to live in villages for an extended period and study the history of old peasant families — their histories, rural spaces, and living environments*"⁹. Without hesitation, Vinogradsky asked how to participate. By July, he attended the first meeting of future project participants at the VASKhNIL headquarters in Moscow.

The Englishman was late. When he finally arrived, he entered with a confident stride, dropped a large leather bag on the red velvet-covered table, and with a slight accent uttered three phrases that Vinogradsky vividly remembered: "*Sorry late (no preposition). Ten minutes. Moscow — heavy city*". Thus, the meeting began. On Shanin's face Vinogradsky observed two emotions: confidence and readiness to take risks. "*These emotions were evident in his eyes and tone; they were striking. I had never seen anything like it before*" (Alekseev et al., 2020: 61).

The psychologist and sociologist Ilya Shteinberg came from the city of Engels. Before meeting Shanin, he worked as an engineer-psychologist, then as the executive secretary of the public opinion research council under the local Communist Party committee and finally at the Academy of Sciences, settling into the steady scholar routine in his early thirties. His meeting with Shanin disrupted this linear trajectory: "*It was a collision with another culture*" leading to "*astonishment and bewilderment*"¹⁰. At a meeting in 1998, Shanin spoke in detail to Soviet researchers about Russia's tradition of studying peasantry, the need to re-explore Alexander Chayanov's program, the value of ethnographic observation of rural life, and the importance of research participation in rural life. Suddenly Shanin asked: "*Colleagues, I don't understand. Why aren't you asking me why we are doing this?*". Shteinberg and his colleagues, having acquired such an habit during years of work, shrugged and replied that the reason seemed obvious: to develop recommendations for improving agriculture and productivity for the Central Committee, relevant ministries, and key agrarian enterprises. Shanin disagreed: "*Colleagues, no. We are doing this to seek the truth, to understand how everything works, how it's structured*". For Shteinberg, this was "*a revelation, because the purpose of research had always been to provide recommendations*

9. Vinogradsky V. (2024) Interview with the author on June 27 in Google Meets.

10. Shteinberg I. (2024) Interview with the author on September 19 in Google Meets.

for ‘boosting the national economy’, while the tasks involved studying ‘social-economic problems’. But for Shanin, it was the opposite: the goal was truth, while recommendations were the task and not the primary one” (Shteinberg, 2021: 25). Many of Shteinberg’s colleagues, although agrarian scholars, declined to participate in the expedition, unwilling to spend extended periods in villages. He, inspired by Shanin’s ideas and demeanor, agreed to join the project.

Alexander Nikulin first heard about Shanin in 1989 and saw him in 1990 at the first international conference of agrarian scholars. However, they did not meet until early 1993, when the first stage of the project was coming to an end. At that time, Nikulin was a 31-year-old research fellow at the Institute of Economics of the Academy of Sciences and heard about Shanin’s expeditions. They first met at the EPICenter, an analytical center founded by the economist and politician Grigory Yavlinsky. Nikulin made a presentation combining Alexander Chayanov’s theories with Shanin’s ideas about informal economies and structures. After the presentation, Shanin was the first to introduce himself and invited Nikulin to join the peasant studies project. *“It was great for both of us that we already had a common professional foundation”,* Nikulin recalls. *“I accepted without hesitation, and that’s how I found myself participating in “long tables” in Peredelkino”*¹¹.

Olga Fadeeva, an economist, sociologist and one of the youngest project participants (barely in her 20s), met Shanin in 1988 at the Novosibirsk Akademgorodok. Rozalina Ryvkina, a co-founder of the Novosibirsk economic-sociological school, organized the meeting, which Tatyana Zaslavskaya, another prominent figure in the Russian economic sociology and rural studies, also attended. As Fadeeva recalls, *“Shanin was already reflecting on the idea of the peasant studies projects”*¹². Fadeeva was invited to join expeditions during an off-site sociology summer school for young Soviet humanities scholars at the University of Manchester, which was organized by Shanin in 1989¹³. He told that he wanted *“to act differently compared to what we were used to”*. Fadeeva found the idea *“quite strange, unusual, and unlikely to be feasible”* (Alekseev et al., 2020: 62).

However, by October 1990 the Soviet-British project “Social Structure of the Soviet Village” had begun and resulted in three expeditions: one focused on history, spatial organization, power and budgetary relations in Soviet villages; another examined changes in the economic structure of rural life under the collapse of the Soviet Union and further reform of the Russian agrarian sector; and the third studied peasants’ informal economic practices. Three expeditions covered

Presnyakov I.

On the “subjective reality” of Teodor Shanin’s peasant projects: Field studies, ‘long table’ method, and Peredelkino (an oral history approach)

11. Nikulin A. (2024) Interview with the author on September 28 in Google Meets.

12. Fadeeva O. (2024) Interview with the author on June 5 in Google Meets.

13. For more details about summer school see: Yampolskaya, Salovskaya, 1990.

a vast geographic area — from Belarus, Armenia and the Central Asian republics to the Volga region, Urals and Siberia — and a period from 1990 to 2001.

How can the subjective reality of these encounters be described? Mutual professional interests and the moderate sense of novelty were clearly secondary to the astonishment, wonder and even revelation when meeting a purposeful, confident and risk-taking British man with a new research culture. The sense of encountering something unfamiliar caused some confusion and uncertainty about the scale of tasks, making the projects look utopian and impractical. However, this was counterbalanced by the active determination, energy, inspiration and willingness of young researchers to be involved: “*People were genuinely interested; they wanted to work on a project of this kind*”¹⁴.

Here, it is worth making a brief methodological remark: when choosing the main figures for my narrative, I recognized that it would be presumptuous to aim at a comprehensive analysis of memories of all project participants. Moreover, this was never my objective. I deliberately sidestepped the milestones of “battles” over the representativeness of oral history, arguing that subjective reality cannot be quantified or evaluated statistically. Therefore, I focus on individual experiences, personal emotions and memories as inherently valuable and methodologically justified data.

“He taught us to embrace this De Docta Ignorantia...”

In groups of two or three (sometimes as family pairs), scholars were to live in and study pre-selected villages across the Soviet Union for periods from 6 to 13 months. I will not delve into details and outcomes of their fieldwork so that to focus on the researchers’ perceptions of Shanin’s methodological style and on the subjective aspects of their field experiences as reflected in their memories.

“*He had a completely different idea*”, Olga Fadeeva highlights¹⁵. In the Soviet Union, sociological studies of villages typically consisted of representative surveys of rural populations with formalized questionnaires: the collected data was coded, processed on a computer and analyzed. While admitting the value of quantitative methods, Shanin called for full participation in peasant life. How did this requirement transform the research routine? To hear and see “voices and perspectives from below”, researchers chopped wood, carried water, heated stoves, sat on benches, celebrated and mourned — living in sync with the rhythm of peasant life. The “zone of silence”, which

14. Nikulin A. (2024) Interview with the author on September 28 in Google Meets.

15. Fadeeva O. (2024) Interview with the author on June 5 in Google Meets.

villages had been for decades, was to become a space for open dialogue. According to Valery Vinogradsky, this made Shanin “a *principled phenomenologist*”, as he emphasized “*attention to things and density of events, offering a fresh perspective*”¹⁶. Shanin, as Vinogradsky recalls, “*taught to embrace ignorance — not as an empty void but as a science of ‘not-knowing’, De Docta Ignorantia that dates back to Socrates*” (Aleksseev et al, 2020: 61). In practice, this meant that researchers were forbidden to conduct surveys or present any documents for the first three months. Without much deliberation, Vinogradsky used his project salary to buy a small house with a plot of land, plowed the garden, raised chickens, brought his wife and children to the village, and began working as an assistant in the local bakery, stacking freshly baked bread on shelves each day, which introduced him to the entire village. “*People would come for bread and ask ‘Who’s that guy? What’s he doing here?’ — ‘Oh, he’s a historian, studies our life’ — ‘Well, ok then’*”¹⁷. Following Shanin’s principle, this “domestication” provided Vinogradsky with a place in the social space of the Volga village of Lokh.

At first, locals mistook the researchers for journalists, inspectors or even spies. Alexander Nikulin recalls taking Shanin to the Privolnaya stanitsa in the Krasnodar Region: to organize this visit, he informed the chief agronomist that a “*famous English professor*” was coming. The reply was “*got it — a spy*”¹⁸. Although it was said in jest, the mistrust was palpable. However, for Shanin, peasants’ trust was a key to his projects. At a meeting in Peredelkino, he once remarked: “*Peasants believe that we treat them as friends not because we convinced them, but because it’s true. And for that, they need to look at us first. In this sense, we have a unique resource*”¹⁹. It is true participation in rural life that generated trust and proved that “outsiders” had peaceful intentions and sought to earn friendship.

Historians had their own way of research: while working at a municipal archive, Viktor Kondrashin lived in a dormitory on “*two boiled potatoes and one cucumber a day*”. Later, when he headed a district archive, he decided to live in a tent, cooking meals over a campfire. Soon he realized that was impossible. Fortunately, he met the director of the local history museum: “*He let me stay in the museum, there was a stuffed bear with a club among the exhibits and a few other curiosities, with no amenities whatsoever. But I could manage*” (Kondrashin, Nikulin, 2021: 150–151).

16. Vinogradsky V. (2024) Interview with the author on June 27 in Google Meets.

17. Ibid.

18. Nikulin A. (2024) Interview with the author on September 28 in Google Meets.

19. Vinogradsky V. (2014) Teodor Shanin and his team. URL: <https://youtu.be/qhYYvVtd6VY?si=RojeLuVM7r4EOPoA>.

Some field situations were risky. One winter morning, Galina Yastrebinskaya, after a long night conversation with a local, had to cross the Pinega River in northern Russia. The cold weather had just set in, forming the thinnest layer of ice on water. The local woman, as Yastrebinskaya recalls, was completely confident: *“Go straight across, and you’ll make it”*. The researcher couldn’t back out — her informant’s trust and respect were at stake. Miraculously, she ran across the river: *“My God, if the ice had cracked, no one would’ve saved me!”* (Babashkin, Kuznetsov, 2016: 72).

There was also room for comic situations. For example, having learned about Shanin coming to the village of Lokh, Ilya Shteinberg took charge of preparations. The local administration decided to greet the guest in the village canteen, at least to offer him a meal *“although we didn’t have much. It was the 1990s, there was basically nothing. We managed to cook some cabbage soup, fry some potatoes, and find some vodka”*. However, there were no glasses; they were either stolen or broken. Shteinberg had to improvise — instead of glasses, he used small mayonnaise jars of about 250 ml. *“Shanin took one of mayonnaise jars and said: ‘What strange glasses!’ I had to respond somehow, so I said, ‘Teodor, it’s a local custom!’”*²⁰.

Fieldwork as a process of self-discovery

After the first of the project, Vinogradsky admitted: *“It wasn’t my understanding of the village that changed — I changed. I mastered almost every rural task: I learned to mow, weed, slaughter chickens, dig wells, many things. I plunged into a new-old life. It’s old but for me it’s new”* (Vinogradsky, 2013b). The roles of the scholar and the rural resident intertwined: *“During the day, I have a hoe or spade in hand, helping to dig potatoes, chop wood or weed, and a tape recorder hanging around my neck to record conversations. In the evening, I process the material, because you can’t record too many conversations. Thus, you have to transcribe everything regularly”* (Ibid.).

The peasant way of life and interactions with locals influenced the course of research. For instance, focus groups could be conducted near a village shop or at a family table, and the data collected served for both scientific conclusions and common sense insights. Alexander Nikulin applied the method of household budgets to study 16 families of different professions and income: *“For a whole year, I had been visiting them at least twice a month, spending several hours to talk about their incomes, expenses and strategies. It was almost like being a family doctor”*. As trust grew, these conversations shifted towards daily life and relationships between spouses, parents and children and

20. Shteinberg I. (2024) Interview with the author on September 19 in Google Meets.

relatives. “You think you come only to collect statistical data, but in fact their phenomenology and dramas unfold before you. You become a sort of social worker or social psychologist, someone they confess family secrets, anxieties and plans to”. This inevitably affected the researchers’ worldview: “We were aware of sorrows, fears, anxieties, pains, joys, weddings, drinking bouts and funerals of this community and came to an existential understanding of how complicated life was. It makes you wiser, regardless of your career, your thesis or where you’ve presented your work”²¹.

For Nikulin, field trips also served as a basis for developing the professional identity of an agrarian scholar. Previously, he had focused primarily on historical-archival work, and his occasional regional trips usually involved conversations with archive directors and collective farm heads. “For me, it was very important because, before meeting Shanin, I felt somewhat inadequate compared to those *zemstvo* statisticians and agronomists who worked extensively with rural populations, while I was always sitting in archives and libraries”, he admits. Due to comprehensive anthropological research — first with Valery Vinogradsky in the Saratov Region and then independently in the Nizhny Novgorod Region — his personal horizons expanded: “It was incredibly beneficial. It turned out I’m not a bad field researcher”²².

Ilya Shteinberg recalls an incident that made him rethink the significance of audio records and transcripts in fieldwork. Once he interviewed a farmer whose statements angered him: “He said he’d plant forest on the land he was given and sell abroad the equipment he was provided with. I started being nervous and explained to him what the farmer was... In short, he ended up making his arguments physically”. All this time the “debates” were recorded, and, when listening the tape later, Shteinberg was shocked. He realized that for some inexplicable reason he misheard his informant: the farmer wanted to plant forest because the land was bad, and specialized seedlings could restore soil fertility. He already had equipment, so he intended to sell what he had been given to buy other necessary tools. “I listened to the tape and thought, ‘What an idiot I am!’ Later I went back to apologize”. Shteinberg attributes this “blind spot” to uncontrolled subjectivity, explaining that the only thing one can do is to be aware of it. In this regard, records are the most helpful: “Recording is the best teacher if you want to work with interviews. You have to listen and make transcription yourself. That was a lesson for me. I started transcribing everything in detail”²³.

The subjective reality of researchers kept developing. Following

21. Nikulin A. (2024) Interview with the author on September 28 in Google Meets.

22. Ibid.

23. Shteinberg I. (2024) Interview with the author on September 19 in Google Meets.

Shanin's principles, they tried to gain peasants' trust and respect as a research resource by taking risks and exploring daily life as both researchers and ordinary people with their concerns, fears and hopes. The development of communication and fieldwork skills was accompanied by the discovery of new aspects of their professional and personal identities and limits of their subjectivity. Through the study of peasant stories, daily life and family challenges, researchers also reflected on their sense of self and worldview.

"The idea of coming to Peredelkino was a powerful one"

As Alexander Nikulin recalls, at the fieldwork progressed, anxiety inevitably grew: *"You keep collecting data but what do you do with it? How do you process it? How do you understand it?"*²⁴. Valery Vinogradsky describes similar feelings: *"So many images of the past and present rural life have passed before me that I can't contain this experience anymore. I need to unload somehow"*²⁵. Researchers needed a safe space to discuss their fieldwork, take a break and address both academic and practical issues. *"Peredelkino like no other place provided this"*²⁶. By focusing on this location as an example, I will describe how the subjective reality of Shanin's scholars developed, while they spent at the House of Creativity at least three days every three to four months during and after their fieldwork.

Vinogradsky made a video record of the meeting on January 15–17, 1996²⁷. Sometimes researchers stayed at the hotel with balconies offering excellent views, sometimes they had to sleep in small, narrow rooms in the old building. In the second-floor foyer with the library, scholars discussed the latest news, chatted and laughed. However, discussions took place in the space between the library and the reading room, which locals called the "secret room" and in which researchers sat at a long table made of several smaller ones. As a rule, on the first evening, Shanin talked about current matters or gave a brief methodological lecture. For him, it was essential to study not only the peasantry but also the methods of such study: *"We need future generations to continue this work. And for that, we need methodology; our techniques are far from being fully developed"*²⁸.

24. Nikulin A. (2024) Interview with the author on September 28 in Google Meets.

25. Vinogradsky V. (2013) Teodor Shanin's peasant studies project: "Two looks back". URL: https://youtu.be/W6AjtFaHZZ4?si=Th_IJm3qMGk72Mmn.

26. Shteinberg I. (2024) Interview with the author on September 19 in Google Meets.

27. Vinogradsky V. (2014) Teodor Shanin and his team. URL: <https://youtu.be/qhYYvVtd6VY?si=RojcLuVM7r4EOPoA>.

28. Vinogradsky V. (2013) Teodor Shanin's peasant studies project: "Two looks back". URL: https://youtu.be/W6AjtFaHZZ4?si=Th_IJm3qMGk72Mmn.

The next day, after breakfast, Shanin organized discussions as a moderator. Most of the time researchers focused on filed reports and subsequent clarifications. As Nikulin recalls, Shanin taught that researchers were to “*bring reality*” from the field, which was reconstructed through detailed oral reports. These reports functioned as “thick descriptions” (according to the anthropologist Clifford Geertz) formed from a multitude of sometimes disordered and not always clearly expressed impressions, facts, memories and other subjective experiences but always rich in meaning and requiring interpretations (Geertz, 1973). Olga Fadeeva recalls that during the second stage of expeditions (1995–1996) much attention was paid to the problems of the studied territories, “*because events were starting to develop very quickly*”²⁹ (she meant the political situation in the country at that time). As video records show, the researchers discussed the rural population’s voting patterns in the 1995 State Duma elections.

In these meetings, specialists invited by Shanin participated: geographer Alexander Alekseev, economist Evgenia Serova, philosopher Sergei Nikolsky, journalist Otto Latsis, famous Soviet sociologists (Yuri Levada, Vladimir Yadov and Alexei Levinson), and others. “*At that time, in the 1990s, they were disconnected from the field, especially from the kind of fieldwork we were doing. But they listened attentively, made unexpected conclusions and framed theoretical concepts we hadn’t even considered. It was an incredible school*”, Shteinberg recalls³⁰. He often asked Tatyana Zaslavskaya for advice, however, instead of answers, he invariably received another batch of questions: “*She would get information from me, listening attentively and taking notes. Then she’d ask me even more questions. At first, I was frustrated that I couldn’t get my questions answered. But eventually I realized that my questions were naïve, and my analysis couldn’t compare to hers. This woman had fearless thinking. Being with her was like standing next to a powerful transformer humming with energy. She helped me a lot and even edited my texts. That’s the kind of people we had around us*”³¹. Shanin called such guest consultants “friends of the project” or, more formally, “the advisory institute”.

“Long table” as a methodological and psychological anchor

In the methodological perspective, “long tables” in Peredelkino helped to “synchronize” research practices and results as participants had specific backgrounds and professional trajectories, some were not scholars, and some had not been previously engaged in academic re-

29. Fadeeva O. (2024) Interview with the author on June 5 in Google Meets.

30. Shteinberg I. (2024) Interview with the author on September 19 in Google Meets.

31. Ibid.

search (ethnographic work, scientific observation, interviews, collecting oral histories or analyzing household budgets), which determined different understanding of standards and approaches to research. Discussions at the long table aimed at addressing these differences, making methodologies more flexible, balancing subjectivity with analytical rationality and retaining the unique features of the studied regions under generalization.

According to Nikulin, one of the key goals was *“to identify a paradox — even if we couldn’t resolve it, we could clearly articulate the problem”*³². At Peredelkino, the researchers — still gaining experience — learned, made mistakes, argued, thus, becoming professionals. *“Practically every long table ended with Shanin saying, ‘We’ve learned something from each other, colleagues’”*³³.

The 1990s were marked by uncertainty. As Shteinberg notes, the researchers were *“facing complete uncertainty — not just about the future but about the present and even the past”* (Shteinberg, 2021: 26). Meetings at Peredelkino helped them navigate in this ambiguity based on diverse research solutions, models of thinking and understanding of reality. Shanin consistently emphasized two key principles for the long table discussion: *“no one has a monopoly on truth”* and *“there is always an alternative”* (Ibid: 27). The more unstable the external environment, the more interpretations were needed to make sense of it. This approach contributed to the new scientific ethic for Russian researchers — the one, as Shteinberg put it, they *“were not particularly accustomed to”*³⁴.

The “long tables” also addressed practical and logistical challenges. As Shanin joked, *“our main methodological problem at that time was where to find rubber boots”* (Babashkin, Kuznetsov, 2016: 71). Other challenges included providing enough tape recorders and flashlights, modems and laptops. Alexander Artamonov, responsible for the project technical equipment, recalls: *“The quality of telephone communication in villages was so poor that we couldn’t ensure regular electronic correspondence”*³⁵. However, even logistical difficulties had a silver lining: if telephone and postal services had been reliable, the researchers might not have needed regular meetings in Peredelkino.

The “long tables” also served psychological purposes. For example, Olga Fadeeva recalls struggling to get along with her American partner, Sarah, during fieldwork, and such interpersonal conflicts were common, especially in a turbulent era: *“The 1990s were incredibly*

32. Nikulin A. (2024) Interview with the author on September 28 in Google Meets.

33. Ibid.

34. Shteinberg I. (2024) Interview with the author on September 19 in Google Meets.

35. Artamonov A. (2024) Interview with the author on July 12 in Google Meets.

challenging; the country was in chaos. And here we were, strangers in villages, living among locals, interacting with them... Who were we? What did we want? It wasn't always safe". According to Fadeeva, the long table discussions provided an opportunity to address these tensions calmly: "Teodor always emphasized how important it was for people to rest and communicate with each other every three months"³⁶.

Partnership, support and unexpected joys

Meetings in Peredelkino were also joyful occasions, sometimes quite unexpectedly. Sociologists Oksana and Mikhail from Belarus began their expeditions as colleagues but married two years later. Shortly after, Oksana discovered she was pregnant but did not tell anyone about pregnancy and the birth of her son fearing exclusion from the project: "I was ready to present my work and cooperate with colleagues, so I returned to Peredelkino, but now I also had to find time to express milk periodically" (Babashkin et al, 2020: 187). However, it was impossible to keep such a secret in Peredelkino: colleagues quickly figured it out, and what began as a surprise turned into a celebration. "By midnight, an amazing feast was set up in our room. With fruits from sunny Armenia, it was simply luxurious! Everyone came to congratulate us. It felt as if the child had been born to all of us. A project baby! That's exactly what Teodor told me the next morning", Oksana recalls. In 2002, after the end of expeditions, Shanin hosted a banquet in Peredelkino and shook the hand of Oksana and Mikhail's son, saying with a smile: "the project's child" (Ibid.).

The concluding part of "long tables" was Shanin's individual conversations with project participants, for instance, on Valery Vinogradsky's video we see Shanin speaking with Olga Fadeeva. In 1991, after the birth of her son, Fadeeva could no longer fully participate in fieldwork. "Teodor showed empathy", she recalls. "He didn't want to lose me and appointed me as the so-called 'head of headquarters'"³⁷. She began to compile a "chronicle of the project", taking notes on lectures and reports, transcribing records, systematizing documents and summarizing findings: "My university years were still fresh in my memory, and I hadn't lost the habit of notetaking. Although we

Presnyakov I.

On the "subjective reality" of Teodor Shanin's peasant projects: Field studies, 'long table' method, and Peredelkino (an oral history approach)

36. Fadeeva O. (2024) Interview with the author on June 5 in Google Meets.

37. Shanin, as both a witness and a participant of several military conflicts, including Israel's War of Independence (1947–1949), often used military metaphors. For instance, if Olga Fadeeva was the "head of headquarters", then young Soviet sociologists who under Shanin's guidance went to study at British universities were called "Russian landing force". Similarly, the Moscow School of Social and Economic Sciences ("Shaninka") which he founded later was initially a "training ground" for integrating Russian and British methods of university education and teaching.

*already had tape recorders, I wrote everything by hand and later transcribed it myself*³⁸.

Thus, the “long tables” addressed multifaceted tasks ranging from methodological peer review to mutual support. In this subjective reality, professional and personal realms intertwined. However, this did not result in collective escapism — on the contrary, discussions in Peredelkino contributed to social connections, epistemological models and self-perceptions that allowed researchers to perform deliberate and well-thought-out research actions in the field. In addition, the subjective reality formed within the Peredelkino locality enabled scholars to navigate in the uncertain and unstable reality of the 1990s. Shanin, a trained social worker by first education, compared “long tables” with supervision in social work: *“Intellectual support is needed, continuous exchange of opinions is needed, emotional support is needed... The exchange between the supervisor and the social worker is an essential element in addressing a range of issues, including psychological aspects of social work”* (Shteinberg, 2021: 282–283). In Soviet and Russian villages of the 1990s, researchers encountered many things that could shock them, thus, accumulated both observations and stress. In Peredelkino, researchers were receiving the necessary support. Informal activities were an integral part of such meetings: excursions in the writers’ village, birthday parties and poetry readings. Meetings at the House of Creativity created the right atmosphere: *“The idea of coming to Peredelkino was the right one... It was very important; I understand that now”*³⁹.

The peasant question

In Peredelkino, scholars frequently interacted with well-known residents and guests of the writers’ village — poets and translators David Samoilov and Semyon Lipkin, writer and literary critic Evgenia Taratuta, actor Igor Kostolevsky. However, one of the most memorable companions was Vladimir Voroshilov, the creator and host of the Russian TV intellectual game show “What? Where? When?”. Once Valery Vinogradsky was recording a conversation with the shepherd Leonid Kazankin. They discussed farming, history, weather and raising children. *“How did my father teach me?”*, Leonid summed up. *“Always eat bread with honey, always be polite to people, but never greet anyone first”*. That evening Vinogradsky realized he had no idea what the shepherd’s phrase meant. The next morning, he asked Kazankin to explain it. The shepherd, taking on a serious look, replied: *“Not without half a liter of vodka”*. Vinogradsky reluctantly compiled, and

38. Fadeeva O. (2024) Interview with the author on June 5 in Google Meets.

39. Ibid.

true to his word, the shepherd provided an explanation⁴⁰. Two years later, the scholars met again in Peredelkino. “*Voroshilov, after learning that I was a rural sociologist, asked me, ‘Do you have any village tales that could be useful for our game? We take everything from encyclopedias, but your tales would come from real life’*”, Vinogradsky recalls⁴¹. Vinogradsky remembered Leonid’s phrase, which left Voroshilov fascinated. Soon, there was a question on his show for experts: “What does the peasant phrase ‘Always be polite to people, but never greet anyone first’ mean?” 15 million rubles — a good sum in the mid-1990s — were at stake. The team led by Andrei Kozlov answered that the phrase might mean that a person should become so respected that others greet them first, not the other way around, but they lost⁴². The phrase reflected the core values of peasant morality. Honey symbolized satisfaction from hard work: for those who worked on land, even a simple crust of bread could taste sweet as honey. Similarly, the practice of “not greeting anyone first” meant a deep-rooted social rule: in the village, everyone knows one another and greetings are customary; however, if a person is busy with work, it is the responsibility of the other to greet him first. This was the peasant ethic: those who worked hard were respected.

With the prize money, Vinogradsky bought a Sony video camera and began recording a sociological video diary, including meetings in Peredelkino. The shepherd Leonid was not left without a reward: on a frosty January day, Vinogradsky brought him three boxes of vodka on a sleigh. “*The whole village celebrated: ‘Georgich, we’ll tell you so many more of these stories! You just bring them there and then do the same thing again!’*”⁴³.

Meetings in Peredelkino could not ignore issues of the Russian culture and literature. The philosopher and historian Sergey Nikolsky, who specialized in issues of the Russian peasant self-awareness and worldview, sought to add the artistic dimension to discussions. “*It was just at that time*”, Nikolsky recalls, “*that works of Platonov, Solzhenitsyn and Shalamov were published again. Those people felt the pulse of public consciousness. Without understanding that consciousness and the artistic material, meaningful conversations*

40. Vinogradsky V. (2014) Teodor Shanin’s peasant studies project. Days and works: Documentaries. URL: <https://youtu.be/dapOrzvxDFQ?si=QxmOWIMRhYFnZiUn>.

41. Ibid.

42. What? Where? When? (2014) What? Where? When? Winter Series 1994, 3rd Game from December 10, 1994. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SOIYSPNHLyO>

43. Vinogradsky V. (2014) Teodor Shanin’s peasant studies project. Days and works: Documentaries. URL: <https://youtu.be/dapOrzvxDFQ?si=QxmOWIMRhYFnZiUn>.

with peasants would have been impossible"⁴⁴. The researchers also paid considerable attention to the works of the *derevenshchiki* (Soviet village prose) — Vasily Belov, Valentin Rasputin, Viktor Astafyev, and others. Artistic interpretations were considered a methodological necessity for the study of peasant worldview: "So, researchers were to carry out fieldwork in the Northwest, in the Vologda Region... I asked them, 'Have you read Fyodor Abramov? Have you watched Konchalovsky?' Awareness of artistic consciousness makes the researcher more sensitive, attentive, prepared and perceptive"⁴⁵. Thus, meetings in Peredelkino were scientific, educational and research at the same time — the first of their kind in the post-Soviet history of the Peredelkino House of Creativity, preceding the revival of the residency tradition in 2021. Interaction with writers and translators influenced the researchers' perspectives, while artistic creativity became part of their analytical framework.

Peasant Studies and the long table method after field expeditions and Peredelkino

What happened to the subjective reality of Shanin's peasant studies projects after they ended? Was it institutionalized in professional trajectories of the expedition participants⁴⁶. The combination of research and social-cultural practices at the meetings of scholars, including in Peredelkino, has become known as the "long table method". The term was coined by the journalist Otto Latsis, a friend and consultant of expeditions, in his 1993 article "Knights of the long table" (Latsis, 1993). Ilya Shteinberg wrote a book on this method (Shteinberg, 2021). While it would be an exaggeration to claim that Peredelkino was the only birthplace of the long table method, it is reasonable to say that many its procedures and practices were developed, refined, and polished in the House of Creativity — in its "secret room", hotel rooms, dining hall and along forest paths. The local subjective reality transformed into an intellectual product.

The ambition and scope of the projects further fueled the research-

44. Nikolsky S. (2024) Interview with the author on September 14 in Google Meets.

45. Ibid.

46. Through the methodology of reflexive peasant studies, Shanin tried to combine the Russian *zemstvo* tradition, achievements of Soviet historians and sociologists and Western methods of rural sociology and anthropology, and this synthesis resulted in a variety of fieldwork outcomes, a detailed description of which is beyond the scope of this paper. Therefore, some topics and narratives crucial for understanding Shanin's approach are not analyzed in detail, for instance, gender and family aspects of rural women's lives (See, e.g.: Vinogradsky, Vinogradskaya, Nikulin, Fadeeva, 2002a, 2002b).

ers' aspirations. Expeditions and discussions were an excellent training ground, but many participants were eager to create independent scientific organizations or launch even larger-scale projects. However, the circumstances were far from favorable. After the death of Alexander Nikonov, president of the VASKhNIL, in 1995, the plans to establish the Chayanov Institute to revive the traditions of Russian agrarian scholars did not come true. Moreover, for political reasons, the idea of a national monitoring of agricultural reforms based on Shanin's team methodology was abandoned. Ilya Shteinberg recalls feeling strongly frustrated at the time, like *"what astronauts feel after preparing for a mission but never being allowed to launch"* (Bashkin et al, 2020: 192).

Nevertheless, the ideas of collective meetings continued to affect the subsequent work of the researchers. For instance, Valery Vinogradsky still works with materials collected during expeditions to reconstruct peasant discourses, peasant family and life strategies, everyday informal practices (Vinogradsky, 2017a, 2017b, 2017c). His hobby of videography and scriptwriting, supported by the Saratov television, led to the production of several documentaries about Shanin's expeditions⁴⁷. As Vinogradsky remarked, *"Teodor and I became close friends very quickly. I helped him a lot, and I worked a lot myself. Those were the happiest years of my life. Truly the happiest"*⁴⁸.

Olga Fadeeva focused on the analysis of about 150 rural household budgets from various regions of Russia. This continuation of the *zemstvo* budget studies allowed to reconstruct the real economic practices of rural families, emphasizing the role of informal economies in household budgets (Fadeeva, 2002). In 1998, Fadeeva returned to her research department in Novosibirsk to continue the traditions of Tatiana Zaslavskaya and Rozalina Ryvkina, further developing the concept of regional, multi-structured rural Russia (Fadeeva, 2015; Fadeeva et al, 2021). She switched from standardized surveys to qualitative, in-depth interviews: *"Today, I use mainly qualitative methods — interviews — to establish rapport. My work with Teodor taught me to quickly understand whether someone is ready to talk to you, how much time they are ready to spend, or if they do not want to talk at all. You need to find a way to quickly start a conversation,*

Presnyakov I.

On the "subjective reality" of Teodor Shanin's peasant projects: Field studies, 'long table' method, and Peredelkino (an oral history approach)

47. Vinogradsky V. (2013) Teodor Shanin's peasant studies project: "Rural Atlantises". URL: https://youtu.be/VY4NV3dEuKo?si=UwybjqFRUog8l_Yh; Vinogradsky V. (2013) Teodor Shanin's peasant studies project: "Two looks back". URL: <https://youtu.be/W6AjtFaHZZ4?si=ThIJm3qMGk72Mmn>; Vinogradsky V. (2014) Teodor Shanin's peasant studies project. Days and works: Documentaries. URL: <https://youtu.be/dapOrzvxDFQ?si=QxmOWIMRhYFnZiUn>; Vinogradsky V. (2014) Teodor Shanin's peasant studies project. "It was Monday of the Holy Spirit". URL: <https://youtu.be/f6XXakSkVMw?si=luosqv6XZhAroCOj>.

48. Vinogradsky V. (2024) Interview with the author on June 27 in Google Meets.

*figure out what to talk about, and interpret what people say. And — above all — not to fear starting a conversation*⁴⁹.

Alexander Nikulin continued systematic studies of the peasantry and rural life in the economic perspective. Shortly after the projects, he received a postdoctoral fellowship at the Yale University and later headed the Center for Agrarian Studies at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). Since 2016, he is the Editor-in-Chief of the journal *Russian Peasant Studies*; he published numerous articles and books, focusing primarily on contradictions and paradoxes in the interaction between large- and small-scale agricultural production, especially collective farms (*kolkhozes*) and private household plots, and also on the model of transformation of the Soviet/post-Soviet *kolkhoz* into a “large-scale farm” (*krupkhoz*) (Nikulin, 2002, 2011). As one of his most significant works he considers the one based on Shanin’s expeditions and long table discussions (Nikulin, 2003).

In 1999, the experience of reflexive peasant studies and qualitative methodology was summarized in the book by Ilya Shteinberg and another project participant Evgeny Kovalev (Kovalev, Shteinberg, 1999), which was later developed into a university course. However, as Shteinberg recalls, “*The results of teaching left me disappointed. It felt like teaching someone to swim without knowing the outcome. When they started swimming independently, out of ten students who climbed back onto the shore, only one or two managed to show something resembling what I had taught them*” (Shteinberg, 2021: 13). Training needs to go beyond textbooks and focus on practical experience. Since the mid-2000s, Shteinberg has taught courses in universities, research companies and commercial organizations, which allowed him to refine and adapt the “long table method” to the new conditions of social life. Today elements of reflexive peasant studies, Shanin’s qualitative methodology and ethnographic style are used by many Russian scholars⁵⁰.

Peasant Studies and a new institution

Through expeditions and discussions, Shanin was “testing the waters” to see whether large-scale projects — both research and educational — could be successfully implemented in Russia. Moreover, Shanin used the long table discussions to establish relationships with those researchers who, during or after the projects, would study or work at the Moscow School of Social and Economic Sciences, the Russian-British university he founded. Shanin had already discussed the idea of establishing a new university by the middle of the peasant studies projects. “*I believe he got an idea of the Moscow School when he began the project in Russia, when*

49. Fadeeva O. (2024) Interview with the author on June 5 in Google Meets.

50. See, e.g.: Voronkov, Chikadze, 2009.

he arrived and realized that, on the one hand, everything was collapsing rapidly because old institutions were dying out, and, on the other hand, something new was being created”, Olga Fadeeva recalls⁵¹.

Shanin considered the establishment of such a university based on the British educational model in Moscow as a way to ensure the internationally competitive standards of the training of young Russian researchers. According to Valery Vinogradsky: “*Shanin said that methodology required a scientific and educational institution. He dreamed of establishing a British-style university in Moscow to train political scientists, social workers and sociologists. This was a dream he spoke about often, especially during long table meetings, saying that methodology needed a solid foundation*”⁵². Moreover, an institutional base allowed Shanin to reunite his group, bringing people together under one roof and institutionalizing the “peasant studies team”. As Vinogradsky notes, “*Shanin realized that people were drawn to him, that they could work, and that they needed to be educated. At the end of the project, after we had written so much and collected a huge amount of material, he said, ‘I want all of you who participated in the projects to study at the Moscow School for free — with scholarships and housing’. This is how he created an educational infrastructure for us. Both my wife, who had joined the project at a certain stage, and I graduated from the Moscow School*”⁵³. Vinogradsky, a DSC then, became a student of the new university and wrote his Master’s thesis on the basis of his interviews during the peasant studies expeditions.

Before the Moscow School was established, in 1993 Shanin together with Tatiana Zaslavskaya and Viktor Danilov had founded the interdisciplinary academic center for social sciences Intercenter. The Moscow School opened in 1995 on the basis of the Intercenter. One of its divisions was the Center for Peasant Studies and Agrarian Reforms headed by Victor Danilov⁵⁴. He managed to organize a group of historians of rural Russia from various regions. Under the editorial leadership of Danilov and Shanin, the *Peasant Studies* yearbook had been published since 1996, and eleven “settlement” essays written by the historians during Shanin’s expeditions were included in these yearbooks⁵⁵. Danilov and Shanin organized the seminar “Contemporary Concepts of Agrarian Development”, the materials of which were later published as a book (Babashkin, 2015). The seminar supported the concept of a Russian-British university and aimed at connecting “political cultures” and combining Western and Russian approaches

Presnyakov I.

On the “subjective reality” of Teodor Shanin’s peasant projects: Field studies, ‘long table’ method, and Peredelkino (an oral history approach)

51. Fadeeva O. (2024) Interview with the author on June 5 in Google Meets.

52. Vinogradsky V. (2024) Interview with the author on June 27 in Google Meets.

53. Ibid.

54. For more details, see: Danilov, Myakinkov, Nikulin, 2002.

55. See, e.g.: Kondrashin, 1997.

to peasant studies⁵⁶. Western graduate students, who participated in the seminar, later developed its ideas and methodologies of Shanin's projects in their theses, articles and books⁵⁷.

Viktor Kondrashin, who became a researcher at Danilov's center, admits that he initially worked in Shanin's and Danilov's projects and as a loader at the Luzhniki Stadium. However, under Danilov's mentorship, he focused on the seminar: "*It was incredibly nerve-racking and serious academic training for me and my peers — S. Dominkov, I. Slepnev, V. Babashkin, A. Nikulin... It was essential for us not to give up*" (Babashkin, Kuznetsov, 2016: 77). These efforts bore fruits: Kondrashin later defended his DSc thesis and headed the Center for Economic History at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Danilov worked as a professor at the Shaninka until his death in 2004⁵⁸.

In 2006, Ilya Shteinberg, a graduate of the Moscow School, was invited by Shanin to integrate the "long table method" into the university's curriculum as a special practicum on qualitative sociological methods. In 1997, Alexander Nikulin also graduated from Shaninka. During the 1990s, he worked at the Intercenter and became its executive director in 2003. Later, in 2019, he established the Chayanov Research Center at the Moscow School to study and promote the scientific legacy of Alexander Chayanov.

Thus, the subjective reality of Shanin's peasant studies projects, which at a certain stage was localized at the Peredelkino House of

56. According to Vladimir Babashkin, a colleague of Danilov, the seminar was established after he had made a Russian summary of the anthropologist James Scott's book *The Moral Economy of the Peasant* (1976, Yale University Press). Shanin was satisfied with the summary, and Danilov proposed to organize a special session of the Agrarian History Department to discuss the text. Shanin supported the idea and "suggested to make at least 30 copies on a mimeograph and distribute them not only among agrarian historians but also among other representatives of Russian (former Soviet) social sciences. In addition, he proposed to invite two stenographers to transcribe the discussion" (Babashkin et al, 2020: 184).

57. See, e.g.: Allina-Pisano, 2005; Linder, 2007; Visser, 2009; Vorbugg, 2019.

58. Since the late 1960s, Viktor Danilov faced significant political pressure due to his book on the history of Stalinist collectivization. Once the head of a group of historians at the Academy of Sciences, Danilov was demoted to the position of senior researcher. The ideological control during this period was so severe that when a colleague brought him news about a favorable review of his book in the *American Historical Review*, Danilov said: "Keep it to yourself. I have a defense soon. God forbid they find out about this positive review" (Babashkin, Kuznetsov, 2016: 74). Danilov's collaboration with Shanin (Shanin, Danilov, Gordon, 1992), his role as a consultant in the peasant studies expeditions, their joint project *The Peasant Revolution, 1902–1922* (Danilov, Shanin, 2002, 2003) and other subsequent studies marked Danilov's return to the large-scale historical research of the peasantry. Moreover, this work was crucial for Danilov not only academically but also financially, helping him to survive in the challenging 1990s (Doktorov, Nikulin, 2020: 157).

Creativity, had developed gradually — from first meetings of Soviet scholars with Teodor Shanin to a collection of emotions and impressions inspired by the British professor and his ideas how to study the Russian peasantry. Wonder and a sense of novelty were combined with confusion and the perceived utopian nature of the planned expeditions; however, there also was inspiration and readiness to act.

During fieldwork, the key goals of researchers were to gain peasant trust, which would guarantee a meaningful dialogue and a full integration into rural life, a discovery of new facets of researchers' personalities and boundaries of their subjectivities. Due to being localized in Peredelkino, the researchers' subjective reality developed in two ways: on the one hand, their meetings aimed at methodological synchronization and collective analysis of fieldwork results; on the other hand, such meetings contributed to professional partnership and mutual personal support. When at the long table, researchers reflected on their ethnographic experiences, developed analytical and methodological skills, had a rest, made friends and supported each other in the challenging 1990s.

Finally, after the end of the projects, this subjective reality was institutionalized — in methodologies, books, academic courses, research and other organizations, including the Moscow School of Social and Economic Sciences. Today, there is still the core of "Shanin's team" — a group of project participants and friends united by research and personal experience. The peasant studies expeditions — their content and outcomes, both objective and subjective — became for many participants the framework for subsequent ideas, studies and achievements. Moreover, at the turn of the century, Peredelkino unexpectedly turned into a significant locus of intellectual life and of the history of social sciences in post-Soviet Russia. For Peredelkino traditionally associated with literature and arts, this represents a new dimension of activities rooted in social sciences, field studies, long table discussions and peasant studies.

Presnyakov I.

On the "subjective reality" of Teodor Shanin's peasant projects: Field studies, 'long table' method, and Peredelkino (an oral history approach)

References

- Alekseev A., Atamonov A., Berelowitch A., Bernstein H., Fadeeva O., Hall R., Harrison M., Kondrashin V., Monjane B., Nikulin A., Pallot J., Purushothaman S., Ramon Sh., Rogozin D., Shteinberg I., Vinogradsky V. (2020) Round table in memory of Teodor Shanin. *Russian Peasant Studies*, vol. 5, no 4, pp. 39–77. (In Russ.)
- Allina-Pisano J. (2005) Land reform and the social origins of private farmers in Russia and Ukraine. *Journal of Peasant Studies*, vol. 31, no 3, pp. 489–514.
- Arkhangelsky A. (2022). *Dissenting Teodor. The Story of Teodor Shanin's Life as Told by Him*, Moscow: AST. (In Russ.)
- Babashkin V. (Ed.) (2015) *Contemporary Peasant Studies and Agrarian History of Russia in the 20th Century*, Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Babashkin V., Kuznetsov I. (Eds.) (2016) Contemporary peasant studies and agrarian history of Russia in the 20th century. A round table. *Russian Peasant Studies*, vol. 1, no 1, pp. 68–92. (In Russ.)
- Babashkin V., Vinogradsky V., Kondrashin V., Gorovenko O., Fadeeva O., Shteinberg I. (2020) In memory of Teodor Shanin. *Russian Peasant Studies*, vol. 5, no 1, pp. 173–195. (In Russ.)

- Bruisch K. (2014) *Als das Dorf noch Zukunft war. Agrarismus und Expertise zwischen Zarenreich und Sowjetunion*, Köln: Böhlau.
- Danilov V. (2002) Historians in the sociological study of Russian villages. T. Shanin, A. Nikulin, V. Danilov (Eds.) *Reflexive Peasant Studies: A Decade of Studies of Rural Russia*, Moscow: MSSSES, ROSSPEN, pp. 115–140. (In Russ.)
- Danilov V., Myakinkov S., Nikulin A. (2002) Chronicle of the Centre for Peasant Studies and Agrarian Reforms. T. Shanin, A. Nikulin, V. Danilov (Eds.) *Reflexive Peasant Studies: A Decade of Studies of Rural Russia*, Moscow: MSSSES, ROSSPEN, pp. 562–568. (In Russ.)
- Danilov V., Shanin T. (Eds.) (2002) *Peasant Movement in the Volga Region, 1919–1922: Documents and Materials*, Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Danilov V., Shanin T. (Eds.) (2003) *Peasant Movement in the Tambov Province, 1917–1918: Documents and Materials*, Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Doktorov B., Nikulin A. (2020) Teodor Shanin: Peasant studies and Russia. *Russian Peasant Studies*, vol. 5, no 3, pp. 146–172. (In Russ.)
- Fadeeva O. (1997) Historical-sociological studies of rural life in Russia (1990–1995 and 1995–1996). T. Shanin, V. Danilov (Eds.) *Peasant Studies: Theory, History, and the Present Time*, Moscow: MSSSES, pp. 301–315. (In Russ.)
- Fadeeva O. (2015) *Rural Communities and Economic Structures: From Survival to Development*, Novosibirsk: IEIE of SB of RAS. (In Russ.)
- Fadeeva O. (2002) Rural families: Ways of adaptation to the changing economic environment. T. Shanin, A. Nikulin, V. Danilov (Eds.) *Reflexive Peasant Studies: A Decade of Studies of Rural Russia*, Moscow: MSSSES, ROSSPEN, pp. 161–214. (In Russ.)
- Fadeeva O., Bystrov Yu., Zbanatsky O., Sheludkov A. (2021) *Native Lands: Essays on the Transformation of Land Relations in Russia*, Moscow: Khamovniki Foundation for the Support of Social Research; Common Place. (In Russ.)
- Fadeeva O., Nikulin A. (2002) Research and researchers: Ideas, projects, results and people during the 1990–2001 decade. T. Shanin, A. Nikulin, V. Danilov (Eds.) *Reflexive Peasant Studies: A Decade of Studies of Rural Russia*, Moscow: MSSSES, ROSSPEN, pp. 93–114. (In Russ.)
- Geertz C. (1973) *The Interpretation of Cultures*, New York: Basic Books Publishers.
- Kondrashin V. (1997) History of the village of Lokh. T. Shanin, V. Danilov (Eds.) *Peasant Studies: Theory, History, and the Present Time*, Moscow: MSSSES, pp. 176–216. (In Russ.)
- Kondrashin V., Nikulin A. (2021) “If you are engaged in scientific research, you must have courage!”. *Russian Peasant Studies*, vol. 6, no 3, pp. 135–171. (In Russ.)
- Kovalev E., Shteinberg I. (1999) *Qualitative Methods in Field Sociological Research*, Moscow: Logos. (In Russ.)
- Latsis O. (1993) Knights of the long table. *Delo*, no 10–11, p. 11. (In Russ.)
- Lindner P. (2007) Localizing privatization, disconnecting locales — mechanisms of disintegration in post-socialist rural Russia. *Geoforum*, vol. 38, no 3, pp. 494–504.
- Nikolsky S. (Ed.) (1988) *Man and Land: Worldview, Economy, and Social Policy*, Moscow: Agropromizdat. (In Russ.)
- Nikulin A. (2017) An omitted intellectual tradition: The Chaianov school on collective farming. *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*, vol. 65, no 3, pp. 423–444.
- Nikulin A. (2011) From post-kolkhoz to oligarkhoz. *RUDN Journal of Sociology*, no 2, pp. 56–68.
- Nikulin A. (2003) Kuban kolkhoz between a holding and a hacienda: Contradictions of post-Soviet rural development. *Focaal*, no 41, pp. 137–152.
- Nikulin A. (2002) “Krupkhozy” — large farms in contemporary Russia and different ways of rural development. T. Shanin, A. Nikulin, V. Danilov (Eds.) *Reflexive Peasant Studies: A Decade of Studies of Rural Russia*, Moscow: MSSSES, ROSSPEN, pp. 407–419. (In Russ.)
- Passerini L. (1998) Work ideology and consensus under Italian fascism. R. Perks, A. Thomson (Eds.) *The Oral History Reader*, London: Routledge, pp. 53–62.

- Shanin T. (2002) Reflexive sociology and the Russian village. *Reflexive Peasant Studies: A Decade of Studies of Rural Russia*. T. Shanin, A. Nikulin, V. Danilov (Eds.), Moscow: MSSES, ROSSPEN, pp. 9–30. (In Russ.)
- Shanin T. (1985) *Russia as a “Developing Society”: The Roots of Otherness: Russia’s Turn of Century, Vol. 1*. New Haven: Yale University Press.
- Shanin T. (1989) Soviet agriculture and perestroika: Four models. The most urgent task and the furthest shore. *Sociologia Ruralis*, vol. 29, no 1, pp. 7–22.
- Shanin T. (1972) *The Awkward Class. Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia, 1910–1925*. Oxford: Clarendon Press.
- Shanin T. (1998) Methodology of double reflexivity in the study of contemporary Russian villages. *Sociological Journal*, no 3–4, pp. 101–116. (In Russ.)
- Shanin T., Danilov V., Gordon A. (Eds.) (1992) *The Great Stranger: Peasants and Peasant Societies*. Moscow: “Progress-Academy”. (In Russ.)
- Shteinberg I. (2021) “Long Table” Method in Qualitative Field Sociological Research, Moscow: WCIOM. (In Russ.)
- Vinogradsky V. (2017a) Forms of informality: Invisible economy of the peasant house. *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no 2, pp. 101–120. (In Russ.)
- Vinogradsky V. (2017b) Peasants and the Civil War: The discourse of short stories. *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no 4, pp. 70–85. (In Russ.)
- Vinogradsky V. (2017c) “Voices from Below”: Discourses of Rural Everyday Life, Moscow: De-Lo. (In Russ.)
- Vinogradsky V., Vinogradskaya O., Nikulin A., Fadeeva O. (2002a). Life circles of Lyuba Kuranovskaya. *Sociological Studies*, no 11, pp. 100–109. (In Russ.)
- Vinogradsky V., Vinogradskaya O., Nikulin A., Fadeeva O. (2002b). Life of Lyuba Kuranovskaya: Family, household, budget. *Sociological Studies*, no 1, pp. 61–76. (In Russ.)
- Visser O. (2009) Household plots and their symbiosis with large farm enterprises in Russia. M. Spoor (Ed.) *The Political Economy of Rural Livelihoods in Transition Economies: Land, Peasants, and Rural Poverty in Transition*. London: Routledge, pp. 76–98.
- Vorbrugg A. (2019) Not about land, not quite a grab: Dispersed dispossession in rural Russia. *Antipode*, no 51, pp. 1011–1031.
- Voronkov V., Chikadze E. (Eds.) (2009) *To Leave in Order to Stay: Sociologist in the Field*. Saint Petersburg: Aletheia. (In Russ.)
- Yampolskaya S., Salovskaya I. (1990) Manchester school for young sociologists. *Sociological Studies*, no 3, pp. 148–149. (In Russ.)
- Yastrebinskaya G. (2002) Project archives. *Reflexive Peasant Studies: A Decade of Studies of Rural Russia*. T. Shanin, A. Nikulin, V. Danilov (Eds.), Moscow: MSSES, ROSSPEN, pp. 552–561. (In Russ.)
- Zaslavskaya T., Kupriyanova Z. (Eds.) (1987) *Social-Economic Development of the Siberian Village*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.)
- Zaslavskaya T., Ryvkina R. (Eds.) (1980) *Methodology and Techniques for the Systematic Study of the Soviet Village*. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.)

Presnyakov I.
On the “subjective reality” of Teodor Shanin’s peasant projects: Field studies, ‘long table’ method, and Peredelkino (an oral history approach)

О «субъективной реальности» крестьяноведческих проектов Теодора Шанина: экспедиции, длинные столы и Переделкино (устно-исторический подход)

Илья Валерьевич Пресняков, аспирант, Школа исторических исследований, Тель-Авивский университет, корпус Гилмана, Рамат Авив, Тель-Авив, Израиль.
E-mail: presnyakoviliaval@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию «субъективной реальности» участников крестьяноведческих проектов Теодора Шанина. Несмотря на значительное внимание к методологическим, эпистемологическим и эмпирическим аспектам ис-

следований, личный опыт, эмоции и трансформации исследователей остаются недостаточно изучены. Статья восполняет этот пробел, реконструируя субъективные восприятия, впечатления и воспоминания участников проектов на основе устных историй и уже опубликованных источников. Еще одна задача статьи — локализовать субъективную реальность посредством ее связи с Домом творчества «Переделкино», где регулярно собиралась исследовательская команда Шанина. Структурно статья состоит из нескольких частей. Вначале автор кратко описывает констелляцию обстоятельств, позволивших осуществить крестьяноведческие экспедиции. Далее анализируется «субъективная реальность знакомства» участников проектов с Шаниным и его замыслом. Полевой этап проектов рассмотрен через призму погружения исследователей в сельскую среду, их попытки заручиться доверие крестьян и те методологические вызовы, с которыми они столкнулись. Затем автор изучает структуру и функции дискуссий за «длинным столом» в Переделкине и обосновывает их двойную функцию: методологической синхронизации и взаимной психологической поддержки. В завершение показана институционализация субъективной реальности проектов и их влияние на последующие академические и образовательные инициативы участников команды Шанина. По мнению автора, эта субъективная реальность была связана с интеллектуальными и социально-политическими трансформациями 1990-х годов, благодаря чему и сформировалась особая исследовательская культура крестьяноведческих проектов Шанина, в которой осмысление этнографического опыта и методологических подходов сочеталось с личными переживаниями, дружбой и интеллектуальным партнерством.

Ключевые слова: Теодор Шанин, крестьяноведение, субъективная реальность, устная история, метод «длинного стола», Переделкино, Московская высшая школа социальных и экономических наук

В. П. Данилов: научный оппонент «Великого Перелома»¹

С. А. Красильников

Сергей Александрович Красильников, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН. 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8. E-mail: krass49@gmail.com

Аннотация. Прошедший век оставил глубокий след в жизни и судьбе не только отечественного крестьянства как цивилизационной для нашей страны социокультурной общности, но и в деятельности историков, ее изучавших. К их числу, безусловно, необходимо отнести замечательного крестьяноведа Виктора Петровича Данилова. Один из немногих историков советской эпохи, он пользовался заслуженным уважением исследователей по обе стороны границы, доказав своей деятельностью способность создать платформу для их творческого союза в реализации крупных серийных документальных изданий, посвященных драматической истории советского крестьянства в эпоху радикальной этатизации аграрной экономики. Цель статьи заключается в оценке профессионального и личного опыта общения с ученым одного из участников известных даниловских проектов, представителя следующего поколения историков, профессионально выросших за время совместной работы с ним. Рассматриваются некоторые принципы коллективной работы над серийными документальными изданиями, возникавшие в процессе их подготовки трудности и способы их преодоления, позволившие достичь конечных результатов. Отмечено особое место, которое в творчестве ученого занимала разработка проблематики альтернативности в отечественных трансформациях 1920-х годов. Своим последовательным отстаиванием неприятия сталинского решения крестьянского вопроса даниловское наследие служит нравственным вызовом конформизму как одной из распространенных корпоративных болезней историков.

Ключевые слова: крестьяноведение, В. П. Данилов, Н. И. Бухарин, исторические альтернативы, сталинизм, проекты серийных документальных изданий

EDN FSHBKV

Всем, кто трудился рядом с Виктором Петровичем Даниловым, вне зависимости от длительности работы, дорога память о нем, которую каждый из нас несет и сохраняет в себе. Данный текст, ни в коей мере не претендующий на научную объективность, создан историком более младшего, чем Данилов, поколения, которому выпала удача сотрудничать с ним в различных проектах последних пятна-

1. Статья выполнена по теме госзадания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX — начале XXI в.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024- 0005).

дцати лет его жизни. Автор касается только некоторых сторон совместной работы с Виктором Петровичем, не пытаясь дать оценку другим многогранным аспектам деятельности этого исследователя.

Весной 1987 года у нас, новосибирских историков, появилась редкая по тем временам возможность — получить двухмесячную стажировку в профильный Институт истории СССР благодаря действовавшему соглашению по линии «АН — Сибирское отделение» для молодых ученых, которым в основном пользовались представители естественных наук. Но в тот год историкам повезло — появилась небольшая квота с гарантированным поселением на время стажировки в одном из общежитий Академии наук. Так я оказался в Москве, прикрепленным к сектору истории культуры московского института. Опуская чисто рутинные вещи, связанные с работой в архивах и библиотеках (особенно в спецхране Ленинки), я не могу пройти мимо события, о котором в исторических и околоисторических кругах тогда говорили все: усилиями ректора Московского историко-архивного института Юрия Николаевича Афанасьева был организован цикл выступлений перед студентами известных отечественных историков, прежде всего о новых веяниях в науке. Их быстро окрестили «Афанасьевскими чтениями».

Не могу сказать, что я стремился попасть на все мероприятия, но не пропустил выступления трех историков. Двоих из них уже знал лично: историка культуры Юрия Степановича Борисова, из сектора, где я стажировался, и Виталия Семеновича Лельчука, специалиста по истории индустриализации. Третьим был историк-крестьяновед Виктор Петрович Данилов, с которым ранее не приходилось встречаться, т.к. в Новосибирск на конференции он не ездил. Атмосфера на открытых лекциях была нестандартной — народу в относительно небольшой актовом зале старого здания института набивалось столько, что было принято решение устраивать трансляцию для тех, кто не попадал в помещение. Поскольку оно располагалось на первом этаже и стояла теплая погода, то окна оставались открытыми, и можно было, находясь снаружи, тоже что-то услышать. Скопление публики на улице вызывало у проходивших мимо покупателей ГУМа неизменное удивление и интерес — а что же там такое «дают»? А там давали свои открытые лекции историки. Кстати, очень резонансным оказалось выступление Ю. С. Борисова, который, будучи хорошим оратором, назвал к тому же свою лекцию ярко: «Сталин: человек и символ»². Виктор Петро-

2. Сын Ю. С. Борисова вспоминает: «...лекция была прочитана в МГИАИ при первых дуновениях “гласности” и называлась “Сталин: человек и символ”. <...> Объявлений о предстоящей лекции не было нигде, кроме фойе того же МГИАИ, и все же нарядом конной милиции пришлось перегородить Никольскую (тогда еще — улицу 25 Октября) с обеих сторон. Прорываясь сквозь толпу на собственное выступление за полчаса до его начала, он вначале разорвал пиджак, а у самых дверей — в стыч-

вич рассказывал о проблематике коллективизации и судьбах советского крестьянства тоже далеко не «хрестоматийно».

Через некоторое время мы неожиданно пересеклись с Виктором Петровичем не в Институте истории, хотя комнаты культурологов и крестьяноведов были совсем рядом, а на площадке у входа в метро, которая была для сотрудников Института логистической привязкой. Подойдя к нему, я представился как новосибирский историк, проходивший стажировку, но, естественно, поводом все же было выступление Данилова на «Афанасьевских чтениях». У себя в Новосибирском университете я уже читал лекции студентам по истории раннесоветского периода (1920–1930-х гг.), и меня «зацепило» в том самом выступлении Виктора Петровича упоминание о Бухарине как о носителе иной, не сталинской, альтернативы. К тому времени я также уже познакомился с некоторыми работами Бухарина в спецхране. К моему облегчению, Виктор Петрович не «обрезал» вежливо разговор, что вполне могло произойти, но мы условились продолжить общение уже не на ходу. Так оно и случилось. Периодически я встречался с ним в Институте, и у нас складывалось взаимное понимание того, что бухаринская проблематика — одна из ключевых для осмысления природы «Великого Перелома». Словом, Бухарин стал неожиданной, но, как оказалось, органичной «смычкой», мостиком между мной, как историком интеллигенции, и признанным крестьяноведом, положившим начало нашему общению в последующие семнадцать лет. В моем понимании, тогдашнем, да и нынешнем, Бухарин представлял собой яркий тип интеллигента во власти, чем объясняется многое в его поведении как политика, а Виктор Петрович смотрел и оценивал его шире и глубже, не только как политика, но и как символа и носителя типа власти, альтернативного сталинскому.

Если сжато описывать наше сотрудничество в последующие три года в рамках изучения и публикации части бухаринского наследия, то, безусловно, мы ощущали немалую конкуренцию в данной сфере с другими группами историков, и это нас стимулировало на то, чтобы работать качественно. Так, нам удалось осуществить к 100-летию со дня рождения Н. И. Бухарина переиздание его знаменитой статьи «Заметки экономиста» с предисловием под названием «Оппонент “Великого Перелома”» и научными примечаниями к ней в известном журнале «ЭКО», издававшемся на базе Новосибирского института экономики немалым тиражом, более чем в 160 тыс. экземпляров (Данилов, Красильников, 1988: 45–54). Более значи-

С. А. Красильников
В. П. Данилов:
научный оппонент
«Великого Перелома»

ке с милиционерами, не желавшими признавать в нем лектора — потянул половину пуговиц на рубашке — и так потом и читал — в ставшем крошечным переполненном актовом зале. Вместе с большинством, не попавшим в зал, я слушал двухчасовую лекцию и занявшие такое же время ответы на вопросы в коридоре, куда были вынесены динамики» (Борисов, 2000: 14).

тельным по длительности и затратам усилий с нашей стороны стал реализованный спустя два года издательский проект по републикации с примечаниями ряда избранных произведений Бухарина под названием «Путь к социализму», изданный Сибирским отделением издательства «Наука» тиражом в 125,5 тыс. экземпляров (Данилов, Красильников, 1990: V–XXVI). Цифры тиражей приведены здесь вовсе не из тщеславия (пятидесяти–стотысячные тиражи переизданий бухаринских работ считались в то время нормой, учитывая широкий интерес самой разнообразной аудитории), важным было то, что наши «периферийные» издания выдерживали конкуренцию с московскими («Политиздат», «Наука»), очевидно не уступая им в объеме и качестве научных примечаний.

Здесь мне хотелось бы сделать некоторую ремарку. Научное сопровождение при публикации первоисточников (будь то тексты авторов или документы) относится к особому аналитическому жанру. Нередко встречаются чисто формальные примечания (что, где, когда), помещение биосправок на упомянутых в текстах персон и т.д., выполняющие функции скорее технического, нежели содержательного характера. Работая над републикациями бухаринских работ вместе с Виктором Петровичем, я проходил, образно говоря, «курс молодого бойца», приобретая профессиональный опыт, начиная от разметки для примечаний и заканчивая затем наполнением их качественными пояснениями, необходимыми тому читателю, который все же интересуется информацией в примечаниях, расширяющих и восполняющих имеющуюся в самих публикуемых текстах. Данный опыт оказался жизненно важным для следующей стадии нашей совместной с Даниловым работы, занявшей первую половину 1990-х годов. Речь идет о серийном документальном научном издании «Спецпереселенцы в Западной Сибири», хронологически охватывавшем период с 1930 по 1945 год и выходившем с нашими предисловиями четырьмя выпусками в 1992–1996 годах в новосибирских издательствах «Наука» и «ЭКОР» сравнительно небольшими тиражами (1500–2000 экз.) (Данилов, Красильников, 1992: 3–16; 1993: 3–9; 1994: 3–11; 1996: 3–13). Это издание в некоторой степени следует считать одной из экспериментальных площадок, или «точек вызревания» для появления в скором будущем инициированных Виктором Петровичем фундаментальных документальных издательских проектов «Трагедия советской деревни» и «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД».

Несколько пояснений относительно обстоятельств нашей пятилетней работы над «Спецпереселенцами», проходившей совместно с местными и московскими историками и архивистами. Фактически первая половина 1990-х годов являлась временем очень интенсивной разработки совершенно новой для историков-крестьяноведов проблематики *репрессивного раскрестьянивания* (в противовес идеолого-пропагандистскому штампу *раскулачивание*, от которого историки начинали отходить путем его упоминания в публика-

циях в закавыченном виде). Почти синхронно формировались историко-архивные коллективы, выпускавшие документальные издания в трех основных регионах размещения депортированных крестьянских семей: Северный край (Ивницкий, Макуров, 1991), Урал (Алексеев, 1993), Западная Сибирь (Данилов, Красильников, 1992). Обстоятельством, облегчавшим работу над изданиями, являлось то, что уже с конца 1980-х годов региональные государственные архивы начинали рассекречивать свои спецхраны, происходили сдвиги и в бывшем Архиве Октябрьской революции (ЦГАОР, ныне ГА РФ). Осложняющим моментом выступало то, что вплоть до 1992 года партийные архивы стремились сохранять прежние ограничения и режим работы с документами. Впрочем, как становилось ясно исследователям, даже имевшейся в фондах госархивов документации было минимально достаточно для понимания, пусть пока в самых общих чертах, директивных решений, а тем более механизмов реализации их на региональном и местном уровнях. Мной двигал еще и личный мотив (я родился и в детстве рос в глухом таежном спецпереселенческом поселке для лесозаготовителей в Нарымском крае, будучи по материнской линии внуком депортированных). Когда я с 1988 года приступил к архивным поискам причин и корней крестьянской ссылки, то встретил полное понимание со стороны Виктора Петровича, которое стало залогом дальнейшего сотрудничества при разработке данной линии деревенской трагедии на документальных источниках.

На «входе» мы обсудили «матрицу» издания, где структурно потребовалось обозначить трехуровневую директивную вертикаль государственного насилия (Центр — Западносибирский регион — районы размещения репрессированных) и режимную горизонталь (организация комендатур, режим, эксплуатация труда, инфраструктура и повседневность спецпоселений). Данная структура в целом нами воспроизводилась при освещении пятнадцатилетнего периода: с фазы создания крестьянской ссылки до окончания Отечественной войны. Поиски документального соединения упомянутых выше вертикали насилия и горизонтали повседневной режимности комендатур шли одновременно с концептуальным осмыслением новой для отечественного исторического крестьяноведения предметной области, которым не особенно располагали и зарубежные историки. Осмысливая пройденное, как участник поисков, могу заверить, что над нами висело известное проклятие «идти за источниками», то есть не критически воспринимать интенции и логику создателей документов. Особенной магией обладали документы с грифами, и уж тем более сверхдоверием пользовалась статистика охранительных органов, практически не подвергавшаяся сомнению и критике, поскольку, как правило, имела кумулятивный, заверченный вид, а первичные сведения для исследователей оказываются практически недоступными. Методом проб и ошибок мы все же отчасти «оконтурили» проблему, определив ее как осо-

бую, репрессивную разновидность исторического процесса отечественного раскрестьянивания. Это позволило нам подходить к феномену депортированного крестьянства через изучение того, какие черты сохраняли и какие характеристики утрачивали крестьянские семьи в условиях несвободы. В этом вопросе исследователи недалеко продвинулись и сегодня, три десятилетия спустя. В силу характера источников мы фиксировали внутренний мир крестьянских спецпоселений глазами охранителей, однако не преуспели в изучении того, что представлял собой собственно комендантский корпус. Тем не менее к моменту формирования двух инициированных Виктором Петровичем международных проектов по изданию источников, о которых говорилось выше, было очевидным, что тематика репрессивного раскрестьянивания станет в них одним из сквозных и приоритетных направлений благодаря накопленному к тому времени опыту участников проекта, прежде всего самого Виктора Петровича и Николая Алексеевича Ивницкого.

Оба издания («Трагедия» и «Деревня»), реализация которых в общей сложности заняла около десятка лет и работа над которыми осуществлялась при жизни Виктора Петровича практически синхронно, безусловно, следует охарактеризовать как фундаментальные проекты по серийной публикации документов раннесоветской эпохи. Проекты, которые отечественные и зарубежные историки справедливо именуют «даниловскими», еще ждут своей непредвзятой аналитической оценки историографов и источниковедов, на которую не имею права претендовать, поскольку находился внутри рабочего коллектива всех пяти томов «Трагедии» и четвертого тома «Деревни». Мои функции во втором проекте очерчивались обязанностями члена редколлегии томов, одного из составителей и авторов примечаний. Некоторая особенность заключалась в том, что я являлся в проекте представителем провинциальных историков (наряду с В. В. Кондрашиным) среди тех московских историков и архивистов, состав которых определял Виктор Петрович. В летнее время происходили мои протяженностью в месяц поездки в Москву, в ходе которых доводилось интенсивно работать с корпусом документов, отбравшихся для конкретного тома. Просматривая и анализируя «кубокилометры» (как я это в шутку называл) отснятых в базовых архивах ксероксов, я общался с каждым из ответственных редакторов томов (с Виктором Петровичем, Николаем Алексеевичем Ивницким, Ильей Евгеньевичем Зелениным, Юрием Александровичем Мошковым, Робертой Маннинг, Линн Виолой) и ответственными составителями томов. Как одному из составителей мне довелось работать во всех архивах, перечисленных в титулатурах томов, довыявляя недостающие документы, закрывая лакуны, которые обязательно возникали в процессе текущей деятельности у составителей.

Составителям документальных изданий известен непоколебимый принцип, положенный в основу выявления и отбора источ-

ников для последующей публикации: между количеством первоначально выявленных документов и отобранных на «выходе» существует дистанция значительного размера, и на этой практически марафонской дистанции при определении значимости, ценности того или иного источника происходит отсеивание множества документов. По функционалу, который мне отвел в проекте Виктор Петрович, приходилось участвовать на стадиях выявления, и отсеивания документов, занимаясь зачастую именно рутинной работой в проекте, понимая, что «каждый солдат знай свой маневр», зону своей ответственности.

Не могу, да и не вправе, оценивать работу других участников проекта, ответственных редакторов томов или ответственных составителей, в число которых помимо историков входили и архивисты из базовых федеральных архивов, поскольку именно на них ложился основной груз ответственности за каждый том. Если же судить по итогам, то вплоть до преждевременной кончины Виктора Петровича каждый из томов выходил на следующий год после предыдущего. За проект в целом, динамику работы коллектива, ресурсное обеспечение и т.д., безусловно, отвечал он сам, координируя свои действия с соредакторами, зарубежными коллегами, Робертой Маннинг и Линн Виолой. Здесь только отмечу такой, казалось бы, незаметный аспект, следование которому являлось одним из принципов работы всего коллектива. Существовала неформализованная, но важная договоренность о том, что выявленные и включенные в основной корпус для публикации в томах документы не должны были использоваться в той или иной форме (даже в извлечениях или с упоминанием информации из них) редакторами и составителями в своих научных трудах до выхода в свет того или иного тома. Так или иначе, но сам он соблюдал данный принцип жестко и неукоснительно. Перечитывая одну из его публикаций, посвященную альтернативам 1920-х годов (Данилов, 2001: 217–239), я заметил его ремарку, что значительный корпус документов о борьбе в верхнем партийном эшелоне, отраженный в стенограммах пленумов ЦК партии в 1928–1929 годах (вошел в пятитомное издание «Как ломали НЭП»), дает ценную информацию для раскрытия данной проблемы: «Издание вышло в свет после того, как данная статья была написана. *И хотя автор участвовал в подготовке этого издания, использовать публикуемые там материалы не считал возможным*» (курсив мой. — С. К.) (Данилов, 2001: 237).

После ухода из жизни Виктора Петровича весной 2004 года работа над завершением проекта «Трагедии советский деревни» продолжалась сравнительно удачно, и 5-й том в двух книгах, благодаря созданному к тому моменту документальному заделу и практически сохращенному ядру участников проекта (руководство подготовкой кн. 1 возглавлял Виктор Петрович), вышел без особенных задержек. О завершении другого, российско-французского проекта,

посвященного публикации корпуса документов и материалов исключительно чекистского делопроизводства («Советская деревня глазами...») хотелось сказать отдельно. Организационные хлопоты взяли на себя соратники Виктора Петровича: с российской стороны — Юрий Александрович Мошков и с французской — Алексей Берелович. Соответственно, тот и другой пригласили в редколлегию тома Николая Верта и меня. Вместе с уже работавшими в проекте сотрудниками Центрального архива ФСБ мы вчетвером, помимо традиционной редакторской деятельности и написания общего текста введения, участвовали также и в отборе документов и написании примечаний к документам. Организация и принципы работы в данном серийном издании практически не отличались от тех, что были в «Трагедии», да и составители от ЦА ФСБ (Н. М. Перемышленникова и Т. М. Голышкина) также входили в число его участников, поэтому организационных сбоев не происходило, а финансовое обеспечение проекта поддерживалось средствами как со стороны зарубежных организаций из Франции и Швеции, так и с помощью грантов Российского гуманитарного научного фонда (Берелович, Красильников, Мошков, 2012: 12–38).

Пишу об этом потому и для того, чтобы отдать дань памяти недавно ушедшему из жизни замечательному исследователю и соратнику Виктора Петровича — Юрию Александровичу Мошкову, с которым мы познакомились и работали вначале над 4-м томом «Трагедии», где он выступал ответственным редактором тома, а затем именно он инициировал мое участие в завершении проекта «Советская деревня...». Знающие его лучше меня ученики и коллеги по преподаванию на истфаке МГУ скорее всего согласятся с тем наблюдением, что я вынес из общения с ним, — в нем сочетались мягкость, открытость для общения и доброжелательность с громадным чувством собранности и ответственности за все то, за что он брался, не считаясь со своим здоровьем и другими профессиональными нагрузками. Его, наверное, как руководителя проекта отчасти тяготила функция администрирования, необходимость составления отчетной документации для РГНФ (хотя мало кому это нравится), походов по инстанциям и т.д. Но все эти нюансы компенсировались его профессиональным умением работать с источниками и чувствовать необходимость научного подхода к интерпретации содержащейся в них информации, включая и отношение к самоназванию документов тех лет, содержавших терминологию того времени («контрреволюция», «перегибы», «саботаж», «отрицательные проявления» и многое другое).

Работая с чекистской документацией, мы хотели реализовать если не программу-максимум (придать научную интерпретацию самоназваниям документов, не воспроизводя язык их создателей), то осуществить хотя бы программу-минимум (закавычивать одиозную чекистскую фразеологию), как это делалось, пусть и не везде, в издании томов «Трагедии». На завершающем этапе работы с уже

отобранными для публикации документами мы с Юрием Александровичем подготовили, применительно к группе из примерно трети документов (для сотни из трехсот с лишним источников), названия в обоих вариантах, изрядно над этим потрудившись и поломав голову. Однако неожиданно для нас столкнулись с нежеланием архивистов-составителей что-либо менять в алгоритме работы над заголовками («как делали в предыдущих томах, сделаем так же и в этом»). Никакие заранее подготовленные аргументы с нашей стороны не возымели на них действия, и, выйдя после обсуждения, Юрий Александрович, сам огорчившись не меньше меня, резюмировал, что из-за этого расхождения позиций вокруг заглавий документов не должен нарушаться общий ход работы.

Но основная трудность, которая возникала в процессе нашей деятельности, заключалась в определении принципов отбора документов из чекистского делопроизводства, дабы не пересекаться с уже опубликованными источниками в вышедших 4-м и 5-м томах «Трагедии», а взаимодополнять последние. В частности, в 4-м томе с хронологическим охватом 1934–1936 годов они составляли примерно шестую часть издания. При этом по своей функциональной принадлежности они представляли собой в основном циркулировавшую внутри ведомства документацию, которая направлялась от нижестоящих управлений в центральный аппарат, из которого, в свою очередь, спускались директивы (циркуляры, приказы и т.д.) в республиканские и региональные органы НКВД. Направленность нашего отбора для тома «Деревни» состояла в том, что, помимо внутриведомственного документооборота, примерно в том же объеме отбирались и публиковались спецсводки, сообщения и другие материалы, направляемые высшему партийному руководству страны (Сталину и секретарям ЦК), о проведении репрессивных операций, ходе массовых «хозполиткампаний», кадровых «чистках» внутри звеньев колхозно-совхозных структур управления и т.д. Данный принцип позволял соотнести внутриведомственный информационный поток с внешним, шедшим на самый верхний партийный управленческий уровень. И с этой основной задачей мы вместе с основными составителями, пожалуй, справились. Основным мотивом, который нами двигал, было стремление достойно и профессионально завершить даниловский проект, которому Виктор Петрович придавал не менее важное значение, чем «Трагедии».

От работы в указанных проектах остались самые теплые впечатления, чему способствовало крайне редкое стечение сразу нескольких позитивных для профессиональных историков факторов: изменение социально-политических условий для работы после 1991 года; открытие спецхранов в государственных архивах и определенные возможности работы в ведомственных архивохранилищах; возможности создания совместных коллективов отечественных историков и архивистов с учеными других, прежде всего, западных стран; появление грантовой поддержки со стороны различных фондов для

осуществления научных исследований, в том числе в сфере публикаций источников. Внутри коллективов сложилась своего рода особая атмосфера взаимопонимания не только между отечественными и зарубежными коллегами, но и между несколькими поколениями историков, где при признании безусловного авторитета представителей старшей когорты работало на равных наше, среднее поколение. Примечательным было и то, что хотя ядро участников проекта формировалось из классических историков-крайноведов, тем не менее здесь, как в плавильном котле, «переваривались» носители и других субдисциплин, имевшие опыт работы в области политической, экономической, социальной и культурной истории; среди них важную роль играли архивисты, источниковеды. Именно опыт работы с крайноведомы предопределил мою дальнейшую профессионализацию в сфере социальной истории, поскольку очевидно, что изучение всякой значимой социальной общности, будь то крестьяне, рабочие, специалисты, предприниматели и т.д., требует овладения навыками базовых субдисциплин и ориентирования в смежных сферах, необходимых для понимания основ жизнедеятельности этой общности.

В ситуации, когда из жизни ушли в силу возраста представители даниловского поколения, вероятно, допустимо отметить несколько черт характера Виктора Петровича, которые я наблюдал за годы общения с ним. Это — его человеческие качества, проявлявшиеся в его любви и заботе о своей семье, а также в дружбе с теми, кто был рядом с ним в трудные моменты гонений и профессиональной дискриминации, постигших его во второй половине 1960-х и в 1970-е годы. Разрывы с некоторыми из этих людей в 1990-е годы он переживал болезненно. Его не особенно интересовали академические привилегии, и его согласие участвовать в 1990-е годы в выборах в члены РАН было вызвано скорее тем, что его выдвигали. Он был историком с определенными принципами, не только профессиональными, но и этическими. Его позиция в отношении к Сталину и его режиму логически и нравственно вырасталась на почве главного научного интереса его жизни, которым выступало отечественное крестьянство. И столь же логичным для него становились неприятие и жесткая критика политики постсоветских руководителей страны. Конъюнктурность и конформизм были для него неприемлемы, с чем считались и его оппоненты, и коллеги. При этом он в должной мере обладал и договороспособностью, и способностью к компромиссам в рабочих вопросах, иначе не было бы этих, ставших знаменитыми, даниловских документальных проектов, о которых речь шла выше.

Научной школы, в привычном и стандартном для науковедения понимании, у Виктора Петровича не сложилось потому, что в советское время преподавание было для него закрыто по известным причинам, а в 1990-е годы уже пришло время больших проектов, полностью отнимавших и силы, и время. Однако он притяги-

вал к себе более молодых историков и архивистов тем, как работал сам (по принципу «Делай как я»), а именно этому прежде всего и стоило у него поучиться, работая бок о бок с ним. Он умел работать в некомфортных для себя условиях, в том числе связанных с его физическим состоянием (в ходе работы над проектом «Трагедия» он сломал правую руку, однако записанность на несколько месяцев хотя и затрудняла, но не останавливала его деятельность). И здесь я поделюсь одним его личным воспоминанием, прозвучавшим в нашем разговоре, где он коснулся эпизода, случившегося в период апогея кампании по его критике. Он приехал на одно из крупных мероприятий историков-аграрников (кажется, в Вологде) также с травмой руки, но на вокзале никто из оргкомитета не удосужился его встретить, что создало для него определенные трудности, а в ходе самого мероприятия только ленивый в своем выступлении не обходился без критики в адрес Виктора Петровича. Так что, резюмировал он в нашем разговоре о травме, бывали травмы и побольше физических. Хотя он крайне неохотно вспоминал об этом тяжелом для него периоде жизни, но говорил и о тех, кто неожиданно для него проявил сочувствие, упомянув о П. Л. Капце, который не лично, а через посредника, выразил ему поддержку.

Несколько лет мы работали вместе с ним в Экспертной секции РГНФ по проблематике отечественной истории XX в. в памятный и непростой период в становлении самого Фонда. Мне довелось работать там с такими известными историками, как Станислав Васильевич Тютюкин, Валентин Валентинович Шелохаев, Леонид Иосифович Бородин. В процессе обсуждения возникали дискуссии по той или иной проектной заявке, и случалось, что приходилось возвращаться к уже рассмотренным еще раз, чтобы принять окончательное решение. И в то же время существовала договоренность, согласно которой при прочих равных аргументах преимущество мог получить проект из провинции перед московскими и питерскими. Да, в этом был заложен некоторый принцип «выравнивания», чтобы дать шанс реализовать себя проектным командам из других городов. И он на практике оправдывал себя, поскольку в ходе своей реализации проекты из провинции оказывались весьма успешными. Слово и мнение Виктора Петровича в этих обсуждениях имели свой вес, поскольку он практиковал приезды в Фонд для просмотра заявок и первичных экспертиз заранее, до дня проведения заседания секции, что является еще одним свидетельством его ответственности за взятые обязательства эксперта высокого уровня.

Не за все, что ему предлагалось и даже было ему интересно, он брался. Так, с ним в свое время обсуждался проект опубликования документов архивно-следственных дел (АСД), связанных с мифической «Трудовой крестьянской партией» и главными обвиняемыми по нему — Н. Д. Кондратьевым, А. В. Чаяновым и другими учеными, экономистами и аграрниками. Виктор Петрович считал возможным профессионально анализировать абсолютно фальсифи-

цированные протоколы допросов и так называемые признательные показания, которые содержались в этих делах. В наших разговорах на эту тему он апеллировал к неудачному, по его мнению, опыту петербургских историков, предпринявших публикацию АСД по столь же сфальсифицированному «Академическому делу». Тогда я с ним соглашался, однако прошло несколько лет, и мне самому с коллегами довелось готовить документальные публикации по печально знаменитым «вредительским» процессам в серии «Архивы Кремля» — «Шахтинскому» (1928) и «Промпартии» (1930). Здесь важно было найти базовый принцип: с максимально возможной полнотой реконструировать мотивы сталинского руководства и технологии чекистских приемов и методов создания фальсификатов, на основании которых проводились указанные квазисудебные открытые процессы. Насколько нам это удалось — дело критиков.

Завершая свои краткие воспоминания о совместной работе и взаимном дружеском общении с Виктором Петровичем, считаю возможным высказать собственную позицию по проблеме альтернативности происходивших в раннесоветской эпохе процессов и событий, которая представляется важнейшей для понимания этого периода истории. В широком смысле альтернативность (или вариативность) событий выступает атрибутивной, внутренней качественной характеристикой переломных эпох, какой, в частности, являлся для России/СССР период с 1914 по 1930 год. На данном отрезке предметом особого внимания и дискуссий широкого круга исследователей, включающего помимо историков также и экономистов, и социологов, и политологов, был и остается событийный узел конца 1920-х — начала 1930-х годов, когда определялся дальнейший выбор путей развития страны. Виктор Петрович являлся одним из исследователей, обосновывавших существование несталинской альтернативы, которую он обозначал как «бухаринскую». Аргументы приводились им в публичных выступлениях и статьях, важнейшими из которых являются две: первая вышла в свет в сборнике статей «Бухарин: человек, политик, ученый», а вторая, написанная десять лет спустя, была опубликована в сборнике «Этот противоречивый XX век» (Данилов, 1990: 82–130; Данилов, 2001: 217–239). Опуская весь перечень аргументов, мне кажется важным отметить его центральную мысль о том, что установление и упрощение сталинского режима не было неизбежным и объективно предопределенным результатом предшествовавших и последовавших затем событий. В той и другой статьях он утверждал: «За столкновением и борьбой бухаринской и сталинской позиций стояли принципиальные различия в понимании сущности нового строя и путей его организации, а также глубочайшие различия в отношении к целям и средствам, к власти и массам» (Данилов, 1990: 88; Данилов, 2001: 223). Я разделял ранее, разделяю и теперь именно такого рода широкую даниловскую трактовку событий сталинской «революции сверху», предлагающую рассматривать их в координатах

соответствий цели, средств и результатов, где речь идет о динамике разломов цивилизационного характера по осям «город — деревня», «власть — крестьянство».

Сторонники безальтернативности сталинского режима и его политики выступают невольными «пророками назад», ведя отсчет в своих построениях от Второй мировой войны, победный результат которой был обусловлен достижением технико-экономической независимости страны и сформированным мощным оборонным потенциалом в ходе индустриального рывка первых пятилеток. Зная итоги происшедших в стране преобразований, данные исследователи огорчены лишь «издержками» их осуществления в сталинском формате, считая при этом цену, несколько огрубляя, «высокой, но оправданной». Виктор Петрович, напротив, реконструируя «бухаринскую альтернативу», обращал внимание на те предостережения Бухарина о цене цивилизационных «разломов» по оси «власть — крестьянство», которые неизбежно порождал сталинский тезис об «обострении классовой борьбы» по мере строительства нового общества (по Бухарину, оппонировавшему Сталину в 1929 году, «у самых ворот социализма мы, очевидно, должны или открыть гражданскую войну, или подохнуть с голоду»). И не могу не привести даниловский комментарий: «Этот вывод, к сожалению, был пророческим: сталинская “революция сверху” сопровождалась и фактической гражданской войной против крестьянства, и голодом, унесшим миллионы жизней» (Данилов, 1990: 109; Данилов, 2001: 219). Кстати, сам Виктор Петрович в своих публикациях, насколько можно судить, не сопрягал сталинский курс с понятием «модернизация». В современной терминологии здесь речь идет о выборе между накоплением и сбережением унаследованного большевистским режимом человеческого капитала, или превращением последнего в «трудовой расходный ресурс» советской мобилизационной системы.

Оставляя в стороне то, что наработано за постсоветский период в отечественной и зарубежной историографии по проблемам альтернатив применительно к «развилке» конца 1920-х — начала 1930-х годов, поскольку это требует особого анализа, отметим, что, на наш взгляд, все постсоветское даниловское творчество и наследие можно рассматривать как последовательное документирование процесса, отчасти хаотичного, но в целом рукотворного уничтожения того самого потенциала несталинской альтернативы, о которой здесь идет речь. И водораздел между оппонентами Данилова и его сторонниками в данной продолжающейся так или иначе дискуссии состоит не в доказательствах утопичности и нереалистичности бухаринского варианта путей преобразования страны, а скорее в качественной реконструкции того, как последовательно уничтожались ресурсы для его осуществления. В пользу сказанного Виктором Петровичем в исследовательских статьях свидетельствуют документы серийных изданий, куда, помимо поименованных ранее «Трагедии...» и «Советской деревни...», с полным основани-

С. А. Красильников

В. П. Данилов:

научный оппонент «Великого Перелома»

ем необходимо отнести и пятитомное издание стенограмм партийных пленумов 1928–1929 годов «Как ломали НЭП», где он являлся одним из ответственных редакторов, наряду с О. В. Хлевнюком и А. Ю. Ватлиным.

Безусловно, нет необходимости идеализировать Виктора Петровича и считать его непогрешимым и безупречным исследователем и человеком. У всех, кто трудился вместе с ним, есть «свой Данилов». Однако нас, пожалуй, объединит та его характеристика, которую определил с предельной ясностью мой коллега Никита Охотин: «Он являл собой особый и довольно редкий тип историка, которому в истории прежде всего был слышен нравственный императив» (Охотин, 2004).

Библиография

- Алексеев В. В. (ред.) (1993). Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930–1936 гг.). Сб. документов. Екатеринбург: УИФ Наука.
- Борисов А. Ю. (2000). Юрий Степанович Борисов (1928–1998) // Историки России: Послевоенное поколение. М.: АИРО–XX. С. 9–20.
- Берелович А., Красильников С., Мошков Ю. (ред.) (2012). Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. Т. 4. 1935–1939. М.: РОССПЭН.
- Данилов В. П. (1990). «Бухаринская альтернатива» // Бухарин: человек, политик, ученый. М.: Политиздат. С. 82–130.
- Данилов В. П. (2001). К проблеме альтернатив 20-х гг. // Этот противоречивый XX век. М.: РОССПЭН. С. 217–239.
- Данилов В. П., Красильников С. А. (ред.) (1990). Бухарин Н. И. Путь к социализму. Избранные произведения. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение.
- Данилов В. П., Красильников С. А. (1988). Оппонент «Великого Перелома» // ЭКО. № 8. С. 45–54.
- Данилов В. П., Красильников С. А. (ред.) (1992). Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 — весна 1931 г. Сб. документов. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение.
- Данилов В. П., Красильников С. А. (ред.) (1993). Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 г. Сб. документов. Новосибирск: ЭКОР.
- Данилов В. П., Красильников С. А. (ред.) (1994). Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг. Сб. документов. Новосибирск: ЭКОР.
- Данилов В. П., Красильников С. А. (ред.) (1999). Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг. Сб. документов. Новосибирск: ЭКОР.
- Ивницкий Н. А., Макуров В. Г. (ред.) (1991). Из истории раскулачивания в Карелии (1930–1931 гг.) (документы и материалы). Петрозаводск: Карелия.
- Охотин Н. (2004). Памяти Виктора Петровича Данилова // Демоскоп Weekly. № 155–156. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2004/0155/nauka02.php> (дата доступа: 14.10.2024)

V. P. Danilov: Scientific opponent of the “Great Break”

Sergey A. Krasilnikov, DSc (History), Chief Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090, Russia. E-mail: krass49@gmail.com.

Abstract. The past century left a deep mark not only on the life and fate of the Russian peasantry as a civilizational social-cultural community but also on the work of historians who studied it. Among them, one of the most outstanding is Viktor Petrovich Danilov. As a historian of the Soviet era, he enjoyed well-deserved respect and reputation on both sides of the border, having developed a platform for their creative union in two successive documentary works on the tragic history of the Soviet peasantry in the era of etatization of the agrarian economy. The article aims at assessing the professional and personal experience of a participant of the famous Danilov's projects, a representative of the next generation of historians who grew professionally while working with Danilov. The author considers some principles of collective work on serial documentary publications, difficulties of such work and ways to overcome them, which allowed to achieve the final results, focusing on the development of alternativeness in the transformations of the 1920s. Due to its consistent rejection of Stalin's solution to the peasant question, Danilov's legacy serves as a moral challenge to conformism as a widespread historical corporate disease.

Key words: peasant studies, Viktor Petrovich Danilov, N. I. Bukharin, alternative to Stalinism, serial documentary publications

References

- Alekseev V. V. (Ed.). (1993) *Raskulachennye spetspereselentsy na Urale (1930–1936 gg.)*. Sb. dokumentov [Dispossessed Special Settlers in the Urals (1930–1936). Collection of Documents], Ekaterinburg: UIF Nauka.
- Berelovich A., Krasilnikov S., Moshkov Yu. (Eds.). (2012) *Sovetskaya derevnya glazami VChK-OGPU-NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy. T. 4. 1935–1939 gg.* [Soviet Village through the Eyes of the Cheka-OGPU-NKVD. 1918–1939. Documents and Materials. Vol. 4. 1935–1939], Moscow: ROSSPEN.
- Borisov A. Yu. (2000) Yury Stepanovich Borisov (1928–1998). *Istoriki Rossii: Poslevoennoe Pokolenie*, Moscow: AIRO–XX, pp. 9–20.
- Danilov V. P. (1990) “Bukharinskaya alternativa” [“Bukharin's alternative”]. *Bukharin: che-lovek, politik, ucheny*, Moscow: Politizdat, pp. 82–130.
- Danilov V. P. (2001) K probleme alternativ 20-h gg. [On alternatives of the 1920s]. *Etot protivorechivyy XX vek*, Moscow: ROSSPEN, pp. 217–239.
- Danilov V. P., Krasilnikov S. A. (Eds.). (1990) *Bukharin N. I. Put k sotsializmu. Izbrannye proizvedeniya*, Novosibirsk: Nauka.
- Danilov V. P., Krasilnikov S. A. (1988) Opponent “Velikogo Pereloma” [Opponent of the “Great Break”]. *ECO*, no 8, pp. 45–54.
- Danilov V. P., Krasilnikov S. A. (Eds.). (1992) *Spetspereselentsy v Zapadnoi Sibiri. 1930—vesna 1931 g. Sb. dokumentov* [Special Settlers in Western Siberia. 1930—Spring 1931. Collection of Documents], Novosibirsk: Nauka.
- Danilov V. P., Krasilnikov S. A. (Eds.). (1993) *Spetspereselentsy v Zapadnoi Sibiri. Vesna 1931—nachalo 1933 gg. Sb. dokumentov* [Special Settlers in Western Siberia. Spring 1930—Early 1931. Collection of Documents], Novosibirsk: EKOR.
- Danilov V. P., Krasilnikov S. A. (Eds.). (1994) *Spetspereselentsy v Zapadnoi Sibiri. 1933–1938 gg. Sb. dokumentov* [Special Settlers in Western Siberia. 1933–1938. Collection of Documents], Novosibirsk: EKOR.
- Danilov V. P., Krasilnikov S. A. (Eds.). (1999) *Spetspereselentsy v Zapadnoi Sibiri. 1939–1945 gg. Sb. dokumentov* [Special Settlers in Western Siberia. 1939–1945. Collection of Documents], Novosibirsk: EKOR.
- Ivnitsky N. A., Makurov V. G. (Eds.). (1991) *Iz istorii raskulachivaniya v Karelii (1930–1931 gg.) (dokumenty i materialy)* [From History of Dekulakization in Karelia (1930–1931) (Documents and Materials)], Petrozavodsk: Karelia.
- Okhotin N. (2004) Pamyati Viktora Petrovicha Danilova [In memory of Viktor Petrovich Danilov]. *Demoskop Weekly*, no 155–156. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2004/0155/nauka02.php>.

«Как ломали НЭП»: введения к книгам пятитомника как феномен историографии (к 100-летию В. П. Данилова)

М. А. Фельдман

Михаил Аркадьевич Фельдман, доктор исторических наук, профессор, Уральский институт управления — филиал РАНХиГС. 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66. E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Аннотация. Введения к каждой из книг пятитомника «Как ломали НЭП», написанные под руководством выдающегося историка Виктора Петровича Данилова, представляют собой своеобразный феномен историографии: доступность опубликованных пяти томов по истории НЭПа не означает простоты понимания. Сложность восприятия материалов пяти пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 годов усиливается сложностью понимания НЭПа и осознания возможностей нэповской экономики как потенциальной основы для индустриального проекта в СССР. Сбор огромного числа архивных материалов пяти пленумов ЦК ВКП(б), отбор и систематизация документов, формирование справочного материала, подготовка к изданию тысяч страниц текста было первым шагом к научному подвигу Данилова и его более молодых коллег. Понимание Даниловым значимости публикуемых материалов, определение критериев эффективности социально-экономического курса позволило ему выйти на новый уровень осознания НЭПа, прийти к выводу об искусственном характере его слома. Указание Данилова на высокий потенциал НЭПа и его возможности для реализации пятилетних планов определяют место Данилова среди наиболее выдающихся историков России.

Ключевые слова: В. П. Данилов, историография, новая экономическая политика, пятилетний план, индустриализация, коллективизация

EDN FWIWB0

У пятитомника «Как ломали НЭП», вышедшего в 2000 году и доступного в интернет-пространстве, своеобразная судьба: его материалы, будучи фундаментальным источником по истории правящей партии, прежде всего, пяти пленумов ЦК ВКП(б), состоявшихся в 1928–1929 годах, редко используются историками. Выскажу мнение, что это объясняется трудностью разделения и сочетания истории внутрипартийной жизни и истории советского общества. Изучение происходивших на пленумах ЦК ВКП(б) событий осложняется необходимостью не только систематизации выступлений участников по их месту в номенклатурной иерархии, но и в рамках анализа содержания выступлений, учета зависимости выступавших от идеологизации сознания, соотношения сил в конкретный момент, личных связей.

Между тем введения к каждой из книг пятитомника «Как ломали НЭП», написанные под руководством выдающегося историка

В. П. Данилова, остаются своеобразными прожекторами, освещающими дорогу новым поколениям исследователей истории СССР.

Само по себе выявление, отбор и систематизация огромного числа архивных материалов пяти пленумов ЦК, формирование справочного материала, подготовка к изданию — уже подводило итог кропотливой и многосторонней работе Виктора Петровича и его соратников.

Наряду с этим был проведен археографический анализ архивных документов. Рассказывая об этом во введениях к книгам пятитомника, Данилов писал: «Сравнение различных вариантов текстов показало — между вторым (стенограмма с авторскими правками) и третьим (стенографический отчет) вариантами различий практически нет. Таким образом, выбирая в качестве основы для публикации стенографический отчет, мы получаем возможность одновременно опубликовать второй и третий вариант стенограмм. <...> Авторская правка первоначальной стенографической записи в случае с пленумами 1928–1929 гг. была столь значительной, что воспроизвести ее полностью практически невозможно: в этом случае речь может идти только о параллельной публикации текстов. Однако, поскольку авторская правка носила в основном стилистический и грамматический характер, учитывать ее в полной мере нет необходимости. В то же время смысловая правка — дописывание текста или вычеркивания фрагментов, имеющих существенное значение, — учтена полностью. Вновь вписанный текст отмечен подчеркиванием, вычеркнутые фрагменты восстанавливаются в квадратных скобках, выделены слова, подчеркнутые авторами при правке стенограмм» (Данилов, 2000: 13).

Введения передают понимание Даниловым значимости публикуемых материалов: «Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б), особенно 1920-х годов, являются важнейшим источником для исследований политической истории, поскольку стенограммы других руководящих органов партии — Политбюро, Оргбюро, Секретариата, за редким исключением, не велись, дискуссии на пленумах представляют собой один из немногих источников, позволяющих реконструировать позицию различных лидеров партии и ход борьбы в высших эшелонах власти» (Там же: 11–12).

Пристальное изучение стенограмм пленумов 1928–1929 годов позволило Данилову выйти на новый уровень понимания НЭПа: «Явление, традиционно определяемое как “новая экономическая политика”, было в действительности не просто политикой правящей партии, судьба которой решалась в залах партийных заседаний, но особой моделью социально-экономического и политического развития, отличной как от предшествующей военно-мобилизационной системы “военного коммунизма”, так и от последующей сталинской системы, утвердившейся на развалинах НЭПа» (Там же: 5).

Данилов убедительно подчеркивает искусственный характер слома НЭПа. Сложности с хлебозаготовками не носили тупикового характе-

М. А. Фельдман
«Как ломали
НЭП»: введения
к книгам пятитом-
ника как фено-
мен историографии
(к 100-летию
В. П. Данилова)

ра, а завышенные оценки возможностей деревни вытекали из ошибок статистиков, возникавших в силу давления Сталина и его окружения на научное сообщество. «Перед нами типичная для сталинского (и, к сожалению, не только сталинского) руководства манера: созданная искусственно и для решения сиюминутных задач ситуация оказывается препятствием для достижения действительно важных целей» (Там же: 8). В завершении введения к пятитомнику звучали пророческие слова Данилова: «Будучи ценным научным источником, стенограммы пленумов, кроме того, — просто интересное и во многих случаях захватывающее историческое чтение, увлекающее драматизмом и накалом страстей. Чтение, кстати, чрезвычайно поучительное для нашего, в очередной раз “переломного”, настоящего» (Там же: 12).

Глубокий и содержательный комментарий В. П. Данилова и О. В. Хлевнюка во Введении к первому тому пятитомника (Данилов, 2000а), представляющему материалы апрельского 1928 года пленума ЦК ВКП(б), главное внимание уделяет вопросу о хлебозаготовках, а проблему «Шахтинского дела» позиционирует как «кампанию выявления вредительства в промышленности». По мнению историков, «апрельский пленум лишь зафиксировал ключевые проблемы периода, оставляя открытыми разные возможности их решения». Доводы авторов убедительны: «Компромиссность решения апрельского пленума по главному вопросу того времени не отвечала действительному положению в партийных верхах, связывая руки противостоящим направлениям, особенно сталинскому, властвовавшему в аппарате управления» (Там же: 27). Кроме того, осуждение на пленуме чрезвычайных мер в хлебозаготовках соседствовало с решением о необходимости выполнения годового плана, что требовало огромного наращивания темпов заготовок в апреле-июне. Предупреждения о недопустимости «спецедействия» и заявления о продолжении политики сотрудничества с «буржуазными специалистами» обесценивались призывами к повышению бдительности и поискам еще неразоблаченных «вредителей» (Там же: 32).

Признавая справедливость этих суждений, следует заметить: задумка Сталина перебить обсуждение на пленуме вопроса хлебозаготовок материалами «Шахтинского дела» не увенчалась успехом. Приведенная статистика хода хлебозаготовок и информация по тресту «Донуголь», опасения негативной реакции крестьян на «чрезвычайные меры», собственный опыт управленческой деятельности в годы НЭПа подталкивали участников пленума в апреле 1928 года к сдержанной, умеренной позиции. Сказывалось и то, что даже сторонники Сталина далеко не сразу поддержали генсека в его стремлении к расколу коллективного руководства и претензии на единоначалие (Фельдман, 2018). Дискуссии на апрельском 1928 года пленуме ЦК ВКП(б) отразили два достаточно различных подхода к реализации «советского проекта». Чисто внешне пленум проходил в спокойной атмосфере, без взаимных оскорблений и даже резких выражений. В стенограмме часто встречается ремарка «смех». Резолюции плену-

ма нацеливали на *продолжение НЭПа* как наименее конфликтного и наиболее эффективного пути модернизации страны, как, используя выражение Данилова, «единственно реальной политики, направленной на возможно более быстрое развитие разных форм сельской кооперации от первичных форм сбытовых и закупочных до подлинно производственных» (Данилов, 2011: 17).

Введение ко второму тому характеризовало события июльского 1928 года пленума ЦК ВКП(б). Его авторы — В. П. Данилов, А. Ю. Ватлин, О. В. Хлевнюк — отметили, что «период между объединенным пленумом ЦК и ЦКК ВКП(б), состоявшимся в апреле 1928 года, и июльским пленумом ЦК 1928 года был отмечен самым обострением обстановки в стране и наращиванием “чрезвычайной” политики» (Данилов, 2000б: 5).

Внутрипартийная ситуация, по мнению авторского коллектива, характеризовалась, с одной стороны, тем, что «большинство функционеров опасалось новых столкновений в руководстве не только потому, что в стране складывалась критическая ситуация и нарастала угроза режиму в целом, но и потому, что борьба в верхах неизбежно ставила под вопрос политическое будущее самих партийных чиновников. Раскол в верхах означал, что непременно нужно было принимать чью-то сторону, втягиваться в борьбу и рисковать в случае поражения». С другой стороны, «противоборство в Политбюро после апрельского пленума нарастало, охватывая все новые сферы» (Там же: 6).

Авторский коллектив под руководством Данилова отмечал, что логика необходимости сохранения НЭПа еще действовала на членов ЦК и проект резолюции «Политика хлебозаготовок в связи с общим хозяйственным положением», вынесенный Политбюро на рассмотрение июльского пленума партии, формально мог считаться победой группы Рыкова — Бухарина. В ней говорилось об «опасности разрыва между городом и деревней», о том, что индивидуальное хозяйство «значительное время будет еще базой зернового хозяйства в стране», признавались ошибки при проведении хлебозаготовительной кампании 1927/28 года, провозглашалась недопустимость нового применения чрезвычайных мер. Большое значение имел тот факт, что в резолюции содержались конкретные указания: запрещалась «практика обхода дворов, незаконных обысков и всякого рода нарушений революционной законности», закрытие базаров, предусматривалось повышение хлебозаготовительных цен (Там же: 12).

Более того, Данилов и его коллеги подчеркивали, что «председатель Совнаркома (Рыков) фактически дезавуировал многократно повторявшиеся на пленуме заявления о том, что “экстраординарные меры” были необходимы и позволили преодолеть продовольственный кризис зимой 1928 г. Позиция открытой и честной самокритики позволила Рыкову со всей решительностью отвергнуть и осудить попытку сталинистов обосновать правомерность “чрезвычайщины”» (Там же: 16).

М. А. Фельдман
«Как ломали
НЭП»: введения
к книгам пятитом-
ника как фено-
мен историографии
(к 100-летию
В. П. Данилова)

Это действительно был «момент истины», позволявший продолжить курс НЭПа и на его основе провести индустриализацию. Авторы Введения отмечали: резолюции пленума на сохранение НЭПа, прежде всего, установки на подъем мелких и средних индивидуальных крестьянских хозяйств, на широкое использование и развитие товарно-рыночных связей в экономике были поддержаны участниками партийного форума (Там же: 14). Во Введении обращено внимание на раздел доклада М. И. Калинина, значительная часть которого посвящена не совхозам, а крестьянскому хозяйству. «Я остаюсь защитником индивидуального хозяйства», которое, как думал тогда «всесоюзный староста», «еще очень долго будет существовать». Обращаясь к собравшимся, Калинин спрашивал: «...есть у вас боль, когда разрушают хозяйство, не думая о том, как восполнить вот эту производственную часть?» (Там же: 19).

Авторы отмечают гибкость и коварство действий Сталина, сумевшего в своем докладе и осудить чрезвычайные меры, и предложить использовать («в целях индустриализации») «ножницы цен», по сути, троцкистский метод, при котором крестьянство «переплачивает на сравнительно высоких ценах на товары от промышленности» (Там же: 18). Резюмируя, команда Данилова делает глубокий вывод: несмотря на внешне мирное завершение пленума, в недрах Политбюро продолжалась скрытая борьба и подготовка к более решительным открытым столкновениям. Все более очевидной становилась альтернатива Рыкова и Бухарина — вариант осуществления индустриализации страны и социалистического преобразования крестьянской экономики на основе сохранения и развития новой экономической политики (Там же: 22).

Продолжением этой борьбы стал пленум ЦК ВКП(б) в ноябре 1928 года. Введение к третьему тому (тех же авторов) (Данилов, 2000в) фиксирует нарастание скрытого характера внутрипартийной дискуссии: борьба в Политбюро приобрела «позиционный» характер, связанный главным образом с текущими событиями. Помимо осторожности противоборствующих сторон, опасавшихся выглядеть инициаторами раскола, свою роль играло обычное сезонное затишье периода летних отпусков.

Введение к третьему тому содержит тонкое замечание авторов группы Данилова: в ситуации, когда решения июльского 1928 года пленума ЦК на какое-то время лишали сталинское руководство возможности активного использования системы партийных организаций в политике насильственных хлебозаготовок, не позволяли придать «чрезвычайщине» массовый характер, контролируемый Сталиным аппарат ЦК вел целенаправленную кампанию по работе в нужном направлении руководителей республиканских и областных партийных организаций.

Принятые 10 июля 1928 года решения о прекращении «чрезвычайных мер» и исправлении связанных с ними «минусов и ошибок» должны были исключить применение «каких бы то ни было чрезвычай-

чайных мер» в дальнейшем, и тем самым обеспечить восстановление принципов НЭПа не только в отношениях государства с деревней, но и в экономическом развитии страны в целом. Однако практическая реализация принятых решений затягивалась и с самого начала приняла характер словесных деклараций, ограниченных к тому же рамками борьбы с тем, что называлось «перегибами и извращениями». На деле сталинское руководство заняло позицию саботажа принятых решений июльского пленума ЦК — высшего органа партийного руководства в межсъездовские периоды (Там же: 6).

Новым словом в историческом знании стал вывод Данилова и его соавторов о том, что отражением определенного равновесия сил в ЦК и Политбюро стал прецедент трех докладов на пленуме ЦК ВКП(б) в ноябре 1928 года о контрольных цифрах народного хозяйства на 1928/29 год — А. И. Рыкова, Г. М. Кржижановского и В. В. Куйбышева. Без прямой полемики в них излагались позиции противоборствующих сторон (Там же: 19).

Данилов и его соавторы подчеркивают: «Баланс выступлений (на Пленуме) был, безусловно, положительным для сталинской версии и практики индустриализации за счет сельского хозяйства. В этих условиях Сталин мог проявить широту взглядов и представить требования “правых”, включенные в проект резолюции (в так называемые тезисы), частными моментами в единой позиции Политбюро. Общую концепцию индустриализации страны и кооперирования крестьянских хозяйств, выработанную с решающим участием “левых” и “правых”, Сталин в обычной своей манере выдавал за свою программу — единственно правильную и подлежащую немедленному осуществлению» (Там же).

Введение фиксирует и определенный результат такой деятельности: «На ноябрьском пленуме не было выступлений с открытой поддержкой позиции “правых” и критикой сталинской политики, подобных выступлениям В. В. Осинского, Г. Я. Сокольникова, Н. К. Крупской, А. И. Стецкого и ряда других членов ЦК на предыдущем пленуме. Из тех, кто в июле критиковал сталинскую политику, в ноябре не выступал никто» (Там же: 22).

Детализируя эту, безусловно, верную мысль, можно добавить следующее. Наш анализ выступлений участников ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1928 года позволяет сделать вывод об очередном проявлении феномена двойственности большевизма: курс на продолжение эволюционного развития многоукладной экономики в рамках авторитарного государства, отстаиваемый Рыковым и его сторонниками, столкнулся со сталинской линией утверждения жесткой централизации управления и тотальной национализации как организационной и экономической основы тоталитаризма. В труднейшей ситуации ноябрьского пленума, когда разделяющие взгляды Рыкова члены Политбюро Бухарин и Томский уклонились от дискуссии, председатель правительства СССР проявил стойкость и мужество. Победив на апрельском и июльском пленумах ЦК, сто-

М. А. Фельдман

«Как ломали
НЭП»: введения
к книгам пятитом-
ника как фено-
мен историографии
(к 100-летию
В. П. Данилова)

ронники продолжения нэповской политики не проиграли и третье «сражение» в ноябре. И недрогнувший на ноябрьском пленуме Рыков, и пережившие на нем психологический шок Бухарин и Томский отбили попытку контрнаступления Сталина и сталинистов по вопросу о «чрезвычайных мерах» (Фельдман, 2019).

Дискуссия на апрельском 1929 года пленуме ЦК ВКП(б) справедливо названа апогеем споров в партийно-хозяйственной элите СССР о выборе пути, форм и методов социалистической модернизации (Данилов, 2008г: 5). Вводя такой термин — «апогей» — В. П. Данилов, Ю. А. Ватлин и О. В. Хлевнюк имели в виду, прежде всего, окончательную развязку борьбы сталинистов и так называемых «правых». Думается, акцент должен быть сделан не только на этом: проектирование индустриальной динамики в СССР воплотилось в принятии пятилетнего плана, которым было возведено на уровень государственного закона пропорциональное и сбалансированное развитие частного и общественного секторов экономики, увязка регионального и отраслевого потенциалов, подготовка квалифицированных кадров и развитие производительных сил. Первому пятилетнему плану, принятому в мае 1929 года, были присущи черты научности и сбалансированности. «Правым» было что защищать! От леворадикальной ревизии они защищали государственный курс советской страны.

Введение к четвертому тому показывает стремления ряда членов Политбюро ЦК уберечь страну от слома НЭПа. В январе 1929 года инициативу проявил Н. И. Бухарин, выступивший 21 января, в день пятой годовщины смерти Ленина, с докладом «Политическое завещание Ленина» на собрании московского партактива, в присутствии высшего руководства, включая членов Политбюро. Текст доклада печатался всеми центральными газетами. Бухарин говорил о содержании и значении ленинского плана построения социализма в СССР, прежде всего под углом зрения взаимоотношений с крестьянством. Из доклада со всей ясностью следовало, что курс сталинского руководства все больше расходится с «ленинским завещанием». Бухарин фактически предал гласности содержание внутрипартийной борьбы, которое сталинское руководство всеми средствами скрывало (Там же: 6).

Сила логики доклада Бухарина, отмечают Данилов и соавторы, была весьма велика, но она во многом была девальвирована фактом встречи Бухарина и Каменева, а также неоднократными заявлениями Бухарина, Рыкова и Томского об отставке. Кроме того, на пленуме у Сталина имелось гарантированное большинство. Костяк новой партии — «партии Сталина» — составляли партийные руководители с мест, прекрасно знавшие, как легко аппарат ЦК тащует кадры. В его поддержку выступили те, для кого НЭП был отступлением (Там же: 15).

Исключительно важным представляется замечание авторов Введения о том, что в повестке дня пленума значились вопросы пред-

стоявшей Всесоюзной партконференции: о пятилетнем плане развития народного хозяйства, о путях подъема сельского хозяйства и налоговом облегчении середняка, об итогах и ближайших задачах борьбы с бюрократизмом, а также вопрос о чистке партии. Однако на их рассмотрение у участников пленума не хватило ни времени, ни сил — они были перенесены на открывающуюся в тот же день XVI партконференцию (Там же: 16). Внутрипартийная борьба за-слонила обсуждение задач первого пятилетнего плана!

Введение подводит к мысли о том, что Сталин умело использовал политические ошибки «правых», в частности, попытку отставок со своих постов, приведя как сравнительный пример (осужденной в большевистской партии) отставки группы наркомов на следующий день после Октябрьского переворота. Но главное заключалось в том, что Сталин увидел схематичность попыток «правых» объединить научно обоснованный курс XV съезда и волюнтаристскую политику «чрезвычайных мер» в одну «генеральную линию ВКП партии». Резолюции пленума осуждали не только правый уклон, но и ставили трех членов Политбюро на положение изгоев. Категорически (под страхом исключения из партии) запрещались выступления отдельных членов и кандидатов Политбюро, содержащие какие бы то ни было отклонения от линии партии и решений руководящих органов партии.

Введение к пятому тому начинается с яркой характеристики текущего момента внутрипартийной дискуссии: «Политический разгром группы А. И. Рыкова, Н. И. Бухарина, М. П. Томского и их сторонников на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 года в значительной степени развязал руки сталинскому большинству в Политбюро. На XVI конференции ВКП(б) в апреле 1929 года был утвержден вариант пятилетнего плана, предусматривающий увеличение валовой продукции промышленности в 2,8 раза, а группы А в 3,3 раза. Однако буквально через несколько месяцев эти цифры подверглись пересмотру. В июне-ноябре 1929 года Политбюро приняло решения, которые существенно увеличивали задания пятилетки по ключевым отраслям промышленности...» (Данилов, 2000д: 3). Фактически авторы Введения — Данилов и Хлевнюк — открыто заявили: дорога к «плановой вакханалии» была открыта. Раскрывая смысл предупреждения, звучали слова, которые должны знать и наши современники: «Непомерное и бездумное расширение фронта капитальных работ, непосредственно связанное с ним снижение эффективности вложений уже летом 1930 г. привели промышленность к кризису, который стремительно нарастал в последующий период, вплоть до отказа от политики индустриальных скачков. Индустриализация по-сталински, осуществленная в годы первой пятилетки, фактически привела к огромным потерям материальных и человеческих ресурсов» (Данилов, 2000д: 13).

Аналогичным процессом в аграрной политике стала прелюдия коллективизации: по выражению авторов Введения, «новая вол-

М. А. Фельдман

«Как ломали

НЭП»: введения

к книгам пятитом-

ника как фено-

мен историографии

(к 100-летию

В. П. Данилова)

на «чрезвычайщины» на хлебозаготовках в деревне оставила далеко позади первую волну уже в первые месяцы 1929 года» (Там же: 5). Практика применения новых репрессий, получившая у крестьян название «кратирование», открывала новый этап в процессе раскулачивания, начатый с использования 107 статьи УК РСФСР. Ликвидация хозяйств, попавших в разряд кулацких, приняла открытый и законченный характер, поскольку никакое хозяйство не могло выдержать пятикратного изъятия средств, когда и однократное задание для него было непосильным. Следующий шаг в истории раскулачивания состоял в переходе к ликвидации хозяйств, отнесенных к кулацким, без каких-либо дополнительных поводов и мотивов (Там же: 6). И хотя попытка форсирования организации колхозов была предпринята уже весной 1928 года, ее результаты подверглись критике в партийных и государственных документах того времени. Однако партийно-государственный аппарат с каждым днем все больше втягивался в форсирование насильственной коллективизации, не считаясь с возможностями технического и агрикультурного развития, а главное — с готовностью самих крестьян к объединению в коллективном хозяйстве.

Авторы Введения раскрывают тайные мотивы сталинского курса: особое ожесточение, с которым проводились хлебозаготовки и насаждение колхозов летом-осенью 1929 года, определялось не только экономическими потребностями, но и политическими мотивами. Сталину было важно во что бы то ни стало доказать дееспособность избранного курса, переломить ситуацию в деревне (Там же: 8).

Данилов и Хлевнюк обоснованно выводят содержание доклада Г. Н. Каминского на ноябрьском 1929 года пленуме ЦК ВКП(б) «Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства», а также выступления В. М. Молотова, призвавшего к коллективизации основных зерновых районов, из сталинских подходов к решению аграрного вопроса (Там же: 13). По мнению авторов Введения, «немногочисленные и непоследовательные заявления некоторых участников пленума о низком уровне технической базы коллективизации и производительности труда в колхозах, об административном насаждении колхозов и сопровождавшем его массовом забое скота тонули в общем хоре оптимизма и лишь вызывали раздражение» (Там же).

Наш анализ материалов пленума подсказывает некоторое уточнение этого суждения. Для большинства его участников успехи колхозного строительства связывались с еще только предстоящим строительством новых мощных тракторных заводов. Показательно выступление верного сторонника Сталина, первого секретаря Средне-Волжского крайкома ВКП(б) М. М. Хатаевича: «...у нас не созданы еще кадры для работы с машинами». Дополняло картину мнимого «создания условий для форсированной коллективизации» замечание Хатаевича о простое большого количества тракторов из-за отсутствия топлива и его же оценка качества производимой в СССР сельхозтехники: «наша промышленность еще

далеко не подошла к обслуживанию реконструкции сельского хозяйства». Отражая весьма неоднозначное обсуждение на пленуме проблем модернизации сельского хозяйства, резолюция по данному вопросу («Итоги и дальнейшие задачи колхозного строительства») *не содержала никаких конкретных цифр-заданий по темам коллективизации* (Фельдман, 2020).

Но это не меняет правоты Данилова и его коллег: открытое противодействие сталинскому курсу было сломлено. Идеологический «дурман» вошел в сознание партийной верхушки, формируя для одних нормы приспособленчества, а для других — привычку к предательству или покаянию.

Сталинский метод, апробированный на апрельском 1929 года пленуме ЦК ВКП(б) — применение массированного социально-политического обмана, бездоказательных фальсификаций, например, о «создании в последнее время условий, необходимых для массового развития колхозов и совхозов», — демонстрировался вновь в ноябре 1929 года.

Подведем черту. Введения к книгам пятитомника «Как ломали НЭП» представляют собой самостоятельный историографический феномен. Весьма небольшие тексты пяти введений демонстрируют, во-первых, независимость глубины и содержательности текста от количества страниц. Во-вторых, показывают возможность введения выступать и в роли методологического ориентира, и в качестве собственно исторического исследования. В-третьих, В. П. Данилов и его соавторы проявили подлинное мужество, дав принципиальную оценку сталинской волюнтаристской политике, в тот момент, когда в обществе поднималась волна настроений в поддержку сталинских методов управления, мифологизированных за десятилетия советской эпохи. Наконец, заслуживает особого уважения способность участников «даниловской» команды соединить глубокое знание аграрной истории советской деревни с пониманием тенденций развития экономики и социальной истории СССР на рубеже 1920–1930-х годов в целом, как и понимание явного и тайного хода внутрипартийной дискуссии на пространстве пяти пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 годов.

М. А. Фельдман

«Как ломали НЭП»: введения к книгам пятитомника как феномен историографии (к 100-летию В. П. Данилова)

Библиография

- Данилов В. П. (2011). История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. Ч. 1. М.: РОССПЭН.
- Данилов В. П. (2000). Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: исторический источник в контексте эпохи // Как ломали НЭП. Т. 1. Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г. М.: МФД. С. 3–13.
- Данилов В. П., Хлевнюк О. В. (2000а). Введение // Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК и ЦКК ВКП(б) 1928–1929 гг.: в 5-ти т. Т. 1. Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г. М.: МФД. С. 15–33.
- Данилов В. П., Хлевнюк О. В., Ватлин А. Ю. (2000б). Введение // Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК и ЦКК ВКП(б) 1928–1929 гг.: в 5-ти т. Т. 2. Пленум ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 г. М.: МФД. С. 5–25.

- Данилов В. П., Хлевнюк О. В., Ватлин А. Ю. (2000в). Введение // Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК и ЦКК ВКП(б) 1928–1929 гг.: в 5-ти т. Т. 3. Пленум ЦК ВКП(б) 16–24 ноября 1928 г. М.: МФД. С. 5–30.
- Данилов В. П., Хлевнюк О. В., Ватлин А. Ю. (2000г). Введение // Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК и ЦКК ВКП(б) 1928–1929 гг. В 5-ти томах. Т. 4. Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 16–23 апреля 1929 г. М.: МФД. С. 5–18.
- Данилов В. П., Хлевнюк О. В. (2000д). Введение // Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК и ЦКК ВКП(б) 1928–1929 гг.: в 5-ти т. Т. 5. Пленум ЦК ВКП(б) 10–17 ноября 1929 г. М.: МФД. С. 5–17.
- Фельдман М. А. (2018). Единство и борьба противоположностей, или Дискуссия в советской партийно-государственной элите в апреле 1928 г. // Вопросы управления. № 4. С. 23–34.
- Фельдман М. А. (2019). Третье сражение — вопрос о путях социально-экономического развития СССР на ноябрьском (1928) Пленуме ЦК ВКП(б) // Россия и современный мир. № 2. С. 159–177.
- Фельдман М. А. (2020). Пройденный рубеж (обсуждение внутривнутрипартийных и государственных проблем на Пленуме ЦК ВКП(б) 10–17 ноября 1929 г.) // Общественные науки и современность. № 1. С. 102–116.

“How the NEP was broken”: Introductions to the books of the five-volume edition as a historiographic phenomenon (on the 100th anniversary of V. P. Danilov)

Mikhail A. Feldman, DSc (History), Professor, Ural Institute of Management — RANEP Branch. 8 Marta St., 66, Ekaterinburg, 620144, Russia.
E-mail: feldman-mih@yandex.ru

Abstract. Introductions to the books in the five-volume *How the NEP Was Broken*, written under the supervision of the outstanding historian V. P. Danilov, represent a special historiographic phenomenon: the availability of five volumes on the history of the NEP does not mean simplicity of understanding. The difficulty in understanding the materials of five plenums of the Central Committee of the CPSU(b) in 1928–1929 is reinforced by the difficulty in understanding the NEP and the extreme difficulty in realizing the possibilities of the NEP economy as the basis for Soviet industrialization. Collecting a huge number of archival materials about five plenums of the Central Committee of the CPSU(b), selecting and systematizing documents and references, preparing thousands of pages for publication were the first steps towards the scientific feat of Danilov and his younger colleagues, while assessing the importance of published materials and defining criteria for efficiency of the social-economic course allowed Danilov to reach a new level of understanding of the New Economic Policy and to conclude about the artificial nature of abandoning it. Danilov’s argument about the far-from-exhausted potential of the NEP and its possibilities for implementing five-year plans proves Danilov’s place among the most prominent Russian historians.

Key words: Danilov, NEP, collectivization, five-year plan, industrialization

References

- Danilov V. P. (2011) *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye trudy: v 2-h ch.* Ch. 1 [History of Russian Peasantry in the 20th Century. Selected Works in 2 vols. Vol. 1], Moscow: ROSSPEN.
- Danilov V. P. (2000) *Stenogrammy Plenumov TsK VKP(b) 1928–1929 gg.: istorichesky istochnik v kontekste epokhi* [Transcripts of the plenums of the Central Committee of the CPSU(b) in 1928–1929: A historical source in the context of the epoch]. *Kak loma-*

- li nep. T. 1. Ob`edinenny Plenum TsK i TsKK VKP(b) 6–11 aprelya 1928 g., Moscow: MFD, pp. 3–13.
- Danilov V. P., Khlevnyuk O. V. (2000a) Vvedenie [Introduction]. *Kak lomali nep. Stenogrammy plenumov TsK i TsKK VKP(b) 1928–1929 gg.: v 5-ti t. T. 1. Ob`edinenny Plenum TsK i TsKK VKP(b) 6–11 aprelya 1928 g.*, Moscow: MFD, pp. 15–33.
- Danilov V. P., Khlevnyuk O. V., Vatlin A. Yu. (2000b) Vvedenie [Introduction]. *Kak lomali nep. Stenogrammy plenumov TsK i TsKK VKP(b) 1928–1929 gg.: v 5-ti t. T. 2. Plenum TsK VKP(b) 4–12 iyulya 1928 g.*, Moscow: MFD, pp. 5–25.
- Danilov V. P., Khlevnyuk O. V., Vatlin A. Yu. (2000 v) Vvedenie [Introduction]. *Kak lomali nep. Stenogrammy plenumov TsK i TsKK VKP(b) 1928–1929 gg.: v 5-ti t. T. 3. Plenum TsK VKP(b) 16–24 noyabrya 1928 g.*, Moscow: MFD, pp. 5–30.
- Danilov V. P., Khlevnyuk O. V., Vatlin A. Yu. (2000g) Vvedenie [Introduction]. *Kak lomali nep. Stenogrammy plenumov TsK i TsKK VKP(b) 1928–1929 gg. V 5-ti t. T. 4. Ob`edinenny plenum TsK i TsKK VKP(b) 16–23 aprelya 1929 g.*, Moscow: MFD, pp. 5–18.
- Danilov V. P., Khlevnyuk O. V. (2000d) Vvedenie [Introduction]. *Kak lomali nep. Stenogrammy plenumov TsK i TsKK VKP(b) 1928–1929 gg.: v 5-ti t. T. 5. Plenum TsK VKP(b) 10–17 noyabrya 1929 g.*, Moscow: MFD, pp. 5–17.
- Feldman M. A. (2018) Edinstvo i borba protivopozhnostej ili diskussiya v sovetskoj partijno-gosudarstvennoj elite v aprele 1928 g. [Unity and struggle of opposites or a discussion of the Soviet party-state elite in April 1928]. *Voprosy Upravleniya*, no 4, pp. 23–34.
- Feldman M. A. (2019) Tretye srazhenie — vopros o putyakh sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya SSSR na Noyabrskom (1928) Plenum TsK VKP(b) [The third battle — debates about the ways of social-economic development of the USSR at the November (1928) Plenum of the Central Committee of the CPSU(b)]. *Rossiia i Sovremennyy Mir*, no. 2. pp. 159–177.
- Feldman M. A. (2020) Projdenny rubezh (obsuzhdenie vnutripartijnyh i gosudarstvennyh problem na Plenum TsK VKP(b) 10–17 noyabrya 1929 g.) [The passed milestone (discussion of internal party and state problems at the Plenum of the Central Committee of the CPSU(b) on November 10–17, 1929)]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*, no 1, pp. 102–116.

М. А. Фельдман

«Как ломали

НЭП»: введения

к книгам пятитом-

ника как фено-

мен историографии

(к 100-летию

В. П. Данилова)

Образы крестьян на лубках Первой мировой войны¹

Н. В. Михаленко

Наталья Владимировна Михаленко, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. 121069, Москва, ул. Поварская, 25а. E-mail: rinsan-tin@rambler.ru

Аннотация. Агитационно-пропагандистские лубочные картинки Первой мировой войны были призваны поднимать патриотический дух защитников Отечества, восхвалять смекалку, храбрость и находчивость как солдат, так и людей, оставшихся в тылу, создавать образ слабого и неопасного врага. Одним из символов народной войны и на военных картинках XIX, и на лубках XX века был образ крестьянина, чаще всего одетого в красную рубаху, воющего сельскохозяйственными инструментами или способного справиться с супостатом голыми руками. Бравурная подпись, визуальные средства лубка: колористическое и динамическое противопоставление героя и врагов, контраст по величине фигур — подчеркивали мощь и силу крестьянина. Образ воюющей женщины-крестьянки в красном сарафане призван был показать единство народа в противоборстве с врагом, подчеркнуть силу характера русской женщины. Многие образы, сюжетные ходы лубок Первой мировой войны воспринял от картинок Отечественной войны 1812 года, но поскольку в начале XX века в художественной среде интерес к фольклору, народному примитиву был очень высок, сатирические лубки стали своеобразным синтетическим жанром, вобравшим в себя традиционное содержание в новой вербально-визуальной форме.

Ключевые слова: крестьянин, Первая мировая война, Отечественная война 1812 года, собрание Д. А. Ровинского, народные картинки, «Сегодняшний лубок», В. В. Маяковский, К. С. Малевич

EDN IEGIBS

Лубок Первой мировой войны следовал традиции батальных народных картинок Отечественной войны 1812 года, Русско-японской войны, которые сопровождали военные действия, поддерживали боевой дух солдат, показывали врага слабым и поверженным, высмеивали его действия. Лубки служили эмоциональной газетой, в которой в предельно лаконичной, бравурной форме отражались важнейшие события на фронтах. На лубках Первой мировой войны часто встречаются образы крестьян и крестьянок, наряду с солдатами они ведут войну, причем часто сельскохозяйственными инструментами, не покидая своих полей и угодий.

-
1. Статья подготовлена в ИМЛИ РАН при поддержке Российского научного фонда, № 23-28-01239 «От факта к художественному образу — осмысление Первой мировой войны в творчестве прозаиков и поэтов — А. Н. Толстого, Н. С. Гумилева, С. А. Есенина, В. В. Маяковского, И. Э. Бабеля».

Русский мужик в красной рубаше — важный персонаж лубков Первой мировой войны «А нашего-то полку прибыло» (Петроград, издание В. Т., хромофотография А. Ф. Александра, 1914), «Городки» (Москва, издание торгового дома Барнета, 1914), «Европейские воры, пойманные с поличными» (Москва, издание типолитографии торгового дома А. В. Крылова и К°, 1914), «Подошел колбасник к Лодзи» (Москва, типолитография С. М. Мухарского, издательство «Сегодняшний лубок»). Воюющий крестьянин как аналог богатыря олицетворял природную, древнюю силу, которую дает родная земля, воспринимался как символ народной, освободительной войны.

Лубок начала XX века во многом опирался на традицию народных картинок 1812 года, здесь повторялись многие сюжетные ходы, герои во многом преемственны. Сюжетное разнообразие лубков XIX века, вероятно, связано с общим восприятием войны, характером происходивших событий. Победоносная и освободительная война 1812 года давала большее разнообразие для осмысления действий противоборствующих сторон, восхваления героев Отечества, высмеивания неудач вражеской армии, чем многолетняя Первая мировая война, завершившаяся сепаратным Брестским миром.

Можно выделить несколько центральных сюжетов, связанных с интерпретацией образов крестьян, которые были распространены как в 1812, так и в 1914–1918 годах: победа над превосходящим врагом голыми руками или сельскохозяйственными орудиями, война как фольклорная игра, забава, женщина-крестьянка на войне.

На лубке Отечественной войны 1812 года «Русской ратник Иван Гвоздила» (Ровинский, 1900: 51) крестьянин с легкостью расправляется с врагом, причем для победы над ним ему даже не надо стрелять из имеющегося у него ружья — он бьет француза прикладом («Вишь очнется Басурман, / Не вдавайся брат в обман. / Што, Мусь! Кувыркнулся, / Раз, два, три ась? Не прибавить ли Мусь»). В лубке «Бронницкий крестьянин Сила сталкивает французского мародера в реку» (Ровинский, 1900: 52) изображен крестьянин с поднятым топором, он держит француза над обрывом — враг уже потерял равновесие, если бы русский мужик не держал его за руку, он бы упал в воду. У француза в руке обнаженная сабля, но оружие уже не может ему помочь: «Пришел ты не спросясь броду, хлеба просить, / Полезай же ты басурманин в воду рыбу ловить». В лубке «Русский Геркулес» (Ровинский, 1900: 45) защитник Отечества легко справился с целым отрядом французов. Его фигура гиперболически увеличена, он без оружия, играючи расправляется с врагами, которые похожи на марионеток. Они не могут оказать ему никакого сопротивления: «Русский Геркулес / Загнал французов в лес / И давил, как мух».

В начале XX века интерес к национальному искусству, синтетическому народному примитиву был характерен для многих художников. Во второй половине 1910-х годов появились «крестьянские картины» Н. С. Гончаровой, вслед за этим крестьянские циклы К. С. Малевича. Как отмечала Е. Ю. Инышакова, «...к 1910 году

примитивизм в русской живописи оформляется в единое движение, в котором участвуют также И. Машков, П. Кончаловский, А. Лентулов. <...> наибольшую притягательность для них представляла собой народная картинка, которая являлась неким образцом “синтетического” искусства, в поиске которого и развивались концепции художников, поэтов и теоретиков русского авангарда» (Иньшакова, 2016: 99–100).

События Первой мировой войны актуализировали агитационно-пропагандистский жанр лубков, герои прежних эпох стали вновь востребованными. Одной из самых интересных серий была работа художников московского издательства «Сегодняшний лубок» (Г. Б. Городецкого), типографии С. М. Мухарского — В. В. Маяковского, К. С. Малевича, Д. Д. Бурлюка, В. Н. Чекрыгина, И. И. Машкова, А. В. Лентулова. В августе–ноябре 1914 года они выпустили серию цветных лубков — карикатурных плакатов и открыток, иллюстрирующих стихотворные тексты В. В. Маяковского. Свои работы художники выполняли не в индивидуальной манере, а в коллективном стиле, вследствие чего их лубки были легко узнаваемы. Картинки «Сегодняшнего лубка» следовали традиции, можно провести параллели с лубками XVII–XIX веков, с военной графикой Отечественной войны 1812 года, Первой мировой и Русско-японской войн, но в них нашли отражение и художественные искания их создателей: «Обращение к этому жанру профессиональных художников наложило определенный отпечаток на лубочную серию: она представляет собой не собственно примитив, а некую стилизацию под него, близкую по своему характеру к карикатуре» (Иньшакова, 2016: 101).

Весь блок материалов издательства «Сегодняшний лубок» можно условно разделить на две части: лубки, посвященные какому-либо одному сюжету, и лубки, содержащие в себе несколько кадров, последовательно рассказывающих о военном событии.

В картинках «Сегодняшнего лубка» русский мужик в красной рубахе с цепом в руке расправляется с полчищами немцев: «Ну и треск же, ну и гром же / Был от немцев подле Ломжи!» (Маяковский, 1955: 358). Его война — обычная трудовая страда, привычная и не доставляющая трудностей. Он одет в красную рубаху, синие штаны, ноги его обмотаны белыми онучами (вероятно, это сочетание цветов — отсылка к флагу Российской империи). Немцы, как снопы, падают на землю, поверженные. Они прорисованы очень схематично, нельзя различить выражений их лиц. И сам герой прорисован довольно условно: главное, что подчеркнуто в его облике, — динамика его действия. Яркие красные и синие цвета его одежды контрастируют с грязно-желтым цветом немецкой формы. Этот лубок яркий, бравурный, победу крестьянина он изображает как праздник. Иньшакова писала: «Авангардисты попытались воссоздать именно традицию классического русского лубка с его повествовательностью, временной последовательностью и неким праздничным карнавальным маскарадом» (Иньшакова, 2016: 104).

Мужик в национальной одежде на лубке «Подошел колбасник к Лодзи...» сначала приветственно машет шляпой боящимся его отрядам немцев, а потом уходит к линии горизонта, где изображен белый город. После него остаются лишь поверженные враги. Вероятно, только их предводитель может с трудом унести ноги. В этом лубке Маяковский использовал элементы драматизации, привел реплики врагов и героя для создания своеобразного диалога, характерного для песенного фольклора: «Подошел колбасник к Лодзи, / Мы сказали: “Пан добродзи!”» (Маяковский, 1955: 357).

Нередко лубок, где изображались крестьяне, переосмысливал фольклорные игры и забавы, изображая войну легкой, а ее героев богатырями, которые без особых усилий расправляются с противником.

Так, на лубке «А нашего-то полку прибыло. / Ой Дид ладо прибыло / А нашего-то полку убыло / Ой Дид ладо убыло» (Петроград, Издание В. Т. Хромолиитография А. Ф. Александра, 1914; Лубочная картинка, 2005: 4) две противоборствующие армии представлены как участники хороводной игры, которые, выстроившись шеренгами друг напротив друга, сходятся и расходятся, исполняя запевы. Шеренга, в центре которой изображен крестьянин в красной рубахе, более многочисленная и веселая, чем та, в которой представлены кайзер Германской империи Вильгельм и император Австрии Франц Иосиф, опирающийся на костыль. Фигура крестьянина заливчатая, он выделяется из всех персонажей на картинке, ведет символическую шеренгу Антанты.

Игра в городки была переосмыслена на одноименном лубке («Городки», Москва, Издание торгового дома Барнета, 1914; Лубочная картинка, 2016: 27). Там тот же крестьянин в красной, нарядно вышитой рубахе замахнулся битой, готовясь играючи сшибить еще стоящие столбики «Берлин», «Вена», «Краков», ему уже удалось повалить на землю столбики «Пржмысль» и «Львов». Он уверен в своей силе и удали, его фигура занимает всю вертикаль листа — от земли до неба: «Развернись, богатырь, во всю мочь, во всю ширь, — / Не смотри, что они далеки... / Вера в дело крепка и могуча рука, — / Будут все, все твои “городки”».

С началом военных событий и мобилизацией плаката на обслуживание социальной, политической сферы на плакатах появлялись образы сильных женщин, часто крестьянок, под стать русскому герою-богатырю.

Еще в собрании лубков Д. А. Ровинского (Ровинский, 1900), картинки из которого широко тиражировались во время Первой мировой войны, воплотились образы женщин, способных оказать сопротивление даже солдатам вражеской армии. В картинке времен войны с Наполеоном «Французы голодные крысы, в команде у старостиhi Василисы» (Ровинский, 1900: 57) отряд русских женщин на лошадях и с косами захватил французов — причем это не простые солдаты, а драгун и офицер, вид у них изрядно потрепанный. В лубке «Если

французы не скакали / Так как крысы, то не попали бы в мышеловку / К Василисе» (Ровинский, 1900: 57) русская женщина захватила в плен и заперла в избе нескольких французов. В руках у нее нет оружия — только кочерга. Она с легкостью закрывает дверь, из которой пытается вырваться один из врагов. Картинка прославляет смекалку и отвагу русской женщины: трое французских солдат одурачены ею.

Лубки показывали, что женщина в отсутствие мужа, защитника способна противостоять и мародерам, стремящимся разорить ее хозяйство. Картинка из собрания Ровинского времен Отечественной войны 1812 года была адаптирована к новым реалиям — французский мародер, похищающий птицу у крестьянки, в лубке 1914 года заменен на немецкого мародера. Русская женщина гонится за ним с ухватом, борется с врагом.

Гиперболизация силы женщины, ее способности победить даже самую современную технику, также воплотилась в лубках. На картинке «Баба тоже не чурбан — может взять аэроплан» (Москва, Издание литографии Товарищества И. Д. Сытина, 1914; Лубочная картинка, 2005: 9) женщины, работавшие на полях, с вилами и граблями захватили в плен австрийских летчиков, несмотря на то что у солдат были револьверы. В ярких национальных костюмах босые женщины расправляются с вооруженными врагами. На их подвиг из травы и из-за забора смотрят дети — настолько не страшна русским военная мощь австрийцев. Бравурное название листа подчеркивает удачу и смекалку русской женщины. А более обстоятельная подпись под листом сообщает следующие детали: «Напрасно угрожали австрийцы револьверами, даже произвели несколько выстрелов; храбрые этого нисколько не устрашили, а продолжали наступать и, наконец, осилили неприятеля, задержали его, а сами за это время отрядили одну из баб за помощью. Скоро прискакали стражники и арестовали неприятеля».

Интерпретируют такой сюжет и лубки Первой мировой войны. В них уже прославляется не только ум и находчивость русской женщины, но и ее сила. В картинке «Сегодняшнего лубка» (1914) (автор текста В. В. Маяковский) «Пруссаков у нас и бабы / Истреблять куда не слабы» (Маяковский, 1955: 357) изображена женщина крепкого телосложения, она занята уборкой избы, смахивает прутиками пруссаков — немцев. Схватив одного из них, она не может его разглядеть, настолько он мал, и подносит его к глазам. Такая «уборка» не трудна ей — ее движения привычны, она занята обыденным делом. На тематически близкой картинке «Не жалей Ванюха ног...» (Москва, Издание литографии Торгового дома А. П. Коркина, А. В. Бейдемана, 1914; Лубочная картинка, 2005: 57) нарисованы русский солдат и его супруга, которые без всяких хлопот расправляются с пруссаками, они действуют легко и слаженно (сравнение немцев с тараканами было распространенным во время войны): «Не жалей Ванюха ног, / Двинь по таракану. / Я ж персидским порошком / Посыпать их стану. / Брось Матреха все сум-

ленья, / У Российских казаков / Есть такое положенье / Каблуком бить пруссаков». Супруга солдата изображена равной ему, готовой так же, как и он, смело расправляться с врагом.

В коллекции картинок «Сегодняшнего лубка» женщина-крестьянка в красном сарафане воплощает собой образ воюющей Родины, символизирует силу матери-земли, которая способна сокрушить супостата. На лубке «Шел австриец в Радзивилы, / Да попал на бабы вилы» (1914; Маяковский, 1955: 355) фигура крестьянки занимает все пространство картинки — от неба до земли, она с хохотом поднимает на вилы маленькую фигурку немца. Остальные враги предусмотрительно укрылись за холмом. Немец, который был вооружен штыком, абсолютно беспомощен против этой бабы. Несмотря на то что она воюет с помощью сельскохозяйственного инструмента, она сокрушает войско неприятелей.

О таком женском образе писал Маяковский в статье «Штатская шрапнель (“Вравшим кистью”）」, говоря, что художники традиционными приемами и красками не способны изобразить войну: «А теперь попробуйте-ка вашей серой могильной палитрой, годной только для писания портретов мокриц и улиток, написать красноречую красавицу войну в платье кроваво-ярком, как желание побить немцев, с солнцами глаз прожекторов» (Маяковский, 1955а: 309). Изображенная на лубке баба соответствует фольклорному представлению об идеале женской красоты — у нее полные плечи, округлое лицо с пухлыми щеками, прямым носиком, соболиными бровями.

Агитационные, политические задачи военных лубков Первой мировой войны диктовали тематические и образные особенности текстов и изображений. Лубок призывал солдат бороться до победы, осознавать свою силу. Картинки с изображением воюющей женщины должны были подчеркнуть силу праведной борьбы, слабость врага, возможность его одолеть, проявить в этой борьбе свои лучшие качества. Картинки не передавали фактической информации о произошедших сражениях, не были хроникой или историческим свидетельством совершающихся событий, но они давали представление об общественно-политическом образе воюющей страны, были важны в культурологическом и искусствоведческом плане.

Библиография

- Иньшакова Е. Ю. (2016). Листы издательства «Сегодняшний лубок» в художественном контексте 1910-х годов // Пятнами красок, звоном лозунгов...: книжно-плакатное творчество Маяковского / Сост., отв. ред. В. Н. Терехина. М., СПб.: Нестор-История. С. 99-106.
- Лубочная картинка (2005). Лубочная картинка и плакат периода Первой мировой войны 1914–1918 гг. (часть II). Иллюстрированный каталог. М.: Издательский дом Латерна.
- Маяковский В. В. (1955). Тексты для издательства «Сегодняшний лубок» // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 1. Стихотворения, трагедия, поэмы и статьи

- 1912–1917 годов / Подгот. текста и примеч. В. А. Катаняна. М.: Гос. изд-во худож. литературы. С. 355–364.
- Маяковский В. В. (1955а). Штатская шрапнель: Вравшим кистью // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 1. Стихотворения, трагедия, поэмы и статьи 191–1917 годов / Подгот. текста и примеч. В. А. Катаняна. М.: Гос. изд-во худож. литературы. С. 308–310.
- Ровинский Д. А. (1900). Русские народные картинки: В 5 т. СПб.: издание Р. Голике. Т. 2.

Images of peasants in the cheap popular prints of the World War I

Natalia V. Mikhaleenko, PhD (Philology), Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. Povarskaya St., 25a, Moscow, 121069, Russia. E-mail: rinsan-tin@rambler.ru

Abstract. Propaganda cheap popular prints of the World War I were designed to raise the patriotic spirit of the defenders of the Fatherland, to praise the ingenuity, bravery and resourcefulness of both soldiers and people in the rear, to create an image of the weak and harmless enemy. One of the symbols of the people's war in both military pictures of the 19th century and in popular prints of the 20th century was the peasant, most often in a red shirt, fighting an enemy with agricultural implements or with bare hands. The bravura signature and visual means of popular prints — the coloristic and dynamic juxtaposition of the hero and enemies, the contrast in size of figures — emphasized the power and strength of the peasant. The image of the peasant woman in a sarafan at war was intended to show the unity of the people fighting the enemy and to emphasize the strong character of the Russian woman. Popular prints of the World War I took many images and plot moves from the pictures of the Patriotic War of 1812; since in the early 20th century, in the artistic environment, interest in folklore and folk art was very high, satirical popular prints became a kind of synthetic genre that absorbed traditional content in new verbal and visual forms.

Key words: peasants, World War I, Patriotic War of 1812, collection of D. A. Rovinsky, folk pictures, "Today's Lubok", V. V. Mayakovsky, K. S. Malevich

References

- Inshakova E. Yu. (2016) Listy izdatelstva "Segodnjashny lubok v khudozhestvennom kontekste 1910-h godov [Leaflets of the Publishing House "Today's Lubok" in the artistic context of the 1910s.]. *Pjathami krasok, zvonom lozungov...: knizhno-plakatnoe tvorchestvo Mayakovskogo*, comp. and ed. by V. N. Terekhina, Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istorija, pp. 99–106.
- Lubochnaja kartinka (2005) *Lubochnaja kartinka i plakat perioda Pervoj mirovoj vojny 1914–1918 gg. (chast II). Illjustrirovanny katalog* [Cheap Popular Prints and Posters of the World War I (1914–1918) (Part II). Illustrated Catalog], Moscow: Izd. Dom "Laterna".
- Mayakovsky V. V. (1955) Teksty dlja izdatelstva "Segodnjashny lubok" [Texts for the Publishing House "Today's Lubok"], *Polnoe sobranie sochinenij: b 13 t. T. 1. Stikhotvoreniya, tragedija, poemy i statyi 1912–1917 godov*, comp. and comm. by V. A. Katanyan, Moscow: Gosizdat, pp. 355–364.
- Mayakovsky V. V. (1955a) Shtatskaja shrapnel: Vravshim kistyu [Civilian shrapnel: Lying with a brush]. *Polnoe sobranie sochinenij: v 13 t. T. 1. Stikhotvoreniya, tragedija, poemy i statyi 1912–1917 godov*, comp. and comm. by V. A. Katanyan, Moscow: Gosizdat, pp. 308–310.
- Rovinsky D. A. (1900) *Russkie narodnye kartinki* [Russian Popular Prints]: v 5 t., Saint Petersburg: Izdanie R. Golike, vol. 2.

Государственная социальная политика в отношении инвалидов и пожилых людей в сельской местности РСФСР в 1920–1930-х годах: оригинальные идеи и повседневные практики

А. С. Ковалев

*Александр Сергеевич Ковалев, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций, Сибирский федеральный университет. 660041, Красноярск, проспект Свободный, 79
E-mail: office@sfu-kras.ru, alexkovaleff@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются основные принципы социальной политики Советского государства в отношении нетрудоспособных крестьян в 1920–1930-е годы. Инвалиды сельской местности были наименее защищенной категорией граждан. Приоритетным правом на социальную помощь от государства пользовались городские нетрудоспособные, а «инвалиды крестьянского труда» обеспечивались по остаточному принципу. Ведущим субъектом социальной политики в деревне были крестьянские комитеты взаимопомощи (ККОВы, кресткомы), существовавшие с 1921 по 1930 год. Именно на них в первую очередь была возложена задача оказания социальной поддержки нетрудоспособным жителям деревни. С одной стороны, крестьяне с инвалидностью были обеспечены теми же видами социальной помощи, что инвалиды в городе: пенсионное обеспечение, разовая материальная и натуральная помощь, протезирование, трудоустройство. Однако в ходе реализации мер социальной направленности крестьяне-инвалиды и пожилые люди сталкивались с проявлениями классовой, социальной и возрастной дискриминации. Помимо реальных практик социальной помощи в 1920–1930-х годах возникало множество различных проектов по улучшению социального функционирования нетрудоспособных лиц сельской местности. Однако все оригинальные идеи заключались в том, чтобы продолжать использовать остаточную трудоспособность инвалидов и стариков, в том числе в колхозах. С началом коллективизации в деревне вместо кресткомов стали действовать кассы взаимопомощи, а социальное обеспечение инвалидов и стариков было возложено на работающее население самих колхозов, в которые они вошли. Отсутствие достаточных финансовых средств для содержания инвалидов и стариков в колхозах привело к тому, что их также стали привлекать к труду, но при этом их физическое состояние не учитывалось. По итогам исследования сделан вывод о низкой эффективности реализуемых мер государственной социальной политики и степени удовлетворения реальных потребностей инвалидов и стариков в деревне.

Ключевые слова: кресткомы, колхозы, крестьяне, нетрудоспособность, пенсионное обеспечение, протезирование, трудоустройство

EDN JXVRCF

8 декабря 1921 года Декрет СНК РСФСР «О социальном обеспечении инвалидов»¹ положил начало новой государственной социальной политике в отношении нетрудоспособного населения в России. Однако в соответствии с принципами пролетарской идеологии действие этого правового акта распространялось только на городских рабочих. «Инвалиды крестьянского труда», как их именovala новая власть, фактически остались за бортом социального обеспечения.

Вопросы истории государственной социальной политики 1920–1930-х годов в отношении нетрудоспособных рабочих получили достаточное освещение в современной отечественной историографии (Амирханова, 2018; Борисова, 2022; Глазунова, 2021; Колесникова, 2015; Нагорнова, Макарова, 2014; Огнев, Шарифулина, 2021; Панин, 2019; Салказанов, Кесаева, 2016; Семенова, 2022), но всего несколько исследователей предпринимают попытки изучать особенности социального обеспечения в отношении инвалидов и пожилых людей из сельской местности (Бондарев, Самсоненко, 2010; Ковалев, 2021; Ковалев, 2022; Самсоненко, 2010; Самсоненко, 2011; Скорик, Самсоненко, 2010). При этом следует признать, что за исключением Т. А. Самсоненко, изучавшей реализацию социальной политики в колхозах на Юге России, никто из исследователей не пытался комплексно подойти к этому вопросу. Цель настоящей статьи — дополнить российскую историографию проблемы государственной социальной политики в отношении инвалидов в сельской местности в РСФСР в 1920–1930-х годах с опорой на опубликованные и неопубликованные источники.

Социальный статус нетрудоспособных крестьян и становление общественной взаимопомощи в советской деревне 1920-х годов

Прежде чем начать анализ самой государственной социальной политики в отношении нетрудоспособных крестьян, следует рассмотреть вопрос о том, кто вообще из них имел право на помощь. Как пишут исследователи на примере Юга России, уже к 1923 году в сельской местности появились «маломочные», «имущие» и «неимущие» инвалиды. К «маломочным» относились инвалиды, «имевшие одну хату и одну корову»; «имевшие одну хату, одну лошадь и одну корову»; «хату, корову, овцу». От них практически не отличались «имущие» — обладатели «живого и мертвого инвентаря». «Неимущими» были граждане «с одной хатой», «хатой или коровой», «съемной квартирой и иногда коровой». Пособия для всех категорий не имели четких границ и включали в себя «муку, цельное

1. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1921 г. / Упр. делами Совнаркома СССР. М., 1944. Ст. 672. С. 1091–1093.

зерно, до 10 руб. денег, одежду, земельные орудия» (Кринко, Тажи-динова, Хлынина, 2011: 290).

Для оказания поддержки экономически слабым крестьянам в сельской местности 14 мая 1921 года декретом СНК РСФСР были образованы крестьянские комитеты общественной взаимопомощи (далее — ККОВы, кресткомы). Смысл их создания был предельно прост — перенести на самих крестьян решение проблем их социального обеспечения. Так, запись в дневнике столяра и стекольщика, волостного организатора, комсомольца из Бийского уезда Томской губернии Константина Измайлова сообщает: «20 мая 1923 года был организован волостной комитет взаимопомощи, состоявший из четырех человек. Он занимался в основном обеспечением семей красноармейцев, инвалидов, вдов и сирот»².

После ликвидации последствий голода Советское государство стало рассматривать кресткомы как средство «восстановления крестьянских хозяйств». 25 сентября 1924 года декрет ВЦИК и СНК РСФСР утвердил «Положение о крестьянских обществах взаимопомощи», которые действовали на началах самостоятельности крестьянского населения и должны были учреждаться постановлением общего схода всех граждан села, обладающих избирательным правом.

Кресткомы были самостоятельными организациями, они получили право приобретать в собственность и дальнейшее пользование имущество, получать в пользование и снимать в аренду земельные участки и предприятия, заключать займы и вообще всякого рода сделки, принимать пожертвования, закладывать и отчуждать имущество, несли ответственность по всем долгам.

Основной функцией кресткомов была организация и проведение мер по социальному обеспечению в деревне, оказание всех видов помощи нуждающемуся населению, в том числе инвалидам: денежной, путем выдачи ссуд и пособий; натуральной, путем снабжения инвентарем, предоставления его во временное пользование, выдачи семян и удобрений, ходатайством льготного отпуска строевого леса и других материалов; трудовой помощи, оказываемой «рабочими руками, субботниками и воскресниками при засеве полей, снятии урожая, при постройках и т.п.»; правовой (юридической), обеспечивавшей предоставление установленных законом льгот и «защиту от эксплуатации кулаками»³.

В советской деревне 1920-х годов, с одной стороны, по-прежнему преобладали элементы общинной помощи, известной чуть ли не ты-

А. С. Ковалев

Государственная социальная политика в отношении инвалидов и пожилых людей в сельской местности РСФСР в 1920–1930-х годах: оригинальные идеи и повседневные практики

2. Измайлов Константин Федорович. Дневник / URL: <https://corpus.prozhito.org/note/319639> (дата обращения: 26.09.2024)

3. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров. Положение о крестьянских обществах взаимопомощи. Утверждено 25 сентября 1924 года // Известия ЦИК и ВЦИК. 1924. № 222. 28 сентября.

сячу лет, с другой — уже пробивали себе дорогу ее новые виды. В целом советское общество вставало на путь модернизации, перехода от традиционных практик помощи к современным, характерным для индустриального общества.

Средства крестьянского общества взаимопомощи составляли денежные и натуральные членские взносы; средства, отпускаемые вышестоящими органами социального обеспечения; передаваемое собесам бесхозяйственное, выморочное, конфискованное имущество; доходы, получаемые от принадлежащих обществу имущества и предприятий и общественных запасшек; добровольные и случайные поступления.

Крестьянская взаимопомощь была основой организации социального обеспечения крестьян в течение всего периода НЭПа. Переложив всю ответственность за социальное обеспечение на кресткомы, государство, по сути, признало свою неспособность обеспечивать крестьян за счет государственного бюджета. Впрочем, это было всего лишь очередное проявление классового подхода, при котором крестьяне продолжали оставаться для советской власти, пользуясь выражением Т. Шанина, «неудобным классом».

В изучаемый период появлялось немало «инновационных» предложений о мерах социальной помощи инвалидам в сельской местности. Например, на страницах журнала «Вопросы социального обеспечения» некто по фамилии Веге в статье о деятельности кресткомов высказал оригинальную идею. Исходя из того, что «крестьяне всегда охотно помогали “несчастненькому”... [и] с большей сердечностью оказывают они помощь своему односельчанину, впавшему в беду», он предлагал в каждой деревне найти «одина два дома, которые можно будет приспособить в качестве приюта для инвалидов... произвести ремонт, снабдить дровами и простейшими принадлежностями для хозяйства» (Веге, 1922: 3). По его задумке, каждый крестьянин «охотно даст несколько фунтов хлеба и мяса или несколько крынок молока» для содержания обеспечиваемых. При этом он полагал, что это не слишком обременит крестьянский двор, поскольку сельским жителям «все равно приходится больше тратить... на содержание нетрудоспособного сочлена» (Там же). Для ухода за инвалидами в крестьянском общественном инвалидном доме Веге предлагал от каждого крестьянского хозяйства в порядке очереди или от деревни в целом выделить одного-двух человек, которые присматривали бы за инвалидами.

Предложенный подход, казалось, был своеобразной «реинкарнацией» традиционных способов содействия нетрудоспособным крестьянам, известных еще со времен князя Владимира. Однако основная идея Веге состояла в том, чтобы инвалиды трудились в общественных инвалидных домах и в дальнейшем сами несли расходы по их содержанию. По словам автора проекта, это могли быть мелкие работы, которые обычно отнимают много времени у здоровых людей (починка одежды и обуви, плетение рыбацких сетей), то-

гда как «все это — работы для людей даже с очень большой утратой трудоспособности». К тому же возвращение инвалидов к труду должно было дать им «удовлетворение от сознания, что они не напрасно едят общественный хлеб» (Там же).

Долгое время только кресткомы были единственными субъектами помощи инвалидам и старикам в деревне. Только в 1927 году в «Манифесте ко всем рабочим, трудящимся крестьянам, красноармейцам СССР, к пролетариям всех стран и угнетенным народам мира» ЦИК СССР постановил поручить Президиуму ЦИК и СНК разработать закон об обеспечении нетрудоспособных из малоимущих слоев крестьянства⁴. Однако вплоть до конца 1930-х годов система государственного социального обеспечения нетрудоспособных крестьян так и не была создана.

Проблемы социального обеспечения нетрудоспособного крестьянства в период коллективизации

С началом колхозного строительства появляется много новых идей. В литературе описан проект старшего инструктора Армавирского отделения Северо-Кавказского полеводсоюза Худякова (Бондарев, Самсоненко, 2010: 34–37). По его плану с началом коллективизации все население колхозной деревни следовало разделить на трудоспособных, нетрудоспособных и «полутрудоспособных» жителей. «Нетрудоспособными» автор предлагал считать полных инвалидов и стариков (от 55 лет для женщин и 60 для мужчин). Для их обеспечения Худяков предлагал создать в колхозах специальный фонд, отчисления в который «должны быть в зависимости от процента нетрудоспособных по отношению к трудоспособным». Так, если в колхозе состояло 40% нетрудоспособных членов, то, по его расчетам, трудоспособные крестьяне должны были отчислять в фонд помощи 13,5% дохода, а если бы в колхозе было большинство нетрудоспособных, то работающие должны были бы передавать в их пользу 20% доходов.

«Полутрудоспособными» автор называл инвалидов, «которым характер приобретенной инвалидности позволял выполнять легкие работы в колхозе». Этой группе населения следовало выделять некоторую часть средств из зарплаты колхозников. Полутрудоспособные могли принимать участие в общественном производстве, поэтому им следовало выплачивать некоторое социальное пособие помимо заработка, который будет ниже, чем у трудоспособных колхозников. Это, по мнению Худякова, стимулировало бы нетрудоспособных использовать частично свой труд в колхозах.

4. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 годы. Том I. 1917–1928 гг. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. С. 752–753.

В проекте Худякова сам по себе колхоз был привлекательным для крестьян предприятием, в котором все работники могли при наступлении особого случая получить поддержку. Но, как справедливо пишут исследователи, «вряд ли... реализация подобных проектов на практике вызвала бы у сельских жителей положительные чувства и привела к широкому распространению проколхозных настроений» (Бондарев, Самсоненко, 2010: 34–37).

Впрочем, проект Худякова оказался совсем не привлекательным для советского руководства, полагавшего, что единственно возможным вариантом социальной помощи в колхозах является взаимопомощь, и средства для социальной помощи нетрудоспособных должны найти сами колхозники. Представители власти вообще были настроены против того, чтобы оказывать нуждавшимся колхозникам помощь, особенно если те могли трудиться, — такой подход они уничижительно именовали «собесовщиной».

Экономический совет РСФСР, исходя из представлений о необходимости экономии денежных средств в колхозах, в начале 1930-х годов высказывался о том, что нетрудоспособных колхозников и вообще нужно обеспечивать за счет доходов их семей. Стороннюю помощь следовало оказывать только в случае потери трудоспособности на работе в колхозе. Но и в этом случае размер помощи должен был определяться «в зависимости от текущего материального положения колхоза». Если же родственники не могли содержать своих инвалидов и стариков, их следовало отправлять в дом престарелых за счет средств кассы взаимопомощи.

В соответствии с Примерным уставом сельскохозяйственной артели, утвержденным постановлением ЦИК СССР и СПК СССР 1 марта 1930 года, обязанность социального обеспечения нетрудоспособных крестьян возлагалась на колхозы⁵. Стоит отдельно заметить, что она касалась только крестьян, вступивших в колхозы, что, очевидно, должно было стать очередным стимулом к вхождению в них. Условия и размеры помощи определялись правлением колхозов с последующим утверждением на общем собрании.

Окончательно новые формы социального обеспечения в деревне были законодательно оформлены Постановлением ЦИК СССР от 1 февраля 1932 года «О кассах общественной взаимопомощи колхозов» (КОВК)⁶. Кассы взаимопомощи должны были содействовать улучшению бытового обслуживания, трудоустройству, обучению и протезированию инвалидов и пр. Средства новых касс создавались за счет отчисления личных доходов колхозников, «установленных добровольно по решениям их общих собраний», и отчислений

5. Примерный устав сельскохозяйственной артели. 1 марта 1930 г. // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1930. 2 марта.

6. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик (далее — СЗ СССР). 1932. № 9. Ст. 51.

колхозов из общественных фондов. Единоличники-бедняки и середняки в этих селениях могли приниматься в члены касс взаимопомощи по постановлению собраний колхозников⁷.

Как отмечалось в историографии, «труд... выступал доминантой функционирования касс общественной взаимопомощи колхозников в 1930-х гг.: он был и мерилом оказания социальной помощи, и наиболее желательным ее результатом» (Бондарев, Самсоненко, 2010: 72). Поэтому основной задачей колхозных касс взаимопомощи являлось подыскание инвалиду или старику такого вида деятельности, который подходил его физическому состоянию, чтобы «ни один член... больной или инвалид, сохранивший в какой-либо мере свою трудоспособность и могущий по состоянию здоровья выполнять работу, не остался без работы»⁸.

18 августа 1933 года СНК СССР и ЦК ВКП(б) издали Постановление «О порядке засыпки фондов для нужд колхозов», которое дало право колхозам решением общего собрания с участием не менее 2/3 колхозников создавать фонды для оказания помощи инвалидам⁹.

Конституция СССР 1936 года закрепила за пожилыми гражданами право на материальное обеспечение. Однако в ст. 120 говорилось о том, что право на государственное обеспечение имеют лишь рабочие и служащие, престарелым колхозникам в этом праве было отказано. Типичный для советского времени подход «все равны, но некоторые равнее» в отношении крестьянства снова проявил себя в полной мере. В Основном законе не были прописаны ни право крестьян на пенсию по старости, ни возрастные рамки их перехода в категорию «престарелых». Даже когда кассы взаимопомощи, исходя из здравого смысла, механически относили человека по достижении возраста 60–65 лет к категории «престарелых, нуждающихся в социальной помощи», против этого выступали представители Наркомсобеса, полагая, что такой подход «вреден, так как порождает иждивенчество и... отрицательно сказывается на производительности труда в колхозе» (Бондарев, Самсоненко, 2010: 264–265).

2 октября 1936 года в ЦК ВКП(б) и Президиум ЦИК СССР поступило письмо наркома социального обеспечения РСФСР И. А. Наговицына о дополнении статьи 120 о праве колхозников на материальное обеспечение по старости и нетрудоспособности. В ней нарком напоминал, что социальное обеспечение колхозников во всех случаях нетрудоспособности осуществляется в форме «общественного обеспечения», т.е. через кассы общественной взаи-

7. СЗ СССР. 1932. № 9. Ст. 51.

8. СЗ СССР. 1932. № 9. Ст. 51.

9. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5-ти тт. Т. 4. 1934–1936. М., 2002. С. 917; Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 годы. Том II. 1929–1945 гг. М., 1957. С. 386–387.

мопомощи в колхозах и кассы взаимного страхования и взаимопомощи в кооперации инвалидов. Он предлагал название этих касс заменить названием «общественные кассы социального обеспечения» и дополнить ст. 120 правом сельских нетрудоспособных лиц на бесплатную медицинскую помощь и предоставление крестьянам наряду с рабочими санаторно-курортной помощи¹⁰.

Впрочем, сами крестьяне были недовольны тем, что им предлагают вместо гарантированного государством социального обеспечения его «суррогат» в виде очередных касс взаимопомощи. Так, один крестьянин в процессе обсуждения Конституции заявил: «Чем мы, колхозники[,] хуже рабочих[?] Однако нам в случае инвалидности по новой Конституции государство не будет оказывать никакой помощи. Эта Конституция хороша только для рабочих, а нас, крестьян, опять будут гнуть, да еще вдвое против прошлых лет»¹¹. Крестьянин оказался прав: «самая демократичная» сталинская Конституция вновь оставила крестьян за бортом государственного социального обеспечения. Выплата пенсий колхозникам начнется только с 1964 года, а государство по-прежнему оставило заботу о нетрудоспособных крестьянах на плечах самих колхозников.

С началом коллективизации в районах и селениях, «в основном завершивших сплошную коллективизацию», то есть там, где количество коллективизированных хозяйств превышало 68%, кресткомы постепенно прекратили свое существование, а затем и вовсе были ликвидированы. Вместо них с 29 мая 1930 года для оказания помощи колхозникам «в случае инвалидности, старости» на основании директивы СНК РСФСР «О формах социального обеспечения в колхозах» появились кассы взаимопомощи.

Нарком социального обеспечения РСФСР И. А. Наговицын разработал проект постановления об организации базовых учреждений социальной помощи колхозного крестьянства в виде «касс социального обеспечения коллективизированного крестьянства», который одобрили ВЦИК и Совнаркому. Согласно проекту, эти кассы должны были создаваться в «коллективно-добровольном порядке» для оказания помощи членам колхозов в случае инвалидности и старости. Проектом предполагалось формировать фонды колхозных касс социального обеспечения не из членских взносов, а за счет отчислений средств Колхозцентра, центрального и местного бюджетов, доходов колхоза и средств кресткомов (Бондарев, Самсоненко, 2010: 46). Однако до реализации этого проекта дело не дошло.

Примерный устав сельскохозяйственной артели, принятый II Всесоюзным съездом колхозников-ударников и утвержденный СНК

10. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5-ти тт. Т. 4. 1934–1936. М., 2002. С. 839–840.

11. Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах / Отв. ред. А. К. Соколов. М.: РОССПЭН, 1998. С. 136–137.

СССР и ЦК ВКП(б) 17 февраля 1935 года, подтверждал право артелей по решению общего собрания колхозников создавать из получаемого урожая и продуктов животноводства фонды помощи нуждающимся, в том числе инвалидам и старикам в размере не свыше 2% валовой продукции¹². 28 декабря 1937 года разъяснение Наркомзема СССР дополняло это право возможностью передавать часть артельного фонда в кассу колхозной взаимопомощи. При этом выделение колхозом общественной запашки для нужд инвалидов и стариков из артельного фонда не предусматривалось¹³.

Постановление Наркомата социального обеспечения (далее — НКСО) РСФСР «О директивах для построения планов работы касс взаимопомощи в колхозах на 1936 год» (октябрь 1935 года) установило порядок расходования средств касс взаимопомощи: на содержание домов престарелых колхозников — 7%, на индивидуальную помощь инвалидам и престарелым — 8%; на обучение, переобучение и трудоустройство инвалидов — 5%, на протезирование — 3%. Итого на «инвалидные» нужды разрешалось тратить 23% средств. Для сравнения: помощь семьям красноармейцев — 5%, оказание помощи по беременности, родам и «приобретение приданого для новорожденных»; организация и оборудование родильных комнат и приобретение медицинских аптек — по 3%; помощь при временной нетрудоспособности; выдача возвратных ссуд «на ликвидацию бескоровности среди колхозников, улучшение их жилищных и бытовых условий»; санаторно-курортное лечение — по 10 %; содержание сирот и оказание помощи детям колхозников, впавших во временную нужду, — 25% средств (Бондарев, Самсоненко, 2010: 78).

Как видно из вышеизложенного, наряду с детьми-сиротами инвалиды и пожилые люди были самой значимой категорией, получавшей помощь за счет средств колхозных касс взаимопомощи, причем если «детские» статьи предполагали только содержание детей-сирот (чаще всего в детских домах) и помощь детям бедных колхозников, то спектр помощи взрослому нетрудоспособному населению был гораздо шире.

Однако уже в апреле 1936 года НКСО скорректировал отдельные статьи расходов: на 1 процентный пункт были секвестированы суммы, предназначенные на содержание домов престарелых колхозников, индивидуальную помощь инвалидам и престарелым, обучение инвалидов. Решение мотивировалось банальным отсутствием средств (Бондарев, Самсоненко, 2010: 79). На практике в сибирских колхозах фонд помощи инвалидам и старикам не превышал 2% от валовой продукции, в артелях аналогичный продовольственный

12. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 годы. Том II. 1929–1945 гг. М., 1957. С. 456.

13. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5 тт. Т. 5. 1937–1939. Кн. 1. 1937. М.: РОССПЭН, 2004. С. 107.

фонд достигал 5% и предназначался в том числе для престарелых членов (Красильников, Саломатова, Ушакова, 2010: 128).

В системе колхозной взаимопомощи было заложено серьезное противоречие. Без поддержки касс должны были остаться те, кто не принимал активного участия в деятельности колхозов, то есть «лодырь» или «симулянт», и это было в принципе справедливо, поскольку вряд ли такой человек заслуживал социальную помощь. Однако на деле «как бы ни относился тот или иной колхозник к общественному производству, но если он платил взносы, он имел полное право получить свои деньги обратно в критические для себя периоды жизни» (Бондарев, Самсоненко, 2010: 77). В то же время никто не был застрахован от произвола колхозной администрации, которая запросто могла «превратить» даже самого трудолюбивого крестьянина в «тунеядца» со всеми вытекающими последствиями. Случаи злоупотребления властью, когда выбившиеся в председатели крестьяне местили своим односельчанам за вчерашние обиды, были нередкими.

К концу 1930-х годов в РСФСР насчитывалось 62 340 касс взаимопомощи в колхозах с годовым бюджетом (в 1935 году) около 140 млн руб. Бюджеты касс взаимного страхования и взаимопомощи промысловой кооперации и кооперации инвалидов вместе составляли 49 млн руб.¹⁴, то есть кассы продолжали оставаться ведущим органом реализации государственной социальной политики в деревне.

Становление и развитие пенсионного обеспечения нетрудоспособных крестьян

Говоря об основных направлениях социальной помощи инвалидам и пожилым людям в сельской местности, следует остановиться на проблемах пенсионного обеспечения. В целом в этот период даже в городах пенсию получало незначительное число инвалидов, в сельской же местности дело обстояло еще хуже. В 1921–1924 годах местные органы социального обеспечения могли платить лишь пониженные пенсии, чаще ограничиваясь единовременными пособиями. В декабре 1924 года все деревенские инвалиды III группы (вынужденные, согласно заключению экспертизы, отказаться от своей обычной профессии и не способные к регулярной профессиональной работе, способные зарабатывать на жизнь только случайными, временными и легкими работами) и вовсе были сняты с пенсии и переданы на «обеспечение трудовой и материальной помощью» уже упоминавшимся кресткомам¹⁵.

Только с 1926 года органы социального обеспечения снова стали рассматривать пенсионные дела. Впервые за 5 лет был прове-

14. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5-ти тт. Т. 4. 1934–1936. М., 2002. С. 839–840.

15. Государственный архив Алтайского края. Ф. Р–92. Оп. 2. Д. 6.

ден пересмотр отказов лицам, проживавшим в сельской местности, которые отныне становились основной массой получателей пенсии¹⁶. Размеры выдаваемой пенсии на селе были ниже, чем в городах. Так, в 1924–1925 годах в Сибири были установлены следующие нормы пенсий по инвалидности в сельской местности: для инвалидов I группы — 13 руб. 85 коп., II группы — 9 руб. 30 коп., III группы — 6 руб. 90 коп. (в городе: 15 руб. 40 коп., 10 руб. 85 коп., 7 руб. 70 коп. соответственно)¹⁷.

Но уже в 1927 году в РСФСР началась кампания по «чистке» пенсионеров в сельской местности. НКСо разослал на места циркулярное письмо о снятии с пенсионного обеспечения инвалидов белых армий, только инвалиды Гражданской и империалистической войн были отнесены к «основным группам, стоявшим на гособеспечении» (Кринко, Тажидинова, Хлынина, 2011: 286). Также с 1929 года лишались пенсионного обеспечения крестьяне, «систематически применявшие наемный труд в сельском хозяйстве и закабальвающие население путем систематического предоставления в пользование... сельскохозяйственных машин, рабочего скота» или «кредитом на кабальных условиях в денежной и натуральной формах»¹⁸.

Для проведения «чистки» в сельской местности создавались специальные комиссии, куда входили представители сельсовета, кооперации и «групп бедноты». Перед началом массовой проверки пенсионеров райисполкомы советовали сельсоветам для «правильной» организации «создать общественное мнение»: беднейшие крестьяне, кому не досталось помощи от государства, оценивали бедность тех, кто был обеспечен пенсией. Райисполкомы высылали в деревни списки пенсионеров, а сельсоветы вывешивали эти списки на видных местах и созывали «собрания бедноты», на котором каждого пенсионера обсуждали, проверяли его нуждаемость и социальное положение в прошлом. Органы власти не задумывались над тем, насколько этичным и справедливым было решение привлекать к оценке бедности одних людей других бедняков, которые сами претендовали на получение пенсии.

«Чистка» изначально носила политический характер, однако в процессе ее осуществления решающими оказались экономические и финансовые мотивы. Так, в Омском округе в 1930 году в ходе «чистки» был обнаружен лишь один настоящий «нетрудовой элемент» — «зажиточный» 26-летний Ю. К. Рейнер, который имел «одну корову... и доход от дома... работника, когда служил в коопинсоюзе и возил воду, жалования получал 120 руб., работнику же платил 15 руб.», имел совокупный доход 240 руб., две лошади и три коровы и «держал батрака незастрахованным». Естественно, Рейнера с пенсии сняли, а в самом протоколе даже была сделана гнев-

16. Государственный архив Томской области. Ф. Р–198. Оп. 1. Д. 91. Л. 72.

17. Народный архив Республики Хакасия. Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 15. Л. 61–62.

18. Исторический архив Омской области (далее — ИАОО). Ф. Р–1026. Оп. 1. Д. 7. Л. 31–310б.

ная отметка представителей Комиссии по чистке: «Лицам, которые эксплуатируют чужой труд, не место среди инвалидов!!!»¹⁹

Чисто внешне проверка пенсионеров выглядела довольно пристойно, без сведения личных счетов, и численность тех, кого «вычищали», была относительно небольшой. Ключевым фактором при вынесении решения об исключении человека из рядов пенсионеров было «материальное благополучие» (наличие скотины) или семейное положение (наличие родственников, способных содержать нетрудоспособного). Среди тех, кому было отказано в дальнейшем обеспечении, оказались способные к труду инвалиды III группы из числа зажиточных и середняков. Последние в условиях начавшейся коллективизации не имели шансов сохранить за собой право на социальное обеспечение, а сама «чистка» пенсионеров в деревне была «необходима» для того, чтобы высвободить часть средств и направить «пострадавшим от кулацкого террора»²⁰. На деле это была очередная акция, направленная на выкачивание ресурсов из деревни — лишение пенсии фактически означало, что инвалиду нужно было искать себе работу, что становилось крайне актуальным в условиях начавшейся индустриализации и острой потребности в рабочей силе.

Несмотря на то что «чистка» должна была закончиться в начале 1930-х годов, в некоторых регионах она затянулась до 1933–1935 года. Например, в Сибири дополнительно «чистке» подверглись 700 пенсионеров-инвалидов. При этом в ходе «дополнительной проверки» только 1,4% пенсионеров сняли с обеспечения «за связь с чуждыми элементами» и принадлежность к инвалидам белой армии, зато часть инвалидов даже была восстановлена в праве на получение пенсии. Впрочем, последнее решение носило явный идеологический и политический подтекст: советская власть стремилась показать, что социальное обеспечение становится более доступным для широких масс населения²¹.

В период коллективизации пенсионное обеспечение в деревне было вовсе не предусмотрено законом, но фактически существовало — местные собесы нередко перечисляли в деревню мизерные суммы, предназначенные для выплаты пенсий узкому кругу лиц. В 1931 году в связи с появлением в деревнях колхозных касс взаимопомощи были введены новые дифференцированные ставки пенсионного обеспечения для «контингентов Гражданской и империалистической войн», персональных пенсионеров (Бондарев, Самсоненко, 2010: 86). По мнению исследователей, их «размеры увязывались уже не только с составом семей инвалидов и наличием у них подсобного хозяйства, но и с оценкой значимости» пенсионера для советской власти (Кринко, Тажидинова, Хлынина, 2011: 286).

19. ИАОО. Ф. Р-1026. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.

20. Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО). Ф. Р-2004. Оп. 1. Д. 21; Д. 26. Л. 210б, 34–58. Д. 39. Л. 43.

21. ГАНО. Ф. Р-2004. Оп. 1. Д. 39. Л. 56.

В некоторых местностях выплаты пенсионерам в отдельно взя-
том колхозе могли достигать 200 руб., что по тем временам было не-
малой суммой, но такие выплаты могли себе позволить только очень
сильные колхозы, кассы же взаимопомощи не всегда обладали мощ-
ной материально-финансовой базой.

В 1930-х годах размеры пенсии немного увеличивались. В частно-
сти, в Сибири изменилась сумма пенсии для инвалидов войны, хотя
разница в пенсионном обеспечении в городах и деревне стала еще
более ощутимой. Кроме того, еще больше дифференцируются кате-
гории инвалидов Гражданской войны и Первой мировой (табл. 1).

Таблица 1. Средний размер пенсии инвалидов войны I группы в Сибири
в 1934 году, руб.

Регион	Инвалиды Гражданской войны		Инвалиды Первой мировой войны	
	В сельской местности	В городах	В сельской местности	В городах
Западно-Сибирский край	21	35	15	25
Восточно-Сибирский край	24	35	15	25

Источник: Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ).
Ф. 1562. Оп. 18. Д. 53. Л. 6.

Размеры пенсий отличались из-за того, что ключевое значение
имело наличие у инвалида собственного хозяйства, поэтому разме-
ры пенсий в городах априори были значительно выше, чем в дерев-
не. Более подробно сведения о размерах пенсии инвалидов войны
в Сибири в 1935 году представлены в таблице 2.

Таблица 2. Средний размер пенсии инвалидов войны в Сибири в 1935 году, руб.

Регион	Инвалиды Гражданской войны						Инвалиды Первой мировой войны					
	В сельской местности			В городах			В сельской местности			В городах		
	I гр.	II гр.	III гр.	I гр.	II гр.	III гр.	I гр.	II гр.	III гр.	I гр.	II гр.	III гр.
Омская область	24	15	10	41	25	15	15	9	7	25	15	11
Красноярский край	24	15	9	41,1	25	15	15	9	7	25	15	11
Западно-Сибирский край	24	15	9	44,6	28,6	18,6	15	9	7	28,6	18,6	14,6
Восточно-Сибирский край	32,5	18	0	59,8	37,2	0	16,2	9	0	30,6	20,5	0

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 72. Л. 1.

Несмотря на сложности с финансовым обеспечением деревни, в рамках политики коллективизации впервые началось пенсионирование престарелых крестьян. Например, в Сибири в 1930-х годах пенсии получали менее 5 тыс. чел., размер пенсии составлял 30–35 руб. Подробная информация о численности престарелых крестьян, получавших пенсию (по состоянию на 1937 год), представлена в таблице 3.

Таблица 3. Численность престарелых крестьян, получавших пенсии в Сибири в 1937 году, чел.

Край/область	Престарелые крестьяне			Всего	В % к общему числу инвалидов-пенсионеров
	I гр.	II гр.	III гр.		
Алтайский	143	93	541	777	26,1
Красноярский	90	353	635	1 078	46,4
Иркутская	58	188	625	871	40,4
Новосибирская	112	300	1 056	1 468	33,9
Омская	89	108	376	573	33,0
Всего	492	1 042	3 233	4 767	35,2

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 146. Л. 1а, 2–3.

Пожилые сибиряки к концу 1930-х годов стали основными получателями пенсионного обеспечения (35,2% всех нетрудоспособных пенсионеров) — это было больше, чем численность более привилегированной группы инвалидов труда (34%).

В отличие от города, где пенсию получали инвалиды I–II групп, в деревне это были инвалиды III группы. Скорее всего это связано с тем, что к концу 1930-х годов государство перешло к практике выплаты пенсии с сохранением заработка от текущей деятельности, что позволило оставить достигших пенсионного возраста крестьян в трудовой сфере. Также повышенное внимание государства к престарелым крестьянам можно объяснить тем, что в этот период исчезает многопоколенная семья. Процессы коллективизации и раскулачивания во многом способствовали разрушению семейных связей и выделению из общей крестьянской массы оставленных на произвол судьбы стариков и инвалидов. Эти же процессы вполне могли послужить фактором, вызвавшим к жизни потребность в обеспечении пожилых людей из сельской местности гарантированным доходом со стороны государства.

Основные меры социальной поддержки инвалидов и стариков в сельской местности

Помимо пенсий значительную роль в деревне 1920-х годов играла социальная поддержка инвалидов и стариков в виде единовремен-

менных пособий в денежной и натуральной форме, размер которой устанавливало общее собрание членов кассы взаимопомощи. Однако отчеты говорили о неудовлетворительном материальном снабжении престарелых: так, средний размер пособия в Сибири составлял 5–10 руб.²²

Вначале временная материальная поддержка не имела никакой законодательной базы, будто ее вовсе не существовало, и помощь оказывалась бессистемно. Лишь 17 сентября 1928 года было утверждено Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О мероприятиях по обеспечению восстановления хозяйств инвалидов войны, партизан, семей погибших на фронтах из числа деревенской бедноты и маломощного крестьянства»²³. В соответствии с этим документом Наркомат земледелия, Всероссийский союз промысловой кооперации и НКСО должны были принять немедленные меры «к усилению вовлечения инвалидов войны из деревенской бедноты и маломощного крестьянства в общие коллективы, организуемые на селе... принять меры к организации из них самостоятельных коллективов... в системе кооперации инвалидов»²⁴.

Наркомат земледелия должен был производить первоочередной отвод земельных угодий из государственного фонда и осуществлять бесплатное землеустройство колхозам, организуемым инвалидами войны, а НКСО и ККОВы должны были оказать входившим в колхозы или артели деревенским инвалидам надлежащую материальную поддержку. В связи с этим крестьянам стали выдавать единовременные возвратные и безвозвратные пособия, носившие целевой характер — для «восстановления их хозяйств по преимуществу на началах коллективизации»²⁵. Из-за отсутствия пенсионирования большей части крестьян с инвалидностью для многих это стало единственной возможностью поддерживать определенный уровень существования.

Расходы на эти пособия производились из ассигнований местного бюджета по смете органов социального обеспечения. Наибольшее распространение получили возвратные пособия, которые выдавались из бедняцкого фонда кредитования. Для сравнения: в Сибири в среднем на их выдачу тратилось около 100 000 руб., а на временные денежные выплаты — всего 25 тыс.²⁶ С укреплением колхозной системы и, как следствие, увеличением оплаты труда колхозников кассы взаимопомощи стали отпускать больше средств

22. Государственный архив Красноярского края (далее — ГАКК). Ф. Р–270. Оп. 1. Д. 53; Ф. Р–1961. Оп. 1. Д. 5; Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р–4347. Оп. 1. Д. 337, 427.

23. ГАРФ. Ф. А–259. Оп. 126. Д. 1151. Л. 3.

24. ГАРФ. Ф. А–259. Оп. 126. Д. 1151. Л. 3.

25. ГАРФ. Ф. А–259. Оп. 126. Д. 1151. Л. 3.

26. ГАРФ. Ф. А–259. Оп. 126. Д. 1151. Л. 13.

в пользу пожилых крестьян, но заменяя денежные выплаты продовольственной помощью.

Для материальных пособий, которые выплачивали инвалидам колхозные кассы взаимопомощи, была характерна определенная специфика. Сначала представители касс должны были установить, как колхозник стал инвалидом, а потом уже назначать выплату. Приоритет в получении пособия отдавался тем, кто перешел в разряд нетрудоспособных, работая в колхозе, либо размер их пособия при общих незначительных суммах выплат был немного выше. Порядок выплаты пособий был довольно туманным: пособия могли выдаваться лишь один раз, быть возвратными, не соответствовать потребностям нетрудоспособных — все это формально решало общее собрание (руководство) членов кассы.

В марте 1934 года член сельхозартели из Азово-Черноморского края 20-летний И. Е. Лагдовский писал, что во время весенней посевной кампании лишился правой руки, и экспертная комиссия признала его инвалидом II группы. Утрата трудоспособности во время работы в колхозе автоматически наделяла молодого человека правом на социальную помощь. Однако колхозное правление не только отказалось выдать ему продовольственную помощь, но даже и трудодни не насчитало. Инвалид обратился в районный отдел социального обеспечения, который обязал колхоз выдать ему пособие, но правление колхоза проигнорировало предписание. Тогда инвалид пошел с заявлением в политотдел МТС, и теперь отказать руководству колхоза не рискнуло, однако распоряжение приняло к исполнению формально. В законе отсутствовали четкие правила выдачи пособия, председатель колхоза пообещал начислить трудодни и выдавать продукты сначала с нового месяца, потом с нового года — и так в течение семи месяцев (Бондарев, Самсоненко, 2010: 190–191).

Определенное место в реализации государственной социальной политики нетрудоспособным лицам в сельской местности имела также *система льгот*. Так, 31 октября 1928 года было принято Постановление ЦИК и СНК СССР «Об изменении и дополнении Положения о едином сельскохозяйственном налоге», согласно которому от последнего освобождались все отнесенные к I–III группам инвалиды войны и труда и даже инвалиды, не подлежавшие социальному обеспечению и страхованию, которых обычно именовали «беспризорными» инвалидами или «инвалидами категории “прочих”»²⁷.

Проблемы протезирования нетрудоспособных крестьян

Еще одним важным направлением социальной помощи инвалидам и пожилым людям было бесплатное обеспечение протезными сред-

27. ГАРФ. Ф. А–259. Оп. 126. Д. 3814. Л. 2, 8.

ствами. Здесь господствовал строгий иерархический порядок, при котором в первую очередь протезировались городские работающие инвалиды, затем инвалиды Гражданской войны, после них — инвалиды «старой армии», далее — инвалиды III группы и неработающие инвалиды. «Инвалиды крестьянского труда» в этой «очереди» были последними.

Бесплатная протезная помощь крестьянам с инвалидностью предоставлялась только по свидетельствам кресткомов, подтвержденным органами собесов, при следующих условиях: у инвалида должно было быть хозяйство (что говорило о сохранении у него работоспособности), и это хозяйство не должно было приносить инвалиду достаточного дохода. В противном случае деревенский инвалид должен был протезироваться за собственный счет²⁸.

С 1925 года Наркомат здравоохранения при участии органов социального обеспечения и социального страхования производил единовременный учет всех инвалидов, имеющих право на бесплатное государственное протезирование. Сельские инвалиды были включены в список тех, кто протезировался бесплатно на общих основаниях с городскими инвалидами, но только из числа инвалидов войны, состоявших на учете в кресткомах. Причем если такой инвалид не успевал вовремя обратиться за протезом, то лишался права на бесплатную помощь.

На протяжении первой половины 1920-х годов больше половины инвалидов, нуждавшихся в протезной помощи, имели неисправные протезы либо не имели их вовсе. Например, сибирские инвалиды-крестьяне, нуждающиеся в протезировании, были «на 100% не удовлетворены необходимыми изделиями», что негативно отражалось на их реабилитационных возможностях в деревне²⁹.

Специфика реализации политики занятости инвалидов и пожилых в деревне

Особое значение среди мер государственной социальной политики в отношении нетрудоспособных граждан в исследуемый период имело вовлечение инвалидов и пожилых в трудовую деятельность. В соответствии с идеологическими представлениями социалистического государства о том, что его полноценными членами могли быть только пролетарские элементы, выделялись «настоящие» («красные») инвалиды, от которых советская власть требовала «утилизировать труд», то есть отдать последние силы сначала послевоенному восстановлению экономики, а затем начавшейся форсированной

28. Протезирование: брошюра карманного формата. Томск, 1925. С. 1.

29. Отчет II Сибирского областного совещания губернских работников учреждений и организаций социального обеспечения. Новониколаевск, 1924. С. 110.

индустриализации. Поэтому с самого начала деятельность органов собесов была нацелена на максимальное использование труда инвалидов. В первую очередь органы власти особое внимание обратили на трудоустройство инвалидов III группы с требованием «применять жесткие меры в отношении лиц, уклонявшихся от общественных работ» (Кринко, Тажидинова, Хлынина, 2011: 289). Крестьяне, вернувшиеся с войны, поначалу и в самом деле стремились вернуться к активной трудовой жизни. После нескольких лет аграрного простоя в деревне появилось много неиспользуемой земли, для обработки которой привлекали инвалидов, сохранивших трудовую силу. Поэтому волостные органы собесов старались помогать всем инвалидам, сохранившим трудоспособность. Например, в Минусинском уезде Енисейской губернии в годы НЭПа инвалидам бесплатно раздавали плуги для обработки земли, малообеспеченные лица получали мануфактуру, обувь, продовольственную помощь. Однако постепенно ресурсы истощались, а инфляция съедала и без того невысокие доходы от пособий, после чего практику бесконтрольной трудовой помощи пришлось прекратить³⁰.

Как и в городах, политика занятости нетрудоспособных в деревне проводилась по нескольким направлениям. Во-первых, инвалидов, у которых сохранились определенные профессиональные навыки, могли устраивать на привычные для них, но облегченные работы. Во-вторых, они могли пройти краткосрочные курсы по животноводству, кролиководству, пчеловодству, огородному делу. В принципе знакомые с этими видами деятельности в деревне крестьяне-инвалиды проходили своеобразное повышение квалификации и без труда находили себе новое занятие. В-третьих, можно было организовать обучение или переобучение новым знаниям и умениям, но этот вариант требовал времени и дополнительных капиталовложений, зато существенно расширял сферу использования инвалидов в аграрной сфере.

Важным средством профессиональной реабилитации советскими органами социального обеспечения была названа инвалидная кооперация с «использованием неполного труда в области сельского хозяйства», где наряду со здоровыми работниками могли трудиться инвалиды³¹. Было организовано использование труда инвалидов в кустарной промышленности и ремесленной деятельности — в деревнях стали создаваться «производительно-подсобные артели» в виде товариществ по закупке и сбыту, которые стали основой сельской кооперации инвалидов. Также предполагалось, что «инвалиды-хлеборобы», получив первоначальную материальную поддержку, объединятся в товарищества, которые и будут оказывать помощь сельским инвалидам в виде организации закупок сельскохозяйственного инвентаря и организации сбыта продукции. Перед сельскими

30. ГАКК. Ф. Р-270. Оп. 1. Д. 53. Л. 7-7 об.

31. ГАКК. Ф. Р-268. Оп. 1. Д. 1. Л. 44-46 об.

органами социального обеспечения и ККОВами ставилась задача «приложить все усилия к тому, чтобы инвалид ничего не продавал и не покупал индивидуально, а действовал... через свой кооператив». По мнению советских руководителей, развитие подобных товариществ позволило бы инвалидам создать «мощный кооператив инвалидов... [для] организации трудовой помощи инвалидам»³². О том, насколько популярными были кооперативы инвалидов, можно судить по дневникам К. Измайлова из Бийского уезда Томской губернии, который регулярно упоминал, что покупает мясо в лавке инвалидов или ездит за мукой «на мельницу к инвалидам» в артель³³.

Впрочем, если в городах эта идея себя оправдала, то в сельской местности кооперация инвалидов влачила жалкое существование. Среди основных причин этого можно назвать отсутствие финансовой помощи, нехватку мастеров-наставников, не говоря уже о том, что у инвалидов не было ни инструментов, ни заказов, ни рынка сбыта³⁴.

Вступление в инвалидную артель предусматривало «капитализацию пенсии», когда инвалид должен был внести в качестве вступительного взноса сумму, равную полугодовой пенсии, благодаря чему артель приобретала стартовый капитал и могла начать свою деятельность. В городах с этим обычно не было проблем — органы социального обеспечения вносили за инвалида его будущую пенсию, у инвалидов же в деревнях возникали проблемы, поскольку инвалиды-крестьяне пенсию практически не получали, а состояли в лучшем случае на иждивении кресткомов, которые могли выдать лишь мизерное пособие³⁵. Поэтому инвалиды-крестьяне, образуя артель без капитализации пенсии, сразу приступали к работе при наличии хотя бы каких-то средств, не обращая внимания на формальные требования. Они не думали о «правильности распределения труда и зарплаты», у них не было стремления создавать кассы взаимопомощи или запасный капитал, как того требовали циркуляры НКСО. Им нужно было кормиться самим и кормить свою семью. Поэтому и артели инвалидов в деревнях были примитивными, не отличавшиеся такой же производственной деятельностью, как в городах. Например, в 1924 году в с. Новообинцево Алтайской губернии 6 инвалидов организовали рыболовецкую «артель», просто используя собственные рыболовные снасти и арендуя за свой счет рыболовные участки³⁶.

32. К вопросу о кооперировании инвалидов в сельском хозяйстве // Известия НКСО 1922. № 7. С. 2.

33. Измайлов Константин Федорович. Дневник / URL: <https://corpus.prozhito.org/note/319992>; <https://corpus.prozhito.org/note/318288> (дата обращения: 26.09.2024)

34. ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 404. Л. 129 об.

35. ГАКК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 404. Л. 145.

36. Отчет II Сибирского областного совещания губернских работников учреждений и организаций социального обеспечения. Новониколаевск, 1924. С. 14–15.

На протяжении 1920-х годов сельские инвалиды оставались практически не охваченными трудовой деятельностью, но с ходом коллективизации ситуация существенно изменилась. Сельсоветы развернули работу по коллективизации нетрудоспособных граждан. Прежде всего проводились собрания, на которых инвалидам разъясняли, что в случае отказа вступить в колхоз они теряют право на получение пенсии. В самом деле, постановлением Наркомсобеса от 10 декабря 1929 года о формах и порядках осуществления социального обеспечения, в связи с проводимой сплошной коллективизацией право на пенсию сохранилось лишь за инвалидами I и II групп «в исключительных случаях», то есть когда они не могли быть трудоустроены вследствие полной беспомощности. По сути, у инвалида не осталось альтернатив, кроме как идти в артель или в колхоз. Многие выбирали первый вариант, поскольку работа в инвалидной артели давала реальный заработок. В регионах, где основную массу инвалидов составляли крестьяне, которые не порвали с землей и могли при надлежащей организации артельного дела в сельской местности самостоятельно о себе позаботиться, развитие инвалидной кооперации могло бы стать довольно успешным.

Однако в 1929–1930 годах, как и в случае с пенсионным обеспечением, была проведена «чистка» личного состава артелей. Так, в Омском округе проверку проходили 204 чел. из 11 сельских артелей, 43 чел. (21%) были исключены³⁷. Основной причиной исключения называлась «связь с чуждым элементом», то есть сотрудничество с крестьянами из числа здоровых работников артели (главный принцип инвалидной артели). Помимо этого, примерно столько же было вычищено за принадлежность к «бывшим» (кулакам).

Интересы коллективизации и индустриализации требовали максимального вовлечения в трудовую деятельность всех, кто сохранил хоть какую-нибудь способность к труду. Поэтому самой желательной мерой социальной помощи инвалидам органы власти считали их трудоустройство в колхозах, где можно было использовать их остаточный труд с учетом характера инвалидности.

Отчеты ОГПУ о настроениях в деревне из самых разных точек республики того времени пестрят сообщениями о том, что в том или ином колхозе слабосильные пожилые люди были трудоустроены в качестве сторожей, хотя в силу своих физических кондиций не в полной мере могли исполнять обязанности по охране колхозной собственности: «...большинство старики, не имеющие элементарной необходимой подготовки, плохо оплачиваемые и пло-

37. ИАОО. Ф. Р-1026. Оп. 1. Д. 7. Л. 22. Л. 52, 54, 56.

хо снабжаемые»³⁸. Порой доходило до курьезных случаев, когда сторожами становились незрячие или глухонемые инвалиды, которые неизвестно как должны были действовать, если «увидели» или «услышали» нарушителя. Естественно, инвалиды и старики со своими обязанностями не справлялись, и их порой приравнивали к «врагам народа»³⁹.

Из реально работающих практик можно отметить случаи, когда незрячих колхозников направляли в специальные мастерские по переработке сырья, где они занимались сушкой фруктов и ягод и изготовлением из них варенья (Бондарев, Самсоненко, 2010: 194–195). К концу 1930-х годов такие мастерские существовали на средства колхоза, а касса взаимопомощи была только инициатором их создания. Также пожилые люди могли быть заняты на подсобных работах: доставка на поля горючего, семенного материала, воды, продуктов. В Ростовской области 77-летний колхозник С. И. Бабенко «кастрировал поросят» (Там же: 267). Однако бывало и так, что нетрудоспособному отказывали в предоставлении работы (Там же).

В. А. Бондарев и Т. А. Самсоненко полагают, что «сами постаревшие крестьяне не очень-то стремились перестать работать и повиснуть обузой на шее своих родственников», поскольку «сказывалась психология земледельца, формировавшаяся под мощнейшим воздействием специфического крестьянского уклада, в котором труд на земле представлял собой не просто работу, но и образ жизни...» (Там же: 266). Соглашаясь с такой точкой зрения, стоит все же сказать, что для тех, кто действительно не мог работать, принудительное участие в трудовой деятельности было единственной возможностью выжить. В самом деле, когда пенсию не платят, трудодни не насчитывают, в кассе взаимопомощи нет средств для продовольственной помощи, поблизости нет дома престарелых или у колхоза нет финансов, чтобы поместить туда своего старика, последнему оставалось только идти работать — даже туда, где от него было мало толку.

Что касается трудоустройства в коллективных хозяйствах, то, например, в аграрной Сибири (см. табл. 4) доля трудоустроенных инвалидов-сибиряков в общей массе вовлеченных в деятельность колхозов и совхозов дала наибольшие показатели (12,5% всех получивших работу инвалидов), при этом запланированные на первую половину 1930-х годов меры по переводу инвалидов из артелей в промышленный сектор оказались практически не выполненными, но трудоустройство крестьян-инвалидов в колхозы было приоритетным.

38. «Совершенно Секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 10. Ч. 1. 1932–1934 гг. М., 2017. С. 288.

39. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 4. М.: РОССПЭН, 2012. С. 83.

ИСТОРИЯ

Область трудоустройства	Западно-Сибирский край	Восточно-Сибирский край	Всего по Сибири
Совхозы	178	334	509
Колхозы	3 949	677	4 626
Всего в сельском хозяйстве	4 127	1 008	5 135
В % к общему числу трудоустроенных	54,5	56,7	55

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 53. Л. 10.

Если инвалида нельзя было трудоустроить «по специальности», то применялось трудовое переобучение с последующим устройством в сферу занятости, не связанную непосредственно с сельским хозяйством. В этом случае колхозы могли направлять инвалидов на курсы, организованные органами собесов, и вчерашние нетрудоспособные получали новые профессии, становясь счетоводами, бригадирами, санитарями, «избачами», работниками детских садов и т.п. Существовали даже «экзотические профили в обучении инвалидов, такие как цветовод или... баянист. В... Ростовской области [касса взаимопомощи] приобрела для ослепшего колхозника И. И. Дурнева баян и затратила 960 руб. на его обучение...» (Бондарев, Самсоненко, 2010: 196–197).

Оригинальный подход к трудоустройству безруких инвалидов в деревне еще в начале 1920-х годов предложил А. Жемчужный на страницах ведомственного периодического издания «Известия Народного комиссариата социального обеспечения» (Жемчужный, 1922: 2). Главной проблемой автор статьи считал то, что большинство инвалидов, лишившихся рук, «уверены, что оставшиеся у них культы совершенно бесполезны». Он же пытался доказать, что инвалид, у которого ампутирована верхняя конечность, с помощью несложных приспособлений и приборов может выполнять все знакомые и доступные ему сельскохозяйственные работы. Для максимального использования оставшейся культы верхней конечности автор статьи предлагал инвалиду в первую очередь начать физические упражнения, чтобы сделать ее более подвижной и сильной. Следующим шагом должно было стать приспособление для культы специального рабочего протеза. Здесь важное значение имело «раннее применение временного протеза, который способен улучшить общее состояние культы и сохраняет максимальное количество мышечной силы и необходимый объем движений» (Там же). Подобный временный рабочий протез для ампутированной руки, со слов Жемчужного, следовало использовать в профессиональных школах инвалидов и трудовых сельскохозяйственных колониях, где инвалиды-«ампутанты» проходили профессиональную переподготовку.

В специально созданной НКСо в Калужской губернии сельскохозяйственной колонии для инвалидов действительно были созданы

условия для применения «искусственной руки» в сельском хозяйстве. Для вовлечения безруких инвалидов в сельскохозяйственные работы необходимо было в каждом отдельном случае беседами и живыми примерами убеждать их в том, что они могут обрабатывать землю, снабдить их рабочим временным протезом и обучить, как им пользоваться, создать условия для проведения опытно-показательных работ. Сельскохозяйственный протез оснащали специальным «захватывающим приспособлением», и вся конструкция «искусственной руки» была рассчитана на то, чтобы с ее помощью заменить потерянную кисть. Фактически это был не протез, а просто зажим для рукоятки земледельческого орудия или инструмента (плуга, косы, лопаты, грабель и т.п.), который ввинчивается в нижний конец протеза. Для большей подвижности между зажимом и протезом использовался шарнир различных конструкций, заменявший недостающий лучезапястный сустав. Жемчужный, сам принимавший участие в экспериментах по использованию протезов, полагал, что безрукий инвалид мог легко и быстро научиться владеть протезом и производить при помощи него все сельскохозяйственные работы.

Истинные мотивы советской власти и ее отдельных представителей, выступавших в качестве защитников нетрудоспособных граждан, определялись тем, что протезирование сельского инвалида имело смысл только в том случае, если протез мог вернуть его в поле. Подобная практика связывалась с заботой о самом инвалиде и интерпретировалась соответствующим образом: «Безрукий инвалид — тяжелый инвалид, и если мы его возвращаем к сельскому хозяйству, мы даем ему самую заслуженную и самую ценную награду», но в то же время демонстрировала прагматическую цель советской социальной политики в отношении нетрудоспособных в деревне: «...для государства сохраняем блага обработанных искусственными руками инвалидов тысяч десятин земли» (Там же).

Заключение

Трудно не согласиться с мнением, что помощь, оказываемая деревенским инвалидам, «была весьма далека от идеалов социального равенства и справедливости. Она зависела не столько от материальных возможностей власти, сколько от идеологической преданности режиму, ратного и трудового участия в креплении его хозяйственных и политических основ. Принимая во внимание все те трудности, с которыми пришлось столкнуться молодому советскому государству по строительству реального социализма, все же нельзя не видеть того очевидного факта, что люди для него существовали до тех пор, пока могли быть «полезными обществу»» (Кринко, Тажидинова, Хлынина, 2011: 297).

Государственная социальная политика в отношении нетрудоспособных лиц в сельской местности в 1920–1930-х годах оказа-

лась крайне неэффективной. Пенсионное обеспечение, протезирование, система льготного налогообложения, единовременная материальная и натуральная помощь — все эти меры были половинчатыми, не обеспечивавшими удовлетворения реальных потребностей инвалидов и стариков в деревне. Подлинной целью государственной социальной политики было стремление снять нетрудоспособных крестьян с попечения государства, предоставив им возможность самостоятельного заработка и самообеспечения. В результате в социальной политике Советского государства в отношении инвалидов и пожилых людей в сельской местности возобладавал подход, максимально близкий к тому, что наблюдался в XIX веке, когда пожилых и престарелых использовали на работах до последней возможности.

В то же время применение труда инвалидов в сельском хозяйстве позволяло обойти решение таких сложных проблем, как подбор производства, обучение и переобучение, поиск надлежащего оборудования, содержание помещений. Трудоустройство деревенских инвалидов давало некоторые преимущества с точки зрения их материального обеспечения, поскольку его результаты были во многом индивидуализированы и зависели только от самого человека. Однако те, кто был знаком с реальными проблемами деревни, понимали, что из-за нехватки средств, отсутствия в среде инвалидов достаточного количества квалифицированной рабочей силы и специальных знаний их трудоустройство было крайне затруднительным.

Библиография

- Амирханова М. М. (2018). Социальное обеспечение населения Дагестана в 1930-е гг.: проблемы и пути их решения // История, археология и этнография Кавказа. Т. 14. № 4. С. 89–95.
- Бондарев В. А., Самсоненко Т. А. (2010). Социальная помощь в колхозах 1930-х годов: на материалах Юга России. Новочеркасск.
- Борисова Ю. А. (2022). Социальная политика Советского государства в отношении инвалидов в 1920–1930-е гг. (историографический аспект) // XXIII Петровские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Санкт-Петербург. С. 133–139.
- Bere (1922). О строительстве учреждений социального обеспечения крестьянскими комитетами взаимопомощи // Известия Народного комиссариата социального обеспечения. 1922. № 39. С. 3.
- Глазунова Т. В. (2021). К вопросу о положении инвалидов в начале 1920-х гг. (на примере города Омска) // Омские социально-гуманитарные чтения. С. 119–123.
- Жемчужный А. (1922). Безрукие инвалиды в сельском хозяйстве // Известия Народного комиссариата социального обеспечения. 1922. № 11. С. 2.
- Ковалев А. С. (2021). Основные направления социальной помощи «инвалидам крестьянского труда» в Сибири в 20–30-х гг. XX в. // Гришаевские чтения. Красноярск. С. 270–279.
- Ковалев А. С. (2022). Социальное положение нетрудоспособного населения сельской местности в советском государстве в 1920–1930-е гг. // Социально-экономический и гуманитарный журнал. № 3 (25). С. 321–340.

- Колесникова А. Ю. (2015). Правовая политика Советского государства в отношении инвалидов в 30-е гг. XX в. // Вопросы экономики и права. № 86. С. 17–20.
- Красильников С. А., Саломатова М. С., Ушакова С. Н. (2010). Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х — начале 1950-х гг. М.: РОССПЭН.
- Кринко Е. Ф., Тажиудинова И. Г., Хлынина Т. П. (2011). Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН.
- Нагорнова А. Ю., Макарова Т. А. (2014). Исторический анализ проблемы инвалидности в дореволюционной России и СССР // Общество: философия, история, культура. № 1. С. 27–34.
- Огнев А. В., Шарифулина Э. А. (2021). Интеграция инвалидов в советском государстве (18 ноября 1918 — 15 марта 1990) // Юридическая наука. № 3. С. 23–25.
- Панин А. С. (2019). Социальная поддержка в социалистическом государстве: инвалиды в Челябинском округе и Челябинской области в 1920–1930-е годы // История. Историки. Источники: электронный научный журнал. № 4. С. 62–67.
- Салказанов З. Г., Кесаева Р. Э. (2016). Реализация государственного концепта социальной поддержки нуждающихся в Северной Осетии в 1920–1930-е гг. // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. № 3. С. 71–77.
- Самсоненко Т. А. (2010). Социальная помощь населению коллективизированной деревни в 1930-х гг.: нормативно-правовые основы // История и историки в контексте времени. № 7. С. 92–100.
- Самсоненко Т. А. (2011). Социальное страхование и помощь нетрудоспособным в колхозной деревне Юга России 1930-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 5-1 (11). С. 179–185.
- Семенова И. Ю. (2022). Нормативные основы по социальному обеспечению рабоче-крестьянских семей (1917–1936 годы) // Исторический поиск. Т. 3. № 2. С. 30–36.
- Скорик А. П., Самсоненко Т. А. (2010). Дискуссионность вариантов социальной помощи сельскому населению СССР в начале 1930-х гг. // Лосевские чтения. Новочеркасск. С. 125–130.

А. С. Ковалев
Государственная социальная политика в отношении инвалидов и пожилых людей в сельской местности РСФСР в 1920–1930-х годах: оригинальные идеи и повседневные практики

State social policy towards the disabled and elderly in rural areas of the RSFSR in the 1920s–1930s: Ideas and everyday practices

Alexander S. Kovalev, DSc (History), Professor, Department of the History of Russia, World and Regional Civilizations, Siberian Federal University. Svobodny Prospekt, 79, Krasnoyarsk, 660041. E-mail: alexkovaleff@yandex.ru

Abstract. The article considers the main principles of the Soviet social policy towards disabled peasants in the 1920s–1930s, when they were the least protected category of citizens. The disabled in cities had priority in receiving state social assistance, while “disabled peasants” were supported on a residual basis. The leading actor of social policy in rural areas was peasant mutual-aid committees (peasant committees) which worked from 1921 to 1930. These committees were primarily responsible for providing social support to disabled rural residents. On the one hand, they were to receive the same types of social assistance as urban residents: pension, one-time financial and in-kind assistance, prosthetics, and employment opportunities. On the other hand, disabled and elderly peasants faced class, social and age-based discrimination when trying to get what was due. In addition to practices of social assistance, in the 1920s–1930s, there were various projects aimed at improving the social situation of the disabled in rural areas. However, most of such ideas focused on the remaining work ca-

capacity of the disabled and elderly, including in collective farms. With the beginning of collectivization, peasant mutual-aid committees were replaced by mutual-aid funds, and the responsibility for supporting the disabled and elderly was given to the working population of collective farms. Due to the lack of sufficient financial resources in collective farms, the disabled and elderly were also assigned work tasks which often ignored their capabilities. The author makes a conclusion about low efficiency of the state social policy measures and low level of satisfaction of the real needs of the disabled and elderly in the village.

Key words: peasant mutual-aid committees, collective farms, peasants, disability, pension provision, prosthetics, employment

References

- Amirkhanova M. (2018) Sotsialnoe obespechenie naseleniya Dagestana v 1930-e gg.: problemy i puti ih resheniya [Social security of population in Dagestan in the 1930s: Problems and ways to solve them]. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*, vol. 14, no 4, pp. 89–95.
- Bondarev V., Samsonenko T. (2010) *Sotsialnaya pomoshch v kolkhozah 1930-h godov: na materialah Yuga Rossii* [Social Assistance in Collective Farms in the 1930s: Based on the Materials from the South of Russia], Novocherkassk.
- Borisova Yu. (2022) Sotsialnaya politika Sovetskogo gosudarstva v otnoshenii invalidov v 1920-e — 1930-e gg. (istoriografichesky aspekt) [Social policy of the Soviet state towards the disabled in the 1920s–1930s (a historiographical aspect)]. *XXIII Petrovskie chteniya: Materialy Vserossiyskoj nauchnoj konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*, Saint Petersburg, pp. 133–139.
- Glazunova T. (2021) K voprosu o polozhenii invalidov v nachale 1920-h gg. (na primere goroda Omska) [On the situation of the disabled in the early 1920s (on the example of the city of Omsk)]. *Omskie sotsialno-gumanitarnye chteniya*, Omsk, pp. 119–123.
- Kovalev A. (2021) Osnovnye napravleniya sotsialnoj pomoshchi “invalidam krestyanskogo Truda” v Sibiri v 20-30-h gg. XX v. [Main directions of social assistance to “the peasant disabled” in Siberia in the 1920s–1930s]. *Grishaevskie chteniya*, Krasnoyarsk, pp. 270–279.
- Kovalev A. (2022) Sotsialnoe polozhenie netrudospособnogo naseleniya selskoj mestnosti v sovetskom gosudarstve v 1920-1930-e gg. [Social situation of the disabled in rural areas of the Soviet state in the 1920s–1930s]. *Social-Economic and Humanitarian Journal*, no 3, pp. 321–340.
- Kolesnikova A. (2015) Pravovaya politika Sovetskogo gosudarstva v otnoshenii invalidov v 30-e gg. XX v. [Legal policy of the Soviet state towards the disabled in the 1930s]. *Issues of Economics and Law*, no 86, pp. 17–20.
- Krasilnikov S., Salomatova M., Ushakova S. (2010) *Korni ili shchepki. Krestyanskaya semiya na spetsposelenii v Zapadnoj Sibiri v 1930-h — nachale 1950-h gg.* [Roots or Chips. Peasant Family in the Special Settlement in Western Siberia in the 1930s — Early 1950s], Moscow: ROSSPEN.
- Krinko E., Tazhidinova I., Khlynina T. (2011) *Povsednevny mir sovetskogo cheloveka 1920–1940-h gg.: zhizn v usloviyah sotsialnykh transformatsiy* [Everyday World of the Soviet Man in the 1920s–1940s: Life under Social Transformations], Rostov-on-Don: SSC RAS.
- Nagornova A., Makarova T. (2014) Istorichesky analiz problemy invalidnosti v dorevolutsionnoj Rossii i SSSR [Historical analysis of disability in pre-revolutionary Russia and the USSR]. *Society: Philosophy, History, Culture*, no 1, pp. 27–34.
- Ognev A., Sharifulina E. (2021) Integratsiya invalidov v sovetskom gosudarstve (18 noyabrya 1918 — 5 marta 1990) [Integration of the disabled in the Soviet state (November 18, 1918 — March 15, 1990)]. *Legal Science*, no 3, pp. 23–25.

- Panin A. (2019) Sotsialnaya podderzhka v sotsialisticheskom gosudarstve: invalidy v Chelyabinskom okruge i Chelyabinskoj oblasti v 1920-e — 1930-e gody [Social support in the socialist state: The disabled in the Chelyabinsk district and the Chelyabinsk Region in the 1920s–1930s]. *History. Historians. Sources*, no 4, pp. 62–67.
- Salkazanov Z., Kesaeva R. (2016) Realizatsiya gosudarstvennogo kontsepta sotsialnoj podderzhki nuzhdayushchihsya v Severnoj Osetii v 1920–1930-e gg. [Implementation of the state concept of social support for those in need in North Ossetia in the 1920s–1930s]. *Bulletin of the K. L. Khetagurov North Ossetian State University*, no 3, pp. 71–77.
- Samsonenko T. (2010) Sotsialnaya pomoshch naseleniyu kollektivizirovannoj derevni v 1930-h gg.: normativno-pravovye osnovy [Social assistance to people of the collectivized village in the 1930s: A regulatory-legal framework]. *History and History in the Context of Time*, no 7, pp. 92–100.
- Samsonenko T. (2011) Sotsialnoe strakhovanie i pomoshch netrudosposobnym v kolkhoznnoj derevne Yuga Rossii 1930-h gg. [Social insurance for the disabled in the collective-farm village in the South of Russia in the 1930s]. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Critique. Issues of Theory and Practice*, no 5–1, pp. 179–185.
- Semenova I. (2022) Normativnye osnovy po sotsialnomu obespecheniyu raboche-krestyanskikh semej (1917–1936 gody) [Regulatory framework for social security of workers' and peasants' families (1917–1936)]. *Historical Search*, vol. 3, no 2, pp. 30–36.
- Skorik A., Samsonenko T. (2010) Diskussionnost variantov sotsialnoj pomoshchi sel'skomu naseleniyu SSSR v nachale 1930-h gg. [Discussed options for social assistance to the rural population in the USSR in the early 1930s]. *Losevskie chteniya*, Novocherkassk, pp. 125–130.
- Vege (1922) O stroitel'stve uchrezhdenij sotsialnogo obespecheniya krestyanskimi komitetami vzaimopomoshchi [On the construction of social security institutions by peasant mutual-aid committees]. *Izvestiya Narodnogo Komissariata Sotsialnogo Obespecheniya*, no 39, p. 3.
- Zhemchuzhny A. (1922) Bezrukije invalidy v sel'skom khozyajstve [The armless disabled in agriculture]. *Izvestiya Narodnogo Komissariata Sotsialnogo Obespecheniya*, no 11, p. 2.

Взаимодействие сельского и лесного хозяйства как способ выживания восточных районов Костромской области¹

Т. Г. Нефедова

Татьяна Григорьевна Нефедова, доктор географических наук, главный научный сотрудник Института географии РАН. 119017, Москва, Старомонетный пер., д. 29, стр. 4. E-mail: trene12@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрена современная специфика взаимовлияния сельского и лесного хозяйства в удаленных от больших городов районах Костромской области, как типичного нечерноземного региона. Главными факторами в таких районах в последние десятилетия была депопуляция населения в сельской местности и в малых городах при концентрации производства ключевых отраслей — сельского хозяйства и деревообработки — на отдельных специализированных крупных предприятиях. При этом среднее звено предприятий вне городов вымывается, а малые вынуждены в целях выживания сочетать сельское и лесное хозяйство. Население при мизерных пенсиях сокращает личное подсобное хозяйство из-за возрастных ограничений и отсутствия помощи предприятий. На примере трех районов на востоке области рассмотрены пути трансформации в 2000–2020-х гг. крупных, средних и малых лесо- и сельскохозяйственных предприятий, а также хозяйств населения. Показаны пути взаимодействия и часто симбиоза сельского и лесного хозяйства и способы адаптации населения к меняющимся социально-экономическим условиям.

Ключевые слова: лесное хозяйство, сельское хозяйство, крупные и малые предприятия, сельское население, Нечерноземье, Костромская область

EDN LHJZVX

Костромская область — один из самых лесистых регионов России, хотя и относится к Центральному федеральному округу, леса занимают 73,3% территории (Регионы России, 2023). Это сопоставимо с гораздо более северной Республикой Коми. Даже в соседней Вологодской области доля территории под лесами меньше — 68%. На востоке России больше доля лесов только в Иркутской области и в Приморском крае. Однако по запасам древесины Костромская область уступает более северной Вологодской, а в ЦФО сравнима только с более обширной по площади Тверской. И по производству

1. Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 24-17-00129 «Перспективы социально-экономического и природосберегающего развития Ближнего Севера России», выполняемого в 2024–2026 гг. в Институте географии РАН.

пиломатериалов Костромская область занимает 8-е место в России, в Европейской части ее опережают только более северные и обширные Архангельская, Вологодская области, Республика Коми. А вот посевные площади — наименьшие в ЦФО (180 тыс. га). При этом с 2005 г. они уменьшились вдвое, а по сравнению с 1990 г. осталось 27% (Регионы России, 2001). Сельскохозяйственные земли занимают 16% территории и сосредоточены в основном на юго-западе области вблизи Костромы. По производству молока Костромская область отстает от соседней Вологодской более чем в 5 раз, при этом производство в последние годы продолжает убывать (Регионы России, 2023).

Лесные богатства и малоплодородные нечерноземные почвы, очаговость сельского хозяйства среди лесов и вблизи рек, как и прежде, вынуждают население помимо сельского хозяйства «кормиться» от леса (Кузьминов, 2009; Аверкиева, 2017) или временно подрабатывать в крупных городах. Для этой территории всегда было характерно сочетание сельского хозяйства с другими видами деятельности. Тем более что население области относительно бедное. Средняя зарплата в 2022 г. составляла в области лишь 60% от общероссийского показателя (Регионы России, 2023).

При этом проблемы постсоветской «холдингизации» в сельском хозяйстве проявляются и на этих, не очень плодородных землях. Все большую устойчивость, как и в других регионах, приобретают крупные сельскохозяйственные объединения, включающие несколько бывших колхозов и переработку сельскохозяйственной продукции (Узун и др., 2022). В Нечерноземье их меньше, чем на Юге России, но при сжимающемся экономическом пространстве их роль довольно велика. Но основным стимулом развития этих регионов служит создание крупных лесоперерабатывающих предприятий.

Особенно явно это проявляется в удаленных от больших городов «глухих углах» на стыке областей. За пределами центров регионов с их ближним окружением почти не осталось иных, важных для поддержания экономики районов, предприятий, кроме тех, которые связаны с лесным или сельским хозяйством. Восточная часть Костромской области по соседству с юго-востоком Вологодской, западом Кировской и севером Нижегородской областей — это типичная российская глубинка, удаленная от больших городов на 250–300 км. Сокращение сельского населения в XX–XXI веках здесь было катастрофическим. Демографические проблемы подобных районов в историческом и современном ракурсе неоднократно рассматривались в научной литературе (Мкртчян, 2024; Нефедова, Трейвиш, 2020). Общие для России тенденции стягивания населения в города и их пригороды здесь выражены особенно ярко. Неиспользуемые и зарастающие лесом сельскохозяйственные угодья характерны для многих нечерноземных регионов (Узун, 2017; Попов и др., 2024). Но именно в рассматриваемых районах наблюдается наибольший упадок сельского хозяйства (Староосвоенные..., 2021:

224-250), за исключением ополей — сравнительно небольших ареалов с лучше дренируемыми и более плодородными почвами (Нефедова, 2024а). Задача данной статьи — показать, как исторически менялись роль и взаимодействие ключевых секторов — аграрного и лесного — в зависимости от их местоположения и размера хозяйств и как это влияет на современное развитие муниципалитетов и жизнь населения.

Статья основана на многолетнем изучении автором сельской местности Костромской области в рамках Угорского проекта Сообщества профессиональных социологов (Ойкумена., 2016; Потенциал., 2016; Нефедова, Баскин, Покровский, 2021 и др.), а также проекта РНФ, посвященного районам Центра России в 2014–2021 гг. (Староосвоенные., 2021). В 2024 году в рамках проекта РНФ, посвященного регионам Ближнего Севера, автором было проведено специальное обследование современных проблем некоторых лесопромышленных² и сельскохозяйственных предприятий, как крупных, так и мелких, в трех удаленных от больших городов муниципальных районах Костромской области. Статья основывается на официальной статистике по регионам России и муниципальным образованиям, использовании интернет-ресурсов, отчетов муниципальных служб и предприятий, и главное, на беседах с руководителями предприятий разной специализации, как крупных, так и малых, и с населением.

История сельского и лесного хозяйства на востоке Костромской области

Исследуемая территория включает Мантуровский, Макарьевский и Шарьинский районы (ныне городские и муниципальные округа, а в прошлом части трех уездов: Кологривского, Макарьевского и Ветлужского). Они довольно долго оставались вне поля массового внимания, за исключением Макариево-Унженского монастыря, привлекавшего паломников. Экономический подъем наблюдался здесь в конце XIX века и был связан с лесным бумом. По Унже и Ветлуге к Волге и дальше по ней шел сплав леса, при этом Унжа, тогда более полноводная, занимала на рубеже веков второе место в Европейской России по объему сплава древесины (Торопов, 1998). Развивается на Унже и пароходство, в т.ч. пассажирское. По берегам рек московские, петербургские и иностранные лесопромышленники возводили лесопилки. Открывались ежегодные ярмарки и еженедельные базары. Купцы и промышленники строили себе в селах деревянные и каменные особняки. Под сельское хозяйство, которым занимались крестьяне, использовались в основном узкие

2. Совместно с сотрудниками Института географии РАН Е. А. Шварцем, А. Байбар, М. Орешкиной.

полосы земли на высоких террасах рек. Тем не менее именно сельское хозяйство, в т.ч. выращивание льна и кормов для скота, было основным занятием местного населения, которое дополняла работа мужчин зимой на валке леса или периодические отходы на заготовки в большие города.

В советское время сельское хозяйство и лесные промыслы разделяются. Создаются колхозы и леспромхозы со своими задачами и планами. Колхозам увеличивают площади распахки малоплодородных земель и поголовье скота при больших дотациях государства, но с жестким партийно-хозяйственным контролем. Коммерческое использование лесов колхозам запрещалось, кроме вырубki так называемых колхозных лесов для предприятия и нужд населения (дрова, материалы для строительства и т.п.). Бедность и тяжелый труд стимулировали отъезд населения в города. Леспромхозы экономически были более выгодны, в их центрах быстрее росла численность населения, за счет окрестных деревень. Эти поселки становились своеобразными локальными центрами организации территории второго уровня после городов.

Города также росли благодаря переработке леса. Однако реальный бум лесной промышленности был связан со строительством в 1906 году Вологодско-Вятской железной дороги, проходящей через Буй, Галич, Котельнич (теперь это часть Транссибирской магистрали). Так, например, возник поселок Брантовка недалеко от Мантурова на железнодорожной станции, от которой отходила узкоколейка на Кологрив, открывая доступ к богатым лесным ресурсам. Это стимулировало возникновение лесопереработки (на капитале предпринимателя Э. Бранта). Поселок начинался с шести домов. К 1926 году на лесопильном заводе работало уже 130 человек, в 1930-х годах на зимней заготовке и переработке леса — 500 человек, включая крестьян окружающих деревень, а с 1940-х годов здесь развернулся леспромхоз. Поселок был переименован в Октябрьский. Здесь был сформирован Мантуровский лесозаготовительный район МВД СССР. В 1959 году население поселка и ближайших лесных поселений, в которых были и спецпоселенцы, достигло максимума — 5,5 тысячи человек³. Значительная часть продукции шла на экспорт. К концу советского периода в поселке Октябрьский жило 2,2 тыс. человек. Сейчас официально числится 834 человека, а фактически живет 537. До 2020 года здесь работало крупное лесоперерабатывающее предприятие ЗАО «ЗИЛ-Лес». В настоящее время поселок Октябрьский административно включен в г. Мантурово и большая часть его населения ездит работать в районный центр. Лесопромышленные поселки возникали и вдоль рек, по которым шел сплав, например, поселок Карьково в 15 км от Мантурова. Как и Октябрьский, все они теряют население: стимулов само-

3. Из экспозиции музея поселка Октябрьский Мантуровского района Костромской области.

развития при узкой специализации им не хватает, население, кроме занятых в добыче и первичной переработке леса, в сельском хозяйстве для частичного обеспечения себя продовольствием и в социальной сфере вынуждено искать заработки в городах.

Город **Мантурово** вырос из небольшой деревни Кологривского уезда, его географическое положение на пересечении реки Унжа и железной дороги, в отличие от других лесных поселков, было более выгодным. В 1915 году именно здесь было решено построить деревообрабатывающий и фанерный заводы. Это способствовало существенному увеличению его значимости, сделав его не просто городом, а центром нового района. Фанерный завод уже в 1930-х годах стал одним из крупнейших в России, поставлявших продукцию в т.ч. и на экспорт. Значение г. Мантурово было усилено строительством на его окраине в 1970-х годах биохимического завода с глубокой переработкой древесины, в т.ч. для оборонно-космического комплекса. Проработал он недолго из-за устаревшей технологии, оставив серьезные экологические проблемы (Ойкумена..., 2016: 94-98). Более удачная судьба у фанерного завода, который в 2007 году вошел в состав мощного объединения «Свеза», имеющего также предприятия в Костроме и в других регионах России.

Население города Мантурово в 1979 году составляло 22,5 тысячи. С тех пор оно уменьшилось до 13 тыс. человек, 3,9 тысячи живут в сельской местности Мантуровского городского округа (бывшего района). Благодаря двум крупным предприятиям лесопереработки на окраине города рядом с заводами в позднесоветское время возник современный квартал многоэтажных домов на 6 тыс. жителей с магазинами и двумя гостиницами (почти половина всего населения города). В ГО Мантурово числится 100 сельских населенных пунктов, в т.ч. около 40 без постоянного населения.

Не только лес, но и сельское хозяйство давало свои стимулы развитию района и города. В Мантурове работал хлебокомбинат (сейчас закрыт), в 1960-х годах был построен и работает сырзавод. Посевные площади в районе расширялись, однако все они были сосредоточены в полосе между рекой Унжа и параллельной автодорогой. Остальную территорию занимал лес. Показатели колхозов в советское время были нестабильны из-за низкого плодородия почв и жесткого надзора (сеять, убирать заставляли в «спущенные сверху» сроки без понимания реальной ситуации). Дотации составляли до 80% стоимости продукции. Урожайность зерновых колебалась от 7 до 12 ц/га. Но были и исключения благодаря отдельным сильным личностям. Например, председатель колхоза им. Ленина в деревне Угоры на реке Унжа в 1950–1970-х годах добился решения не только поставить пилорамы, но и продавать продукцию лесопереработки, в т.ч. готовые ящики, в другие регионы и республики СССР (другим это запрещалось). Компенсируя таким образом убытки сельского хозяйства, он вывел колхоз на одно из первых мест в области (Нефедова, 2024б). После его ухода колхоз им.

Ленина лихорадило, и к концу XX века он находился, как многие, на грани банкротства.

Шарья развивалась по той же схеме, что и Мантурово. Главными стимулами развития *города и Шарьинского района* также была лесная промышленность на пересечении железной дороги и реки Ветлуга. Относительно плодородные почвы и более плотное сельское население было характерно лишь для юга района на лучше дренируемых землях правобережья Ветлуги на границе с Нижегородской областью. Годом основания города считается 1906 год — открытие железнодорожного движения через Шарью. В 1920 году здесь был построен лесозавод, заготовки леса расширялись. К 1925 году жило уже 14 тыс. человек. В 1950-х годах строится Шарьинский комбинат домостроения с мощным лесопильным цехом и производством каркасных домов, машиностроительное и пищевые предприятия. В постсоветское время несколько предприятий объединяются в «ООО Лесопромышленный комплекс». В начале 2000-х годов в район приходит дочернее предприятие швейцарской фирмы «Кронохолдинг», которое остается одним из крупнейших в России производителей древесно-стружечных ламинированных плит «Свисс Кроно». Население Шарьи в постсоветские годы убывало меньше, чем в Мантурово, и сейчас составляет 20,4 тыс. человек, в Шарьинском районе числится 7,9 тыс. жителей. Из 179 сельских пунктов 73 не имеют постоянного населения.

Макарьев (как и другой бывший уездный центр Кологрив), оставшийся без железной дороги, имеет в настоящее время меньше шансов для развития мощной деревообработки, несмотря на большую площадь его района и обилие лесов. Сельское хозяйство в нем также концентрируется в узкой полосе вдоль правого берега реки Унжа. Большая часть района расположена на труднодоступном заболоченном лесном противоположном берегу, при этом моста через Унжу в районе нет. В отличие от Мантурова и Шарьи, Макарьев — старинный город, возникший на высоком правом берегу на месте слободы при Макариево-Унженском монастыре XV века. Годом его основания считается 1778-й, и развивался он как купеческий город на торговле лесом и обслуживании пароходных компаний. Судя по описаниям XIX века (Брокгауз, Ефрон, 1898), жизнь здесь была ключом. Эти земли были известны своим корабельным лесом, и в городе располагался один из крупных лесных рынков в бассейне Волги. Он практически затмил расположенный недалеко от него город Унжа — военный и торгово-административный центр, известный с XIII века, который в XIX веке стал заштатным городом, а ныне — селом с несколькими полуразрушенными церквями. В советские годы в глубине тайги на левом берегу Унжи находился печально известный Унжлаг, где лес рубили заключенные, жившие в спецпоселках, соединенных грунтовыми и бревенчатыми дорогами, в т.ч. проложенными на сваях через болота. Память об этом периоде сохранена в Макарьевском краеведческом музее.

Т. Г. Нефедова
Взаимодействие
сельского и лесно-
го хозяйства как
способ выживания
восточных рай-
онов Костромской
области

В современном Макарьевском районе население также убывает, еще в 2002 году жило 19,5 тыс. человек, сейчас — 10,4 тысячи, в т.ч. 5,6 тыс. — в городе Макарьев. Малоэффективность центра района, удаленность от Костромы на 186 км и отсутствие железной дороги сильно ограничивают его развитие. Тем не менее и здесь основой экономики и района, и города также служат лесопереработка и сельское хозяйство, хотя привлекать инвесторов им труднее. Поскольку крупных лесоперерабатывающих компаний в районе почти нет, здесь особенно ярко проявляется симбиоз сельского и лесного хозяйства. В районе также много заброшенных сельских населенных пунктов (30 из 141), однако живописность ландшафтов на высоком берегу Унжи и меньшая удаленность от Костромы, Ярославля, Москвы привлекает сюда больше городских дачников, сохраняющих тлеющую жизнь малых деревень.

Таким образом, для рассматриваемых районов и их центров главным фактором развития в XX веке стала железная дорога и тесно связанная с ней лесная промышленность. Она стимулировала рост новых городов, в то время как старые уездные центры (Макарьев, Кологрив), удаленные от дороги, теряли население и экономический вес.

Характеристика удаленных районов и их накопленные проблемы

Прежде чем приступить к оценке современного состояния отдельных предприятий и проблем населения, сравним некоторые стандартные статистические показатели области в целом, пригородного Костромского района и рассматриваемых восточных районов, условных «соседей» Костромы 5-го порядка (Макарьевский), 6-го (Мантуровский) и 7-го порядка (Шарьинский) (табл. 1 и 2). Самыми большими запасами леса обладает Макарьевский район (388 млн куб. м), но большая их часть на левом берегу Унжи при отсутствии моста и сильной заболоченности в настоящее время труднодоступна. В Мантуровском районе — 159 млн куб. м, в Шарьинском — 238 млн куб. м⁴.

Прежде всего надо отметить во всех трех районах очень низкую плотность автодорог. Главной остается асфальтированная федеральная трасса, пересекающая область с запада на восток. В последние годы были значительно улучшены и некоторые региональные трассы. Но стоит отклониться от них, и территория в осенне-зимне-весенний период становится труднодоступной, кроме спецтранспорта. Районы и прежде были заселены вдоль рек и редких дорог, а сейчас, после длительного оттока сельского насе-

4. Лесной план Костромской области. 2023. Электронный фонд правовых и нормативных документов.

ления, его плотность крайне мала, особенно по сравнению с пригородом Костромы (табл. 1). При этом население в Костромском районе увеличилось, а Макарьевский и Мантуровский районы потеряли только за постсоветские годы 2/3 сельского населения. Превышение смертности по возрасту и по неестественным причинам над рождаемостью оказалось в Мантуровском и Макарьевском районах важнее, чем его миграционный отъезд. Город Шарья на востоке области, через который идет сообщение как с Нижегородской, так и с Кировской областями, несколько лучше сохранил население, выполняя роль второго центра региона на пересечении транспортных магистралей. Его роль усиливается расположением центра области Костромы ближе к ее западным окраинам.

Таблица 1. Население и обустройство территории пригородного (Костромского) и восточных районов Костромской области

Пригородный и юго-восточные удаленные районы	Территория, кв. км	Плотн. автодорог, км/1000 кв. км	в т.ч. с усовершен. покрытием	Плотность сельского населения, чел/кв.км, 2022 г.	Динамика сельского населения, 2022/1990	Миграции, среднее за 2018–2022, чел/1000 жит. в год	Ест. Убыль, среднее за 2018–2022, чел/1000 жит. в год
Область в целом	58437	12,2	1,6	2,5	58,9		
Районы							
Костромской	2032	24	7,3	20,5	106,3	-2	-6
Макарьевский	4854	9,4	1,4	1,0	34,4	-10	-17
Мантуровский	2667	5,5	0,8	1,0	38,9	-8	-14
Шарьинский	3994	6,9	1,5	1,8	64,3	-14	-13

Данные Росстата по Костромской области

Доля занятых в народном хозяйстве в районах (собственно «кормильцев») в численности населения невелика (табл. 2). При сравнительно низких зарплатах продолжается отъезд населения на постоянное место жительства в другие регионы или временно на заработки в большие города. Это стимулируется и слабой бытовой обустроенностью жизни в сельской местности — отсутствием трубопроводного газа. Водопровод есть только в городах и центрах бывших сельских поселений.

Сельское хозяйство существенно сжалось в постсоветские годы. Распаханность территории за пределами пригорода Костромы и юго-западных районов области и прежде была невелика. За последние 30 лет в Макарьевском районе было заброшено более половины посевной площади, а в Шарьинском и Мантуровском —

соответственно, выведено из производства около 80%. Такими же были и потери поголовья крупного рогатого скота (КРС) (табл. 2). Все эти процессы оказали существенное воздействие на изменение не только структуры экономики, но и ландшафтов из-за зарастания огромных площадей лесной растительностью (Медведев, 2019). Но главное, изменилась сама организация как сельского, так и лесного хозяйства.

Таблица 2. Занятость, зарплата и сельское хозяйство

	Доля в % занятых в числен. населен.	Зарплата 2023 г., тыс. руб.	Доля НП без газа, %	Доля НП без водо-провода, %	Доля посевной в террит. 2022, %	Динамика посевной 2022/1990, %	Динамика КРС 2022/1990, %
Область в целом	14	49	89	72	3	28	14
Районы							
Костром-ской	13	42	49	56	13	66	38
Макарьев-ский	12	34	100	76	1,5	41	15
Мантуров-ский	11	35	100	94	0,8	12	12
Шарьинский	9	39	100	87	2,1	22	17

Данные Росстата по Костромской области

Современные лесо- и сельскохозяйственные предприятия и их перспективы

Сельско- и лесохозяйственные предприятия представлены в основном обществами с ограниченной ответственностью (ООО), как в лесном, так и в сельском хозяйстве, сельскохозяйственными производственными кооперативами (СПК), а также индивидуальными предпринимателями (ИП) и крестьянскими фермерскими хозяйствами (КФХ). Первые две группы включены в единый перечень сельскохозяйственных предприятий⁵ и лесозаготовительных компаний⁶ на 2022–2023 годы и информация по ним доступна, хотя и устаревает, требуя проверки. Исследовать ИП и КФХ сложнее. Их перечень более изменчив. К тому же многие предприятия в последние годы меняли свой статус, в т.ч. стремились перейти в форму ООО, поскольку последние имеют некоторые преференции по наследованию бизнеса, доступа к аренде лесов и т.п. Большинство агропред-

5. Агробаза сельскохозяйственных предприятий Костромской области (<https://www.agrobase.ru/selxozpredpriyatiya/rossiya/cfo/kostromskaya-oblast>).

6. Лесозаготовительные компании Костромской области (<https://www.yecom.ru/category/020110/region/44>).

приятий в качестве вспомогательного бизнеса занимаются заготовкой и переработкой леса. Поэтому исследование основывалось, помимо опубликованной статистики, на данных районных администраций и материалах обследования предприятий разного размера.

Рассмотрим сначала лесозаготовительные предприятия. Надо признать, что подвижки в этой сфере в последние годы, несмотря на обилие лесных ресурсов, велики. Например, в Шарьинском районе отмечено 6 действующих ООО, 15 ликвидированных в последние 10 лет и одна компания несостоятельна. В Мантуровском районе сохранилось одно ООО и шесть ликвидированы. В Макарьевском районе — два ООО действуют и три ликвидированы.

Крупнейшей лесозаготовительной компанией в Шарьинском районе остается «Свисс Кроно» в поселке Ветлужский, который вошел в состав Шарьи, с выручкой 1,7 млрд руб. и чистой прибылью 76 млн руб. в 2023 году⁷. Это один из основных налогоплательщиков районного, регионального и странового уровня. Второй крупной компанией является «Шарьялес» с выручкой в 2023 году 77 млн руб. и прибылью 1,7 млн руб. Остальные 4 компании имеют годовую выручку от нескольких сот тысяч до 24 млн руб. Учитывая большое число закрытых компаний, очевидно, что идет концентрация производства с размыванием среднего звена.

При этом «гиганты» активно взаимодействуют с небольшим лесным бизнесом. Например, у «Свисс Кроно» собственная аренда лесных участков дает около трети сырья, а остальное ей везут самые разные предприятия, причем не только с лесохозяйственной специализацией. Большинство сравнительно мелких ИП и ООО сельскохозяйственного профиля указывают в качестве второго вида деятельности заготовку и переработку древесины с поставками на «Свисс Кроно» (на подъезде к нему стоит огромная очередь грузовиков с лесом), на фанерные комбинаты в Мантурово и в соседнюю Нижегородскую область.

Выручка Мантуровского фанерного комбината в 2023 году превышала «Свисс Кроно» почти вдвое — 3,5 млрд руб. в 2023 году с чистой прибылью 693,5 млн руб.⁸. Комбинат в основном покупал березовое сырье у многочисленных поставщиков и продолжает покупать, но в 2024 году взял дополнительно участок леса в аренду в Кологривском районе. При этом непосредственно вырубкой березы на этом участке занимаются две нанятые специальные бригады из Вологодской области по четыре человека, которые меняются каждые две недели, работая на современных комплексах (харвестеры и форвардеры) круглосуточно и круглогодично. Производительность этой техники в десятки раз выше, чем могут себе позволить мелкие компании со старым привычным оборудованием (Беляева, 2024). Но новая техника стоит десятки миллионов рублей и требу-

7. Ibid.

8. <https://alestech.ru/factory/45-sveza-v-manturovo>

ет специального обучения, поэтому местные жители на такой сложной технике, как правило, не работают.

В Мантуровском районе осталось всего одно относительно крупное ООО с лесозаготовками «Дом-строй» с выручкой в 2023 году 650 млн руб. рядом с бывшей станцией и поселком Октябрьский на железной дороге. Об активной деревопереработке в прошлом в этом поселке говорят горы отходов опилок и лесоматериалов. Восемь компаний в Мантуровском районе было ликвидировано за последние десятилетия. Все остальные заготовители — сравнительно небольшие.

В Макарьевском районе сохранилось лишь несколько ООО и ИП, занимающихся лесозаготовками и лесопереработкой (пиломатериалы, горбыль, дрова населению), в т.ч. на низком болотистом противоположном берегу реки. Большую часть древесины обрабатывают индивидуальные предприниматели.

Сельскохозяйственные предприятия в этих трех удаленных районах менее успешны. В справочнике Агробаза в Шарьинском районе указаны 16 предприятий. Однако эта информация существенно устарела. Число их постепенно снижалось и к 2021 году осталось восемь небольших предприятий⁹.

Подробное обследование Мантуровского района выявило в 2024 году всего четыре реально работающих самостоятельных предприятия. Два наиболее успешных прежде колхоза, ныне ООО, вошли в объединение «Молпром», зарегистрированном в Костроме. В это объединение также входит Костромской, Мантуровский и Вохомский сырзаводы, ООО «Боговар», производящий известное «Боговаровское сливочное масло», и ряда других предприятий¹⁰. Вхождение в состав холдинга позволяет двум бывшим колхозам района наладить сбыт продукции и сохранить поголовье скота: в ООО «Междуречье» сохранилось 449 голов КРС, в т.ч. 208 коров, в ООО «Леонтьево» — 367, в т.ч. 175 коров. В остальных четырех самостоятельных предприятиях в сумме насчитывается лишь 118 коров и еще 28 коров держат ИП.

В Макарьевском районе из 10 бывших агропредприятий реально функционируют только четыре. Крупнейшие — СПК «Новая Русь» (426 КРС) и СПК «Никулино» (280 КРС). Последнее отказалось от производства молока, сохранив только мясное стадо. Закрылись и перерабатывающие предприятия: «Макарьевские колбасы» и «Молочная ферма».

Наиболее известно в Макарьевском районе предприятие другого профиля, тесно, но совсем иначе связанное с лесом, — ООО «Царь Берендей», перерабатывающее дары леса, собираемые населением. По оценкам, в лесах Костромской области объем заготовок брусники может составлять 40 тыс. тонн, черники — 142 тыс.

9. Паспорт Шарьинского района Костромской области, 2022.

10. ООО «МОЛПРОМ» (<https://checko.ru/company/molprom-1034408630772>)

тонн, клюквы — 7,6 тыс. тонн, грибов — 51 319 тыс. тонн, хотя учет фактических объемов заготовок не производился¹¹. Предприятие расположено на окраине города Макарьев в помещении бывшего льнозавода, что символически указывает на смену приоритетов развития таких районов с сельского хозяйства, особенно льноводства, на использование даров леса. Лен был характерен для крестьянских мелких хозяйств в этих районах при ручном уходе на рубеже XIX и XX веков. В советских колхозах при машинном производстве он не удавался (волокно получалось грубым, урожайность низкая) и сошел на нет (Ойкумена., 2016: 167-174). А в современных условиях бренд района и в целом Костромской области — мороженные, соленые, маринованные грибы, разнообразные варенья и соки. Продукция предприятия реализуется широко за пределами Костромской области, в т.ч. и через фирму «Вкусвилл», захватив не только магазины, но и сегмент обслуживания гостиниц. Ее можно найти и в магазинах Москвы. Возможность стабильного сбыта грибов и ягод в удаленных лесных районах для поддержки местного населения оказалась очень важна. Машины за ягодами и грибами приезжают в определенные дни в «опорные» села, где за небольшую плату от предприятия местный сборщик забирает продукцию от населения. Но население стареет, детей, часто участвующих в сборе даров леса, все меньше. Но главное, далеко не все вполне трудоспособные даже при отсутствии работы готовы подрабатывать таким образом. В настоящее время собранного в Костромской области сырья недостаточно, предприятию приходится расширять зону заготовок в соседние регионы.

Способы выживания сельскохозяйственного бизнеса в лесных районах

Трансформация лесохозяйственного бизнеса и сжатие сельскохозяйственного производства имели заметные последствия для экономики и землепользования в рассматриваемых районах. Наиболее надежный путь выживания агропредприятий — включение в крупный агропромышленный холдинг, что обеспечивает сохранение поголовья скота, модернизацию предприятия, надежный сбыт продукции. Например, в Мантуровском районе в 2024 году 67% поголовья КРС приходилось на два предприятия, входящих в агрохолдинг. Все остальные производители вынуждены бороться за выживание, используя в качестве вспоможения лесозаготовки и деревообработку.

При этом выросший за 30 с лишним постсоветских лет молодой лес на заброшенных сельскохозяйственных землях колхозов рубить запрещено, даже предприятию, которому эти земли принад-

11. Лесной план Костромской области. Электронный фонд правовых и нормативных документов.

лежат. Можно только официально передать их в ведение лесного хозяйства или распахать. Но передавать можно лишь конкретные земельные пай населения, которые в подавляющем большинстве не выделены на местности: люди не хотят платить за ненужные им заросшие лесом, хотя и официально числящиеся сельскохозяйственными, земли. Их переоформление — сложная процедура. К тому же леса в области пока достаточно. Межколхозные леса, которые прежде могли использовать колхозы и их работники для своих нужд, перешли в ведение государства. В результате создается абсурдная ситуация: поля забрасываются, площадь леса вокруг агропредприятий увеличивается, в т.ч. и на их землях, но для вырубki леса, без которой большинству из них не выжить, руководителю предприятия приходится брать в аренду участок на официально оформленных лесных землях.

Тем не менее именно лесозаготовки помогают выживать как агропредприятиям, так и населению. Правда, доступ населения к использованию древесины для бытовых нужд (напомним, что магистрального газа в рассматриваемых районах нет) усложнился. Прежде лесхозы выделяли делянку и выдавали порубочные билеты на определенный объем леса. Люди рубили сами или помогали друг другу. Теперь, хотя и положено на домохозяйство 15 куб. м на дрова в год и 100 куб. м на строительство дома раз в десять лет, мало кто сам рубит и тем более строит. Население постарело и убывает. Спрос только на дрова, а вокруг предприниматели, готовые продавать населению за 15 тыс. руб. (в 2023 г.) машину осинового и березовых дров. Некоторые предприниматели покупают заготовленные бревна, пилят и колют их на дрова и продают населению.

Рассмотрим примеры некоторых наиболее типичных сочетаний лесо- и сельскохозяйственных типов деятельности, благодаря которым, помимо крупных лесоперерабатывающих предприятий и редких бывших колхозов, которые вошли в состав крупных агрохолдингов, держится экономика этих удаленных районов.

Один из наиболее распространенных вариантов — создание одним и тем же руководителем дополнительно к сельскохозяйственному предприятию, доставшемуся ему с советских времен, еще и лесозаготовительного под вывеской ООО или ИП. При убыточности или нулевой прибыли сельскохозяйственного производства, его продолжение возможно только за счет доходов от заготовки и простейшей переработки леса. Поэтому обычно дополнительно оформляется аренда лесов. Многие при этом ставят пилораму, производя простые пиломатериалы для строительства и дрова для населения. Более активные везут древесину на «Свисс Крона» в Шарью. При этом убыточность в таких условиях и трудоемкость традиционно в прошлом для этих мест молочного животноводства заставляет часть руководителей отказываться от него, переходя на мясное, менее затратное. Для этого оформляется параллельно крестьянское фермерское хозяйство, чтобы была возможность взять кре-

дит на покупку скота, оставляя в ООО или СПК заготовку кормов. Совмещая, таким образом, доходы от разных бизнесов, руководители небольших сохранившихся хозяйств пытаются поддерживать на плаву бывшие советские агропредприятия. При этом реально используемые сельскохозяйственные земли, особенно пашня, продолжают сокращаться.

Такое сочетание бизнесов позволяет хотя бы частично сохранять занятость населения. Последнее тем более важно, что в результате муниципальной реформы и объединения сельских поселений в последнее десятилетие в Костромской области произошло резкое сокращение рабочих мест в социальной сфере, закрылись сельские администрации, школы в небольших деревнях, клубы (Глезер, 2016; Трейвиш и др., 2021). Серьезным ограничителем продолжения сельскохозяйственной деятельности и ее сочетания с лесохозяйственной служит устаревшая техника, большая часть которой вышла из строя. Обновить ее небольшому предприятию не представляется возможным.

Местное население таких руководителей-предпринимателей, как правило, не одобряет, хотя сохранение предприятия в любом виде — это зачастую единственный заработок в сельской местности. Рефрен «все вокруг колхозное, все вокруг мое» продолжает жить в головах местного населения, притом что заработать самостоятельно, в т.ч. создав свой малый бизнес, мало кто пытается.

Как выживает население

В современной сельской местности востока Костромской области преобладают пенсионеры. Трудовые ресурсы — это главная проблема в современной нечерноземной деревне, особенно в таких удаленных районах. Скорость естественной убыли оставшегося населения по старости увеличивается. В таблице 1 видно, что в последние пять лет население Макарьевского и Шарьинского районов в результате миграционного оттока и превышения смертности над рождаемостью сокращалось на 2,7% в год, Мантуровского — на 2,2% в год. Кажется, что это не так много, но через 10 лет это уже на четверть меньше людей, а через 20 лет — меньше наполовину. Если учесть, что во многих селах осталось менее 10 человек, число заброшенных деревень продолжит расти.

Но дело не только и не столько в количестве населения. При современных организационно-технологических изменениях как сельского, так и лесного хозяйства его в принципе хватало бы. Но при разговоре с любым руководителем главные жалобы — люди есть, а работать некому. Уезжают наиболее активные и трудоспособные люди (молодежь, а в последние годы и семьи с детьми, в т.ч. в связи с закрытием многих школ при объединении поселений и переходом на подвоз детей по плохим дорогам в оставшиеся). В результате

происходит «отрицательный социальный отбор» населения. Людей, не только готовых к малому бизнесу, но и пытающихся так или иначе зарабатывать в месте проживания, очень мало. На сельскохозяйственных предприятиях и пилорамах местные жители тоже неохотно работают из-за низких зарплат и тяжелого труда. Надежных работников единицы. Да и те, кто занят на подсобных работах, периодически уходят в запой.

Подробное исследование Мантуровского района показало, что при мизерных пенсиях выживать помогает помощь родственников, в т.ч. уехавших в города детей, пенсии матерей и огороды. Летом жизнь активизируется благодаря дачникам. Например, в Мантуровском районе доля домов в деревнях, купленных дачниками, достигает 30%, а в малых деревнях доходит до 70–80% (Нефедова и др., 2021), хотя дачники здесь обычно ничего не строят и живут в деревенских избах (Между домом, 2016). Главная проблема дачников — где найти людей, готовых помочь косить траву, ремонтировать дом и т.п., причем за немалые деньги. Единичные надежные работники нарасхват. Помимо сельского, лесного хозяйства, объектов социальной сферы, а также редких продуктовых магазинов в наиболее крупных селах, именно дачники становятся основными работодателями для трудоспособных сельских жителей и потребителями продукции их подсобных хозяйств, которые тоже сжимаются.

Например, в 30 деревнях Мантуровского района на 235 личных подсобных хозяйств приходится всего 59 коров. Молоко в ЛПХ производится для собственного потребления и продажи соседям по деревне и дачникам. Хозяйств, в которых ЛПХ перерастает в неоформленное фермерское, на весь район всего два (14 коров с телятами и 9 коров). Есть случаи, когда коров заводят переехавшие в сельскую местность москвичи. Есть несколько хозяйств, содержащих коз и овец, при этом половина всего поголовья сконцентрирована в трех хозяйствах, ориентированных на продажу мяса (в т.ч. через интернет). Свиной держат редко. Более распространено пчеловодство на цветущих, в т.ч. заброшенных, полях и лугах — в районе 51 пасека. В целом с убылью и постарением населения сжимается и личное подсобное хозяйство.

Заключение

И прежде, и теперь главными факторами экономического развития удаленных от городов районов Нечерноземья были и остаются возможности вывоза и переработки леса. При проведении железной дороги в начале XX века именно лесная промышленность дала стимулы развития городов, что показывают примеры Мантурова и Шарья. Города, бывшие в прошлом даже уездными центрами, которые не имели выхода к железной дороге, стагнировали.

Лесная промышленность стала ключевым фактором экономического развития этих районов, давая $\frac{3}{4}$ всего производства. При этом как в лесной промышленности, так и в сельском хозяйстве идут процессы укрупнения и размывания среднего звена. При продвинутой современности технологий лесозаготовок и лесопереработки, а также технологизации производства на крупных агрохолдингах требуется сравнительно небольшое количество специально подготовленных людей. Поэтому сохранение и развитие крупных предприятий, модернизация сельского и лесного хозяйства не стала фактором сохранения занятости местного населения.

Для остальных предприятий характерно усиление взаимосвязи сельского и лесного хозяйства. Наличие таких мощных переработчиков древесины, как «Свеа» в Мантурове, потребляющая березовый баланс для производства фанеры, и «Свисс Крони» в Шарье, принимающая самую разную, в т.ч. некондиционную, древесину для производства древесно-стружечных плит, стимулирует самые разные предприятия, в т.ч. средние и малые сельскохозяйственные, к лесозаготовкам, независимо от их организационной формы (ООО, СПК, ИП). При наличии отремонтированных федеральных и региональных трасс сбыт древесины возможен и на фанерных комбинатах других районов области и в соседних областях. Добыча и первичная переработка древесины реально помогает выжить как лесозаготовителям, так и агропредприятиям. Можно говорить о современном симбиозе сельского и лесного хозяйства. При резком сокращении дотаций оставшимся и бывшим колхозам он становится неизбежным. В этих районах с бедными почвами, где лесное хозяйство по доходам превосходит сельское, выживать без помощи лесопользования могут лишь агропредприятия, имеющие «холдинговую крышу». Закрывая глаза на побочные производства, связанные с лесами, областные и муниципальные чиновники требуют тем не менее сохранения сельского хозяйства любой ценой, вводя при сокращении поголовья скота санкции по оформлению аренды лесов. Это заставляет руководителей агропредприятий поддерживать оставшееся поголовье, порой переводя его с исторически сложившегося в этих регионах молочного на менее трудоемкое мясное направление и занимаясь параллельно лесозаготовками для получения прибыли. Налицо явное противоречие современных подходов бизнеса с целью выживания, в т.ч. и с рядом инноваций, с традиционными чиновничьими подходами.

Все это, дополнительно к крупным и средним лесопромышленным предприятиям, поглощающим тонны леса, усиливает оборот древесины и дает шансы заработать наиболее активной узкой группе населения. При этом сельское хозяйство, за исключением единичных предприятий, включенных в агрохолдинги, сжимается. В результате значительная часть сельских жителей, за исключением пенсионеров со стабильным небольшим доходом и молодежи, которая после окончания школы уезжает в города, подвержена депривации.

СОВРЕМЕННОСТЬ

- Аверкиева К. В. (2017). Симбиоз сельского и лесного хозяйства на староосвоенной периферии Нечерноземья: опыт Тарногского района Вологодской области // Крестьяноведение. Т. 2. № 4. С.86-106.
- Беляева М. (2024). Щепки летят. Как устроен лесозаготовительный промысел на Вологодчине. М.: Common Place. Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники».
- Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. (1898). Энциклопедический словарь. Т. XXII. СПб.: Типография акционерного общества Брокгауз-Ефрон.
- Глезер О. Б. (2016). Непрерывающаяся муниципальная реформа в России и новации 2014–2015 гг. // Россия 2016. Ежегодный доклад Франко-российского аналитического центра «Обсерво». С. 373-386.
- Кузьминов И. Ф. (2009). Костромская периферия: социально-экономические последствия трансформации лесопромышленности (docviewer. Yandex.ru/view/22819521/?=7odoQf1OdBQgjnD)
- Медведев А. А., Тельнова Н. О., Кудинов А. В. (2019). Дистанционный высокодетальный мониторинг динамики зарастания заброшенных сельскохозяйственных земель лесной растительностью // Вопросы лесной науки. Т. 2. № 3. С. 1-12.
- Между домом, и... домом (2016). Возвратная пространственная мобильность населения России / Т. Г. Нефедова, К. В. Аверкиева, А. Г. Махрова (ред.). М.: Новый хронограф.
- Мкртчян Н. В. (2024). Стягивание населения России в крупные города и их пригороды // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2 (63). С. 241-249.
- Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. (2020). Поляризация и сжатие освоенного пространства в Центре России: тренды, проблемы, возможные решения // Демографическое обозрение. Т. 7. № 2. С. 31-53.
- Нефедова Т. Г., Баскин Л. М., Покровский Н. Е. (2021). Эволюция пространства сельских территорий Ближнего Севера (кейс Мантуровского района Костромской области) // Социологические исследования. № 11. С. 132-143.
- Нефедова Т. Г. (2024а). Векторы и проблемы современного пространственного развития регионов Ближнего Севера Европейской части России // Балтийский регион. Т. 16. № 3. С. 42-61.
- Нефедова Т. Г. (2024б). Объективные и субъективные факторы развития сельской местности: роль Гениев места // «Гений места» российских городов. Материалы XXII ежегодной конференции из цикла «Леонтьевские чтения». Санкт-Петербург. С. 34-44.
- Ойкумена Ближнего Севера России (2016). М.: Университетская книга.
- Попов А. В., Соловьева Т. С., Короленко А. В., Груздева М. А. (2024). Города и сельская периферия современной России: ключевые тенденции и риски трансформации занятости в ракурсе пространственного развития территорий / Ред. А. В. Попова; Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН.
- Потенциал Ближнего Севера (2014): экономика, экология, сельские поселения / Ред. Н. Е. Покровский, Т. Г. Нефедова. М.: Логос.
- Регионы России (2021). М.: Росстат.
- Регионы России (2023). М.: Росстат.
- Староосвоенные районы в пространстве России (2021): история и современность / Ред. Т. Г. Нефедова, А. В. Старикова. М.: Товарищество научных изданий КМК.
- Трейвиш А. И., Глезер О. Б., Нефедова Т. Г. (2021). Староосвоенные районы в волнах муниципальной реформы // Староосвоенные районы в пространстве России: история и современность. М.: Товарищество научных изданий КМК. С. 68-78.
- Торопов С. Н. (1998). Мантурово. Страницы истории. Мантурово.
- Узун В. Я. (2017). «Белые пятна» и неиспользуемые уголья: что показала сельскохозяйственная перепись 2016 года // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. № 21(59). С. 14-21.
- Узун В. Я., Шагайда Н. И., Гатаулина Е. А., Шишкина Е. А. (2022). Холдингизация агробизнеса России. М.: ДЕЛО.

Tatyana G. Nefedova, DSc (Geography), Chief Researcher, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences. Staromonetny Per., 29, bldg. 4, Moscow, 119017, Russia. E-mail: trene12@yandex.ru

Т. Г. Неведова
Взаимодействие
сельского и лесно-
го хозяйства как
способ выживания
восточных райо-
нов Костромской
области

Abstract. The article considers today's specifics of the mutual influence of agriculture and forestry in the Kostroma Region as a typical non-black-earth region, in areas remote from large cities. The main factors affecting life in such a region in recent decades have been depopulation in rural areas and small towns and concentration of production of key industries — agriculture and woodworking — in separate specialized large enterprises, while middle-sized enterprises outside cities disappear and small enterprises are forced to combine agriculture and forestry to survive. Meager pensions make the population reduce their personal subsidiary farming due to age restrictions and the lack of assistance from enterprises. Based on the study of three districts in the eastern part of the region, the article describes transformation paths of large, medium-sized and small forestry and agricultural enterprises and households in the 2000s–2020s. The author shows paths of interaction and often symbiosis of agriculture and forestry and methods of people's adaptation to changing social-economic conditions.

Key words: forestry, agriculture, large and small enterprises, rural population, Non-Black Earth Region, Kostroma Region

References

- Averkieva K. V. (2017) Simbioz selskogo i lesnogo khozyaystva na staroosvoennoy periferii Nечерноземья: opyt Tarnogskogo rayona Vologodskoy oblasti [Symbiosis of agriculture and forestry on the early-developed periphery of the Non-Black Earth Region: The case of the Tarnogsky district of the Vologda Region]. *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no 4, pp. 86–106.
- Belyaeva M. (2024) *Shchepki letyat. Kak ustroen lesozagotovitelny promysel na Vologodchine* [Chips Fly. How the Logging Industry in the Vologda Region is Organized], Moscow: Common Place; Fond podderzhki sotsialnykh issledovaniy "Khamovniki".
- Brokgauz F. A., Efron I. A. (1898) Entsiklopedichesky slovar. T. XXII [Encyclopedic Dictionary. Vol. XXII], Saint Petersburg: Tip. aktsionernogo obshchestva Brokgauz-Efron.
- Glezer O. B. (2016) Neprekashchayushchayasya munitsipalnaya reforma v Rossii i novatsii 2014–2015 gg. [Russia's ongoing municipal reform and innovations of 2014–2015]. *Rossiya 2016. Ezhegodny doklad Franko-Rossiyskogo analiticheskogo tsentra "Ob-servo"*, pp. 373–386.
- Kuzminov I. F. (2009) Kostromskaya periferiya: sotsialno-ekonomicheskie posledstviya transformatsii lesoupravleniya [Kostroma periphery: Social-economic consequences of the forest management transformation]. URL: yandex.ru/view/22819521/?=70doQfOdBQgjnD.
- Medvedev A. A., Telnova N. O., Kudikov A. V. (2019) Distantсионny vysoko-detalny monitoring dinamiki zarastaniya zabroshennykh selskokhozyaystvennykh zemel lesnoy rastitelnostyu [Remote high-detailed monitoring of the dynamics of overgrowing of abandoned agricultural lands by forest]. *Voprosy Lesnoy Nauki*, vol. 2, no 3, pp. 1–12.

12. This work has been supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 24-17-00129 "Prospects for the social-economic and nature-saving development of the Near North of Russia" (2024–2026, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences).

- Mezhdum domom, i... domom* (2016) *Vozvratnaya prostranstvennaya mobilnost naseleniya Rossii* [Between Home, and... Home. Return Spatial Mobility of the Russian Population]. T. G. Nefedova, K. V. Averkieva, A. G. Makhrova (Eds.), Moscow: Novy khronograf.
- Mkrtychyan N. V. (2024) Styagivanie naseleniya Rossii v krupnye goroda i ih prigorody [The outflow of the Russian population to large cities and their suburbs]. *Zhurnal Novoy Ekonomicheskoy Assotsiatsii*, no 2, pp. 241–249.
- Nefedova T. G., Treyvish A. I. (2020) Poliarizatsiya i szhatie osvoennogo prostranstva v tsentre Rossii: trendy, problemy, vozmozhnye resheniya [Polarization and compression of the developed space in the center of Russia: Trends, problems, possible solutions]. *Demograficheskoe Obozrenie*, vol. 7, no 2, pp. 31–53.
- Nefedova T. G., Baskin L. M., Pokrovsky N. E. (2021) Evolyutsiya prostranstva selskikh territoriy Blizhnego Severa (keys Manturovskogo rayona Kostromskoy oblasti) [Spatial evolution of rural areas in the Near North (the case of the Manturovsky district of the Kostroma Region)]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no 11, pp. 132–143.
- Nefedova T. G. (2024a) Vektory i problemy sovremennogo prostranstvennogo razvitiya regionov Blizhnego Severa Evropeyskoy chasti Rossii [Vectors and problems of the contemporary spatial development of the Near North regions in the European part of Russia]. *Baltiyskiy Region*, vol. 16, no 3, pp. 42–61.
- Nefedova T. G. (2024b) Ob`ektivnye i sub`ektivnye faktory razvitiya selskoy mestnosti: rol geniev mesta [Objective and subjective factors of rural development: The role of genius loci]. *“Geniy mesta” rossiyskikh gorodov. Materialy XXII ezhegodnoy konferentsii iz tsikla “Leontyevskie chteniya”*, Saint Petersburg, pp. 34–44.
- Oikumena Blizhnego Severa Rossii* [Oikumene of Russia's Near North] (2016), Moscow: Universitetskaya kniga.
- Popov A. V., Solovyeva T. S., Korolenko A. V., Gruzdeva M. A. (2024) *Goroda i selskaya periferiya sovremennoy Rossii: klyuchevye tendentsii i riski transformatsii zanyatosti v raketse prostranstvennogo razvitiya territoriy* [Cities and Rural Periphery of Contemporary Russia: Key Trends and Risks of Employment Transformation in the Context of Territories' Spatial Development]. A. V. Popova (Ed.), Vologda: VolINTS RAN.
- Potentsial Blizhnego Severa* (2014): *ekonomika, ekologiya, selskie poseleniya* [Potential of the Near North: Economy, Ecology, Rural Settlements]. N. E. Pokrovsky, T. G. Nefedova (Eds.), Moscow: Logos.
- Regiony Rossii* [Regions of Russia] (2021), Moscow: Rosstat.
- Regiony Rossii* [Regions of Russia] (2023), Moscow: Rosstat.
- Staroosvoennye rayony v prostranstve Rossii* (2021): *istoriya i sovremennost* [Old-Developed Areas in the Space of Russia (2021): History and the Present Time]. T. G. Nefedova, A. V. Starikova (Eds.), Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK.
- Treyvish A. I., Glezer O. B., Nefedova T. G. (2021) Staroosvoennye rayony v volnah munitsipalnoy reformy [Old developed areas in the waves of municipal reform]. *Staroosvoennye rayony v prostranstve Rossii: istoriya i sovremennost*, Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK, pp. 68–78.
- Toropov S. N. (1998) *Manturovo. Stranitsy istorii* [Manturovo. Pages of History], Manturovo.
- Uzun V. Ya. (2017) “Belye pyatna” i neispolzuemye ugodya: chtto pokazala selskokhozyaystvennaya perepis 2016 goda “Blank spots” and unused lands: What the 2016 Agricultural Census showed]. *Monitoring Ekonomicheskoy Si-tuatsii v Rossii. Tendentsii i Vyzovy Sotsialno-Ekonomicheskogo Razvitiya*, no 21, pp. 14–21.
- Uzun V. Ya., Shagayda N. I., Gataulina E. A., Shishkina E. A. (2022) *Kholdingizatsiya agrobiznesa Rossii* [Holdingization of the Russian Agribusiness], Moscow: “Delo”.

Типы поселений и система расселения вдоль восточной части Байкало-Амурской магистрали (Амурская область и Хабаровский край)¹

Г. А. Пивовар, П. А. Широкова, О. Е. Прусихин, А. И. Алексеев

Галина Александровна Пивовар, независимый исследователь, экономико-географ.
119435, Москва, Новодевичий пр-д, д. 2.
E-mail: pivovar.gal@gmail.com

Полина Андреевна Широкова, независимый исследователь, экономико-географ,
143923, Московская область, г. Балашиха, ул. Ситникова, д. 2.
E-mail: shirokova.poly@yandex.ru

Олег Евгеньевич Прусихин, аспирант, ведущий инженер кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, стажер-исследователь Центра пространственного анализа и региональной диагностики Института прикладных экономических исследований РАНХиГС. 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1.
E-mail: olegprus2000@mail.ru

Александр Иванович Алексеев, доктор географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1.
E-mail: alival@mail.ru

Аннотация. Строительство Байкало-Амурской магистрали, будучи одним из крупнейших «мегапроектов» Советского Союза, оставило значительный след в истории. В то же время возникшим вдоль магистрали поселкам и в особенности их современной жизни и их нынешним жителям посвящено несоразмерно меньше литературы. В рамках данной статьи предпринята попытка описать систему расселения, сложившуюся вдоль восточной части БАМа (между Тындой и Комсомольском-на-Амуре), типологизировать и описать поселки, затронутые магистралью, на основе полевых и статистических данных. Система расселения БАМа имеет линейный характер, ее формирование происходило в рамках политики по освоению территории вокруг магистрали. При этом приоритет отдавался индустриальному развитию в ущерб развитию социальной сферы, основные решения о расположении поселков, жилья и бытовой инфраструктуры принимались на уровне отдельных участков строительства. Предполагалось сформировать вдоль дороги высокоурбанизированную систему расселения с развитой инфраструктурой (чего требовала необходимость привлечения кадров), однако развитие поселений «по остаточному принципу» помешало этому. В то же время «бамовская» система расселения вобрала в себя поселения, возникшие и до строительства магистрали, что позволяет выделить две волны освоения этой территории — длительную добамовскую и сконцентрированную

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда. Проект № 24-17-00107 «Малые города и сельские населенные пункты в системе расселения регионов России (1989–2021)».

по времени бамовскую. Поселки можно разделить на четыре типа исходя из времени возникновения, этнокультурных и экономических особенностей — это добамовские этнические поселения, созданные общинами коренных народов, добамовские промысловые поселения, выросшие из форпостов старателей и охотников, бамовские промежуточные городские поселки и бамовские «неудавшиеся города» — населенные пункты при главных станциях, которые должны были стать ключевыми центрами новой территории. Эти различия определили разные пути трансформации в постсоветский период.

Ключевые слова: Байкало-Амурская магистраль, Восточный БАМ, сельские поселения, поселки городского типа, рабочие поселки, система расселения, трансформация сельской местности, типология поселений, Амурская область, Хабаровский край, географическое изучение сельской местности

EDN OQUDCL

Постановка проблемы

Байкало-Амурская магистраль воспринимается как один из наиболее знаковых проектов позднесоветского периода. Титанический масштаб и многоуровневость замысла, предполагающего не только и не столько строительство транспортной инфраструктуры, но и освоение ресурсных богатств Восточной Сибири и Дальнего Востока, с организацией 9 территориально-производственных комплексов и промышленных узлов, сосредоточила на себе внимание целого поколения экспертов и научно-исследовательских институтов в сотнях различных областей, от геологии до экономики. Однако помимо экономического значения, строительство магистрали серьезно изменило и систему расселения. Железная дорога и новые предприятия требовали трудовых ресурсов, которых на слабозаселенных территориях Восточной Сибири и Дальнего Востока не было. Со строительством БАМа в Амурской области, Хабаровском крае, Иркутской области и Республике Бурятия возникли новые поселения² — пристанционные рабочие поселки, часть из которых должна была в будущем стать полноценными городами, а оставшиеся — высокоурбанизированными плотными поселениями, с многоэтажной застройкой и городским типом развития сферы услуг. Однако и до строительства БАМа вдоль его будущей трассы существовали немногочисленные поселения, которые также претерпели трансформации с приходом нового масштабного инфраструктурного проекта. Полноценной реализации проекта помешал распад Советского Союза.

Сегодня вдоль восточной части Байкало-Амурской магистрали расположено 29 населенных пунктов, включая (согласно формальному статусу) 2 города (Тында и Комсомольск-на-Амуре), 3 рабо-

2. Здесь и далее термин «поселение» используется вне связи с соответствующим типом муниципальных образований.

чих и городских поселка, 3 села и 18 поселков без указания типа при железнодорожных станциях, средней численностью (без учета городов) 2–3,5 тыс. человек. В среднем населенные пункты расположены каждые 50–100 км железной дороги.

Строительству БАМа посвящен значительный объем литературы, как научной, так и научно-популярной, публицистической и художественной. С советских времен в общественном сознании существует образ «бамовцев» — добровольцев-строителей магистрали. В то же время степень освещенности «постгероической» эпохи БАМа, наступившей после завершения строительства и начала ее эксплуатации, гораздо ниже. Существенно меньше материалов посвящено современной жизни бамовских поселков, их социальной среде. Важным вопросом является и то, как трансформировались бамовские поселки в постсоветское время. Изучению этих особенностей и посвящена настоящая статья.

*Г. А. Пивовар,
П. А. Широкова,
О. Е. Прусихин,
А. И. Алексеев*
Типы поселений
и система расселе-
ния вдоль восточ-
ной части Бай-
кало-Амурской
магистрали (Амур-
ская область и Ха-
баровский край)

Опыт предшествующих исследований

За полвека существования БАМа сформировалось обширное поле научных исследований, посвященных проблемам его строительства и социально-экономического развития прилегающих к нему территорий. Историю изучения данного вопроса можно разделить на три этапа. Работы позднесоветского времени (1970–1980-е гг.) публиковались одновременно с возведением железнодорожной магистрали, поэтому во многом носили обобщающий характер и ставили своей целью обосновать ее народно-хозяйственную значимость. Последующий период (1990–2000-е гг.) можно назвать переходным, поскольку он отмечен пониженным интересом ученых к теме БАМа и появлением первых критических работ, указывающих на экономическую неэффективность функционирования дороги и предлагающих программы ее реформирования. На современном этапе (с 2010 г.) поле исследований БАМа существенно расширилось, чему способствовало изменение государственных приоритетов и увеличение внимания к Дальнему Востоку, а также достаточная временная дистанция для переоценки столь масштабного проекта. За последнее время возросло количество научных публикаций и стала более разнообразной их тематика, накоплен значительный объем региональных работ, освещающих вопросы развития территорий вблизи магистрали в пределах отдельных субъектов.

Программа строительства железной дороги и освоения обширной прилегающей зоны требовала серьезной теоретической проработки. С этой целью в 1970-е гг. при Академии наук СССР был учрежден совет по проблемам БАМа во главе с экономистом А. Г. Аганбегяном. В работе Е. Б. Айзенберга (1979) рассмотрены задачи и перспективы строительства железнодорожной линии

на востоке страны, обозначается ее приоритетная роль в освоении ресурсов региона, обсуждаются проблемы нехватки рабочей силы и технологий, сложных природно-климатических условий, которые затрудняли строительство. Предложена схема организации хозяйства, состоящая из шести ТПК и трех промузлов, и выдвинуты принципы развития зоны БАМ, включающие в себя эффективное использование ресурсов, технологическое развитие, комплексное решение социальных проблем.

Сразу после завершения строительства магистрали были выпущены два сборника статей под редакцией А. Г. Аганбегяна (БАМ: 1984, 1985), в которых ученые и практические деятели дали первую оценку проведенной работе. Освещается опыт проектирования и строительства транспортного объекта, оцениваются процессы освоения зоны БАМ, влияние проекта на экономику региона и социальные изменения на территории. В обоих сборниках подчеркивается, что при переходе к эксплуатации магистрали необходимо добиться высокой эффективности и как можно быстрее окупить государственные затраты на ее строительство. В этой связи особую важность, по мнению ученых, приобретает разработка долгосрочной комплексной программы хозяйственного освоения зоны БАМ и налаживание координации между различными участниками.

Зона БАМ на момент строительства магистрали была малонаселенной, именно поэтому одной из главных задач развития территории становилось привлечение рабочей силы и закрепление населения. Позднесоветские социологические исследования С. Н. Железко (1980), Ю. В. Аргудяева (1988) пытались ответить на вопрос, какие условия требовались для стабилизации населения на БАМе. Исследователи сошлись во мнении, что действовавшие материальные стимулы работали только как фактор привлечения рабочей силы, а не закрепления ее на территории и стимулирования демографических процессов, тогда как развитие социально-бытовой сферы и доступность качественного жилья могли сыграть решающую роль в достижении поставленных целей.

В переходный постперестроечный период социальная и экономическая эффективность БАМа подверглась сомнению, стали открыто обсуждаться недостатки и ошибки проекта. История строительства магистрали была воспринята как попытка продлить существование советской системы через мобилизацию молодых кадров и снижение социальной напряженности. В диссертации Г. П. Власова (1999) рассмотрено влияние политического фактора на развитие зоны БАМ, обращается внимание, что существовавшая система управления была сосредоточена исключительно на сооружении магистрали, но не на комплексном освоении территории. В условиях доминирования отраслевого подхода местные органы власти не смогли скоординировать строительную политику, что привело к отставанию развития социальной сферы.

В 1990-е — начале 2000-х было опубликовано несколько экономических работ, предлагающих перспективное видение БАМа. А. Г. Гранберг с соавторами (1996) разработал альтернативную концепцию развития региона, согласно которой действовавшее в то время управление Байкало-Амурской железной дорогой должно было стать основной федеральной структурой, сосредоточенной на поэтапной трансформации подведомственной территории. Предлагалось создать фонд развития региона и пополнять его за счет тарифа на перевезенные грузы, а накопленные средства направлять на социальные нужды, добычу ресурсов и другие крупные инвестиционные проекты. Л. Н. Аршба в своей диссертации (2005) анализирует различные стратегии развития БАМа и приходит к выводу, что наиболее перспективным является достройка магистрали до месторождений полезных ископаемых, которые приносят высокий доход для отрасли и государства ввиду редкости и высокой стоимости на внутреннем и внешнем рынках.

Научные работы последнего десятилетия по большей части носят ретроспективный характер, целью исследователей становится осмысление проекта строительства БАМа как исторического события и анализ его социально-экономических последствий. Большим подспорьем для ученых служат богатые архивные материалы и возможность общения с участниками событий. В своих статьях Ю. Т. Воронина (2013), Н. С. Байкалов (2016, 2020) рассматривают особенности жилищно-коммунального хозяйства поселений на БАМе и подчеркивают, что система жизнеобеспечения складывалась хаотично, состояла из временных объектов, которые принадлежали разным ведомствам, и имела слабое материально-техническое оснащение. Подобная ситуация отрицательно сказалась на настроениях переселенцев и впоследствии создала дополнительную нагрузку для местного уровня власти. В диссертации, посвященной формированию социальной инфраструктуры поселений БАМа, Н. С. Байкалов (2007) на примере Бурятского участка показывает, что объекты социального обеспечения рассматривались как второстепенная задача относительно размещения производственных сил, в результате их финансирование сокращалось, а сроки строительства затягивались. Сложившийся на БАМе уровень социально-бытового и культурного обслуживания не соответствовал запросам населения, что привело к возникновению у строителей механизмов адаптации, основанных на коллективизме и инициативности, и подъему творческой активности. В работе про торговое обслуживание населения Н. С. Байкалов (2021) отмечает, что для него были свойственны те же проблемы, что и для советской торговли в целом, и компенсировать эти недостатки власти стремились более широким товарным ассортиментом. Привилегированное положение сформировало у населения специфические потребительские практики, в числе которых

*Г. А. Пивовар,
П. А. Широкова,
О. Е. Прусигин,
А. И. Алексеев*
Типы поселений
и система расселе-
ния вдоль восточ-
ной части Бай-
кало-Амурской
магистрали (Амур-
ская область и Ха-
баровский край)

бытовой аскетизм, отсутствие привычки запасать впрок, пользование импортной продукцией и т.д.

Одновременно с ретроспективным анализом разрабатываются и другие направления исследований о БАМе. Например, социолог Е. А. Богданова (2013) описывает феномен «БАМовского счастья», коллективного чувства свободы, связанного с проживанием вдали от основной части советского общества, и удовлетворения, которое давали насыщенность жизни, значимость выполняемой миссии и статусность, подкрепленная материальными благами. В постсоветское время идеализированные воспоминания потеряли свою ценность и оказались замкнуты внутри сообщества строителей. Антрополог О. А. Поворознюк (2016) рассматривает влияние индустриализации и урбанизации на эвенкийское сообщество в районе БАМа и их адаптацию к новым условиям. Магистраль, изначально негативно влияя на традиционный образ жизни эвенков и обостряя конкуренцию за ресурсы, постепенно стала неотъемлемой частью их жизни, предоставляя возможности для мобильности.

Возрастающая роль Дальнего Востока в федеральной повестке будет приводить к увеличению количества научных работ, оценивающих потенциал зоны БАМ для экономического развития страны. Одной из первых таких работ стало исследование К. В. Демидовой с соавторами (2022), раскрывающее диспропорции в использовании отдельных участков БАМ. Географы показали, что наиболее крупные по стоимости запасы ресурсов находятся в центральных и восточных районах, но пока остаются недоиспользованными из-за недостатка инфраструктуры. Предполагает, что потенциал восточных районов будет реализован быстрее благодаря близости к морским портам и конъюнктуре мировых цен.

При высокой степени изученности истории освоения зоны БАМ, ошибок строительства, их социально-экономических последствий и перспектив использования железной дороги слабо исследованными остаются поселения вдоль магистрали, их траектории трансформации за постсоветский период и современное состояние. Нуждаются в уточнении вопросы изменения экономики поселений при переходе от плановой системы к рыночной, их социального состава, особенностей транспортной доступности, социального обслуживания населения и обеспеченности коммерческими услугами.

Материалы и методы

Формально большинство населенных пунктов на железнодорожной магистрали относятся к сельской местности, поскольку являются поселками. Вместе с тем они имеют довольно много городских черт, что позволяет их относить к промежуточным формам между городом и селом.

Исследование состояло из двух частей. Камеральный этап заключался в изучении доступных архивных материалов по экономическому обоснованию и проектированию магистрали. Полевой этап проводился в июле 2023 года, в рамках экспедиции был обследован ряд населенных пунктов Восточного БАМа от Тынды до Комсомольска-на-Амуре. Большим ограничением при проведении работ являлось транспортное сообщение: в день по данному направлению проходит всего один пассажирский поезд. Поэтому для остановки выбирались пункты, в которых имелась возможность переночевать и до которых можно было добраться на местном транспорте из соседних поселений.

Полевое исследование затронуло 13 населенных пунктов, расположенных на БАМе или в непосредственной близости от него (самым удаленным оказалось с. Бомнак в 25 км от ст. Улак). При отборе пунктов преследовалась цель охватить наиболее разнообразные по сочетанию параметров поселения. Учитывались такие параметры, как людность, генезис, степень периферийности, этнический состав и отраслевая специализация. В результате в исследование вошли поселения в Амурской области и Хабаровском крае: с. Первомайское, пос. Дипкун в Тындинском муниципальном округе, пос. Верхнезейск, Горный, Тунгала и Дугда, с. Бомнак в Зейском муниципальном округе, р.п. Февральск и с. Февральское в Селемджинском районе, р.п. Новый Ургал в Верхнебуреинском районе, пос. Березовый, с. Тавлинка и Кондон в Солнечном районе.

В качестве основного метода исследования использовались полуструктурированные интервью, поиск информантов осуществлялся с помощью метода «снежного кома». Всего было проведено 30 глубинных интервью с главами муниципальных образований, сотрудниками социальных учреждений (библиотек, школ, домов культуры) и местными жителями. С помощью визуальных наблюдений в поселках была собрана информация о функциональной структуре поселков, типологии застройки и городской среды. Для уточнения и дополнения собранной в ходе экспедиции информации использовались статистические данные — результаты переписей населения 2002 и 2021 годов.

Собранные данные позволили определить историческое формирование сел и поселков Восточного БАМ, выделить присутствующие в них различные по генезису социальные группы, охарактеризовать трансформацию поселений в условиях перехода от плановой экономики к рыночной. Итогом работы стала типология поселений по сочетанию городских и сельских форм, в основе которой лежат следующие критерии дифференциации: людность и динамика численности населения, историческая и современная специализация, планировочные особенности и специфика социальной структуры.

*Г. А. Пивовар,
П. А. Широкова,
О. Е. Прусихин,
А. И. Алексеев*
Типы поселений
и система расселе-
ния вдоль восточ-
ной части Бай-
кало-Амурской
магистрали (Амур-
ская область и Ха-
баровский край)

Система расселения вдоль БАМа сформировалась под воздействием двух условных волн освоения: добамовской и бамовской, связанной со строительством магистрали и попыткой индустриального освоения данной территории. В связи с этим в основу типологии поселений был положен генетический принцип (рис. 1). При этом внутри этих групп можно выделить подтипы поселений. Добамовские поселки и села можно разделить по этнокультурным особенностям и исконной специализации: выделяются добамовские этнические поселения, возникшие при укоренении кочевых народов, и промысловые, сформировавшиеся из поселков старателей, охотников, лесозаготовителей и работников других промыслов из числа русского населения и представителей других некоренных этносов. Поселения этого типа — результат «стихийного», «естественного» освоения территории, их размещение и развитие было определено природными условиями. Бамовские поселения — результат планового освоения, их размещение и основные характеристики были заданы в ходе проектирования магистрали, более того, они изначально мыслились как поселки «при станциях» и экономические центры разного уровня. В связи с этим логично разделить их на подтипы исходя из места в системе расселения, отведенного им при проектировании. Таким образом, можно выделить промежуточные бамовские поселки (при небольших железнодорожных станциях) и поселки-«неудавшиеся города», размещенные у крупных станций и играющие роль центральных мест территории, которые при проектировании зоны вдоль магистрали должны были стать новыми городами (рис. 2).

Рис. 1. Схема типологизации бамовских поселений. Составлено авторами

Выделенные типы поселений различаются по своим характеристикам: людности и темпам убыли населения, исторической и современной специализации, планировочным особенностям и специфике социальной структуры (табл. 1).

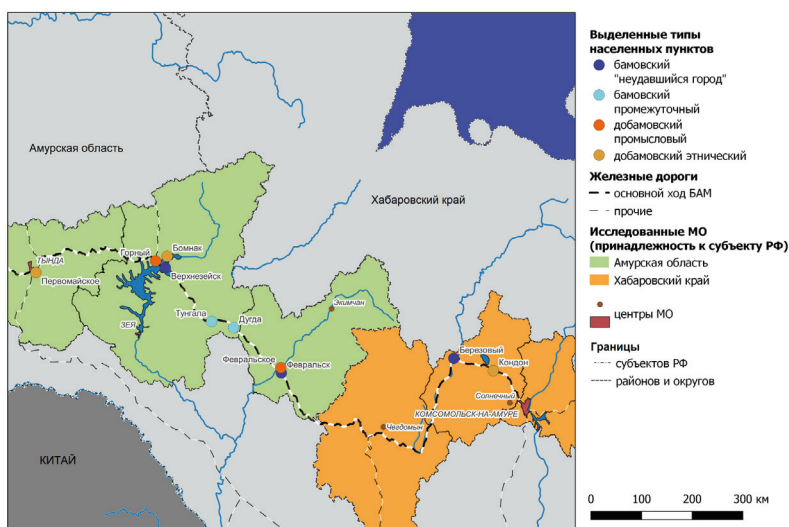

Рис. 2. Выделенные типы населенных пунктов восточной части БАМ. Составлено авторами

Тип 1. Добамовские этнические поселки

Поселки этого типа — самые старые на территории «Побамья». Это поселки, основанные коренными жителями этих мест — эвенками (Первомайское, Бомнак), нанайцами (Кондон), а также старообрядцами (Тавлинка, Гусевка), которых можно выделить в отдельную этнорелигиозную группу. С момента своего появления данные населенные пункты представляли собой небольшие таежные поселки, жители которых занимались традиционными видами деятельности: охотой, оленеводством (эвенки), рыбной ловлей (нанайцы). Они выступали в качестве «опорных пунктов» среди сети малых охотничьих заимок и оленьих стойбищ, а также небольших удаленных поселений.

«Родители из Владивостока, их раскулачили, отправили сюда. Три брата, пешком шли, обосновались, есть река Унья, там и жили. Пришли, сами себе построили дом. Там было наводнение большое, нас затопило, Унья-Бом называлось поселение, потом меня в школу привезли, сначала учился там. <...> Я бы сейчас туда уехала, там лучше было, 200 км отсюда, по Зее, там впадает река Арга. Ничего там не было, сами себе жили, коров много было, все было свое, охотились, рыбачили. Жили там до 1951 года, потом затопило, все утонуло» (пожилая жительница села Бомнак).

Г. А. Пивовар,
П. А. Широкова,
О. Е. Прусихин,
А. И. Алексеев
Типы поселений
и система расселе-
ния вдоль восточ-
ной части Бай-
кало-Амурской
магистральной (Амур-
ская область и Ха-
баровский край)

Таблица 1. Типология населенных пунктов восточной части БАМ. Составлено авторами

Характеристика	Тип поселения			
	Этнические	Промысловые	«Неудавшиеся города»	Промежуточные
Период возникновения	XIX в. и ранее	XIX–XX вв.	1974–1984	
Поселения	Первомайское, Кондон, Бомнак (Тавлинка, Гусевка ³)	Горный, Февральское	Верхнезейск, Февральск, Березовый	Тунгала, Дугда
Средняя численность населения (в среднем по данным переписи 2021 г.), чел.	400–500	500–600	4000–4500	450–600
Темп убыли населения, перепись 2021 г. к переписи 2002 г., %	-39,1	-27,9	-29,5	-33,2
Этнический состав	Изначально однородный	Смешанный	Смешанный	Смешанный
Современные отрасли специализации	Сохранение традиционных видов деятельности (охота и рыболовство) с добавлением занятости на железной дороге в отдельных селах, бюджетная сфера, пенсионеры	Обслуживание железной дороги, охота	Железная дорога, бюджетная сфера, обслуживание потоков вахтовой занятости	Железная дорога, бюджетная сфера

3. Формально не является отдельным населенным пунктом, часть с. Тавлинка Березовского сельского поселения Солнечного района Хабаровского края.

Уровень, на- правление и динамика экономическо- го развития	Деграда- ция традици- онных видов деятельности (при сохране- нии отдельных очагов и атри- бутов), отток населения	Переключение с исходной про- мысловой за- нятости на же- лезную дорогу	Относительно успешное раз- витие за счет высокой кадро- вой потребно- сти железной дороги; в усло- виях благо- приятного гео- графического положения — формирование новых отраслей специализации, за счет чего — повышение устойчивости	Моноспециа- лизация на же- лезной дороге, дополняемой обслуживаю- щими отрасля- ми социальной и бытовой сфе- ры и промыс- лово-кустарны- ми, деградация
Планиро- вочные особенности	Сельская за- стройка: ин- дивидуальные дома вдоль стихийно воз- никших улиц	Улучшенная сельская за- стройка: «лесо- промхозные» дома	Квазигород- ская плани- ровка: мно- гоэтажные центральные кварталы, до- полняемые дачными и ин- дивидуальными «пригородами»	Квазигород- ская планиро- вка: многоэтаж- ные кварталы, индивидуаль- ная застройка по окраинам
Происхожде- ние жителей ⁴	Преимуще- ственно корен- ные жители: представители КМНС, потом- ки старателей и ссыльных	Потомки ста- рателей и ссыльных	«Бамовцы»: строители БАМ, на преимуще- ственно экс- плуатирующие железнодорож- ников; «вахто- вики» и «коман- дированные»	«Бамовцы»: строители БАМ, железнодорож- ники

Причем изначально более крупные поселения были русскими. Серьезные изменения в жизни этих деревень произошли в послевоенное время: в рамках ликвидации неперспективных поселений и подготовки к сооружению Зейского водохранилища жителей окрестных малых поселений сселили в более крупные. Это привело к значительным изменениям в их жизни: расселение бывших жителей разных сел внутри одного села сформировало внутреннюю дифференциацию:

«Были поселковые — бомнакские, ироканские, покровские. <...> Вот эта улица, мы называли ее Партизанская, здесь жили ироканские мужики... <...>» (пожилая жительница с. Бомнак),

4. Выделено авторами на основе интервью.

что приводило и к возникновению отдельных общин и конфликтов между ними. *«Бринтинские, особенно Роканские были воинственные, Покровские были самые мирные...»* (пожилой житель с. Бомнак); *«Когда учились в школе, сначала было противостояние. Собирались, дрались. Что-то не так сказал, и вот тебя поколотили»* (пожилая жительница с. Бомнак).

Активизировался процесс смешения коренного и русского населения, ускоряемый дискриминацией языка.

«В школу пошли, нам запрещали разговаривать, тогда язык не преподавался» (пожилая жительница с. Бомнак).

При этом в эвенкийской среде сохранялись традиционные верования — шаманизм — причем сохранялся и высокий социальный статус шаманов.

«У нас тоже был шаман, хороший, сильный, он был ироканский, в Покровском не было. После школы собиралась поступать в Ленинград, в Герцена, он говорит, тебе не надо туда поступать, не езд. И я не поехала, испугалась. Я потом поступила в Николаевское-на-Амуре педучилище» (пожилая жительница с. Бомнак).

Несмотря на переселение, долгое время сохранялся традиционный образ жизни: ключевыми занятиями населения оставались охота, рыбная ловля и оленеводство: так, для эвенкийских семей было типичным провести все лето на выпасе. Особо выгодным занятием была охота, чему способствовала высокая закупочная цена пушного зверя.

«Я говорю, 100 соболей ловлю, 150 рублей раньше стоил, 15 тысяч, это за 4 месяца. Кроме этого, я мясо стреляю, я на онда-тре могу зарабатывать до тысячи осенью» (пожилой житель с. Бомнак).

Сооружение БАМа по-разному повлияло на поселки этого типа. Так, пос. Первомайское стал пригородом «столицы БАМа» Тынды, местом размещения геологической партии, что привело к притоку сюда нового, пришлого населения, и изменило образ жизни местного населения, среди которого появилось много железнодорожных рабочих. Бомнак же, напротив, оказался изолирован от БАМа Зейским водохранилищем, что привело к некоторой «консервации» традиционного образа жизни (вместе с тем была затоплена часть пастбищ, что нанесло ему некоторый урон). Аналогичная ситуация сложилась и в Кондоне, который хоть и расположен вблизи магистралей, но все же несколько в стороне от нее и на удалении от железнодорожных станций. Однако БАМ повлиял и на изолированные поселки: в них улучшилось снабжение. Улучшенное снабжение, с одной стороны, и наличие добычи ценного пушного зверя — с другой, привело к возникновению бартерного обмена между строителями и железнодорожниками и местными охотниками:

«Еще когда БАМ был, там тащили все, кто что мог, мужики привозят ко мне домой бензовоз, 4 с половиной куба бензина за 2

соболя. [А] я, бывало, по пять соболей в день добываю» (пожилой житель с. Бомнак, бывший охотник).

В постсоветский период традиционному образу жизни был нанесен серьезный удар. Рурбанизация, распад оленеводческих колхозов и совхозов, снижение цен на пушнину, добыча природных ресурсов и заготовка леса привели к деградации охоты и оленеводства. На этом фоне усилился отток населения (села этого типа отличаются наибольшей убылью населения) и распространение алкоголизма, особенно среди этнических эвенков. Причем сильнее эти процессы заметны в пригородном Первомайском, а не в изолированном Бомнаке (рис. 3), что может объясняться меньшей способностью привыкших к традиционному образу жизни эвенков адаптироваться к городской (пригородной) жизни. Между селами есть различия и в состоянии сельских сообществ: в Бомнаке более высок уровень социального контроля, чем в Первомайском, что заметно и по состоянию «сельской среды». Кондон тем временем оказался менее затронут этими процессами, что может объясняться спецификой традиционного вида деятельности — рыболовства (рис. 4). Эвенкийский же образ жизни и культура в настоящее время в целом находятся в упадке, хотя отдельные его элементы (например, празднования Дней оленевода и охотника) сохраняются (рис. 5). Значительна доля пенсионеров, для трудоспособного населения основными занятиями является вахтовая занятость или работа на железной дороге.

Г. А. Пивовар,
П. А. Широкова,
О. Е. Прусихин,
А. И. Алексеев
Типы поселений
и система расселе-
ния вдоль восточ-
ной части Бай-
кало-Амурской
магистральной (Амур-
ская область и Ха-
баровский край)

Рис. 3. Несколько хозяйств в селе Бомнак содержат лошадей. На фоне — новая детская площадка села. Фото авторов

Рис. 4. Арт-объект в селе Кондон, выполненный местными жителями. Фото авторов

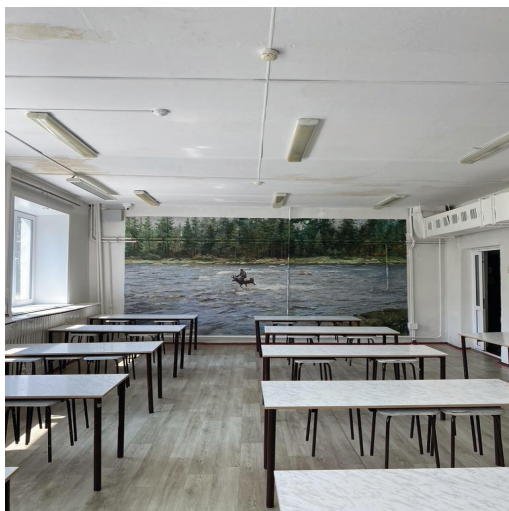

Рис. 5. Эвенкийские сюжеты на стенах школы в селе Первомайское. Фото авторов

Тип 2. Добамовские промысловые поселки

Возникновение поселений этого типа связано с деятельностью промысловиков-старателей, потянувшихся в район строительства будущей магистрали еще с XIX века. Поселения вырастали из зи-

мовий, пригодных для стоянок мест и заимок. Изначально поток старателей отличался большой этнической пестротой: в их рядах были и русские, и китайцы, и корейцы, и даже немцы и голландцы в верховьях р. Селемджа. Первыми были золотоискатели, затем, в советское время, их сменили лесозаготовители. В период 1930–1940-х годов в поселениях обосновалось множество вынужденных переселенцев — раскулаченных, преимущественно из других районов Дальнего Востока, но также и из Европейской России, Украины и т.д. В послевоенные годы поселения прошли через волну укрупнения, приняв жителей соседних мелких поселков (что особенно актуально для пос. Горный, расположенного на Зейском водохранилище). При советской власти промысел был централизован: так, в поселке Горный возникло лесопромышленное хозяйство, а с. Февральское сменило специализацию на сельскохозяйственную — здесь было создано подсобное хозяйство («подхоз») золотоносного прииска⁵. Это сформировало облик и инфраструктуру поселков: согласно общей советской практике, возведение жилья, создание и содержание социальных объектов лежало на плечах организаций, что отпечаталось в застройке целых улиц «леспромхозными» домами. Таким образом, к началу строительства БАМа поселки этого типа уже представляли собой крупные, сформировавшиеся поселения, отличавшиеся от ранее рассмотренного этнического типа отсутствием ярко выраженной национальной специфики.

Строительство магистрали повлияло на поселки, но не трансформировало их: оба рассматриваемых поселения оказались в непосредственной близости от БАМ, но отдельных станций не получили. В поселках и их окрестностях разместились строительные организации, в частности, воинские части, между «бамстроевцами» и местными жителями начал возникать обмен. В то же время «растворения» этих поселков в новом «бамовском» сообществе не произошло: местные жители ни тогда, ни сейчас не относят себя к числу бамовцев:

«Мы не бамовцы, мы леспромхозы, которые образовывались по Зее» (жительница пос. Горный, глава местной администрации).

Этому в некоторой мере способствовали достаточно высокие заработки на «основных» производствах, в результате чего местное население не было заинтересовано работать на строительстве железной дороги. Различия между уже укоренившимися здесь жителями промысловых поселков и пришлыми бамовцами отмечаются даже на уровне восприятия:

«У нас больше тепла, у нас более теплая территория, обстановка в поселочке. И между людьми. Там люди приезжие, «за-

Г. А. Пивовар,
П. А. Широкова,
О. Е. Прусихин,
А. И. Алексеев
Типы поселений
и система расселе-
ния вдоль восточ-
ной части Бай-
кало-Амурской
магистрали (Амур-
ская область и Ха-
баровский край)

5. Село Февральское — 115 лет // Межпоселенческая центральная библиотека Селемджинского района Амурской области. URL: <file:///C:/Users/%D0%98%D1%81%D0%B0%D0%B0%D0%BA%20%D0%90%D0%B1%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BE%D0%BD/Downloads/fevralskoe2-1.pdf>

падские», а у нас тут коренные жители, они жили на Зее-реке, а потом расселились. Наше сообщество, оно как-то добрее. В основном жили леспромхозом. В других поселках приезжали из разных республик, у них своя атмосфера. Но у них тяжёлая атмосфера, по ощущениям» (жительница пос. Горный, глава местной администрации).

Кризис хозяйств артельного типа (леспромхоза, подхоза и других) больно ударил по этим поселениям в 1990-е годы. Однако данные поселки отличаются невысокой убылью населения относительно других типов бамовских поселков. Причина этого в близости исследованных населенных пунктов к крупным поселкам при важных станциях — Верхнезейску и Февральску соответственно, а также в том, что хозяйства частично продолжали свою деятельность: так, лесозаготовка в пос. Горный продолжалась до 2020 года и оказалась на грани прекращения после введения запрета на экспорт леса-кругляка. Произошла переориентация трудовых ресурсов на железную дорогу: в настоящее время большая часть трудоспособного населения пос. Горный, по оценкам местной администрации, занята на строительстве БАМ-2 или в ее эксплуатации (за исключением живущих преимущественно подсобным хозяйством и работающих вахтовым методом за пределами данного региона). Село Февральское же выполняет роль дачного поселка (рекреационной зоны) для жителей пос. Февральск (рис. 6). Не являясь формально «бамовскими», поселения участвуют в спонсорских программах железной дороги, которые служат значимой поддержкой для их развития в условиях дефицита бюджетных средств:

«Хорошо работают люди на железной дороге, мы весной поймали спонсорскую помощь к 50-летию БАМа. Мы подцепились, переписались, перезвонились. Нам сказали: «Посчитайте, сколько людей занято на железной дороге», мы насчитали 28 человек, плюс много детей, которые едут в Тынду и учатся в ж/д техникуме и в Хабаровске. Нам дали добро, у нас есть спонсорская помощь на ремонт детского сада» (жительница пос. Горный, глава местной администрации).

Таким образом, по экономическим причинам в постсоветское время произошло сближение промысловых добамовских поселений с бамовскими, несмотря на их генетические различия и исходное противопоставление.

Общие черты бамовских поселков

Поселения этой категории — новые, возникшие только с началом строительства БАМа. Облик поселков и их размеры были заданы планом строительства магистрали. Отличительной особенностью непосредственно бамовских поселений является их изначально го-

родской характер: проектами они виделись как поселки городского типа и города, строительство сел не предполагалось. Магистраль проходит по территории с весьма тяжелыми физико-географическими условиями, поэтому для привлечения сюда рабочей силы БАМ должен был стать «витриной социализма» с улучшенным снабжением и комфортным бытом. На БАМ привлекались работники со всего Советского Союза, что привело к созданию особой полиэтнической общности «бамовцев». Однако, вопреки распространенному мнению, строители БАМа в массе своей покинули эту территорию после окончания строительства — их заменили железнодорожники, занятые на эксплуатации магистрали.

*Г. А. Пивовар,
П. А. Широкова,
О. Е. Прусихин,
А. И. Алексеев*
Типы поселений
и система расселе-
ния вдоль восточ-
ной части Бай-
кало-Амурской
магистрали (Амур-
ская область и Ха-
баровский край)

Рис. 6. Село Февральское — в прошлом поселение золотоискателей, а сегодня — дачный пригород Февральска. Фото авторов

На практике освоение БАМа столкнулось с противоречиями. Несмотря на плановый характер, решения о выборе мест размещения поселений принимали руководители участков строительства, которые планировали это исходя из производственных нужд. Возведение инфраструктуры являлось «дополнительной нагрузкой» для шефских строительных организаций («стройтрестов») и осуществлялось неравномерно, подстраиваясь под нужды возрастающего населения, поэтому часто новым переселенцам приходилось первоначально селиться в уплотненных коммунальных квартирах. В целом социально-демографические условия слабо учитывались при строительстве, что подтвердил в беседе с авторами один из членов Научного совета по проблемам БАМа: «Про население никто не думал, эта задача для проектантов просто не стояла».

Тип 3. Промежуточные городские поселки

В рамках создаваемой системы расселения БАМа этим поселениям отводилась роль пристанционных поселений при небольших станциях, соответственно, и поселки не должны были выполнять функций центральных мест. Так, например, поселок Тунгала был рассчитан на 5000 человек. Однако, несмотря на малую людность, проектировщиками поселения виделись как небольшие пгт с высокой плотностью населения, соответствующей городской инфраструктурой и застройкой. Строительство Тунгалы и Дугды началось в середине 1980-х годов (1986-й и 1984-й соответственно) и велось силами трестов «НовосибирскБАМстрой» и «Молдавстрой». Отличительной чертой обоих поселков является преимущественно среднеэтажная застройка (рис. 7). Строительство инфраструктуры велось с опозданием относительно жилищного строительства, в результате после возникновения признаков кризисных явлений и сворачивания строительства поселения остались без необходимой инфраструктуры. Итогом этого стало совмещение жилья с местами оказания услуг: первые этажи домов заняты магазинами и даже администрация Тунгалинского поселения занимает одну из квартир жилого дома.

Городской образ жизни требует больших ресурсов для его поддержания, чем сельский, большего масштаба и разнообразия инфраструктуры. В условиях отсутствия ресурсов его поддержание оказалось невозможным, что привело к деградации того немногого, что было построено (рис. 8). В кризисных условиях снабжение поселков сильно ухудшилось: в советский период оно поддерживалось на превышающем средний уровне, в то время как объективные условия (природные условия и транспортно-географическое положение) серьезно усложняют доставку товаров и поддержание жизнедеятельности поселений в этих районах. Девальвация льгот и прекращение налаженного снабжения привели к миграционному оттоку, но их периферийное положение даже относительно других бамовских поселков усилило его: по темпам оттока эти поселки — одни из лидеров. Важно отметить и кардинальную смену социального состава поселков: отъезд строителей магистрали, закрепление железнодорожных сотрудников. В то же время оставшиеся местные жители подчеркивают сложность переезда и адаптации к новому образу жизни в других местах, за пределами БАМа:

«Я посмотрел на бамовцев, которые уехали, им крышу врет от безделья, это все равно что пигмеев посреди Нью-Йорка высаживать» (местный житель, с. Тунгала).

В условиях общей депрессивности начали распространяться зависимости, такие как алкоголизм:

«Группы по интересам тут такие: алкоголики, травокуры, охотники и рыбаки. И железнодорожники» (местный житель, с. Тунгала).

Необходимость адаптации к новым обстоятельствам привела к тому, что, находясь в условиях городской застройки, являясь зачастую городскими жителями в прошлом, местное население переняло практики, свойственные сельскому образу жизни (рис. 9). Местные жители стали заниматься охотой и огородничеством, возник товарообмен сельхозпродукцией с другими районами Амурской области:

«Был такой период, почти все завели коров, куриц, кроликов. Потом резко избавились все. Сейчас две семьи держат коз. Курочек еще держат. Стадо мы выгоняли, пастуха нанимали. Наверно, в конце 90-х. Нас сильно не коснулся дефицит. Тяжело было добывать сено. Мы жили здесь, а сено косили на станции Камнега. Шили носилки из тряпок, переносили сено. За кормами ездили в Белогорск. Коровы на пути выходили. Лет пять продержали корову. Был период, огороды разработали» (местная жительница с. Дугда).

В настоящее время основной сферой приложения труда в поселках этого типа является работа на железной дороге. Тем не менее в текущих условиях дефицита кадров именно эта категория поселков является одной из самых уязвимых: рост доли вахтовых рабочих может негативно повлиять на данные поселения. Сейчас эта категория поселков отличается одним из наиболее высоких темпов потери общей убыли населения, а по средней людности они сопоставимы с добамовскими поселками, хотя рассчитаны на значительно большее число жителей.

Рис. 7. Застройка поселка Тунгала. Фото авторов

Рис. 8. Временные сборно-щитовые дома в поселке Дугда, в которых до сих пор живут люди. Фото авторов

Рис. 9. Огороды на придомовой территории в поселке Тунгала. Фото авторов

Тип 4. Неудавшиеся города БАМа

Поселки этого типа (Верхнезейск, Февральск, Березовый) — самые крупные среди всех бамовских поселков (хотя и не выделяются

численностью населения в общероссийских масштабах). Это поселки при крупных станциях, которые выполняют роль экономических центров и центров услуг для окрестной территории (рис. 10), заданной им планировочно. Однако не все поселки этого типа возникли со строительством БАМа: так, поселок Березовый возник ранее как промысловый поселок (лесопункт) и был сильно трансформирован при строительстве магистрали в результате строительства здесь крупной железнодорожной станции Постышево.

Эти поселки — осколки советского проекта строительства городов на БАМе. Каждый из них рассчитывался на гораздо большее число жителей: так, население Верхнезейска должно было насчитывать 25 тыс. чел., а Февральска — 50 тыс. чел. С этим связан их абсолютно нехарактерный для сельских поселений городской облик: микрорайонная пяти-восьмизэтажная застройка, отсылающая скорее к пригородам крупных городов (рис. 11). Ключевая черта внешнего облика — незаконченность. Строительство городов велось в стандартной для БАМа последовательности: с началом строительства железнодорожных объектов для строительной сооружалось временное жилье — бараки и землянки. *«Поначалу люди в землянках жили. За зиму успевали дом сделать. Для людей щитовые дома собирали»* (местная жительница пос. Верхнезейск), затем начиналось строительство постоянных жилых районов, а после — строительство сопутствующей инфраструктуры. В определенный момент эти процессы шли параллельно друг другу. Снижение и остановка финансирования строительства привели к тому, что стройка «замерла» в этой промежуточной фазе: остались недоделанными каркасы домов, фундаменты, не была возведена часть социальных и торговых объектов (рис. 12). Этим и объясняется восприятие их как «неудавшихся городов»: в поселениях присутствует значительное количество городских черт, однако их строительство не закончено и им сильно не хватает населения.

Социальный состав поселков весьма разнообразен, что обусловлено их бамовской спецификой, привлечением кадров со всей страны. Однако этот состав непостоянен и периодически обновляется. Так, исходные жители-бамстроевцы в массе своей уехали после окончания строительства, их сменили железнодорожники, значительная часть населения уехала в кризисный период. В настоящее время «неудавшиеся города» вновь привлекают население, но преимущественно временное: вахтовых рабочих-строителей БАМ-2, новых железнодорожников, часть из которых — вахтовики, а часть не намерена оставаться здесь насовсем, расценивая работу здесь как возможность подзаработать и приобрести опыт. Эти черты накладывают свой отпечаток на сообщество, делают его менее крепким, ослабляют социальный контроль и усложняют коллективные действия, превращают поселок в место для «временных людей», не ассоциирующих себя с ним.

«Это поселок временных людей, поэтому вы не увидите около дом красивые клумбы, потому что это никому не надо. В нашем доме мы

Г. А. Пивовар,
П. А. Широкова,
О. Е. Прусихин,
А. И. Алексеев
Типы поселений
и система расселе-
ния вдоль восточ-
ной части Бай-
кало-Амурской
магистрали (Амур-
ская область и Ха-
баровский край)

живем в чужом жилье, под нами снимают, и все так, мы себя считаем временными жителями, я бы не хотела провести всю жизнь здесь, возможно, на пенсии, рыбалка, охота, грибы, ягоды. Никто не хочет здесь делать что-то глобальное, потому что они считают, что здесь живут недолго (местная жительница с. Верхнезейск).

Несмотря на это, в рамках сообщества не потерян социальный контроль: *«Местный народ здесь объединяется, когда приезжие начинают творить плохо»* (жительница с. Верхнезейск), распространены практики взаимопомощи в тяжелых ситуациях. *«Единственное, зимой на море очень часто нужна помощь, и люди здесь не отказывают, потому что любой может оказаться в такой ситуации. Это святое, это закон»* (жительница с. Верхнезейск).

Особняком в этом плане стоит пос. Березовый, в котором существует крупная старообрядческая община, имеющая закрытый характер и крепкий внутренний социальный контроль.

Сложности с поддержанием городского образа жизни привели к формированию в поселках дачных хозяйств, нехарактерных для поселков такой плотности (рис. 13). Почти половина территории пос. Верхнезейск застроена дачами (рис. 14), а жители Февральска размещают свои подсобные хозяйства в соседнем с. Февральское.

В целом поселки этого типа отличаются наиболее низкими темпами депопуляции, и причин этого несколько. Во-первых, в поселках сохраняются крупные работодатели — железнодорожные станции. Во-вторых, поселки выполняют роль центральных мест, что позволило им встроиться в иерархическую систему миграции: жителей «неудавшихся городов», уезжающих дальше, в более крупные города или на Запад, в определенной мере замещают жители других, промежуточных, бамовских поселков и окрестных сел:

«Маленькие населенные пункты — Джамку, Амгунь, Эворон, мы в себя вбираем, а от нас уже уезжают дальше, в Комсомольск и еще куда» (житель пос. Березовый, глава местной администрации).

Роль центрального места привела к возникновению в «неудавшихся городах» еще одной практики — гаражей жителей окрестных сел (рис. 15). Так, в Февральске, где БАМ пересекается с субмеридиональной автодорогой, ведущей на юг, жители окрестных сел, до которых тяжело или невозможно добраться не железнодорожным транспортом, покупают гаражи и хранят в них свои автомобили, которыми пользуются для дальних поездок.

Основной отраслью экономики и сферой приложения труда для «неудавшихся городов» остается железная дорога, к которой с 2020–2021 года добавилось и новое железнодорожное строительство. Проект БАМ-2 и приток вахтовых рабочих значительно оживил экономику поселков, в частности, «разогрев» рынок жилья:

«Однокомнатная квартира без ремонта здесь стоила 25 тысяч, полтора года назад. Все это бьет по карману. И это еще недорого. С приездом сюда командировочных, не только на БАМ-2, на же-

лезную дорогу постоянно приезжают командировочные, им раньше платились большие деньги на руки, и они могли снимать квартиры, были люди, которые могли «трешки» за 100 тысяч сдавать. Они создали этот ажиотаж, очень все подорожало, и квартиры в целом, и съем квартир» (местная жительница пос. Верхнезейск).

Помимо железной дороги и бюджетной сферы распространена вахтовая занятость в других регионах. В особой ситуации относительно других поселков находится Березовый: это изначально не баумовский, а промысловый поселок. Помимо железной дороги в поселении сохраняется и лесозаготовка и лесопереработка, а кроме того, он выполняет роль транспортного хаба на пути к Эльге и строительству Тихоокеанской железной дороги, что добавляет устойчивости экономике поселения.

Г. А. Пивовар,
П. А. Широкова,
О. Е. Прусихин,
А. И. Алексеев
Типы поселений
и система расселе-
ния вдоль восточ-
ной части Бай-
кало-Амурской
магистрали (Амур-
ская область и Ха-
баровский край)

Рис. 10. Центральная торговая улица поселка Февральск. Фото авторов

Рис. 11. Микрорайонная застройка поселка Февральск. Фото авторов

Рис. 12. Недостроенный дом культуры в поселке Верхнезейск. Фото авторов

Рис. 13. Дачные участки на окраине поселка Верхнезейск. Фото авторов

*Г. А. Пивовар,
П. А. Широкова,
О. Е. Прусигин,
А. И. Алексеев*
Типы поселений
и система расселе-
ния вдоль восточ-
ной части Байкало-Амурской
магистральной (Амур-
ская область и Ха-
баровский край)

Рис. 14. Спутниковое изображение пос. Верхнезейск. Составлено авторами по данным Google Планета Земля

Рис. 15. Гаражи на окраине поселка Февральск. Фото авторов

Сформировавшаяся в зоне БАМ система расселения имеет линейный характер и изолирована от основной полосы расселения. В подобных системах вдоль магистрали могли бы выстроиться тесные социально-экономические связи, однако они оказались разорваны сеткой административно-территориального деления. АТД зоны БАМ сформировалось задолго до начала строительства железной дороги, поэтому районные центры удалены от бамовских поселков и магистрали, а прямая связь между ними отсутствует. Такая ситуация характерна для Зейского района (районный центр г. Зeya удален на 150 км к югу, круглогодичного прямого транспортного сообщения у бамовского «северного куста» с ним нет), Селемджинского района (районный центр пгт Экимчан расположен в 200 км к северу от Февральска и значительно уступает ему по размерам), Солнечного района (районный центр пгт Солнечный находится в соседней горной долине, отделенной хребтом, поэтому добраться из бамовских поселков до него возможно только с пересадкой в Комсомольске-на-Амуре). В советское время данная ситуация компенсировалась ведомственными системами образования и здравоохранения: жители поселений вдоль БАМа пользовались услугами ведомственных школ, домов культуры и больниц системы Министерства путей сообщения СССР, вышестоящие центры услуг которых располагались в Февральске, Тынде, Комсомольске-на-Амуре, однако в настоящее время оказание этих услуг организовано по административным районам. Это позволяет говорить о том, что современное административно-территориальное деление в этом регионе далеко от оптимального.

Заключение

На протяжении своей полувековой истории БАМ становился объектом изучения различных исследователей. Если в период возведения магистрали работы ученых были направлены на теоретическое обоснование проектных решений, то позднее в центре внимания оказались экономическая эффективность эксплуатации дороги и перспективы ее использования. Были пересмотрены предпосылки строительства БАМа и критически осмыслены его социально-экономические последствия. Признанным является вывод, что масштабный по своему замыслу проект освоения восточных районов страны не реализовался в полной мере в силу отсутствия комплексного подхода к развитию территорий и негибкости советской системы управления. На сегодняшний день одной из приоритетных задач для зоны БАМа становится оптимизация работы бамовских поселений, в связи с чем возрастает актуальность исследований современного уклада жизни на этих территориях.

Поселки, расположенные вдоль БАМа, неоднородны и отличаются друг от друга, являясь результатами двух волн заселения — добавовской и бамовской. Различия между поселками этих волн обнаруживаются на уровне уклада жизни, сельской экономики и сообществ, а заложены они исторически, этнически и планировочно. Важно, что эти различия формируют разные траектории трансформации и развития для различных типов поселков. Этнические поселки, несмотря на относительную устойчивость сообществ, находятся в состоянии постепенного угасания по мере отмирания традиционных занятий и промыслов. Промысловые поселки становятся ближе к бамовским, основную роль в занятости в них перенимает на себя железная дорога. Промежуточные бамовские поселки, наоборот, становятся ближе к селам, перенимая сельско-таежный уклад жизни. Бамовские «неудавшиеся города» аккумулируют часть мигрантов и занимают промежуточную позицию между селом и городом, становясь местом, где городские «многоэтажки» соседствуют с приусадебными участками и коровами на вольном выпасе. История развития поселений БАМа показывает большую уязвимость городского уклада жизни, вытесняемого или «разбавляемого» в случае уменьшения объема направляемых на его поддержание ресурсов сельскими и таежными (охотничьими) практиками.

*Г. А. Пивовар,
П. А. Широкова,
О. Е. Прусихин,
А. И. Алексеев*
Типы поселений
и система расселе-
ния вдоль восточ-
ной части Бай-
кало-Амурской
магистралей (Амур-
ская область и Ха-
баровский край)

Библиография

- Айзенберг Е. Б. (1979). Байкало-Амурская магистраль: проблемы, первоочередные задачи, перспективы. М.: Знание.
- Аргудяева Ю. В. (1988). Труд и быт молодежи БАМа: настоящее и будущее. М.: Мысль.
- Аршба Л. Н. (2005). Экономическая оценка эффективности стратегий развития Байкало-Амурской магистралей. Новосибирск: Сиб. гос. ун-т путей сообщ.
- Байкалов Н. С., Ефремов И. В. (2020). Жилищно-коммунальное хозяйство городских поселений районов БАМа (1970–80-е годы) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. № 3. С. 63–70.
- Байкалов Н. С. (2022). На БАМе было все! Торговое обслуживание участников всесоюзной комсомольской стройки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. Т. 21. № 1. С. 83–94.
- Байкалов Н. С. (2016). Советская жилищная политика в районах нового освоения: опыт БАМа // Власть. № 8. С. 164–168.
- Байкалов Н. С. (2007). Формирование социальной инфраструктуры поселений Бурятского участка БАМа (1974–1989 гг.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та.
- БАМ (1984): Строительство и хозяйственное освоение / Под ред. А. Г. Аганбегяна, А. А. Кина, В. П. Можина. М.: Экономика.
- БАМ (1985): Первое десятилетие / Отв. ред. А. Г. Аганбегян, А. А. Кин. 2-е изд. Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ние.
- Богданова Е. А. (2013). Как утопия стала реальностью. «Строительство БАМа — самое счастливое время в моей жизни» // Топография счастья: этнографические карты moderna / Сост. Н. Н. Скорин-Чайков. М.: Новое литературное обозрение. С. 199–218.
- Власов Г. П. (1999). История хозяйственного освоения района Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, 1970–1980 гг. Автореферат дисс... докт. ист. наук (07.00.02). Иркутск: Иркутский государственный университет.

- Воронина Т. Ю. (2013). Еще раз о «квартирном вопросе» в СССР: Жилищное строительство в районе Байкало-Амурской магистрали // Социальная история: ежегодник. 2012. СПб.: Алетейя.
- Гранберг А. Г., Кибалов Е. Б., Кин А. А. (1996). Регион БАМ: концепция развития на новом этапе. Новосибирск: изд-во СО РАН.
- Демидова К. В., Макушин М. А., Горячко М. Д., Даньшин А. И., Бобровский Р. О., Чигиренков Н. С. (2022). Экспортно-ресурсный потенциал территорий, примыкающих к Байкало-Амурской магистрали // Известия Российской академии наук. Серия географическая. Т. 86. № 4. С. 621-638.
- Железко С. Н. (1980). Социально-демографические проблемы в зоне БАМа. М.: Статистика.
- Медведева Л. М. (1988). Трудовая и политическая активность строителей Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (1974–1984 гг.). М.: Наука.
- Поворознюк О. А. (2016). Городские аборигены БАМа: индустриальный бум, техносоциальные сети и борьба за ресурсы // Этнографическое обозрение. № 1. С. 23-41.

Settlement types and settlement system along the eastern part of the Baikal-Amur Mainline (Amur Region and Khabarovsk Region)

Galina A. Pivovar, Independent Researcher in Human Geography. Novodevichiy Pr., 2, Moscow, 119435, Russia. E-mail: pivovar.gal@gmail.com.

Polina A. Shirokova, Independent Researcher in Human Geography. Sitnikova St., 2, Balashikha, Moscow Region, 143923, Russia. E-mail: shirokova.poly@yandex.ru.

Oleg E. Prusikhin, PhD Student, Leading Engineer, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University; Research Intern, Center for Spatial Analysis and Regional Diagnostics, Institute of Applied Economic Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991, Russia. E-mail: olegprus2000@mail.ru.

Alexander I. Alekseev, DSc (Geography), Professor, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. Leninskie Gory, 1, Moscow, 119991, Russia. E-mail: alival@mail.ru.

Abstract. The construction of the Baikal-Amur Mainline (BAM), one of the largest “megaprojects” of the Soviet Union, left a significant mark in history. At the same time, fewer works consider villages along the mainline, their contemporary life and inhabitants. The authors make an attempt to describe the settlement system along the eastern part of the BAM (between Tynda and Komsomolsk-on-Amur) and provide a typology of settlements affected by the railway based on field and statistical data. The BAM settlement system is linear due to the policy of territorial development around the railway. Thus, the authorities gave priority to industrial development at the expense of social development, and the main decisions on the location of settlements, housing and infrastructure were made at the level of individual construction sites. They were supposed to form a highly urbanized settlement system with a developed infrastructure along the road (to attract employees), but the lagging development of settlements did not allow this. Moreover, the BAM settlement system incorporated the previously existing settlements, which allows to identify two waves in the development of this territory — the long-term pre-BAM and the BAM-period. Settlements can be divided into four types based on the time of establishment, ethnic-cultural and economic characteristics: pre-mainline ethnic settlements of indigenous communities, pre-BAM fishing settlements

that grew out of outposts of prospectors and hunters, BAM intermediate urban settlements, and BAM “failed cities” — settlements at the main stations, which were supposed to become key centers of the new territory. These differences determined different ways of settlement transformations in the post-Soviet period.

Key words: Baikal-Amur Mainline, Eastern BAM, rural settlements, urban settlements, workers’ settlements, settlement system, transformation of rural areas, typology of settlements, Amur Region, Khabarovsk Region, geographical study of rural areas.

References

- Ayzenberg E. B. (1979) *Bajkalo-Amurskaja magistral: Problemy, pervoocherednye zadachi, perspektivy* [Baikal-Amur Mainline: Problems, Priority Tasks, Prospects], Moscow: Znanie.
- Argudyaeva Yu. V. (1988) *Trud i byt molodezhi BAMA: nastojashchee i budushchee* [Work and Life of the BAM Youth: The Present Time and the Future], Moscow: Mysl.
- Arhangelsky A. B. (2012) Opyt formirovaniya sotsialnoj infrastruktury v regione BAM v 1970–1980-e gg. [Development of social infrastructure in the BAM region in the 1970s–1980s]. *Istoricheskaja i Sotsialno-Obrazovatel'naja Mysl*, no 3, pp. 19–21.
- Arshba L. N. (2005) *Ekonomicheskaja otsenka effektivnosti strategij razvitiya Bajkalo-Amurskoj magistrali* [Economic Assessment of the Efficiency of the Baikal-Amur Mainline Development Strategies], Novosibirsk: SGUPS.
- Baykalov N. S. (2007) *Formirovanie sotsialnoj infrastruktury poselenij Burjatskogo uchastka BAMA (1974–1989 gg.)* [Development of Settlements’ Social Infrastructure in the Buryat Part of the BAM (1974–1989)], Ulan-Ude: Izd-vo BGU.
- Baykalov N. S. (2016) Sovetskaja zhilishchnaja politika v rajonah novogo osvoenija: opyt BAMA [Soviet housing policy in the areas of new development: The BAM case]. *Vlast*, no 8, pp. 164–168.
- Baykalov N. S. (2021) *Bajkalo-Amurskaja magistral i severnye rajony Burjatii: ot vsesojuznoj komsomolskoj strojki k postsovetsoj deindustrializatsii* [Baikal-Amur Mainline and Northern Regions of Buryatia: From the All-Union Komsomol Construction Site to Post-Soviet Deindustrialization], Ulan-Ude: VSGUTU.
- Baykalov N. S. (2022) Na BAME bylo vse! Torgovoe obsluzhivanie uchastnikov vsesojuznoj komsomolskoj strojki [Everything was on the BAM! Trade service for participants of the All-Union Komsomol construction]. *Vestnik RUDN. Serija: Istorija Rossii*, vol. 21, no 1, pp. 83–94.
- Baykalov N. S., Efremov I. V. (2020) Zhilishchno-kommunalnoe khozajstvo gorodskih poselenij rajonov BAMA (1970–80-e gody) [Housing-communal services of urban settlements in the BAM districts (1970s–1980s)]. *Problemy Sotsialno-Ekonomicheskogo Razvitiya Sibiri*, no 3, pp. 63–70.
- BAM (1984): *stroitelstvo i khozajstvennoe osvoenie* [BAM: Construction and Economic Development]. Ed. by A. G. Aganbegyan, A. A. Kin, V. P. Mozhin, Moscow: Ekonomika.
- BAM (1985): *Pervoe desjatiletie* [BAM: The First Decade]. Ed. by A. G. Aganbegyan, A. A. Kin, Novosibirsk: Nauka.
- Bogdanova E. A. (2013) Kak utopiya stala realnostju. “Stroitelstvo BAMA — samoe schastlivoe vremja v moej zhizni” [How utopia became reality. “The construction of the BAM was the happiest time in my life”]. *Topografija schastja: etnograficheskie karty moderny*. Comp. by N. N. Ssorin-Chaykov, Moscow: NLO.
- Demidova K. V., Makushin M. A., Goryachko M. D., Danshin A. I., Bobrovsky R. O., Chigirenkov N. S. (2022) Eksportno-resursny potentsial territorij, primykajushchih k Bajkalo-Amurskoj magistrali [Export-resource potential of the territories adjacent to the Baikal-Amur Mainline]. *Izvestija RAN. Serija Geograficheskaja*, vol. 86, no 4, pp. 621–638.
- Granberg A. G., Kibalov E. B., Kin A. A. (1996) *Region BAM: kontseptsija razvitiya na novom etape* [BAM Region: Concept of Development at the New Stage], Novosibirsk: Izd-vo SO RAN.

Г. А. Пивовар,
П. А. Широкова,
О. Е. Прусихин,
А. И. Алексеев
Типы поселений
и система расселе-
ния вдоль восточ-
ной части Бай-
кало-Амурской
магистрали (Амур-
ская область и Ха-
баровский край)

- Kin A. A. (2014) Regionalno-transportny megaproekt BAM: uroki osvoenija [BAM regional-transport megaproject: Lessons of development]. *Region: Ekonomika i Sotsiologija*, no 4, pp. 55–72.
- Povoroznyuk O. A. (2016) Gorodskie aborigeny BAMA: industrialny bum, tekhnosotsialnye seti i borba za resursy [Urban aborigines of the BAM: Industrial boom, technic-social networks and struggle for resources]. *Etnograficheskoe Obozrenie*, no 1, pp. 23–41.
- Savchenko A. E. (2021) Zachem stroili BAM? Drugaja storona poslednego megaproekta na vostoce SSSR [Why was the BAM built? The other side of the latest megaproject in the east of the USSR]. *Rossija i ATR*, no 1, pp. 52–68.
- Vlasov G. P. (1999) *Istorija khozajstvennogo osvoenija rajona Bajkalo-Amurskoj zheleznodorozhnoj magistrali, 1970–1980 gg.* [History of Economic Development of the Baikal-Amur Railway Mainline, 1970–1980], Irkutsk: IGU.
- Vlasov G. P., Arhangelsky A. B. (2011) Komplektovanie kadrov novogo rajona osvoenija (po materialam regiona BAM) [Personnel recruitment for a new development area (based on the materials on the BAM region)]. *Problemy Sotsialno-Ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*, no 3, pp. 50–54.
- Voronina T. Yu. (2013) Eshche raz o “kvartirnom voprose” v SSSR: Zhilishchnoe stroitelstvo v rajone Bajkalo-Amurskoj magistrali [Once again about the “housing issue” in the USSR: Housing construction in the area of the Baikal-Amur Mainline]. *Sotsialnaja Istorija 2012*, Saint Petersburg: Aletheia.
- Zhelezko S. N. (1980) *Sotsialno-demograficheskie problemy v zone BAMA* [Social-Demographic Problems in the BAM Area], Moscow: Statistika.

Человеческое измерение сельской истории: демографические потери и дачная ревитализация одной тверской деревни¹

Л. П. Богданова, Д. М. Виноградов, А. А. Смирнова

Лидия Петровна Богданова, доктор географических наук, заведующая кафедрой социально-экономической географии и территориального планирования факультета географии и геоэкологии Тверского государственного университета. 170021 Тверь, ул. П. Прошина, 3, корп. 2. E-mail: Bogdanova.LP@tversu.ru

Дмитрий Михайлович Виноградов, аспирант факультета географии и геоэкологии Тверского государственного университета. 170021 Тверь, ул. П. Прошина, 3, корп. 2. E-mail: Vinogradov.DM@tversu.ru

Александра Андреевна Смирнова, кандидат географических наук, доцент факультета географии и геоэкологии Тверского государственного университета. 170021 Тверь, ул. П. Прошина, 3, корп. 2. E-mail: Fomkina.AA@tversu.ru,

Аннотация. Статья посвящена реконструкции исторического пути и ключевым постсоветским изменениям деревни Денисово, расположенной в Рамешковском муниципальном округе Тверской области. Исследуемая местность — ядро основного ареала расселения тверских карел, сложившегося в верховьях реки Медведицы. Другая особенность географического положения деревни — нахождение в приагломерационной зоне Твери и близость Московской области. Эти черты во многом определяли направления демографических изменений деревни в разное время. На основе разных материалов, включая исторические источники, представлена краткая характеристика заселения изучаемой территории карелами, показан этнический состав жителей в населенных пунктах, входивших вместе с деревней Денисово в Замытскую волость. На основе данных земской статистики и переписей населения проанализирована динамика людности сел и деревень бывшей Замытской волости с конца XIX века до начала XXI века. В статье представлена схема исторической реконструкции деревни Денисово, составленная на основе опроса старожилов, проведенного в 1999 году. Схема дает представление о числе проживающих в домохозяйствах с 1930-х до 1990-х годов и о демографических потерях деревни в XX веке. Повторное исследование, проведенное летом 2024 года, обнаружило дачную трансформацию деревни, когда значительная часть домохозяйств оказалась сезонно обитаемыми. На основе интервью с местной жительницей составлена современная схема домовладений. Схема наглядно демонстрирует, что принадлежность дачных домов в Денисове отражает традиционные направления миграции сельского населения Тверской области — Тверь, Москва, С.-Петербург. Владельцы домов — преимущественно уроженцы или наследники, т.е. потомки уехавших из деревни в XX веке. В статье высказана гипотеза о значимой роли этнокультурного фактора в ревитализации тверских деревень.

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ. Проект № 24-17-00107

Социально-географические исследования сельской местности имеют давние традиции, сложившиеся как в рамках самой географии, так и смежных научных дисциплин. Благодаря недавним публикациям коллег-географов, в том числе — на страницах «Крестьяноведения», где достаточно подробно рассмотрены вопросы изученности темы (Савоскул, Алексеев, 2021; Прусихин и др., 2022), в данной статье лишь кратко перечислим основные этапы в развитии этого направления исследований. За почти 150-летнюю историю изучения российской деревни в ней были разные периоды — повышенный интерес сменялся исследовательским затишьем, и наоборот.

Обзор истоков этого направления почти всегда начинается с работы П. П. Семенова-Тян-Шанского по Мураевенской волости Рязанской губернии (1880), для написания которой автор осуществил подворную перепись, собрав данные о социально-экономическом положении крестьян. В другом ключе, но в той же проблематике, проводились исследования его детьми — Вениамином Петровичем (1910) и Ольгой Петровной (1914). Были и другие исследователи сельской жизни, выполнявшие свои проекты под эгидой Русского географического и Вольного экономического обществ.

Позднее, в 1920-х годах, отмечался всплеск крупномасштабных исследований сельской местности, всесторонне характеризующих жизнь крестьян в период высокой активности, связанной с новой экономической политикой (Яковлев, 1923, 1924; Лежнев-Финьковский, 1925; Феноменов, 1925; Росницкий, 1926; и др.). В 1930–1950-е годы социальные аспекты сельской жизни оставались за пределами научных интересов.

В 1960–1970-е годы изучение сельской местности продвигалось главным образом усилиями новосибирских социологов (Заславская, Рывкина, 1972, 1974) и московских географов-руралистов, прежде всего, С. А. Ковалева, его учеников и последователей (Ковалев, 1960, 1963; Алексеев, 1988, 1990; Ткаченко, 1984).

В 1990-е организаторская деятельность Теодора Шанина и реализация под его руководством масштабных экспедиционных проектов сформировали в России научную школу рефлексивного крестьяноведения (Шанин и др., 2002). Ее главной особенностью стала «качественная методология», предполагавшая глубокое погружение исследователя в сельскую жизнь. Сегодня последователи этой школы вносят заметный вклад в формирование представлений о том, что происходит в сельской местности разных регионов России (напр.: Никулин, Никулина, 2015; Виноградская и др., 2020; Фадеева, 2022).

В 2000-е и особенно в 2010-е выходило большое число работ, выполненных в Институте географии РАН, в которых на основе объ-

емного массива статистических данных и масштабных полевых материалов поднимались разнообразные вопросы развития сельской местности. Один из главных исследовательских трендов, заданных учеными-географами в то время, — дачеведение (Между домом..., 2016). Широкий круг вопросов изучения дач — распространенность «второго жилья» в сельской местности, миграции горожан в деревню, а также повсеместность и распространенность дачного явления обусловили популярность темы среди представителей разных научных дисциплин.

Методически исследования сельской местности реализуются двумя способами — «малое в большом», когда на основе сбора и анализа солидных баз статистических данных выявляются тенденции и пространственные различия демографических, производственно-экономических, экистических, социальных процессов, и «большое в малом», когда с помощью скрупулёзных крупномасштабных исследований, доходящих до каждого сельского двора и отдельного сельского жителя, удается проследить закономерности изменения тех же самых процессов в условиях конкретного сельского населенного пункта, с учетом его индивидуальных особенностей. Первый подход, номотетический, основан преимущественно на количественных методах исследований (Нефедова, 2003, 2015; Зубаревич, 2013; Алексеев, Сафронов, 2017; Аверкиева, Землянский, 2016; Ткаченко и др., 2021). В рамках второго подхода, идеографического, используется широкий набор качественных методов, прежде всего, социологических (Угорский проект под рук. Н. Е. Покровского и Т. Г. Нефедовой, серии работ по Алтайскому региону, Брянской, Московской, Тверской областям, регионам Поволжья, Юга России и др.). Эти два подхода взаимосвязаны и взаимно обогащают друг друга, их сочетание особенно продуктивно на этапах глубоких трансформаций, которые переживает сельская местность нашей страны на протяжении последних десятилетий.

Сегодня вопросы селско-городского взаимодействия, перспектив дезурбанизации, «новой сельскости», джентрификации и ревитализации деревни представляются наиболее актуальными и обсуждаемыми в научных кругах. Особенностью таких сюжетов является их сложная измеримость в количественных показателях. Можно привести немногие примеры работ, где используются «нестандартные» данные для улавливания городского влияния на сельскую местность — информация сотовых операторов (Makhrova et al., 2021), космические снимки (Нефедова, Медведев, 2020), аэровидео съемка местности (Баскин и др., 2022). Преимущественно указанные темы — поле для крупномасштабной работы с применением качественных методов.

В таком ключе выполнено данное исследование. Его объектом стала деревня Денисово Рамешковского муниципального округа Тверской области, ее выбор обусловлен возможностью сравнить результаты исследования, проведенного 25 лет назад, с современ-

*Л. П. Богданова,
Д. М. Виноградов,
А. А. Смирнова*
Человеческое измерение сельской истории: демографические потери и дачная ревитализация одной тверской деревни

ным положением деревни. В 1999 году студентка кафедры социально-экономической географии ТвГУ Надежда Иванова провела оригинальное исследование — составила историческую схему-реконструкцию деревни Денисово с 1930-х до 1990-х годов. В августе 2024 года мы посетили эту деревню в особый момент — умерла последняя коренная жительница В. А. Потемкина, но при этом каких-либо следов запустения не увидели: ухоженные дома, палисадники, огороды. Отсюда и возникла задача оценить демографические потери этого сельского населенного пункта, установить их причины, а также выявить главные факторы, способствующие ее современной ревитализации.

Выбранная деревня находится в 5,5 км к северо-западу от села Никольское — бывшего центра сельского поселения, до центра муниципального округа пгт Рамешки — 21,5 км, до Твери — 96,5 км (рис. 1). Деревня стоит на берегу реки Медведицы на маршруте древнего торгового пути из Бежецка на Торжок.

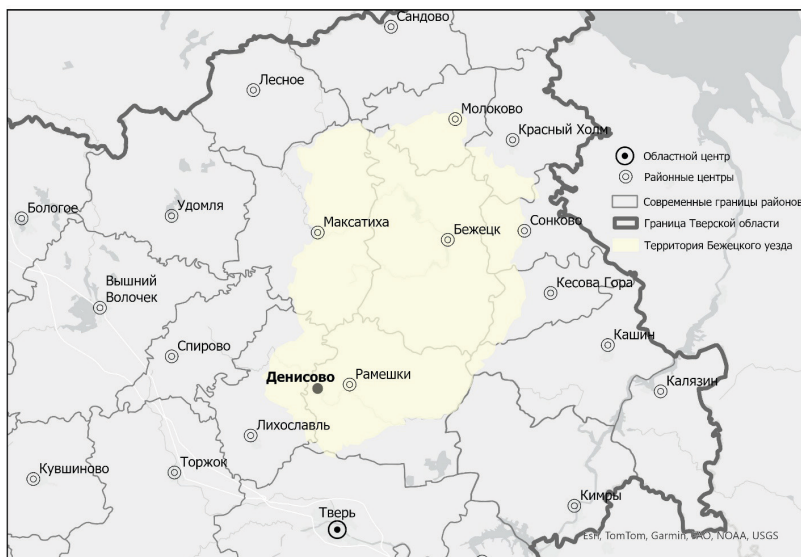

Рис. 1. Положение исследуемой деревни Денисово на карте Тверской области

История, территориальная принадлежность

Территория, где расположена деревня Денисово, находилась на крайнем юго-востоке новгородских земель и за свою историю переходила от Новгорода к Москве и Твери, из Замытской волости Бежецкого уезда в Рамешковский район Калининской области.

Упомянуты впервые Бежецкие земли в новгородских источниках XI–XII веков, а села вблизи деревни Денисово — Никольское и Замытье — отмечены на карте Новгородских пятин в XVI веке, составленной К. А. Неволным в 1853 году.

Первоначально земли историко-географического ареала Бежецкий Верх были освоены финно-угорскими племенами (историки спорят, весь или меря), которых примерно в IX веке потеснили славяне. «Масса рыбы и пушного зверя, обилие дичи, роскошные сенные покосы и особенно богатство хлебом, в котором Новгород так всегда нуждался, делали Бежецкую колонию новгородской житницей» — так описывал бежецкие земли священник-краевед И. Н. Постников (1921). В XIII–XV веках за бежецкие земли шла ожесточенная борьба, княжеские междоусобицы, и только во второй половине XV века (1478 г.) Бежецкий Верх был присоединен к Москве. При Иване III земли Новгорода были поделены на пятины, западная часть Бежецкого Верха стала Бежецкой пятиной с двумя половинами — Тверской и Белозерской. Новое административное деление было произведено в начале XVIII века, после чего принадлежность изучаемой части Бежецкого Верха неоднократно менялась:

— в 1708–1727 гг. в составе Ингерманландской (с 1710 г. Санкт-Петербургской) губернии, Новгородская провинция;

— в 1727–1775 гг. в составе Новгородской губернии, Тверская провинция;

— в 1775–1796 гг. в составе Тверского наместничества, Бежецкий уезд, Каменский стан;

— в 1796–1929 гг. в составе Тверской губернии, Бежецкий уезд, Замытская волость.

Непростой климат и сложные политические события неоднократно приводили к запустению бежецких земель, особенно во времена Ивана Грозного (опричнина) и польско-литовских нашествий в начале XVII века. Именно в эти обезлюдившие земли переселялись православные карелы, в значительной степени заменив русское население. Деревня Денисово, как и многие села и деревни вдоль реки Медведицы, стала типичной карельской деревней.

Тверские карелы — потомки этнической общности корела, сформировавшейся к XII веку на территории северо-западного Приладожья. А. А. Булкин, исследовавший географическую разобщенность карельского этноса, отмечал, что систематические переселения карел вглубь русских земель начались уже в XIII веке (Булкин, 2005: 43). Специалистами выделяется несколько миграционных волн, обусловленных возрастающей напряженностью отношений между Россией и Швецией. Планомерное переселение карел началось после заключения Столбовского мира в 1617 году — карелы массово уходили из мест, отошедших к шведской короне, из-за высоких налогов и насильственного обращения в лютеранство.

*Л. П. Богданова,
Д. М. Виноградов,
А. А. Смирнова*
Человеческое измерение сельской истории: демографические потери и дачная ревитализация одной тверской деревни

Наиболее массовое переселение карел вглубь русских земель произошло в период Русско-шведской войны 1656–1658 годов. По словам А. Н. Вершинского (1935: 81), «карельская колонизация» велась по двум основным направлениям, которые соответствовали «дорогам крупного торгового значения». Первое — на Москву через Новгород, Валдай и Торжок; второе — на Бежецк и Череповец с выходом на притоки Северной Двины. На обезлюдивших землях Бежецкого Верха — историки оценивают в 3–4% долю населения, оставшегося после польско-литовских разорений, мора и голода — осели наиболее многочисленные группы карел. В результате этой миграции сформировался самый крупный ареал расселения карел (за пределами Приладожья и Карельского перешейка) — Тверская Карелия, вероятно, впервые так названная в 1836 году Ф. Н. Глинкой. В письмах к П. И. Кёппену он писал: «Тверские карелы говорят своим языком и держатся древних родовых нравов, отличаясь и доныне от соседей своих некоторыми патриархальными добродетелями. Поэтому описываемый мной угол Бежецкого уезда может называться Тверскою Карелией» (Глинка, 1836: 15).

Истории переселения карел и формированию ареала их расселения в Тверской области посвящена обширная литература. Об интересе к Тверской Карелии свидетельствуют регулярные обследования этих мест начиная с первой половины XIX века. Даже несмотря на репрессии, которые последовали за упразднением просуществовавшего два года Карельского национального округа (1937–1939), работа по изучению тверских карел, их языка и быта продолжалась. Сегодня несмотря на то, что в Тверской области осталось менее 3 тысяч карел (по данным переписи 2021 г.), интерес к этой этнической общности и культуре карел не ослабевает.

Исследуемая деревня Денисово — карельская (рис. 2). Как и многие другие пункты в окрестностях, она относилась к Козловско-Толмачевскому ареалу расселения карел. По А. А. Булкину (Булкин, 2005), эта территория — «ядро Тверской Карелии», где наблюдались наибольшая густота карельских поселений и численность проживающих там карел.

Территориальные особенности размещения карельских поселений отметил Л. Е. Иофа: чуть в стороне от крупных трактов и основных рек, где сохранилось русское население. Козловско-Толмачевский ареал лежал внутри треугольника торговых трактов, связывавших Вышний Волочек, Торжок и Бежецк. Не селились карелы на берегах крупных рек — Тверцы, Цны, Мологи. Самая «карельская» река в Тверской области — Медведица — была заселена карелами лишь в верхнем течении (Булкин, 2005).

Л. П. Богданова,
Д. М. Виноградов,
А. А. Смирнова
Человеческое измерение сельской истории: демографические потери и дачная ревитализация одной тверской деревни

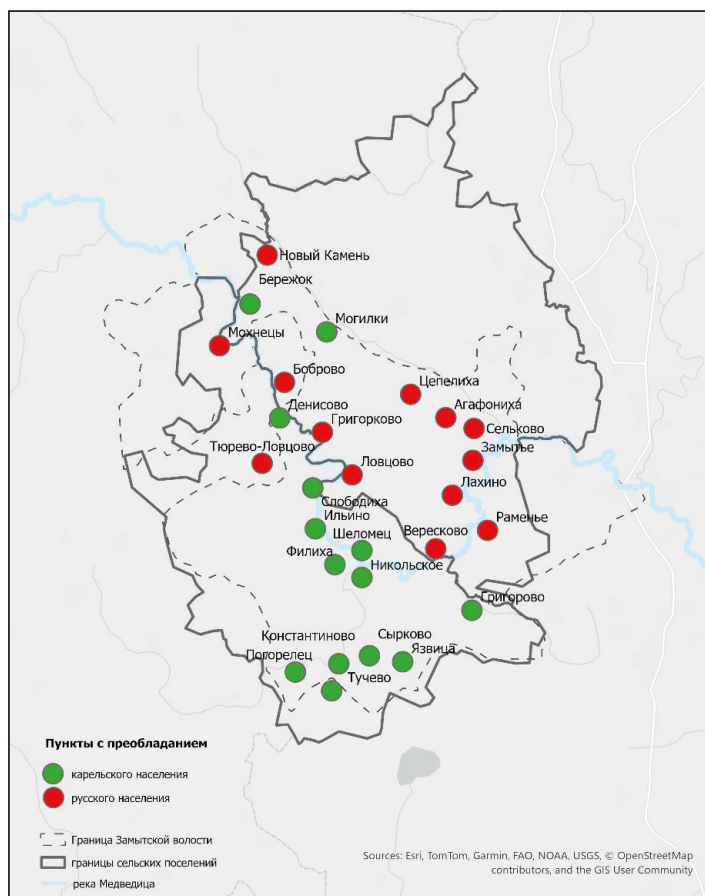

Рис. 2. Преобладающий этнос в населенных пунктах Замытской волости, составлено по: (Вершинский, 1932)

Замытская волость

Замытская волость, к которой относились деревня Денисово в XIX веке, входила в число самых населенных в Бежецком уезде Тверской губернии. По показателю плотности населения — 63,8 чел./км² — она занимала третье место в уезде. Замытская волость была также на втором месте по среднему размеру СНП (268 чел.). Средний размер домохозяйства («избы») также был довольно большим и составлял 4,5 человека. Замытская волость входила в число тех, где отмечалась наиболее благоприятная структура трудовых ресурсов — доля «малосильных семей» (без работников) составляла всего 6% от их общего числа (Сборник..., 1891а).

Согласно Сборнику статистических сведений по Тверской губернии (1891б), в состав волости входило 34 деревни и 3 села, из того списка до наших дней сохранились 25 населенных пунктов. В рассматриваемый массив СНП вошли также две деревни соседней Микшинской волости — Боброво и Тюрево-Ловцово, а также д. Пески, появившаяся в начале XX века.

В постсоветское время эти 28 пунктов относились к двум разным сельским советам (округам), а затем — сельским поселениям. 13 деревень вместе с селом Никольское составляли одноименное сельское поселение (СП), другие 13 деревень с центром в селе Замытье образовали Замытское СП.

По данным на 1887 год, суммарная численность населения в рассматриваемых СНП составляла почти 8 тысяч человек (рис. 3). Средний размер населенного пункта (больше 250 человек) значителен по меркам Тверской губернии. С учетом ограниченности благоприятных сельхозугодий и распространения болот, это говорит об устойчивости селений. Здесь эта «стойкость» была обусловлена торгово-промышленной специализацией местности.

Из 37 пунктов, существовавших тогда в Замытской волости, какие-либо промышленные объекты были в 21. В деревнях и селах размещались мельницы, кузницы, маслобойные заводы, примечательной особенностью этих мест является распространение кожевенной промышленности. Кожевенные заводы располагались в 5 деревнях. Выделялась волость и наличием торговых объектов. Например, в селе Замытье в 1887 году было 6 лавок, 2 трактира и 2 питейных заведения, в деревнях Лахино и Бережок — по 4 торговых лавки. Такая специализация селений обусловлена их притрактовым положением и обслуживанием людей и грузов. Природные ограничения для занятия земледелием компенсировались несельскохозяйственными занятиями, а также отходническим промыслом местных жителей, преимущественно в коновалы и сапожники.

К сожалению, для всего массива СНП не удалось найти единообразных данных о численности проживающих в первой половине XX века, однако информация по отдельным деревням и селам показывает, что 1920-е были тем периодом, когда поселения достигли своей максимальной людности. От этого только разрушительнее смотрятся последовавшие за этим потери 1930-х годов. В волостном центре — селе Замытье — в 1920 г. проживали 1046 человек, а в 1936 г. — уже 408. В деревне Лахино — крупном торгово-промышленном селении, где до революции работали два кожевенных завода — в 1920 г. насчитывалось 898 жителей, в 1936 г. — 290. Самые сильные потери происходили, вероятно, с 1934 по 1936 год. Так, численность населения карельского села Никольское в этот период уменьшилась почти на треть — с 416 до 293 человек (Рамешковский район., 2001).

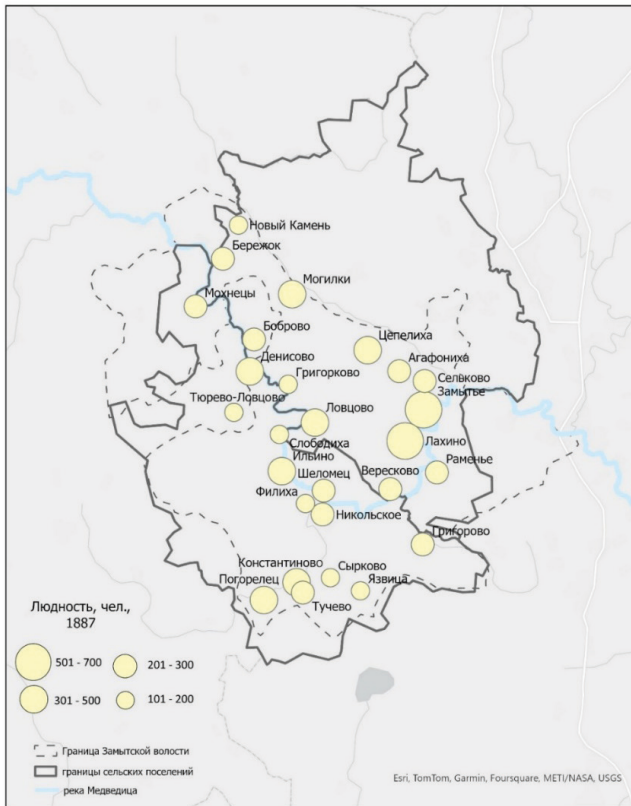
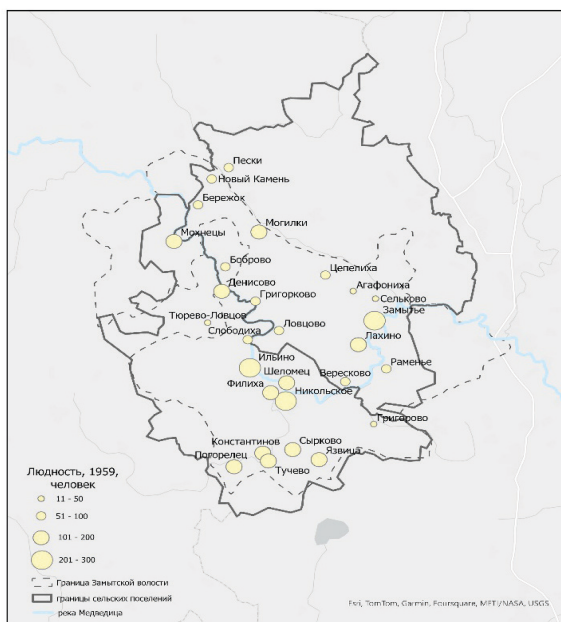

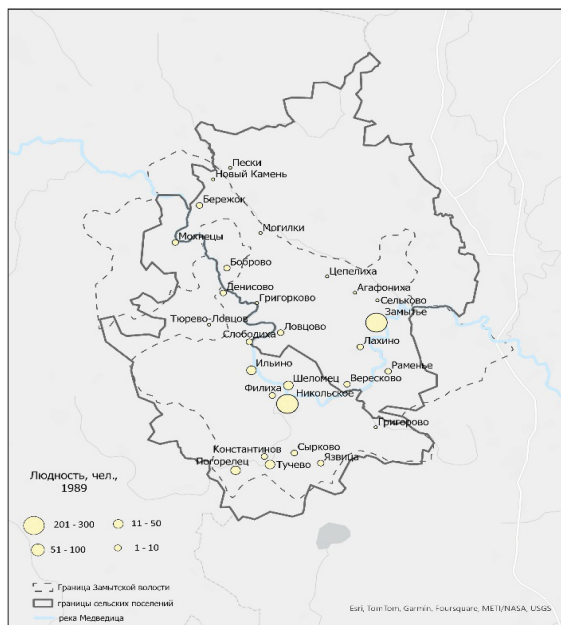
Рис. 3. Людность рассматриваемых населенных пунктов, по данным на 1887 год

В последующие десятилетия убыль населения продолжилась. По переписи 1959 г. на исследуемой территории проживало чуть больше 3 тысяч человек, т.е. с 1887 г. численность населения сократилась более чем в два раза. Через 100 лет от начала рассматриваемого периода — в 1989 г. число жителей немногим превысило 1000 человек. По данным последней переписи, на территории упраздненных к тому времени сельских поселений — Замытского и Никольского — насчитывалось 788 жителей. В списках населенных пунктов значилось 28 СНП, из них 5 были отнесены к категории «без населения».

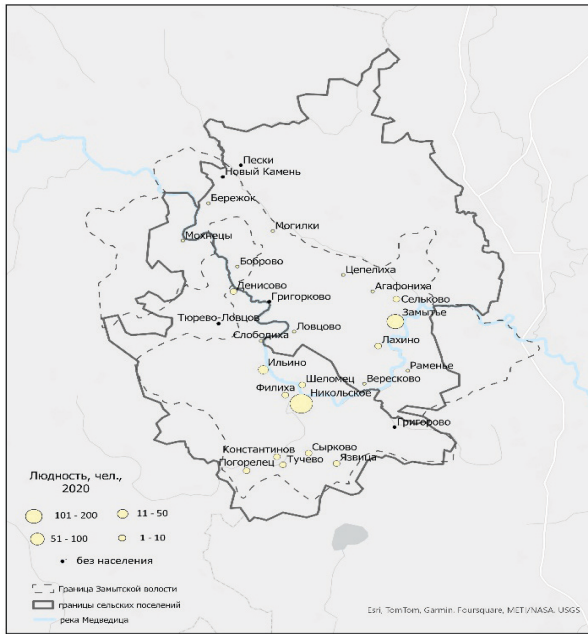
Созданные в ходе коллективизации хозяйства постоянно укрупнялись, последние объединения произошли в 1965 году. Тогда колхозы с центральными усадьбами в Замытье и Никольском были преобразованы в совхозы «Рамешковский» и «Тучевский», соответственно, куда вошли все деревни двух сельсоветов, созданных вместо Замытской волости. Приватизация земель и реорганизация предприятий, произошедшая в 1990-е, привела к возникновению на месте бывших совхозов небольших ОАО и ООО, которые сегодня уже не действуют (Рамешковский район., 2001).

А

Б

В

Рис. 4. Людность рассматриваемых деревень в 1959 (А.), 1989 (Б.), 2021 (В.)

Деревня Денисово в XIX веке

В середине XIX века деревня Денисово являлась частью имения Никольское, которое принадлежало представителю древнего дворянского рода Николаю Васильевичу Зиновьеву — генералу от инфантерии, генерал-адъютанту императорского двора, проживавшему в Санкт-Петербурге. В состав имения, кроме села Никольского, входили село Мохнецы и 12 деревень: Григорково, Денисово, Емельянцево, Ильино, Константиново, Мошница, Мухреево, Озерцкое, Погорелец, Тучево, Сырково, Шеломец, всего 1610 душ крестьян (Описание имения..., 1858).

В 1859 году в деревне Денисово было 49 дворов и 310 жителей, в 1887 году — 62 двора и 357 жителей. Земская статистика дает представления о жизни деревни в конце XIX в.: средний душевой надел в 1887 году составлял 4,5 десятины, на хозяйство приходилось 11,4 десятины. В целом усадьбы крестьян составляли 663 десятины, еще 68 десятин покоса находились в аренде. В деревне было 83 лошади, 27 крестьянских хозяйств имели одну лошадь, в 28 хозяйствах было по две лошади и только 8 крестьянских хозяйств были безлошадными. Деревенское стадо состояло из 141 головы КРС и 117 голов нетелей и бычков. Урожайность сельскохозяйственных культур составляла 5 четвертей ржи, 3 четверти овса, 4 четверти яч-

меня, сеяли крестьяне также лен. Занимались крестьяне местными промыслами (кожевенный, ткацкий, сапожный, валяльный, вязальный и др.) — 19 семей; на отхожих промыслах было занято 10 семей; смешанными ремесленными промыслами занималось 3 семьи. Было в деревне 3 промышленных заведения: кузница, маслобойня, кожевенный завод. Грамотных среди крестьян был 21 человек, трое детей посещали школу в Мохнецах. Там же была приходская церковь (Кременецкая, 2000).

В течение XIX века динамика численности населения деревни Денисово была положительной и соответствовала устойчивому приросту карельского населения всего Бежецкого уезда (Головкин, 2008: 32-33):

1834 г. — 25 491 чел.

1859 г. — 35 314 чел.

1873 г. — 42 157 чел.

1897 г. — 46 950 чел.

1917 г. — 49 920 чел.

Век XX. Этапы разрушения демографического потенциала

В 1901 году в деревне было уже не 62 двора с населением 357 человек, а 53 двора с населением 377 человек. Возможно, уменьшение числа крестьянских дворов связано с пожаром, после которого деревня изменила пространственную структуру — вместо нескольких улиц деревня превратилась в поселение линейной формы, где дома стояли вдоль дороги из Никольского в Мохнецы. Кроме того, в начале XX века часть крестьян из деревни вышла на хутора в поле Запетрики — старожилы называли 4–7 семей (Раменшковский район..., 2001).

В 1918 году деревня Денисово, в которой проживали 482 человека (по данным на 1917 год), стала центром новообразованного Мохнецкого сельсовета, просуществовавшего до конца 1940-х годов. Самой большой численности населения деревня достигла в 1920-е годы, во время НЭПа: количество домов возросло до 105, в деревне появилось 7 чайных, 2 кожевенных завода вместо прежнего одного, несколько кузниц, трикотажная мастерская, магазин. Самым успешным предпринимателем стал А. Ф. Быстров-Игнатьев (по имени деда Игнатия) — зачинатель трикотажного дела, который закупил вязальные машинки, пряжу, построил мастерскую, нанял рабочих-вязальщиков, открыл магазин (Кременецкая, 2000).

Крестьяне занимались единоличным хозяйством до 1929 года, а некоторые до 1931 года. Первый колхоз в д. Денисово был организован в 1929 году — это был колхоз «Коллективист» из 7 крестьянских дворов с первым председателем Алексеем Губановым. В 1930–1931 годах началась кампания сплошной коллективизации

и связанное с ней раскулачивание крепких хозяйств — самых старательных, самых трудолюбивых и успешных хозяев. Выселению с конфискацией имущества подверглось 15 семей: Быстровых (4 семьи), Смирновых (3 семьи), Чуркиных (4 семьи), Семенова П. С., Моторина М. В., Муничева А. В., Чеклишева. Кулаком посчитали Алексея Губанова, первого председателя колхоза, который экономил на еде, чтобы купить плуг и борону (Деревня Денисово, 2015). Итоги раскулачивания — не просто людские потери, это утрата самой активной части населения. Среди раскулаченных были прежде всего мастеровые люди — маслобойщики, кузнецы, кожевники и др. За период с 1934 по 1936 год деревня потеряла половину своих жителей — численность населения уменьшилась с 470 до 238 человек.

Этапы разрушения демографического потенциала деревни в течение XX столетия наглядно демонстрирует схема-реконструкция деревни Денисово, составленная по воспоминаниям старожилов в 1999 году (рис. 5). Не претендуя на абсолютную точность, схема отражает глубокие изменения за три временных периода:

1930-е годы — результаты раскулачивания и потери самых крупных и крепких крестьянских хозяйств, наиболее активной части населения;

1950-е годы — послевоенное население деревни, все еще большие семьи 5–6 и более человек;

1990-е годы — самые разрушительные, когда в деревне постоянного население осталось только 27 человек в 17 домовладениях.

По данным переписей, население деревни Денисово устойчиво сокращалось с 1959 года, причем самыми разрушительными оказались 1970-е годы (рис. 6). Еще в 1950–1960-е годы в деревне работали две маслобойни, была школа, а в 1970-е годы главным триггером оттока населения стало закрытие филиала Рамешковской трикотажной фабрики, который был расположен в соседней деревне Боброво и обеспечивал рабочие места для многих жителей, особенно женщин.

*Л. П. Богданова,
Д. М. Виноградов,
А. А. Смирнова*
Человеческое измерение сельской истории: демографические потери и дачная ревитализация одной тверской деревни

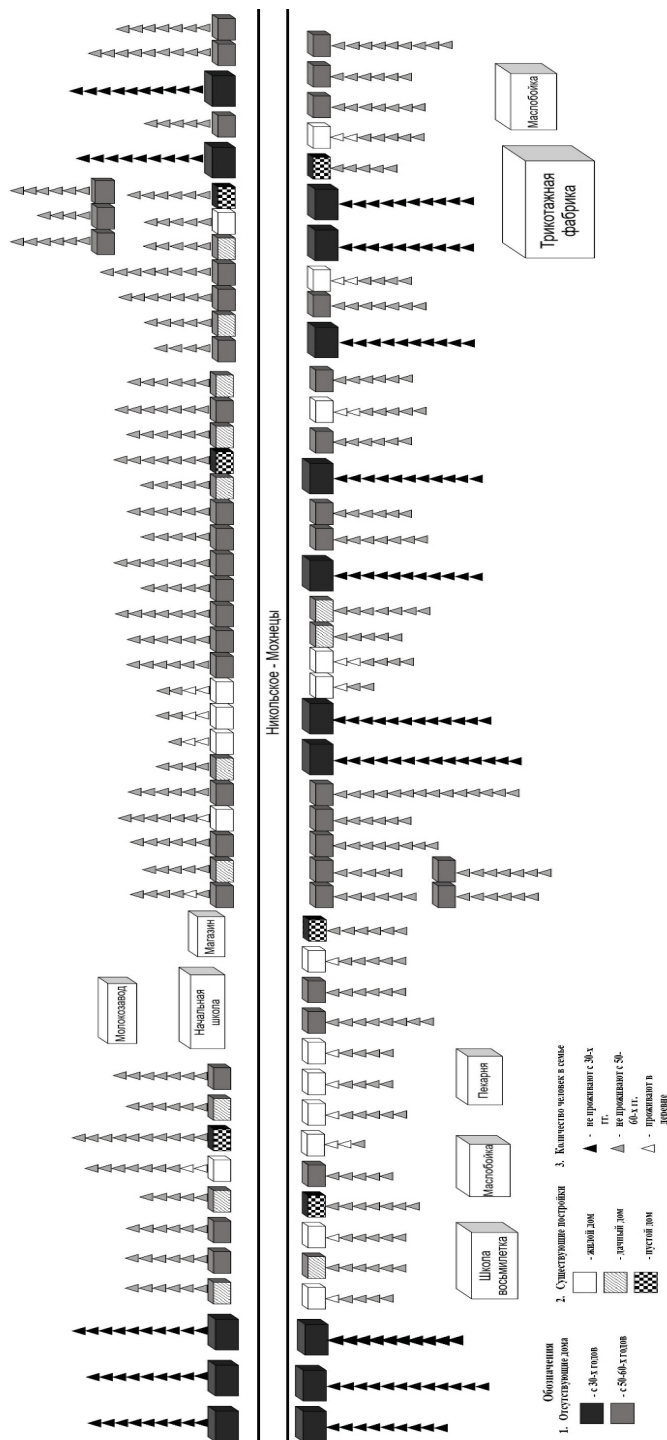

Рис. 5. Схема-реконструкция деревни Денисово, составленная на основе воспоминаний ее жителей (1930–1990-е гг.)

Сельскохозяйственную деятельность вели сначала колхоз «Заветы Ильича», затем совхоз «Тучевский» с центром в с. Никольское. В Денисове с 1965 года была молочная ферма на 200 голов скота. Совхоз «Тучевский» прекратил существование в 1996 году.

*Л. П. Богданова,
Д. М. Виноградов,
А. А. Смирнова*
Человеческое измерение сельской истории: демографические потери и дачная ревитализация одной тверской деревни

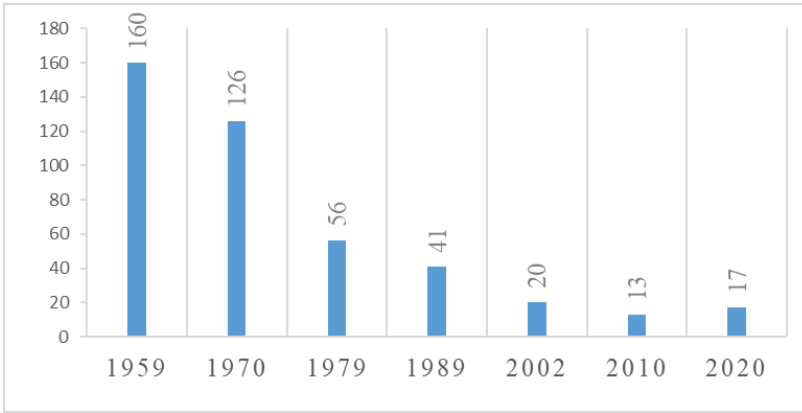

Рис. 6. Динамика численности населения деревни Денисово (1959–2020 гг.), составлено по данным Тверьстата

Итог 1990-х годов — утрата аграрных функций, потери основных пахотных угодий, сокращение демографических ресурсов. По переписи 1989 года, в д. Денисово проживал 41 человек (17 мужчин, 24 женщины), по сравнению с 1930 годом, когда в деревне проживало 90 карельских семей, население сократилось в 5–6 раз.

XXI век. Утрата постоянного населения и дачная ревитализация

Если в конце 1990-х годов деревня Денисово, как и многие другие СНП Рамешковского района, выглядела разоренной, угасающей, то наш приезд в августе 2024 года порадовал живым, ухоженным видом домов и участков. Зброшенных домов в руинах, как в 1990-е годы, не осталось, брошенной на полях ржавеющей техники давно не видно, а сами поля за эти годы заросли, многие превратились в лесные насаждения. В деревне нет никаких услуг, даже магазин закрыт, жителей и дачников обслуживает автолавка. Не ходит общественный транспорт, доехать автобусом можно только до Никольского. Поэтому у каждого дома автомобили, без машины в таких условиях невозможно.

Как уже отмечено, именно летом 2024 года в возрасте 92 лет умерла последняя коренная жительница деревни Денисово — Валентина Алексеевна Потемкина. Современное состояние деревни мы узнали из беседы с ее дочерью, Лидией Ивановной Максимовой, вместе с которой составили схему домовладений (рис. 7).

Рис. 7. План-схема домовладений и фрагмент космического снимка деревни Денисово, 2024 г.

В деревне к настоящему времени осталось 36 домов, из которых 11 — нежилые. Эти дома стоят целые, неразрушенные, отличаются только заросшими палисадниками, заброшенными огородами, не тронутыми свежей краской наличниками и заборами. Серые дома, у которых есть собственники, не приезжающие в деревню в течение нескольких лет. Из 25 жилых домов обитаемы в течение всего года только 4, в этих домах на зиму остаются дачники пенсионного возраста, которые завели небольшое приусадебное хозяйство. 21 домо-владение стало дачным, сезонно используемым. По месту постоянного проживания дачники распределились следующим образом:

- 10 дачных домов принадлежат жителям Твери, половина которых — уроженцы деревни Денисово или другие наследники;
- 8 дачных домов принадлежат москвичам, причем только 2 — уроженцам деревни Денисово;
- 2 дачных дома принадлежат жителям Санкт-Петербурга, уроженцам деревни Денисово;
- 1 дачный дом во владении жителей пгт Рамешки, уроженцев деревни Денисово.

Принадлежность дачных домов отражает направления миграций жителей, покинувших деревню Денисово: предпочтительным направлением является Тверь, затем с равными значениями по привлекательности стоят столичные города — Москва и Санкт-Петербург (рис. 8).

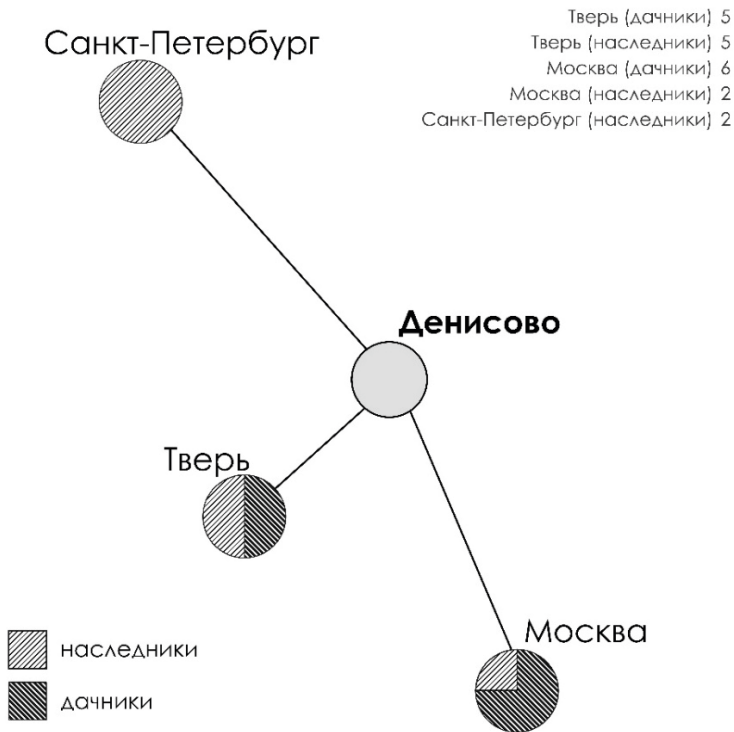

Рис. 8. Владельцы дачных домов в деревне Денисово, 2024 г.

В целом из 21 дачного домовладения — 11 приобретенных и 10 унаследованных. Высокая доля дач, приобретенных москвичами, связана с двумя причинами: Рамешковский район относится к зоне дачного влияния Москвы; вторая причина — дачная экспансия Москвы в период пандемии COVID-19. В 2020–2021 годах москвичи активно приобретали дома в малых городах и сельской местности Тверской области, пригодные для постоянного проживания. Традиционно крепкие дома карельской деревни Денисово, расположенной на берегу р. Медведицы, оказались привлекательными для приобретения таких дач (рис. 9А.).

А

Б

Рис. 9. Фотографии домов в д. Денисово (А.) и торговых рядов в с. Замытье (Б.)

Происходящие процессы можно назвать дачной колонизацией (Аверкиева, Нефедова, 2016), сельской джентрификацией (Аверкиева, 2022) или ревитализацией (Смирнова, 2024) в зависимости от того, какие аспекты интересуют исследователя в первую очередь. Данный кейс показал, что к традиционным географическим факторам дачного «оживления» тверской деревни — приречному, прицентровому, притрассовому положению — следует добавить этнокультурный. Сегодня использование карельского наследия (материального и нематериального) проявляется в разных формах — через организацию этнофестивалей, обустройство гостевых домов, проведение экскурсионных программ и мастер-классов. Хотя в Денисове нет подобных проявлений «оживления», ничто не мешает предположить, что кто-то из нынешних дачников в будущем ре-

шит заняться восстановлением и сохранением памяти о карельской культуре. Тем более что рядом есть пример села Замытье, которое превратилось в заметный центр на туристической карте Тверской области. Восстановление главной архитектурной доминанты села — церкви «Преображение Господне» (1883 г.) и торговых рядов происходило в первую очередь благодаря участию «новых поселенцев» — столичных горожан (рис. 9Б.). Сегодня в Замытье принимают не только индивидуальных гостей, путешествующих по области, но и организованные группы туристов, в том числе — из Москвы и Санкт-Петербурга.

Можно воспользоваться фразой Н. Е. Покровского, прозвучавшей в интервью А. М. Никулину (2023), и назвать происходящее «территориальным переформатированием сельских пространств». При этом возникает вопрос — насколько «новый формат» деревни долговечен? Будет ли следующее поколение наследников и дачников заинтересовано в сохранении своих владений и смогут ли нынешние молодые люди сохранить деревню Денисово? Покажет время.

*Л. П. Богданова,
Д. М. Виноградов,
А. А. Смирнова*
Человеческое измерение сельской истории: демографические потери и дачная ревитализация одной тверской деревни

Библиография

- Аверкиева К. В. (2022). Сельская джентрификация в российском Нечерноземье // Вестник Московского ун-та. Серия 5. География. № 6. С. 119-128.
- Аверкиева К. В., Землянский Д. Ю. (2016). Современная структура занятости сельского населения в Центральном Черноземье // Вестник Московского ун-та. Сер. 5. География. № 2. С. 75-81.
- Аверкиева К. В., Нефедова Т. Г. (2016). Дачная «колонизация» российской глубинки. Пример Костромской области // Мир России: социология, этнология. № 1. С. 103-128.
- Алексеев А. И. (1988). Сельское расселение: концепции и реальность // Вопросы географии. Сб. 132. Современное село: пути развития. М. С. 144-182.
- Алексеев А. И., Сафронов С. Г. (2017). Типология сельских населенных пунктов Европейской части России в современной демографической и социально-экономической ситуации // Вестник Московского ун-та. Сер. 5. География. № 6. С. 55-61.
- Баскин Л. М., Покровский Н. Е., Николаева У. Г. (2022). Социология по земле пешком и с высоты полета квадрокоптера. Сельские дома и деревенская жизнь Ближнего Севера России (на примере Костромской области) // Крестьяноведение. Т. 7. № 4. С. 72-108.
- Булкин А. А. (2005). Географическая разобщенность и субэтнотопос карел. Дисс. ... канд. геогр. наук (25.00.24). СПб.: РПГУ им. А. И. Герцена.
- Вершинский А. Н. (1932). Список карельских селений Московской области. М.: тип. изд-ва «Пролетарская правда».
- Вершинский А. Н. (1935). Очерки истории верхневолжских карел в XVI–XIX вв. / Ксерокопия статьи из издания: Исторический сборник / АН СССР. Москва. Т. 4. С. 73-104.
- Виноградская О. Я., Виноградский В. Г., Никулина Е. С. (2020). Мир новых поселян: малые дела vs большие надежды // Пути России. Народничество и популизм: Сб. ст. XXVI Межд. симпозиума. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС. С. 271-288.
- Глинка Ф. Н. (1836). О древностях в Тверской Карелии: извлечение из писем Ф. Н. Глинки к П. И. Кеппену. Санкт-Петербург: типография Медицинского департамента Министерства внутренних дел.

- Головкин А. Н. (2008). История Тверской Карелии. Тверь: Студия-С.
- Деревня Денисово (2015). URL: <https://gamaza1971.wordpress.com/2015/02/23/деревня-денисово/> (дата доступа: 20.01.2025).
- Заславская Т. И., Рывкина Р. В. (1972). Влияние процессов урбанизации и индустриализации на социально-экономическое развитие деревни // Социально-экономическое развитие села и миграция населения / Т. И. Заславская, В. А. Калмык (ред.). Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР. С. 245-263.
- Заславская Т. И., Рывкина Р. В. (1977). Методологические проблемы системного изучения деревни. Новосибирск: Наука.
- Зубаревич Н. В. (2015). Трансформация сельского расселения и сети услуг в сельской местности // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 3. С. 26-38.
- Ковалев С. А. (1960). Географическое изучение сельского расселения (задачи, методика, материалы, специальные карты расселения). М.: изд-во Моск. ун-та.
- Ковалев С. А. (1963). Сельское расселение (географическое исследование). М.: изд-во Моск. ун-та.
- Кременецкая Т. Н. (2000). В Тверском углу. Материалы для энциклопедии «Тверская деревня». Жуковский: изд-во МИМ «ЛИНК».
- Лежнев-Финьковский П. Я. (1925). Как живет деревня. Очерки о состоянии деревни в Челябинском и Пермском округах Уральской области. М.: Новая деревня.
- Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России (2016) / Ред. Т. Г. Нефедовой, К. В. Аверкиевой, А. Г. Махровой. М.: Новый хронограф.
- Неволин К. А. (1853). О пятинах и погостах новгородских в XVI веке. СПб.: Тип. Императорской академии наук.
- Нефедова Т. Г. (2003). Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М.: Новое издательство.
- Нефедова Т. Г. (2013). Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М.: Ленанд.
- Нефедова Т. Г., Медведев А. А. (2020). Сжатие освоенного пространства в центральной части Европейской России: динамика населения и использование земель в сельской местности // Известия РАН. Сер. Геогр. Т. 84. № 5. С. 645-659.
- Никулин А. М., Никулина Е. С. (2015). Мошинский куст: ветви жизнедеятельности северной сельской местности // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. Вып. 10. М.: Дело. С. 274-294.
- Описание имения помещика Н. В. Зиновьева, состоящего в Замытской волости Бежецкого уезда 28 авг. 1858 г. ГАТО. Ф. 148. О. 1-1. Д. 6. Л. 16.
- Покровский Н. Е., Никулин А. М. (2023). Происходит и будет происходить территориальное переформатирование сельских пространств // Крестьяноведение. Т. 8. № 2. С. 140-158.
- Прусихин О. Е., Жуковский Е. Д., Крутов О. Д., Алексеев А. И. (2022). Жизнь Ивана и Ганса в XXI веке: Волчихинский район, Алтайский край // Крестьяноведение. Т. 7. № 3. С. 190-209.
- Постников И. Н. (1921). Бежецкий Верх. Историко-географический очерк. Дворянское землевладение в Бежецком Верху // Бежецкий край. Первый выпуск статей Бежецкого научного общества. Бежецк. С. 21-55.
- Рамешковский район: населенные пункты: энциклопедический справочник (2001) / Авт.-сост. А. Е. Серов; гл. ред. Ю. М. Смирнов. Тверь: Альба.
- Росницкий Н. А. (1926). Лицо деревни: по материалам обследования 28 волостей из 32 630 крестьянских хозяйств в Пензенской губернии. М.; Л.: Государственное издательство.
- Савоскул М. С., Алексеев А. И. (2021). Траектории трансформации одной неперспективной деревни (на примере деревни Кузрека Терского района Мурманской области) // Крестьяноведение. Т. 6. № 3. С. 111-123.

- Сборник статистических сведений по Тверской губернии (1891а). Том VI. Бежецкий уезд. Вып. 1. Тверь: Твер. губ. земство, 1885–1897.
- Сборник статистических сведений по Тверской губернии (1891б). Том VI. Бежецкий уезд. Вып. 2. Тверь: Твер. губ. земство, 1885–1897.
- Семенов П. П. (1880). Мураевенская волость // Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. СПб.
- Семенов-Тянь-Шанский В. П. (1910). Город и деревня в Европейской России. С.-Петербург.
- Семенова-Тянь-Шанская О. (1914). Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний // Записки Императорского Русского географического общества по Отделению этнографии. СПб.
- Смирнова А. А. (2024). Географические факторы ревитализации сельских населенных пунктов «без населения» // Вестник Московского университета. Серия 5: География. Т. 79. № 1. С. 133–140.
- Список карельских деревень Тверской губернии на 1873 г. (составлен Д. Рихтером в 1904 г.). ГАТО. Ф. Р-289. О. 1. Д. 309.
- Ткаченко А. А. (1984). О развитии сельских территориальных общностей Нечерноземной зоны РСФСР // Известия Всесоюзного географического общества. Т. 116. № 5. С. 400–407.
- Ткаченко А. А., Смирнова А. А., Смирнов И. П. (2021). Опыт географической классификации сельских районов Тверской области // Крестьяноведение. Т. 6. № 3. С. 6–18.
- Фадеева О. П. (2022). Трансформация сельского самоуправления: сибирский фокус // Крестьяноведение. Т. 7. № 2. С. 122–157.
- Феноменов М. Я. (1925). Современная деревня: Опыт краеведческого обследования одной деревни (д. Гадыши Валдайского у. Новгородской г.). Л.; М.: Гос. изд-во.
- Шанин Т., Никулин А. М., Данилов В. П. (2002). Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. М.: МВШСЭН.
- Яковлев Я. А. (1923). Деревня как она есть (Очерки Никольской волости). М.: Изд-во «Красная Новь».
- Makhrova A. G., Babkin R. A., Kirillov P. L., Kazakov E. E. (2021). Moscow dachas: Will the second home become the first? // Regional Research of Russia. Vol.11. №4. P. 555–568.

*Л. П. Богданова,
Д. М. Виноградов,
А. А. Смирнова*
Человеческое измерение сельской истории: демографические потери и дачная ревитализация одной тверской деревни

Human dimension of rural history: Demographic losses and dacha revitalization in one Tver village

Lidiya P. Bogdanova, DSc (Geography), Head of the Department of Social and Economic Geography and Territorial Planning, Faculty of Geography and Geoecology, Tver State University. P. Proshina St., 3, bldg. 2, Tver, 170021, Russia.
E-mail: Bogdanova.LP@tversu.ru.

Dmitry M. Vinogradov, PhD Student, Faculty of Geography and Geoecology, Tver State University. P. Proshina St., 3, bldg. 2, Tver, 170021, Russia.
E-mail: Vinogradov.DM@tversu.ru.

Alexandra A. Smirnova, PhD (Geography), Associate Professor, Faculty of Geography and Geoecology, Tver State University. P. Proshina St., 3, bldg. 2, Tver, 170021, Russia.
E-mail: Fomkina.AA@tversu.ru

Abstract. The article reconstructs the history and key post-Soviet changes in the village of Denisovo located in Rameshkovsky municipal district of the Tver Region. The village is a part of the main settlement area of Tver Karelia that developed in the upper reaches of the Medveditsa River. Another feature of this territory is closeness to the Tver agglomeration and the Moscow Region. These features largely determined demographic changes in the village at different times. Based on various

materials, including historical sources, the authors provide a brief overview of the Karelian colonization of the territory and of the ethnic structure of settlements in the Zamytskaya volost. Based on the zemstvo statistical data and censuses, the authors analyze the population dynamics in rural settlements that were a part of the former Zamytskaya volost from the late 19th century to the early 21st century. The article presents a schematic historical reconstruction of Denisovo based on the survey of old residents, which was conducted in 1999. This reconstruction shows the number of people in households from the 1930s to the 1990s and the demographic losses of the village in the 20th century. The repeated survey conducted in the summer of 2024 showed the dacha transformation of the village, i.e., that a significant share of households is seasonally inhabited. Based on interviews with one local resident, the authors provide a contemporary scheme of households, which shows that the dacha ownership in Denisovo reflects the traditional directions of rural migration — to Tver, Moscow and Saint Petersburg. Owners are mainly local residents or descendants of those who left the village in the 20th century. The authors suggest the significant influence of the ethnic-cultural factor on revitalization of Tver villages.

Key words: rural studies, population dynamics, rural depopulation, village transformation, dacha revitalization, Tver Karelia

References

- Alekseev A., Safronov S. (2017) Tipologiya selskih naselennykh punktov Evropeyskoy chasti Rossii v sovremennoy demograficheskoy i sotsialno-ekonomicheskoy situatsii [Typology of rural settlements in the European part of Russia in the current demographic and social-economic situation]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 6, pp. 55–61.
- Alekseev A. (1988) Selskoe rasselenie: kontseptsii i realnost [Rural settlement: Concepts and reality]. *Voprosy Geografii. Sb. 132. Sovremennoe selo: puti razvitiya*, Moscow, pp. 144–182.
- Averkieva K. (2022) Selskaya dzhentrifikatsiya v rossiyskom Nechernozemye [Rural gentrification in Russia's Non-Black Earth Region]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 6, pp. 119–128.
- Averkieva K., Nefedova T. (2016) Dachnaya "kolonizatsiya" rossiyskoy glubinki. Primer Kostromskoy oblasti [Dacha "colonization" of the Russian hinterland. Example of the Kostroma Region]. *Universe of Russia: Sociology, Ethnology*, no 1, pp. 103–128.
- Averkieva K., Zemlyansky D. (2016) Sovremennaya struktura zanyatosti selskogo naseleniya v Tsentralnom Chernozemye [Contemporary structure of rural employment in the Central Black Earth Region]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 2, pp. 75–81.
- Baskin L., Pokrovsky N., Nikolaeva U. (2022) Sotsiologiya po zemle peshkom i s vysoty poleta kvadroptera. Selskie doma i derevskaya zhizn Blizhnego Severa Rossii (na primere Kostromskoy oblasti) [Sociology on the ground on foot and from the height of a quadcopter flight. Rural houses and village life in the Near North of Russia (on the example of the Kostroma Region)]. *Russian Peasant Studies*, vol. 7, no 4, pp. 72–108.
- Bulkin A. (2005) *Geograficheskaya razobshchennost i subetnosy tverskikh karel* [Geographical Disunity and Subethnic Groups of Tver Karelians], Saint Petersburg.
- Derevnya Denisovo (2015) [Village of Denisovo]. URL: <https://gamaza1971.wordpress.com/2015/02/23/деревня-денисово>.
- Fadeeva O. (2022) Transformatsiya selskogo samoupravleniya: sibirsky fokus [Transformation of rural self-government: A Siberian case]. *Russian Peasant Studies*, vol. 7, no 2, pp. 122–157.
- Glinka F. (1836) *O drevnostyah v Tverskoy Karelii: izvlechenie iz pisem F. N. Glinki k P. I. Kerpenu* [On antiquities of Tver Karelia: An extract from the letters of F. N. Glinka to

- P.I. Keppen], Saint Petersburg: Printing House of the Medical Department of the Ministry of Internal Affairs.
- Golovkin A.N. (2008) *Istoriya Tverskoj Karelii* [History of Tver Karelia], Tver: Publishing House Studio-S.
- Kovalev S. (1960) *Geograficheskoe izuchenie selskogo rasseleniya (zadachi, metodika, materialy, spetsialnye karty rasseleniya)* [Geographical Study of Rural Settlement (Tasks, Methods, Materials, Special Settlement Maps)], Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta.
- Kovalev S. (1963) *Selskoe rasselenie (geograficheskoe issledovanie)* [Rural Settlement (A Geographical Study)], Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta.
- Kremenetskaya T. (2000) *V Tverskom uglu. Materialy dlya entsiklopedii "Tverskaya derevnya"* [In the Tver Corner. Materials for the Encyclopedia "Tver Village"], Zhukovsky: "LINK" Publishing House.
- Lezhnev-Finkovsky P. (1925) *Kak zhivet derevnya. Ocherki o sostoyanii derevni v Chelyabinskoy i Permskom okrugah Uralskoy oblasti* [How the Village Lives. Essays on the State of the Village in the Chelyabinsk and Perm Districts of the Ural Region], Moscow: Novaya Derevnya.
- Makhrova A.G., Babkin R.A., Kirillov P.L., Kazakov E.E. (2021) Moscow dachas: Will the second home become the first? *Regional Studies of Russia*, vol. 11, no 4, pp. 555–568.
- Mezhdum domom... i domom. *Vozvratnaya prostranstvennaya mobilnost naseleniya Rossii* (2016) [Between Home... and Home. Return Spatial Mobility of the Russian Population]. T. Nefedova, K. Averkieva, A. Makhrova (Eds.), Moscow: Novy khronograf.
- Nefedova T. (2003) *Selskaya Rossiya na pereputye. Geograficheskie ocherki* [Rural Russia at the Crossroads. Geographical Essays], Moscow: New Publishing House.
- Nefedova T. (2013) *Desyat aktualnykh voprosov o selskoy Rossii. Otvety geografa* [Ten Current Questions about Rural Russia. A Geographer's Answers], Moscow: Lenand.
- Nefedova T., Medvedev A. (2020) *Szhatie osvoennogo prostranstva v tsentralnoy chasti Evropeyskoy Rossii: dinamika naseleniya i ispolzovanie zemel v selskoy mestnosti* [Compression of the developed space in the central part of European Russia: Population dynamics and land use in rural areas]. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*, vol. 84, no 5, pp. 645–659.
- Nevolin K. (1853) *O pyatinah i pogostah novgorodskih v XVI veke* [On Novgorod Pyatinas and Village Cemeteries in the 16th Century], Saint Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences.
- Nikulin A., Nikulina E. (2015) *Moshinsky kust: vetvi zhiznedeiatelnosti severnoy selskoy mestnosti* [Moshinsky bush: Branches of life activity of the northern rural area]. *Peasant Studies: Theory. History. The Present Time*, vol. 10, Moscow: "Delo", pp. 274–294.
- Opisanie imeniya pomeshchika N. V. Zinovieva, sostoyashchego v Zamytskoy volosti Bezhetskogo uyezda 28 avg. 1858 g.* [Description of the estate of the landowner N. V. Zinoviev, which is located in the Zamytskaya volost of the Bezhetsk district, of August 28, 1858]. State Archives of the Territorial Administration. Collection 148. Inventory 1-1. File 6.
- Fenomenov M. (1925) *Sovremennaya derevnya: Opyt kraevedcheskogo obsledovaniya odnoy derevni (d. Gadyshi Valdayskogo u. Novgorodskoy g.)* [Contemporary Village: A Local History Study of One Village (Gadyshi, Valdai district, Novgorod Region)], Leningrad; Moscow: State Publishing House.
- Pokrovsky N., Nikulin A. (2023) *Proiskhodit i budet proiskhodit territorialnoe pereformatirovanie selskikh prostranstv* [Territorial reformatting of rural spaces is taking place and will take place]. *Russian Peasant Studies*, vol. 8, no 2, pp. 140–158.
- Postnikov I. (1921) *Bezhetskoy Verkh. Istoriko-geografichesky ocherk. Dvoryanskoe zemlevladienie v Bezhetskom Verkh* [Bezhetsk Verkh. A historical-geographical essay. Noble landownership in the Bezhetsk Verkh]. *Bezhetsk Territory*, Bezhetsk: Bezhetsk Scientific Society, pp. 21–55.

Л. П. Богданова,
Д. М. Виноградов,
А. А. Смирнова
Человеческое измерение
сельской истории: демографические
потери и дачная ревитализация
одной тверской деревни

- Prusikhin O., Zhukovsky E., Krutov O., Alekseev A. (2022) Zhizn Ivana i Hansa v XXI veke: Volchinsky rajon, Altajskij kraj [Life of Ivan and Hans in the 21st century: Volchikhinsky district, Altai Region]. *Russian Peasant Studies*, vol. 7, no 3, pp. 190–209.
- Rameshkovsky rayon: naselennyye punkty: entsiklopedichesky spravochnik (2001) [Rameshkovsky District: Settlements: Encyclopedic Directory]. Comp. by A. E. Serov; ed. by Yu. M. Smirnov, Tver: Alba.
- Rosnitsky N. (1926) *Litso derevni: po materialam obsledovaniya 28 volostey iz 32630 krestyanskikh khozyaystv v Penzenskoy gubernii* [Face of the Village: Based on the Survey of 28 Volosts and 32,630 Peasant Economies in the Penza Province], Moscow; Leningrad: State Publishing House.
- Savoskul M., Alekseev A. (2021) Traektorii transformatsii odnoy neperspektivnoy derevni (na primere derevni Kuzreka Terskogo rayona Murmanskoy oblasti) [Transformation trajectories of one unpromising village (on the example of the village of Kuzreka, Tersky district, Murmansk Region)]. *Russian Peasant studies*, vol. 6, no 3, pp. 111–123.
- Sbornik statisticheskikh svedeniy po Tverskoy gubernii* (1891a) [Collection of Statistical Information on the Tver Province], vol. VI: Bezhetsk district; no 1, Tver: Tver Province Zemstvo, 1885–1897.
- Sbornik statisticheskikh svedeniy po Tverskoy gubernii* (1891b) [Collection of Statistical Information on the Tver Province], vol. VI: Bezhetsk district; no 2, Tver: Tver Province Zemstvo, 1885–1897.
- Semenov P. P. (1880) Muraevenskaya volost. *Sb. materialov dlya izucheniya selskoy pozemel'noy obshchiny*, Saint Petersburg.
- Semenova-Tyan-Shanskaya O. (1914) Zhizn "Ivana". Ocherki iz byta krestyan odnoy iz chernozyomnykh guberniy [Life of "Ivan". Essays on the everyday peasant life in one Black-Earth province]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii*, Saint Petersburg.
- Semenov-Tyan-Shansky V. P. (1910) *Gorod i derevnya v Evropeyskoy Rossii* [City and Village in European Russia], Saint Petersburg.
- Shanin T., Nikulin A., Danilov V. (2002) *Refleksivnoe krestyanovedenie: desyatiletie issledovaniy selskoy Rossii* [Reflexive Peasant Studies: A Decade of Studies of Rural Russia], Moscow: MSSSES.
- Smirnova A. A. (2024) Geograficheskie faktory revitalizatsii selskikh naselennykh punktov "bez naseleniya" [Geographical factors of revitalizing rural settlements "without population"]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, vol. 79, no 1, pp. 133–140.
- Spisok karelskikh dereven Tverskoy gubernii na 1873 g.* [List of Karelian villages in the Tver Province in 1873]. Comp. by D. Richter in 1904. GATO. Fund R289. Inventory 1. File 309.
- Tkachenko A. (1984) O razvitiy selskikh territorialnykh obshchnostey Nechernozemnoy zony RSFSR [On the development of rural territorial communities of the Non-Black Earth region of the RSFSR]. *Izvestiya Vsesoyuznogo Geograficheskogo Obshchestva*, vol. 116, no 5, pp. 400–407.
- Tkachenko A., Smirnova A., Smirnov I. (2021) Opyt geograficheskoy klassifikatsii selskikh rayonov Tverskoy oblasti [A geographical classification of rural areas in the Tver Region]. *Russian Peasant Studies*, vol. 6, no 3, pp. 6–18.
- Vershinsky A. N. (1932) *Spisok karelskikh seleniy Moskovskoy oblasti* [List of Karelian Villages in the Moscow Region], Moscow: Proletarskaya Pravda Publishing House.
- Vershinsky A. (1935) *Ocherki istorii verkhnevolzhskikh karel v XVI—XIX vv.* [Essays on the history of the Upper Volga Karelians in the 16th—19th centuries]. *Historical Collection*, Moscow: USSR Academy of Sciences, vol. 4, pp. 73–104.
- Vinogradskaya O., Vinogradsky V., Nikulina E. (2020) Mir novykh poselyan: malye dela vs bolshie nadezhdy [The world of new settlers: Small deeds vs high hopes]. *Puti Rossii. Narodnichestvo i populism*, Moscow: "Delo" pp. 271–288.

- Yakovlev Ya. (1923) *Derevnya kak ona est (Ocherki Nikolskoy volosti)* [Village as It Is (Essays on the Nikolskaya Volost)], Moscow: Krasnaya Nov Publishing House.
- Zaslavskaya T., Ryvkina R. (1972) *Vliyaniye protsessov urbanizatsii i industrializatsii na sotsialno-ekonomicheskoye razvitiye derevni* [The influence of urbanization and industrialization on the social-economic development of the village]. *Sotsialno-ekonomicheskoye razvitiye sela i migratsiya naseleniya*. T. Zaslavskaya, V. Kalmyk (Eds.), Novosibirsk, pp. 245–263.
- Zaslavskaya T., Ryvkina R. (1977) *Metodologicheskiye problemy sistemnogo izucheniya derevni* [Methodological Issues of the Systems Analysis of the Village], Novosibirsk: Nauka.
- Zubarevich N. (2015) Transformatsiya selskogo rasseleniya i seti uslug v selskoy mestnosti [Transformation of rural settlement and service network in rural areas]. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya*, no 3, pp. 26–38.

Л. П. Богданова,
Д. М. Виноградов,
А. А. Смирнова
Человеческое измерение
сельской истории: демографические
потери и дачная ревитализация
одной твердой деревни

Мотивация к органическому производству со стороны малого бизнеса в аграрном секторе Северо-Запада¹

Н. А. Никонова, А. Г. Никонов, Х. А. Дибирова

Наталья Александровна Никонова, кандидат экономических наук, научный сотрудник, Санкт-Петербургский федеральный исследовательский центр Российской академии наук. 199178, Санкт-Петербург, 14-я линия В. О., д. 39. E-mail: 79127462539@mail.ru

Алексей Григорьевич Никонов, научный сотрудник, Санкт-Петербургский федеральный исследовательский центр Российской академии наук. 199178, Санкт-Петербург, 14-я линия В. О., д. 39. E-mail: shelest.o6@mail.ru

Хапсат Абусупьяновна Дибирова, младший научный сотрудник, Санкт-Петербургский федеральный исследовательский центр Российской академии наук. 199178, Санкт-Петербург, 14-я линия В. О., д. 39. E-mail: mag-dibirov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме устойчивого развития национального органического рынка за счет активизации мотивационного потенциала отечественных товаропроизводителей. Рассмотрены теоретические подходы к изучению взаимосвязи побудительных факторов и экономического поведения хозяйствующих субъектов. Эмпирической базой послужили результаты анкетного опроса руководителей крестьянских (фермерских) хозяйств Ленинградской, Новгородской и Псковской областей (N = 151) с целью анализа причин, препятствующих развитию органического производства в условиях Северо-Запада. Были определены особенности мотивации представителей малого бизнеса в условиях современной институциональной среды в зависимости от их типологических характеристик: «мотивированные», «немотивированные» и «неопределившиеся». Выявлено, что при существующей заинтересованности части респондентов в переходе к органическому сельскому хозяйству сохраняются сдерживающие его факторы. Среди них исключительно высокую значимость имеет потребность агробизнеса в увеличении государственной поддержки, в том числе помощь в сбыте продукции. Сделан вывод, что риски неполучения желаемого экономического результата доминирующе влияют на намерения и планы всех товаропроизводителей, независимо от местоположения хозяйства и конкретного региона. Вышеуказанное актуализирует необходимость реализации специальных целевых программ регионального уровня для комплексного решения проблемы стимулирования предпринимательского сектора, включая организацию исследований динамики мотивов и стимулов субъектов хозяйствования.

Ключевые слова: мотивы, органическое производство, анкетный опрос, респонденты, малый агробизнес, государственная поддержка, Северо-Запад

EDN RLJZFA

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01676, <https://rscf.ru/project/23-28-01676/>

Реализация стратегии сохранения окружающей среды и построения «зеленой экономики» объективно способствует превращению такого вида сельскохозяйственной деятельности, как органическое производство, в динамично развивающийся сегмент во всем мире. Аналогичные процессы ускоряются и в нашей стране, что способствуют появлению на органическом рынке все новых хозяйствующих субъектов, которые представляют различные сферы специализации, регионы, масштабы бизнеса и их экономические возможности в условиях современной рыночной среды.

Вместе с тем по уровню производства и потребления органических продуктов питания Россия существенно отстает от развитых зарубежных стран. По данным созданного по инициативе АО «Россельхозбанк» Фонда поддержки производителей органической продукции, в 2022 году в мире было зарегистрировано 4,5 млн сертифицированных производителей органических продуктов, из которых 60,6% приходилось на Азию. Наибольшее их количество (2,5 млн) насчитывалось в Индии. Среди европейских стран лидировала Италия с 82,6 тыс. производителей. Потребление органической продукции при этом в том же году составило в Швейцарии — 437, Швеции — 248, Германии — 181, США — 176 евро на душу населения².

В Российской Федерации на 28 октября 2024 года были зарегистрированы всего 222 сертифицированных производителей органической продукции, расположенных в 49 регионах. При этом пока сохраняется неравномерность размещения органического сельского хозяйства как в целом по стране, так и в разрезе субъектов Федерации. Наибольшее число производителей органической продукции насчитывалось в Центральном, Сибирском и Южном федеральных округах. Среди регионов лидировали Воронежская область — 14, Краснодарский край и Московская область — по 13, Новосибирская, Ярославская и Калужская области — по 8 производителей. В Северо-Западном экономическом районе выделяется Новгородская область, делящая с рядом других регионов 8-е место³.

Потребление органической продукции в России в 2021 году составляло всего 1 евро на душу населения (Киселев, Кудрявцев, 2023). Таким образом, ситуация с производством и потреблением органической продукции сельского хозяйства в России на фоне других стран выглядит критической.

2. Обзор мирового органического рынка и рынка России на конец 2023 года // URL: <https://organicfund.ru/new/obzor-mirovogo-organicheskogo-rynka-i-rynka-rossii-na-konec-2023-goda> (дата обращения: 12.11.2024).

3. Единый государственный реестр производителей органической продукции // URL: <https://soz.bio/edinyy-gosudarstvennyy-reestr-proiz-3/> (дата обращения: 12.11.2024).

В связи с этим в принятой Стратегии развития производства органической продукции в Российской Федерации⁴ поставлены достаточно масштабные задачи, конкретизированные в пяти целевых параметрах его динамики к 2030 году по сравнению с 2021 годом.

Решение данных стратегических задач на уровне конкретных хозяйствующих субъектов в настоящее время сдерживается наличием как объективных факторов, имеющих внешний характер, так и субъективных, основанных на внутренней мотивации производителей органической продукции. При этом экзогенные факторы в значительной степени предопределяют внутреннюю мотивацию производителей, стимулируя или сдерживая ее, а следовательно, и развитие органического производства.

В большинстве отечественных публикаций основным внешним фактором развития органического производства в России называется наличие огромных площадей, длительное время не обрабатываемых сельскохозяйственных земель, фактически залежных, которые рассматриваются в качестве потенциала расширения производства и экспорта органической продукции (Цветков, Белокопытов, 2017; Ползиков, Алещенко, 2024; Волкова, Леушкина, Погребцова, 2022). Важными факторами развития органического производства считаются наличие развивающегося рынка органической продукции (Киселев, Кудрявцев, 2023), системы государственной поддержки (Воронина, 2023) и консультационно-информационного обеспечения органического производства (Алпатов, Гасанова, Таран, 2022).

Среди факторов сдерживания развития органического производства исследователи отмечают:

— нестабильный внутренний платежеспособный спрос на органическую продукцию в связи с низким уровнем доходов населения и ограниченный доступ на внешние рынки из-за текущей геополитической ситуации (Киселев, Кудрявцев, 2023; Ползиков, Алещенко, 2024);

— нехватку органов сертификации, частые внесения поправок в стандарты органического производства, высокую стоимость сертификации (Łuczka, Kalinowski, 2020);

— неразвитость, а в некоторых случаях отсутствие государственной поддержки сельскохозяйственных производителей органической продукции, особенно в конверсионный период (Akbari, Badri, Shamanian, Amini, 2019).

При этом из ряда публикаций (Rodríguez-Bermúdez R. et al., 2020; Łuczka, Kalinowski, 2020; Никонова, Дибирова, Никонов, 2023) следует, что большинство факторов сдерживания органиче-

4. Стратегия развития производства органической продукции в Российской Федерации до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации № 1788-р от 4 июля 2023 г. // URL: <http://static.government.ru/media/files/8tJynEn7pLVLfdqqL6p3BhArPtCQWgAw.pdf> (дата обращения: 12.06.2024).

ского производства может быть трансформировано в предпосылки его развития с помощью системы организационных и экономических мероприятий, реализуемых на государственном уровне.

Отсюда большая роль соответствующих мотивационных установок представителей агробизнеса к данному виду деятельности. Вовлеченность все новых хозяйствующих субъектов в органическое производство позволит им не только выступать активными акторами происходящих изменений в АПК, но и предпринимать необходимые шаги для результативного движения в этом направлении.

Достаточно очевидно, что из-за законодательно установленных требований и ограничений, в том числе запрета на применение определенного вида ресурсов, производство органической продукции в большей мере, чем традиционной, связано с риском экономических потерь. Однако если будут сохраняться оптимистические ожидания представителей агробизнеса, то появятся и стимулы к инвестициям в органическое сельское хозяйство. Причем рост оптимизма будет способствовать изменению интересов таких потенциально важных участников органического рынка, как субъекты малого бизнеса, обеспечивая повышение их роли в данном секторе продовольственной системы в современных условиях «российского (постсоветского) феномена» холдингизации в АПК (Узун, Шагайда, Гатаулина, Шишкина, 2022).

Следовательно, важное место имеет оценка степени мотивации и заинтересованности сельскохозяйственных товаропроизводителей в переходе на указанный вид предпринимательской деятельности — как попытка «заглянуть» в будущее. Это даст возможность получить ответ на следующие вопросы: а) насколько развит существующий побудительный потенциал в отрасли, в том числе в зависимости от конкретного региона? б) каковы перспективы устойчивого роста объема предложения на рынке органической продукции за счет отечественного производства?

Имеющаяся информация, в свою очередь, позволит разобраться, что же не так в современной внешней среде функционирования уже действующих субъектов хозяйствования, и определить необходимые меры, которые требуются со стороны органов власти регионов и государства в целом для наращивания масштабов развития национального органического сельского хозяйства. Таким образом, наше исследование направлено на изучение особенностей мотивации к производству органической продукции руководителей крестьянских (фермерских) хозяйств и анализе территориальных различий в их предрасположенности к данной деятельности.

В ходе исследования нами проверялись следующие гипотезы:

— о действии факторов, ограничивающих заинтересованность представителей малого бизнеса в переходе к органическому статусу производства продукции;

— о наличии связи уровня мотивации к органическому производству с территориальным местоположением хозяйств.

Н. А. Никонова, А. Г. Никонов, Х. А. Дибирова
Мотивация к органическому производству со стороны малого бизнеса в аграрном секторе Северо-Запада

СОВРЕМЕННОСТЬ

Сегодня в условиях нарастания неопределенности изменений, при рассмотрении мотивации хозяйствующих субъектов на селе особенно актуализируется проблема соединения научных знаний из области экономики, социологии и психологии. Мы поддерживаем мнение, что «...современная российская деревня медленно, но, по всей видимости, бесповоротно перестает быть традиционно крестьянской. Поэтому сегодня весьма важны мультидисциплинарные попытки ученых заглянуть в будущее сельские миры» (Виноградский, Виноградская, Никулина, 2020: 138). В связи с этим в ходе исследования мы опирались на понятие мотивации как совокупности первоисточников, побудительных причин, лежащих в основе поведения людей, которые иницируют, направляют и поддерживают активность их действий в определенной ситуации (Немов, 2007: 220).

Причем среди побудительных факторов наибольшая роль отводится потребностям, мотивам и стимулам. «Мотивация объясняет целенаправленность действия», — считал известный немецкий психолог Хайнц Хекхаузен, интерпретируя ее как дефиницию, синтезирующую в себе комплекс множественных процессов и явлений, на основе которых человек определяет свое поведение, исходя из его ожидаемых последствий (Хекхаузен, 1986: 34). Порождающие мотивацию потребность, стремление, побуждение формируются как желаемая цель и действуют, пока не будет достигнут требующийся результат или станет доминировать другой мотив. Следовательно, можно утверждать, что усиление мотивации к предпринимательской активности субъектов аграрного бизнеса органической сферы будет определяться степенью сочетания их внутренних движущих сил (потребности, цели и мотивы) и выступающих в дополнение к ним внешних причин (стимулов).

Отсюда высокая значимость роли экономических стимулов, которые разнообразны по природе, зависят от многих факторов и являются предметом научного интереса многих авторов. Например, А. З. Улимбашевым (Улимбашев, 2015) была проведена типология предпринимателей-собственников и мотивов их поведения в агробизнесе в рамках концепции личных издержек. Таксономический подход при изучении мотивации сельских предпринимателей рассматривался С. Н. Полбицыным (Полбицын, 2023) с использованием факторной модели анализа предпринимательских целей и направлений государственной поддержки. О задачах стимулирования сектора производства органической продукции на основе государственного регулирования пишет О. Е. Воронкова с коллегами (Воронкова, Высоцкая, Петрова, 2019).

Следует отметить, что относительно такого положительного мотивирующего фактора, как механизм господдержки агробизнеса, высказываются различные суждения. Например, В. И. Денисов, отмечая, что «при распределении средств по хозяйствам не учи-

тывается эффективность их использования», предлагает ввести «принцип выделения средств поддержки в строгом соответствии с обеспечиваемыми с их помощью результатами производства, востребованными обществом» (Денисов, 2017: 72–73).

Поддерживая позицию автора по поводу актуальности увеличения бюджетных средств для АПК, не согласимся с его тезисом об увязывании отдачи от нее повсеместно⁵. Во-первых, в случае ограниченного количества местных товаропроизводителей и значимости их на локальной территории это может противоречить поставленным целям развития сельской местности. Во-вторых, как известно, большей эффективностью обладают мощные интегрированные структуры — агрохолдинги. Однако рядом авторов (Узун, 2017; Узун, Shagaida, Lerman, 2021) справедливо отмечаются устойчивые тенденции концентрации ими объемов выделяемых отрасли бюджетных средств и рост доли хозяйств, не получающих субсидий, что ведет не только к вытеснению с рынка малого бизнеса, но и негативно влияет на сельскую экономику в целом.

На такую проблему, как скудный вклад агрохолдингов в развитие сельских территорий, указывает и Александр Никулин в интервью журналу «Агротехника и технологии»: «Они не местные, их руководство, как правило, сидит в столице, городах-миллионниках или вообще за рубежом. Поэтому, хотя все они говорят о социальной ориентированности бизнеса, позиция их прагматичная. Поддержка сельских детских садов, школ или спортивных команд действительно есть, но если сравнивать ее объем с финансовой мощностью холдингов, то цифры получаются несопоставимые» (Немчинов, Трофимов, 2023).

Органические товаропроизводители, в силу специфики их деятельности, должны находиться под особым вниманием государства — как с точки зрения недопущения их оппортунистического поведения на рынке, так и создания благоприятных условий деятельности, по крайней мере в ее начальный период. То, что органические и традиционные фермы имеют разные производственные риски, обсуждают и зарубежные авторы (Scuderi, Timpanaro, Branca, Cammarata, 2023).

Таким образом, сущность мотивационного процесса при производстве органической продукции мы определяем как систему стимулов, потребностей хозяйствующих субъектов и особенностей органического рынка (спрос, цены и др.), обеспечивающих достижение их целей и удовлетворенность от результативности деятельности. Это способствует реализации потенциала малого бизнеса и решению стоящих задач перед отраслью. Отсюда роль государ-

5. Аналогичная концепция: «господдержка в обмен на эффективность» реализовывалась в Программе антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год при министре сельского хозяйства России Елены Скрынник и не достигла цели.

ства по целенаправленной помощи в формировании и поддержании такой мотивации, в сочетании с комплексом мер на уровне каждого хозяйствующего субъекта по реализации эффективной стратегии и модели ведения бизнеса для лучшего, по сравнению с конкурентами, удовлетворения потребностей покупателей.

Особенности намерений фермеров о готовности перехода к органическому производству

Рассмотрим мотивационные намерения товаропроизводителей на примере конкретных представителей малого агробизнеса применительно к условиям Северо-Запада⁶. Здесь достаточно благоприятные возможности для развития органического сельского хозяйства, особенно в связи с наличием значительных площадей неиспользуемых земель и близостью к Санкт-Петербургу — второму по численности населения городу страны, являющемуся крупным рынком сбыта продукции. Росту спроса на органическую продукцию в Санкт-Петербурге способствуют высокие среднедушевые доходы населения, уступающие по размерам только доходам жителей Москвы. Все это указывает на потенциальные перспективы развития органического сектора при повышении интереса субъектов агробизнеса.

Мотивация представителей малого агробизнеса изучалась нами с помощью анкетного опроса факторов, препятствующих развитию органического производства в условиях Северо-Запада. Следует отметить, что среди достаточно обширного количества работ по проблемам органического сельского хозяйства мы не нашли публикаций отечественных авторов с результатами проведения анкетирования именно по аспектам мотивационных устремлений субъектов хозяйствования, в том числе в разрезе региональной специфики.

Для выяснения мнения респондентов относительно их планов заниматься органическим производством, сроков перехода к нему, сдерживающих факторов и стимулов была подготовлена анкета. Она состояла из трех тематических блоков: вводной части, основной и реквизитной («паспортички») и включала в себя 9 вопросов закрытого и открытого характера. В реквизитной части были даны о возрасте, поле, уровне образования, специализации хозяйства, наличии в нем переработки, местоположении хозяйства (в т.ч. расстояния до районного и областного центров).

6. Под Северо-Западом понимается Северо-Западный экономический район, который в соответствии с «Общероссийским классификатором экономических регионов. ОК 024-95», утвержденным Постановлением Госстандарта России от 27.12.1995 г. № 640 (ред. от 21.06.2023) включает в себя Ленинградскую, Новгородскую, Псковскую области и г. Санкт-Петербург.

Обследовались только крестьянские (фермерские) хозяйства (КФХ), доля которых, по данным сельскохозяйственной микропереписи 2021 года, составляла 76,9% от всех субъектов малого агробизнеса Северо-Запада, в том числе в Ленинградской области — 78,1%, Новгородской — 82,6%, Псковской — 64,6%. Высокий удельный вес числа крестьянских (фермерских) хозяйств и объемов производства продукции сельского хозяйства в них относительно всех субъектов малого агробизнеса предопределили выбор КФХ в качестве объекта исследования. Кроме того, учитывалось и то, что для руководителей КФХ это не только бизнес, но и образ жизни, формирующий особый тип мотивации хозяйствования.

Из 1090 КФХ (в т.ч. 513 — в Ленинградской, 393 — в Новгородской и 184 — в Псковской области), составляющих генеральную совокупность, на первоначальном этапе опросом было охвачено более 300 руководителей хозяйств путем рассылки им анкет по электронной почте. В данном случае объем выборки составлял 27,5%. Далее, для уточнения полученных сведений и увеличения количества активных респондентов дополнительно производился обзвон фермеров по телефону. Это связано с тем, что нам впервые пришлось столкнуться с затруднениями при проведении анкетирования, когда из-за разгула действий мошенников в последнее время многие сельские жители, даже молодого возраста, стали достаточно настороженно относиться к предложениям поучаствовать в опросах⁷.

В результате по разным причинам была получена только 151 заполненная анкета: 52 — из Ленинградской, 58 — из Новгородской, 41 — из Псковской области. Объем выборки в этом случае составил 13,9%, в том числе в Ленинградской области — 10,1%, Новгородской — 14,8%, Псковской — 22,3%.

Значительную часть респондентов представляли мужчины (65%), а в возрастном отношении лица от 41 до 60 лет (64,9%). Среди всех ответивших 58,9% имеют высшее образование, в том числе среди женщин — 81%. По специализации хозяйства распределились следующим образом: растениеводство — 35,1%, животноводство — 29,8%, со смешанной структурой — 35,1%. Преобладающее большинство хозяйств были созданы в период с 2011 по 2021 год (62,9%), не занимаются переработкой собственной продукции в 73% хозяйств, около 40% хозяйств расположены на расстоянии от 101 до 200 км от областного центра.

Чтобы выяснить, как изменяются мнения респондентов в зависимости от их намерений, опрошенные были распределены на три группы с учетом ответа на первый вопрос анкеты: «Занимается ли хозяйство органикой или планирует производить?» В итоге

7. О том, что «самые искренние уверения социологов в сугубо научных целях опроса начинают все чаще вызывать недоверие, преодолеть которое все труднее, а порой просто невозможно», сообщают и другие авторы (Виноградский, Виноградская, Никулина, 2020: 127).

к первой группе «мотивированные» мы отнесли фермеров, которые уже имеют статус органического производителя или однозначно утверждали о своих планах перехода; во вторую группу: «немотивированные» вошли лица, не планирующие такую деятельность, и в третью группу: «неопределившиеся» были включены респонденты, которые затруднились с ответом на вопрос, но их можно рассматривать как потенциальных участников органического производства в перспективе, при изменении экономической ситуации в позитивном ключе.

Обработка анкет показала, что на вопрос «Занимается ли Ваше хозяйство производством органической продукции или же планируете производить?» лишь 33% от всех опрошенных ответили утвердительно, а 52% — заявили об отсутствии интереса к органическому производству (рис. 1).

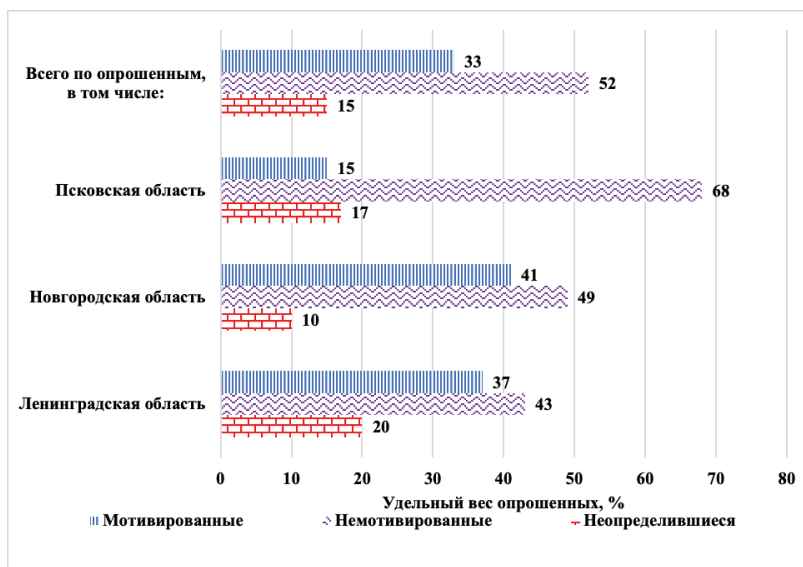

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Занимается ли Ваше хозяйство производством органической продукции или же планируете производить?»

Выяснилось, что больше всего к переходу на органику ориентированы фермеры Ленинградской (37%) и особенно Новгородской области (41%), где оказалось также наименьшее количество лиц, затруднившихся с ответом. В то же время в Псковской области, где пока отсутствуют сертифицированные хозяйства, 68% респондентов отметили, что не намерены заниматься этой деятельностью.

Среди причин, сдерживающих мотивацию к переходу на органическое производство, более трети от общего числа опрошенных назвали отсутствие уверенности в своем будущем высоком дохо-

де, 24% — указали на опасения из-за недостатка знаний и информации, а о том, что данный вид деятельности «не привлекает в принципе», отметили 30% респондентов и только 14% — сообщили о других факторах (рис. 2).

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Что выступает для Вас сдерживающими факторами для перехода к органическому производству?»

При этом обращает на себя внимание наличие достаточно высокой доли лиц среди респондентов, входящих во все три группы и выделивших довод «нет уверенности в будущем высоком доходе» — от 26% (немотивированные) до 51% (неопределившиеся), включая также и «мотивированных» (34%).

Наряду с другими сдерживающими причинами, представители группы «мотивированных» респондентов отметили, что «нет трудовых ресурсов и маленький объем производства», «бизнес сложно расширить, поскольку нет техники и высокая стоимость ручного труда», «недостаточно опыта, а государство не помогает малому бизнесу», «дополнительные затраты на сертификацию», «нет программы развития органического птицеводства», «потери урожая по овощам без обработок существенные», «низкая покупательская способность», «удаленность от рынков реализации — вынуждены продавать посредникам».

Входящие в группу «немотивированных» товаропроизводителей к сдерживающим факторам отнесли главным образом отсутствие интереса к данной деятельности (47%) и другие причины, среди которых указали, что: «нет органических кормов, они очень дорогие», «слишком длительный срок конверсии», «органика требует больших вложений», «техника вся старая, запчасти сильно подорожали, кредиты дорогие, даже применение семейного труда не спасает», «без химической обработки не вырастить товарный картофель» и др.

В группе «неопределившихся» респондентов был самый низкий удельный вес (7%) лиц, указавших, что эта деятельность

Н. А. Никонова, А. Г. Никонов, Х. А. Дибирова
Мотивация к органическому производству со стороны малого бизнеса в аграрном секторе Северо-Запада

их «не привлекает в принципе». Однако здесь же наибольшая доля тех, для кого ограничителем выступают сомнения в будущем высоком доходе (51%), при недостатке знаний и информации (38%). Как представляется, ключевым все же является факт наличия интереса к органическому производству у подавляющего большинства опрошенных данной группы, что в перспективе может способствовать увеличению количества таких хозяйств.

Косвенным подтверждением этому можно считать результаты ответа респондентов на вопрос о возможных временных сроках перехода к названной деятельности. На рисунке 3 более подробно приведены данные по лицам, входящим в группу «мотивированных», так как они нами рассматривались как наиболее реальные участники органического рынка.

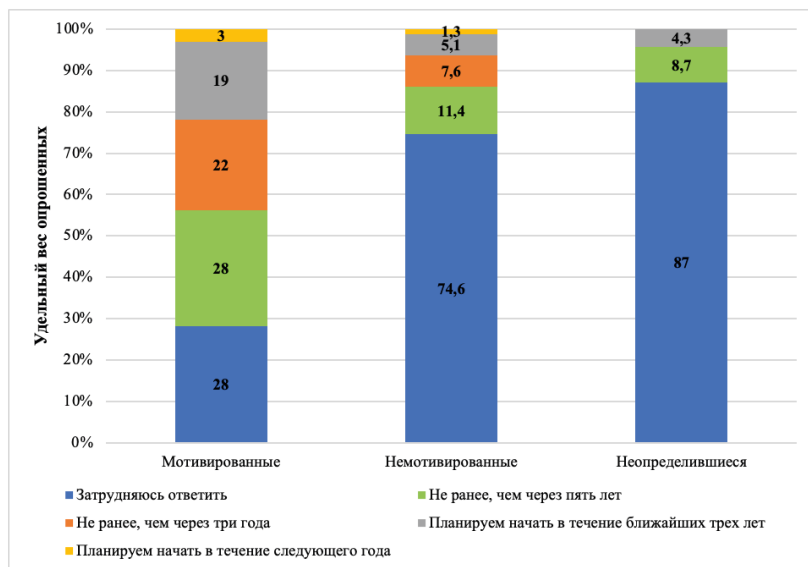

Рис. 3. Распределение ответов «высокомотивированных» респондентов на вопрос «Если Вы решите заниматься органическим производством, то как быстро это произойдет?»

На наш взгляд, можно считать позитивным тот факт, что в течение ближайших трех лет 19% респондентов, позитивно настроенных к органическому производству, планируют заняться органическим производством. Между тем следует отметить, что абсолютное большинство участников анкетирования (70%) затруднились с ответом на данный вопрос, в том числе 28% из группы «мотивированных» фермеров, что можно трактовать и как потенциал роста, и как ограничивающую ситуацию. Хотя, судя по ответам, 20% всех опрошенных видят для себя подобные перспективы не ранее, чем через 3–5 лет, а в группе мотивированных лиц — таких даже 50%.

Для выяснения мнений респондентов о причинах, которые не только ограничивают их собственные мотивационные установки, но и сдерживают развитие отечественного органического производства в целом, в анкете предусматривался ряд вопросов и на эту тему. Среди наиболее негативных факторов все опрошенные респонденты снова указали высокую актуальность проблемы недостатка знаний в области органического производства (27%), а также недостаточный уровень государственной поддержки (21%), в том числе в ответах лиц из группы «мотивированных» их удельный вес составил 25% (рис. 4).

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Назовите, пожалуйста, причины, которые, по Вашему мнению, в целом сдерживают развитие органического производства?»

Отметим, что действительно, исходя из имеющейся у нас информации, в Северо-Западном регионе господдержка органического производства пока есть только в Ленинградской области: в форме возмещения части затрат для прохождения сертификации и, по аналогии с Томской областью и другими регионами, выдается погектарная субсидия на проведение агротехнологических работ для определенных видов культур.

Учитывая необходимость издержек на прохождения сертификации продукции, а также имеющуюся практику их компенсации в части регионов, анкета содержала отдельный вопрос. Анализ ответов показал, что при условии субсидирования государством 100% таких затрат только 26% от всех опрошенных заинтересованы в развитии органического производства, 31% отметили возможную готовность к переходу, 28% затруднились с ответом, но 15% лиц даже при таких условиях не согласны заниматься данной деятельностью. Вместе с тем из группы «мотивированных» респондентов (где было только 6% затруднившихся с ответом) 55% заявили

о привлекательности данного стимула, а треть — о возможных своих намерениях к переходу на органический статус на таких условиях (рис. 5).

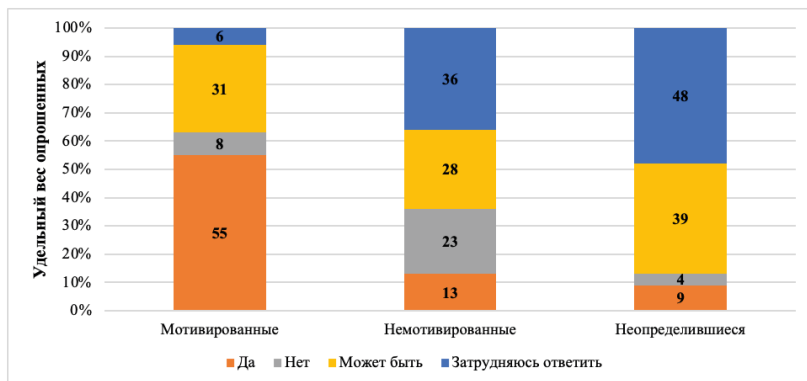

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «Будете ли Вы заинтересованы в развитии органического производства при условии субсидирования государством 100% затрат на прохождение сертификации?»

Кроме помощи при сертификации, в настоящее время, по мнению более 50% от всех опрошенных, для рентабельного ведения органического производства компенсация государством производственных затрат должна составлять от 50 до 75%, на возмещение в размере от 25 до 50% согласны всего 17% респондентов, а за уровень не менее 25% затрат выступают только 4% от общего числа опрошенных. Причем обращает на себя внимание единодушие относительно субсидирования расходов в более высоком размере (свыше 50%) практически по всем выделенным группам (рис. 6).

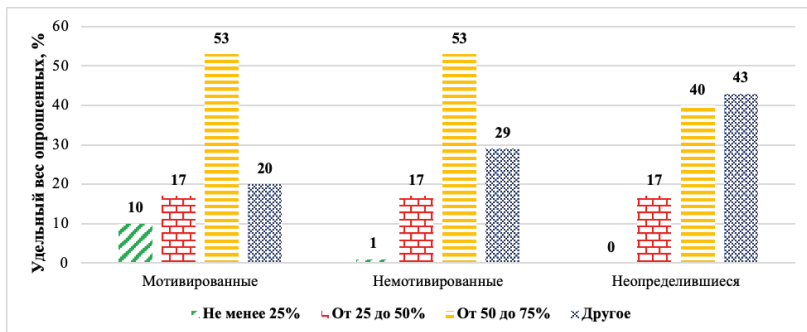

Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос «На Ваш взгляд, какой процент компенсации государством производственных затрат необходим для рентабельного органического сельского хозяйства в настоящее время?»

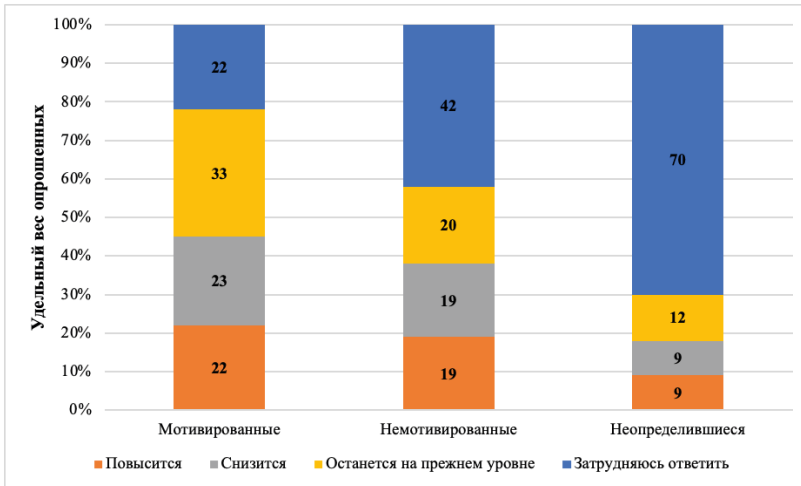

Рис. 7. Распределение ответов респондентов на вопрос «Оцените, пожалуйста, на ближайшие два года изменение уровня рентабельности производства в Вашем хозяйстве?»

Полученные результаты указывают еще раз на то, что в настоящее время представители малого агробизнеса находятся в условиях высокой неопределенности своей экономической деятельности, что снижает их мотивацию.

Учитывая наличие среди опрошенных большого количества не планирующих заниматься органическим сельским хозяйством во всех регионах Северо-Запада, представляют интерес ответы на вопрос «Укажите, пожалуйста, какая помощь нужна Вашему хозяйству для перехода к производству органической продукции?». Как показал анализ (рис. 8), в информационно-консультационной помощи особенно нуждаются представители таких групп, как «мотивированные» и «неопределившиеся» респонденты, что подтверждает предположение об их настрое к активизации деятельности в органической сфере.

В качестве дополнительных вариантов ответа респонденты всех рассматриваемых групп, в том числе независимо от конкретного региона, указывали на потребность в помощи с реализацией продукции, необходимость развития кооперации для совместного сбыта продукции и организации фермерских магазинов и т.д.

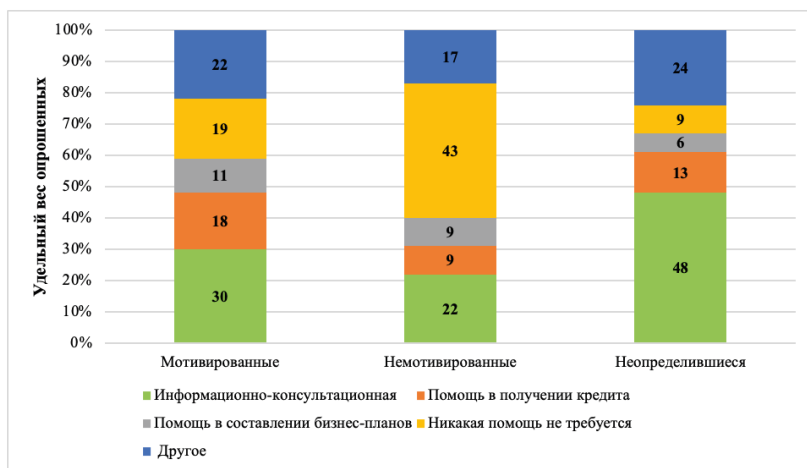

Рис. 8. Распределение ответов респондентов на вопрос «Укажите, пожалуйста, какая помощь нужна Вашему хозяйству для перехода к производству органической продукции?»

Таким образом, можно констатировать, что в исследуемых регионах в трех выделенных типологических группах респондентов степень влияния факторов на мотивацию к органическому производству имеет определенные различия. Так, в качестве важных внешних факторов выступают: имеющийся даже небольшой опыт его ведения, наличие системы информационно-консультационного обеспечения и государственная поддержка данного процесса.

В Новгородской и Ленинградской областях, где уже функционируют органические предприятия, 39,6% и 38,5% респондентов, соответственно, мотивированы на производство органической продукции, против 14,6% в Псковской области, где такого опыта нет и где 68,3% респондентов не планируют заняться органическим производством, 47,3% которых «данный вид деятельности не привлекает в принципе», а 78% — затруднились ответить о сроках решения заняться производством органики.

Система информационно-консультационной службы в Новгородской области, где много лет ведется обучение по программе повышения квалификации «Организация и функционирование органического сельского хозяйства», 76% респондентов считают, что она позитивно влияет на развитие органического производства. В Ленинградской области, где повышение квалификации осуществляется по программе «Современные технологии в органическом земледелии», позитивно ответили 52% опрошенных. В то же время в Псковской области, где данная работа находится в зачаточном состоянии, 60% респондентов считают, что информационно-консультационная помощь не оказывает никакого влияния и основ-

ной причиной, сдерживающей развитие органического производства, называют недостаток знаний в этой сфере.

Положительную оценку государственной поддержке, как важному внешнему фактору развития органического производства, дают респонденты Новгородской (81%) и Ленинградской (88%) областей, как более информированные относительно технологий и организации производства органической продукции. В Псковской же области в 42 ответах из 100 указывалось на ее незначительное влияние или же отсутствие такого влияния. При этом в Новгородской области в большей степени, чем в других регионах Северо-Запада, в качестве причины, сдерживающей органическое производство, называют «недостаточный уровень государственной поддержки».

В целом по Северо-Западу достаточно отчетливо просматривается запрос малого бизнеса на увеличение масштабов бюджетной поддержки. Так, анализ мнений лиц, которые не занимаются, но планируют перейти к органическому производству, выявил, что 82% из них считают господдержку фактором, которая окажет сильное позитивное воздействие на их мотивацию.

Совокупность названных выше факторов, безусловно, влияет на мотивацию к занятию органическим производством, которая в Псковской области заметно ниже, чем в Ленинградской и особенно в Новгородской области.

В связи с существенными различиями Псковской и Новгородской областей по удельному весу респондентов, мотивированных в отношении органического производства, была проведена детальная оценка демографического портрета участников опроса и рассмотрено влияние территориального фактора.

При этом выяснилось, что среди не планирующих заниматься органическим производством в Псковской области, распределение респондентов по возрасту составило: до 40 лет — 18%, от 41 года до 50 лет — 14%, от 51 года до 60 лет — 50% и старше 60 лет — 18% опрошенных. Следовательно, среди мотивированных на органическое сельское хозяйство в данном регионе доминируют лица старше 50 лет (68%), а более молодые люди пока воздерживаются от перехода к данному виду деятельности.

В Новгородской области мотивированных на переход к органическому производству в возрасте до 40 лет было 83%, но от 41 года до 50 лет их количество составило 72%, от 51 до 60 лет — 66% и старше 60 лет — 79%. При этом доля «мотивированных» респондентов до 50 лет достигает 55%, что выше, чем в Псковской области, на 23 процентных пункта. На этой основе можно предположить, что в Новгородской области, по сравнению с Псковской, имеется более высокий демографический потенциал развития органического производства. Группировка респондентов по уровню образования (рис. 9) указывает на достаточно близкие его значения между исследуемыми регионами, что отражает позитивную ситуацию на-

Н. А. Никонова, А. Г. Никонов, Х. А. Дибирова
Мотивация к органическому производству со стороны малого бизнеса в аграрном секторе Северо-Запада

личия потенциала человеческого капитала в сельской местности Северо-Запада, который пока еще не реализуется в сфере органического производства.

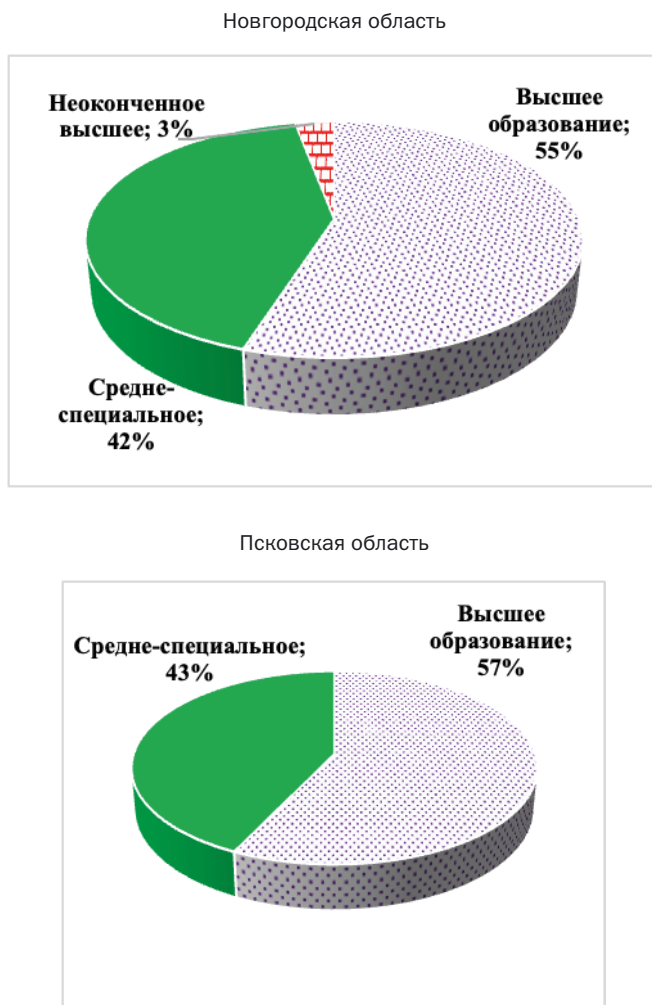
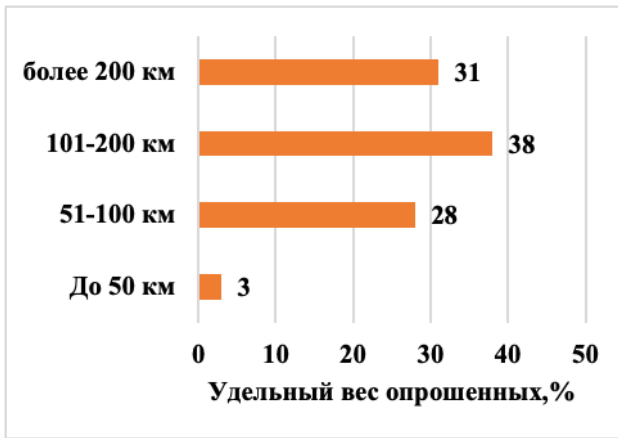

Рис. 9. Распределение респондентов, не планирующих заниматься органическим производством, по уровню образования

Влияние местоположения исследуемых хозяйств в зависимости от их удаленности от областного центра на мотивацию респондентов представлено на рисунке 10.

Н. А. Никонова, А. Г. Никонов, Х. А. Дибирова
Мотивация к органическому производству со стороны малого бизнеса в аграрном секторе Северо-Запада

Псковская область

Рис. 10. Распределение респондентов, немотивированных на занятие органическим производством, по удаленности хозяйства от областного центра

Проведенный анализ показал, что в данных регионах основная масса респондентов, не планирующих переход к органическому производству, представляют хозяйства с удаленностью свыше 100 км от областного центра — 79% в Псковской и 69% в Новгородской области. Вместе с тем хозяйства группы «немотивированных» респондентов Новгородской области находятся на более близком расстоянии от областного центра, чем из аналогичной группы в Псковской области. Однако устойчивой тесной зависимости мотивации фермеров от местоположения хозяйств не обнаружено. Поэтому, например, единственное сертифицированное органическое хозяйство в Ленинградской области

расположено на расстоянии до 50 км от Санкт-Петербурга, а удаленность другого хозяйства, находящегося пока на переходном этапе (период конверсии), — составляет свыше 200 км.

Аналогично по результатам анкетирования установлено, что в Ленинградской области среди респондентов, однозначно настроенных на переход к органическому производству, есть представители хозяйств по их местоположению как до 50 км (28,6%), так и 101–200 км (42,9%). Вместе с тем очевидно, что в более удаленных хозяйствах регионов есть больше ограничителей их деятельности, которые необходимо учитывать при реализации мер государственной аграрной политики. При этом на уровне хозяйств для снижения негативного воздействия фактора местоположения необходимо более тщательно продумывать сбытовую политику и самостоятельно конструировать более короткие цепи реализации продукции, в том числе за счет диверсификации деятельности.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют предположить, что важным внешним фактором, влияющим на мотивацию респондентов заняться органическим производством, кроме названных выше, является уровень развития фермерского сектора в регионах. Ориентация респондентов на производство органической продукции прослеживается в тех областях, где КФХ более развиты. Так, при объеме производства продукции сельского хозяйства в КФХ за 2023 год в Псковской области, равном 1,5 млрд руб., Ленинградской — 3,3 млрд руб., Новгородской — 4,1 млрд руб., доля мотивированных респондентов составила, соответственно, 15, 37 и 41%.

Изучение мотивационных намерений представителей фермерского сообщества в регионах Северо-Запада позволило проанализировать их реакцию на современные условия предпринимательской деятельности в аграрном секторе — с позиции интереса к реализации начинаний в сфере органического производства. Это подтвердило выдвинутую гипотезу о сохранении влияния факторов, которые снижают готовность малого бизнеса в переходе к данному виду деятельности, несмотря на некоторые осуществляемые меры господдержки. Вместе с тем связь между уровнем мотивации к органическому сельскому хозяйству и местоположением хозяйств не была установлена, причем — как на уровне региона, так и между ними, несмотря на то что территориальный фактор в определенной мере усиливает риски агробизнеса.

Следовательно, можно прийти к выводу, что все участники указанного типа товаропроизводителей подвержены риску экономических потерь при усилении неопределенности получения желаемого результата, на что нужно обратить особое внимание при реализации программ развития отрасли. Причем, на наш взгляд, в ходе ре-

гулирования рисков органического производства нужно учитывать сферу их возникновения — не только на уровне хозяйствующего субъекта, но и общего отраслевого риска: недостижения запланированных темпов наращивания объемов предложения на рынке за счет отечественной органической продукции.

Причина общего отраслевого риска связана, кроме природного фактора и общемировой проблемы негативных последствий изменения климата, с неравномерностью развития даже традиционно-сельскохозяйственного производства по территории страны, что косвенно отражает влияние условий предпринимательской деятельности. По мнению экспертов (Wegren, Nikulin, Trotsuk, 2023), это обозначено как «хрупкость» сельскохозяйственного производства, что, безусловно, воздействует и на степень вовлеченности малого бизнеса в органическую сферу. Поэтому для создания более благоприятной среды воспроизводственного процесса на селе и задействования значительного потенциала развития рынка органической продукции в настоящее время требуется система дополнительных, более активных действий по государственной поддержке товаропроизводителей (и особенно в период конверсии) на основе реализации целевых региональных программ, включая меры по улучшению положения фермеров в производственно-сбытовых цепочках.

В первую очередь это актуально для удаленных сельских территорий, где важно создать предпосылки для возникновения мультипликативного эффекта, благодаря соединению мотивации членов сельского сообщества к занятию органическим агробизнесом и осуществляемыми в настоящее время мероприятиями государственной политики импортозамещения.

Вместе с тем, наряду с эффективными механизмами стимулов в сфере органического производства, требуется постоянное изучение сдерживающих факторов и оценка мотивации хозяйствующих субъектов, в том числе на междисциплинарной основе, что будет способствовать своевременному решению проблем применительно к нынешнему этапу развития национального агропромышленного комплекса.

Полученные выводы могут быть экстраполированы, прежде всего, на те регионы страны, которые расположены в зоне влияния крупного города (мегаполиса) с развитым рынком продовольствия и высоким платежеспособным спросом населения и одновременно располагающие значительными площадями залежных земель, пригодных для вовлечения в хозяйственный оборот для производства органической продукции. В Центральном районе это относится к Тверской, Ярославской, Костромской и Ивановской областям, где, по данным Минсельхоза России, не используется 60–70% пашни⁸.

Н. А. Никонова, А. Г. Никонов, Х. А. Дибирова
Мотивация к органическому производству со стороны малого бизнеса в аграрном секторе Северо-Запада

8. Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения Российской Федерации в 2022 году. М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2023.

Библиография

- Алпатов А. В., Гасанова Х. Н., Таран В. В. (2022). Проблемы информационно-методического обеспечения сферы производства органической продукции в России // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. № 11 (93). С. 63-68.
- Виноградский В. Г., Виноградская О. Я., Никулина Е. С. (2020). Экология сельского мира как предмет социологического исследования // Крестьяноведение. Т. 5. № 1. С. 125-142.
- Волкова И. А., Леушкина В. В., Погребцова Е. А. (2022). Органическое сельское хозяйство как драйвер развития зеленой экономики // Креативная экономика. Т. 16. № 6. С. 2381-2394.
- Воронина Н. П. (2023). Государственная поддержка органического сельского хозяйства // Сельское хозяйство. № 1. С. 49-50.
- Воронкова О. Ю., Высоцкая О. А., Петрова Л. И. (2019). Развитие механизмов стимулирования предпринимательской деятельности в секторе производства органической продукции // Экономика и предпринимательство. № 2 (103). С. 614-618.
- Григорьева Н. С., Чубарова Т. В. (2020). Междисциплинарность в теории и на практике: пример социальной политики // Общественные науки и современность. № 3. С. 166-178.
- Денисов В. И. (2017). Мотивационные механизмы и предпосылки роста сельскохозяйственного производства в России // Экономика и математические методы. Т. 53. № 2. С. 66-75.
- Киселев С. В., Кудрявцев Н. Р. (2023). Рынок органической сельскохозяйственной продукции: перспективы и факторы развития в условиях новой реальности // АПК: экономика, управление. № 3. С. 71-78.
- Немов Р. С. (2007) Психологический словарь. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС.
- Немчинов Н., Трофимов А. (2023). Забытые сёла. Кто и как должен развивать сельские территории. Агротехника и технологии. 17 ноября 2023. URL: <https://www.agroinvestor.ru/regions/article/41400-zabytye-syela-kto-i-kak-dolzhen-razvivat-selskie-territorii/> (дата доступа: 15.06.2024).
- Никонова Н. А., Дибирова Х. А., Никонов А. Г. (2023). Факторы формирования рынка сельскохозяйственной органической продукции в условиях Северо-Запада // АПК: экономика, управление. № 10. С. 78-86.
- Полбицын С. Н. (2023). Таксономический анализ мотивации сельских предпринимателей // Продовольственная политика и безопасность. Т. 10. № 4. С. 645-662.
- Ползиков Д. А., Алещенко В. В. (2024). О стратегии развития производства органической продукции в Российской Федерации до 2030 года // Проблемы прогнозирования. № 4 (205). С. 149-165.
- Узун В. Я. (2017). Ограничение размера субсидий одному сельхозпроизводителю: необходимость, механизмы, последствия // АПК: экономика, управление. № 11. С. 12-31.
- Узун В. Я., Шагайда Н. И., Гатаулина Е. А., Шишкина. Е. А. (2022). Холдингизация агробизнеса России. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Улимбашев А. З. (2015). Исследование мотивации предпринимателей-собственников: типологический подход // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. № 38. С. 205-211.
- Хекхаузен Х. (1986). Мотивация и деятельность. М.: Педагогика.
- Цветков И. А., Белокопытов А. В., Белокопытов М. В. (2017). Проблемы и перспективы развития производства органической сельскохозяйственной продукции // Вестник Российского государственного аграрного заочного университета. № 24 (29). С. 76-80.
- Akbari M., Badri S. A., Shamanian M., Amini S. (2019). Objectives, motivations and barriers of organic agriculture development in Ravansar city// Environmental Education and Sustainable Development. Vol. 7. No.2. Pp .63-76.

- Luczka W., Kalinowski S. (2020). Barriers to the development of organic farming: A polish case study // *Agriculture*. Vol. 10. No. 11.
- Rodríguez-Bermúdez R. et al. (2020). Consumers' perception of and attitudes towards organic food in Galicia (Northern Spain) // *International Journal of Consumer Studies*. Vol. 44. No. 3. P. 206-219.
- Scuderi A., Timpanaro G., Branca F., Cammarata M. (2023). Economic and Environmental Sustainability Assessment of an Innovative Organic Broccoli Production Pattern // *Agronomy*. Vol. 13. No. 3.
- Uzun V., Shagaida N., Lerman Z. (2021). Russian agroholdings and their role in agriculture // *Post-Communist Economies*. Vol. 33. No. 8. C. 1035-1055.
- Wegren S. K., Nikulin A. M., Trotsuk I. (2023). The fragility of Russia's agricultural production and implications for food security // *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 64. No. 3. P. 257-295.

Н. А. Никонова, А. Г. Никонов, Х. А. Дибирова
Мотивация к органическому производству со стороны малого бизнеса в аграрном секторе Северо-Запада

Small business' motivation for organic production in the agricultural sector of the North-West

Natalya A. Nikonova, PhD (Economics), Researcher, Saint Petersburg Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. 14th Line V. O., no 39, Saint Petersburg, 199178, Russia. E-mail: 79127462539@mail.ru.

Aleksey G. Nikonov, Researcher, Saint Petersburg Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. 14th Line V. O., no 39, Saint Petersburg, 199178, Russia. E-mail: shelest.o6@mail.ru.

Khpsat A. Dibirova, Junior Researcher, Saint Petersburg Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. 14th Line V. O., no 39, Saint Petersburg, 199178, Russia. E-mail: mag-dibirov@yandex.ru.

Abstract. The article considers the possibility of sustainable development of the national organic market by affecting the motivation of local producers. The authors mention theoretical approaches to the study of the relationship between incentive factors and economic behavior and present the results of the survey of heads of farms in the Leningrad, Novgorod and Pskov Regions (N=151) to reveal reasons hindering the development of organic production in the North-West. The motivation features of small business in the today's institutional environment depend on typological characteristics of producers: "highly motivated", "lowly motivated", and "conditionally motivated". Thus, despite some respondents' interest in the transition to organic agriculture, there are factors preventing such a transition, and one of the most important is the need for increased government support, including in marketing. The authors conclude that mainly the risks of not getting the desired economic result influence intentions and plans of such producers, regardless of the location of the farm, which explains the need for special target programs at the regional level to stimulate the business sector, including the study of the dynamics of producers' motives and incentives.

Key words: motives, organic production, questionnaire, respondents, small agribusiness, government support, North-West

References

- Akbari M., Badri S. A., Shamanian M., Amini S. (2019) Objectives, motivations and barriers of organic agriculture development in Ravansar city. *Environmental Education and Sustainable Development*, vol. 7, no 2, pp. 63–76.
- Alpatov A. V., Khasanova Kh. N., Taran V. V. (2022) Problemy informatsionno-metodicheskogo obespecheniya sfery proizvodstva organicheskoy produktsii v Rossii [Issues of the

- information-methodological support of organic production in Russia]. *Economy, Labor, and Management in Agriculture*, no 11, pp. 63–68.
- Vinogradsky V. G., Vinogradskaya O. Ya., Nikulina E. S. (2020) Ekologija selskogo mira kak predmet sotsiologicheskogo issledovaniya [Ecology of the rural world as an object of sociological research]. *Russian Peasant Studies*, vol. 5, no 1, pp. 125–142.
- Volkova I. A., Leushkina V. V., Pogrebtsova E. A. (2022) Organicheskoe selskoe khozyajstvo kak drajver razvitiya zelenoj ekonomiki [Organic agriculture as a driver of the green economy development]. *Creative Economy*, vol. 16, no 6, pp. 2381–2394.
- Voronina N. P. (2023) Gosudarstvennaya podderzhka organicheskogo selskogo khozyajstva [State support for organic agriculture]. *Agriculture*, no 1, pp. 49–50.
- Voronkova O. Yu., Vysotskaya O. A., Petrova L. I. (2019) Razvitie mekhanizmov stimulirovaniya predprinimatelskoj dejatel'nosti v sektore proizvodstva organicheskoy produktsii [Development of mechanisms to stimulate entrepreneurial activity in the organic production sector]. *Economy and Entrepreneurship*, no 2, pp. 614–618.
- Grigoryeva N. S., Chubarova T. V. (2020) Mezhdisciplinarnost v teorii i na praktike: primer sotsialnoj politiki [Interdisciplinarity in theory and practice: An example of social policy]. *Social Sciences and the Present Time*, no 3, pp. 166–178.
- Denisov V. I. (2017) Motivatsionnye mekhanizmy i predposylki rosta selskokhozyajstvennogo proizvodstva v Rossii [Motivational mechanisms and prerequisites for the growth of agricultural production in Russia]. *Economics and Mathematical Methods*, vol. 53, no 2, pp. 66–75.
- Kiselev S. V., Kudryavtsev N. R. (2023) Rynok organicheskoy selskokhozyajstvennoj produktsii: perspektivy i faktory razvitiya v usloviyah novoy real'nosti [Market of organic agricultural products: Prospects and factors of development in new reality]. *Agro-Industrial Complex: Economics, Management*, no 3, pp. 71–78.
- Nemov R. S. (2007) *Psikhologicheskyy slovar* [Psychological Dictionary], Moscow: Gumanitarny izd. tsentr VLADOS.
- Nemchinov N., Trofimov A. (2023) Zabytye sela. Kto i kak dolzhen razvivat selskie territorii [Forgotten villages. Who should develop rural areas and how]. November 17, 2023. URL: <https://www.agroinvestor.ru/regions/article/41400-zabytye-syela-kto-i-kak-dolzhen-razvivat-selskie-territorii>.
- Nikonova N. A., Dibirova Kh. A., Nikonov A. G. (2023) Faktory formirovaniya rynka selskokhozyajstvennoj organicheskoy produktsii v usloviyah Severo-Zapada [Factors of the development of the market of organic agricultural products in the North-West]. *Agro-Industrial Complex: Economics, Management*, no 10, pp. 78–86.
- Polbitsyn S. N. (2023) Taksonomichesky analiz motivatsii selskih predprinimatelej [Taxonomic analysis of rural entrepreneurs' motivation]. *Food Policy and Security*, vol. 10, no 4, pp. 645–662.
- Polzikov D. A., Aleshchenko V. V. (2024) O strategii razvitiya proizvodstva organicheskoy produktstii v Rossijskoj Federatsii do 2030 goda [On the strategy for the development of organic production in the Russian Federation until 2030]. *Issues of Forecasting*, no 4, pp. 149–165.
- Tsvetkov I. A., Belokopytov A. V., Belokopytov M. V. (2017) Problemy i perspektivy razvitiya proizvodstva organicheskoy selskokhozyaystvennoj produktsii [Problems and prospects for the development of organic agricultural production]. *Bulletin of the Russian State Agrarian University*, no 24, pp. 76–80.
- Uzun V. Ya. (2017) Ogranichenie razmera subsidij odnomu selkhozproizводителю: neobkhodimost, mekhanizmy, posledstviya [Limits of subsidies for one agricultural producer: Necessity, mechanisms, consequences]. *Agro-Industrial Complex: Economics, Management*, no 11, pp. 12–31.
- Uzun V. Ya., Shagaida N. I., Gataulina E. A., Shishkina E. A. (2022) *Kholdingizatsiya agrobiznesa Rossii* [Holdingization of Agribusiness in Russia], Moscow: Izd. dom "Delo" RANKhiGS.
- Ulimbashev A. Z. (2015) Issledovanie motivatsii predprinimatelej-sobstvennikov: tipologicheskyy podkhod [The study of entrepreneurs-owners' motivation: A typological approach]. *Proceedings of the Saint Petersburg State Agrarian University*, no 38, pp. 205–211.

- Heckhausen J. (1986) *Motivatsija i dejatel'nost* [Motivation and Action], Moscow: "Pedagogika".
- Scuderi A., Timpanaro G., Branca F., Cammarata M. (2023) Economic and environmental sustainability assessment of an innovative organic broccoli production pattern. *Agronomy*, vol. 13, no 3.
- Łuczka W., Kalinowski S. (2020) Barriers to the development of organic farming: A polish case study. *Agriculture*, vol. 10, no 11.
- Rodríguez-Bermúdez R. et al. (2020) Consumers' perception of and attitudes towards organic food in Galicia (Northern Spain). *International Journal of Consumer Studies*, vol. 44, no 3, pp. 206–219.
- Uzun V., Shagaida N., Lerman Z. (2021) Russian agroholdings and their role in agriculture. *Post-Communist Economies*, vol. 33, no 8, pp. 1035–1055.
- Wegren S. K., Nikulin A. M., Trotsuk I. V. (2023) The fragility of Russia's agricultural production and implications for food security. *Eurasian Geography and Economics*, vol. 64, no 3, pp. 257–295.

Н. А. Никонорова, А. Г. Никонов, Х. А. Дибирова
 Мотивация к органическому производству со стороны малого бизнеса в аграрном секторе Северо-Запада

Тренды устойчивого развития сельского хозяйства российских регионов в контексте обеспечения национальной и продовольственной безопасности страны

С. В. Рязанцев, М. Л. Вартанова

Сергей Васильевич Рязанцев, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов; приглашенный профессор Института народонаселения и социальных исследований Университета Махидол. 73170, г. Бангкок, Салайя, Пхуттхамонтхон, Накхон Патхом, Таиланд
E-mail: riazan@mail.ru

Марина Львовна Вартанова, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, к. 1.
E-mail: 11marina11@mail.ru

Аннотация. В настоящем исследовании раскрыты проблемы и особенности современного состояния обеспечения сельскохозяйственного производства регионов Российской Федерации. Изложены основные аргументы, доказывающие целесообразность включения в методологию управления аграрным сектором целевых качественных показателей (повышение эффективности функционирования аграрного сектора, наращивание объемов производства сельскохозяйственной продукции и продовольственных товаров до уровня, обеспечивающего продовольственную безопасность региона), устанавливаемых в соответствии с исходной и прогнозируемой ситуацией в сфере обеспечения населения продовольствием, что позволило, на основе методов статистического прогнозирования, построить матрицу ключевых направлений в развитии сельскохозяйственного производства при соблюдении требований национальной безопасности, выявить существенные различия между регионами, обосновать оптимальное соотношение для каждой территории между производительностью и рентабельностью, производством и потреблением сельскохозяйственной продукции. Разработка адаптированных к современным условиям социально-экономического и научно-технического развития общетеоретических положений оценки роли сельского хозяйства и агропромышленного комплекса в российских регионах с различными природно-климатическими условиями, а также научно обоснованных рекомендаций по вопросам объемов и направлений расширения сельскохозяйственной специализации даже в регионах с неблагоприятными природно-климатическими условиями определяют научную значимость полученных результатов.

Ключевые слова: аграрный сектор, динамика, ключевые направления, национальная безопасность, показатели, продовольственная безопасность, регионы Российской Федерации, сельское хозяйство, сельскохозяйственное производство, устойчивое развитие, федеральные округа, экономическая безопасность

EDN SQCVNB

В настоящее время перед миром стоит сложная задача — удовлетворить растущий спрос на экологически чистые продукты питания в условиях демографического давления, нехватки ресурсов, деградации экосистем и изменения климата.

Аграрный сектор Российской Федерации является важнейшим индикатором экономического развития страны и определяет состояние национальной продовольственной безопасности, которая, в свою очередь, связана с ресурсными возможностями агропромышленного комплекса производить необходимое количество продовольствия.

Актуальность исследования продовольственной безопасности регионов России обусловлена важностью производства собственной продукции сельского хозяйства и ее переработки в стране, анализа влияния факторов внешней среды на социально-экономическое развитие региона (Панасюк, 2019: 68-72), определением направлений развития импортозамещающих производств, что будет способствовать улучшению питательной ценности рационов, формированию новых рабочих мест, способствовать повышению доходов населения, что в целом повысит уровень социальной и экономической стабильности регионов страны.

В контексте поставленной задачи необходимо обратить особое внимание на организационные, правовые, экономические и социальные аспекты современных исследований воспроизводственного процесса на основе инвестиционной деятельности.

В современной экономической науке отсутствует четко обоснованный стандартизированный подход к исчислению показателей устойчивости развития. Кроме того, дискуссионный характер носят вопросы, связанные с количественной оценкой устойчивости аграрной сферы в целом. Малоисследованными оказываются методические вопросы формирования системы оценки устойчивости сельского хозяйства на основе стратегии инновационного развития, что требует разработки методологических аспектов ее формирования.

Большинство подходов в той или иной степени дублируют друг друга и имеют схожие критерии оценки. Считаем необходимым формализовать риски и угрозы по отдельным функциональным составляющим обеспечения продовольственной безопасности (внеэкономическим, социальным, экономическим, экологическим и научно-технологическим), для каждого из которых будут идентифицированы индикаторы.

Для Российской Федерации как крупнейшего производителя сельскохозяйственной отрасли наиболее приоритетным является, прежде всего, «совершенствование отечественного агропромышленного комплекса» (Щетинина, 2019: 264). В этом контексте значительное внимание отечественных ученых и практиков сконцентрировано на укреплении и развитии ресурсного потенциала агропромышленного комплекса, как стратегической основе укрепления продовольственной безопасности государства.

*С. В. Рязанцев,
М. Л. Вартанова*

Тренды устойчивого развития сельского хозяйства российских регионов в контексте обеспечения национальной и продовольственной безопасности страны

При рассмотрении проблемы в области обеспечения продовольственной безопасности в рамках глобального партнерства (Ушачев, 2012: 2-6) важным является анализ достижения национальных целевых нормативов продовольственной безопасности, оценка «оперативности процедур государственных закупок» (Алексеев, 2023: 149-155), оценка «производственного потенциала сельскохозяйственной отрасли в региональном разрезе» (Вартанова, 2024: 467).

Комплексное решение проблемы развития сельскохозяйственного производства регионов Российской Федерации в условиях внешних угроз требует детальной проработки аналитических индикаторов, выступающих в качестве сигнальных показателей, отражающих проблемные стороны и дисбалансы диады — производство—потребление.

Все это требует серьезного подхода к решению задачи оптимизации импорта сельскохозяйственной продукции, влияющей на национальную, продовольственную и экономическую безопасность, развитие агрокомплексов страны на межгосударственном, федеральном и региональном уровнях.

Методы и данные

Настоящее исследование базируется на обобщении и анализе отечественного и зарубежного опыта по вопросу идентификации факторов и методов построения агрегированных индексов, оценивающих вектор развития аграрной сферы Российской Федерации с учетом влияния мировых тенденций, предотвращения возможных рисков и угроз продовольственной системы и генерируемых перспектив формирования экономического роста регионов, в том числе труды как традиционных, так и современных подходов к предмету исследования, что послужило важнейшей методологической основой. В ходе исследования применялись современные методики сбора и обработки исходной информации, обширный статистический материал. Проведен анализ сельскохозяйственного производства макрорегионов по федеральным округам.

Нами использован метод главных компонент как эффективный аналитический инструмент факторного анализа, где в решающую совокупность первой компоненты входят показатели, отражающие экономическую продуктивность сельскохозяйственного производства, вторую компоненту формируют показатели финансовой эффективности сельскохозяйственного производства и его ресурсоотдачи, в третью вошли показатели производительности труда в сельском хозяйстве и его фондоемкости при обеспечении национальной и продовольственной безопасности страны. Для анализа показателей, отражающих развитие сельского хозяйства, использована методика факторного анализа.

Итак, при отборе наиболее значимых показателей применялся метод главных компонент. Выделены три агрегированных груп-

пы показателей. Для отбора регионов — ведущих производителей сельхозпродукции, использованы средние показатели за последние двадцать лет, определена доля федеральных округов в совокупном производстве продукции сельского хозяйства, а затем в разрезе по федеральным округам.

Далее для исследования развития сельского хозяйства в региональном разрезе был использован факторный анализ. На основе 15 отобранных показателей выделены макропоказатели и построена матрица ключевых направлений для 13 регионов — крупнейших производителей продукции сельского хозяйства.

Оценка производственного потенциала сельскохозяйственной отрасли в разрезе федеральных округов и регионов Российской Федерации

В соответствии с «Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации»¹ для оценки состояния продовольственной безопасности нами используется следующая система показателей:

- продовольственная независимость;
- экономическая доступность;
- физическая доступность (Руденко, 2010: 368);
- качество;
- безопасность.

Представляется целесообразным выделить следующую группу показателей (натуральные, относительные, финансово-экономические показатели, социально-демографические), поскольку они важны «в качестве индикаторов функционирования продовольственных систем и их влияния на здоровье человека, социальную, экономическую, демографическую экологическую устойчивость и качество жизни» (Рязанцев, 2023: 191-198).

Кроме того, в оценку продовольственной безопасности предложено включить показатель, оценивающий «количество населения, которое государство способно обеспечить продовольствием» (Беликова, Богданова, 2019: 63-74), что позволит выявить межстрановые и региональные различия «продовольственной безопасности» (Семин, 2017: 2-5). Однако имеющиеся крупномасштабные данные о продуктивности, производстве и снабжении продовольствием часто собираются на региональном уровне и не могут быть легко объединены с отдельными данными о питании и здоровье.

Необходимость реализации Доктрины, а также эмбарго на ввоз европейского и американского продовольствия в ответ на санкции,

1. Указ Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // Официальный портал правовой информации (2023). URL: <http://government.ru/docs/all/125815/> (дата доступа: 15.03.2023).

потребовали взять курс на импортозамещение в сфере продовольственного обеспечения. К настоящему времени сельское хозяйство в регионах России находится в стадии устойчивого развития и совершенствования, к чему привело преодоление санкционного давления на экономику и принятые оперативные меры государственной поддержки отрасли (Вартанова, 2023: 177-194).

Под устойчивостью сельскохозяйственного производства регионов мы подразумеваем стабильное производство объемов сельскохозяйственной продукции, покрывающих потребности в продовольствии регионов и страны в целом, «модернизацию экономической структуры регионов в направлении повышения удельного веса и роли тех элементов региональной экономики, которые обеспечивают стабильный рост социально-экономических показателей регионального развития» (Вартанова, 2024: 467).

Говоря о динамике сельскохозяйственного производства в России, можно отметить его «стабильное увеличение при среднегодовом уровне прироста в 11,7% в совокупности по всему сельскохозяйственному производству, 12,4% в растениеводстве и 11,3% составил прирост по продукции животноводства» (Вартанова, 2023: 100-104), валовый выпуск по отрасли в целом увеличился в восемь раз.

За последние двадцать лет самым удачным был 2011 год, когда рост в аграрном секторе составил более 25% в целом, а в растениеводческой отрасли — более 40%, а наиболее сложная ситуация пришла на пятилетку 2016–2019 годов, при том что в 2017–2018 годы собирались рекордные урожаи зерновых.

По данным Росстата, сельскохозяйственные предприятия всех категорий в 2021 году произвели продукции на 7,5 трлн рублей. Тем не менее эксперты считают это экстенсивным типом развития отрасли (Вартанова, 2023: 100-104). Динамика сельскохозяйственного производства за 2000–2021 гг. представлена на рисунке 1.

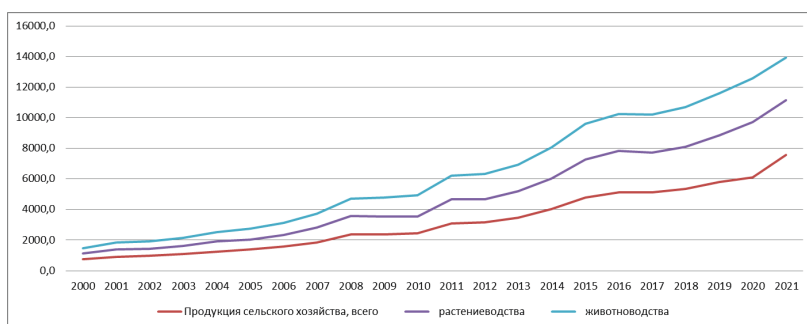

Рис. 1. Динамика сельскохозяйственного производства за 2000–2021 гг.

Источник: разработано авторами по данным²

2. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (2023). URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата доступа: 28.02.2023).

На начало 2022 года Российская Федерация была на пятом месте в мировом рейтинге по объему производства и на седьмом — по объему прямых инвестиций.

В настоящее время на развитие отечественного сельского хозяйства большое влияние оказывает качество импорта сырья и продовольствия (Сафиуллин, 2022: 9-16). Лидером по производству продукции сельского хозяйства в 2022 году во всех категориях хозяйств был *Краснодарский край* — 433 млрд руб., его доля в общероссийских показателях — 6,7%. В 2022 году стоимость произведенной сельскохозяйственной продукции в фактических ценах³ снизилась на 7% (15 млрд руб.), но за пять лет фактическая стоимость сельскохозяйственной продукции совокупно выросла на 60%, или на 132,0 млрд руб.

Второе место занимает сельское хозяйство *Ростовской области* с долей в 5,11% от общей стоимости (330,8 млрд руб.), увеличившись на 4% по сравнению с предыдущим периодом. По сравнению с 2015 годом стоимость выросла на 30%, или на 100 млрд руб.

Белгородская область — третий по общей стоимости произведенной продукции сельскохозяйственный регион РФ (4,5% сельскохозяйственной продукции на сумму 288,9 млрд руб.). За год стоимость сократилась на 2%, за 5 лет — в целом выросла на 30%, или на 69 млрд руб.

Сельское хозяйство *Татарстана* на 4-м месте. В республике в стоимостном выражении произвели 264 млрд руб. продукции сельского хозяйства, или 4,09% от общей стоимости, сократившись на 5% с 2019 года. По отношению к 2015 году стоимость выросла на 24%, или на 51 млрд руб.

Замыкает пятерку лидеров — *Воронежская область*. При этом рост за пять лет (с 2015 по 2020 год) составил 44%, или 68 млрд руб.

Таким образом, на пять регионов Российской Федерации приходится 25% сельскохозяйственной продукции. В число основных ее производителей вошли также Ставропольский край (3%), Республика Башкортостан (3,0%), Алтайский край (2%), Волгоградская область (2,5%), Тамбовская область (2,5%), Челябинская область (2,5%), Саратовская область (2,4%), Московская область (2,4%), Курская область (2,2%), Оренбургская область (2,0%), Республика Дагестан (2,8%), Ленинградская область (2,0%), Липецкая область (2,0%), Омская область (1,9%), Красноярский край (1,8%) (Лявина, 2021: 51) (рис. 2).

Крупнейшим производителем сельскохозяйственной продукции в стране традиционно является Центральный федеральный округ (рис. 3).

3. Сельское хозяйство регионов России (2023). URL: <https://ab-centre.ru/page/selskoe-hozyaystvo-regionov-rossii> (дата доступа: 28.02.2023).

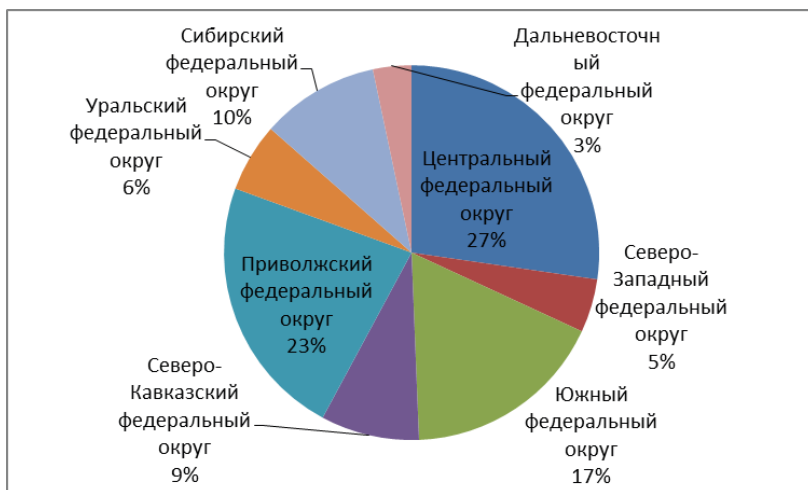

Рис. 2. Распределение сельскохозяйственного производства по федеральным округам в 2010–2020 гг.

Источник: составлено авторами по данным⁴

Размеры сельхозугодий Центрального федерального округа составили по итогам 2022 года. 33,2 тыс. га, или 15% от всех посевных площадей России⁵. За период исследования в ЦФО собрали 55,7% всей производимой в стране сахарной свеклы, 41,0% картофеля, 38,6% кукурузы, 37,9% семян горчицы, 33,1% семян рапса, 33,0% ячменя, 31,0% соевых бобов, 30,4% семян подсолнечника, 27,3% гороха, 24,7% гречихи, 19,3% пшеницы, 17,2% овса, 14,8% овощей открытого и защищенного грунта⁶. Субъекты Центрального федерального округа совокупно произвели 50% всей производимой в стране свинины, 33% мяса птицы, 17% говядины, 17,5% молока, 20,8% яиц, 7,3% баранины и козлятины⁷.

Второе место по совокупному производству сельскохозяйственной продукции занимает Приволжский федеральный округ, совокупный объем производства которого составил 1518 млрд руб., увеличившись с 2015 года в 10 раз, в общероссийском объеме произведенной сельхозпродукции России на ПФО приходится 21,8% (рис. 4).

4. Сельское хозяйство регионов России (2023). URL: <https://ab-centre.ru/page/selskoe-hozyaystvo-regionov-rossii> (дата доступа: 28.02.2023).

5. Там же.

6. Там же.

7. Там же.

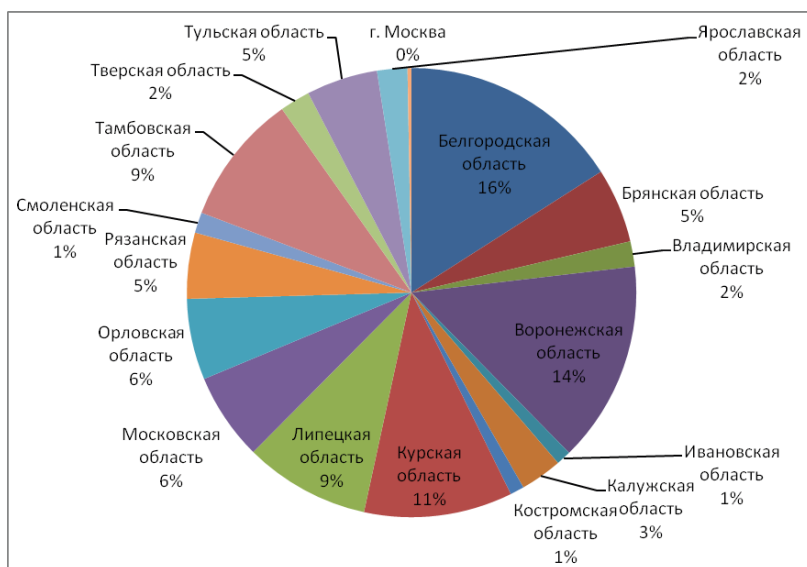

Рис. 3. Усредненное распределение сельскохозяйственного производства по регионам ЦФО за 2010–2020 гг.

Источник: составлено авторами по данным⁸

Производство продукции сельского хозяйства на душу населения составило 52,2 тыс. руб. Региональными лидерами являются Республика Татарстан (4-е место в России по объему сельскохозяйственного производства), Республика Башкортостан (7-е место) и Саратовская область (8-е место). Регионы Приволжского федерального округа обеспечивают 75% общероссийского производства ржи, 50% семян рыжика, 40% чечевицы и сорго, 32% проса, 30% семян подсолнечника и овса, 24% ячменя и семян горчицы, 22% картофеля, бахчевых культур и гороха, производят 16% пшеницы и 8% кукурузы.

В структуре животноводства максимальный удельный вес приходится на производство говядины (30% от общероссийского производства), 18% свинины, 20% мяса птицы и баранины, 31% общероссийского объема молока и 25% яиц.

На третьем месте по производству сельскохозяйственной продукции на душу населения является Южный федеральный округ, по итогам 2022 года в субъектах произведено продукции сельского хозяйства⁹ на душу населения 61,5 тыс. руб., рост показателя за 2010–2022 гг. составил 15%, это самый высокий показатель среди всех федеральных округов (рис. 5).

8. Сельское хозяйство регионов России (2023). URL: <https://ab-centre.ru/page/selskoe-hozyaystvo-regionov-rossii> (дата доступа: 28.02.2023).

9. Там же.

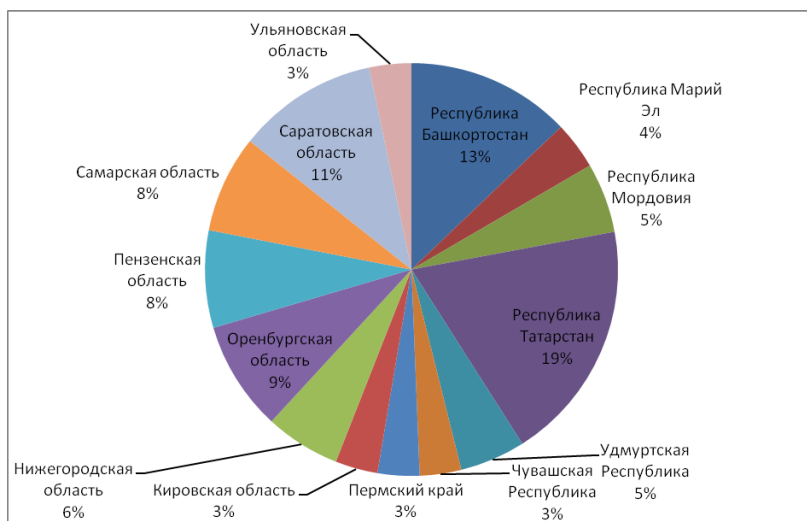

Рис. 4. Усредненное распределение регионов Приволжского федерального округа по сельскохозяйственному производству за 2010–2022 гг.
Источник: составлено авторами по данным¹⁰

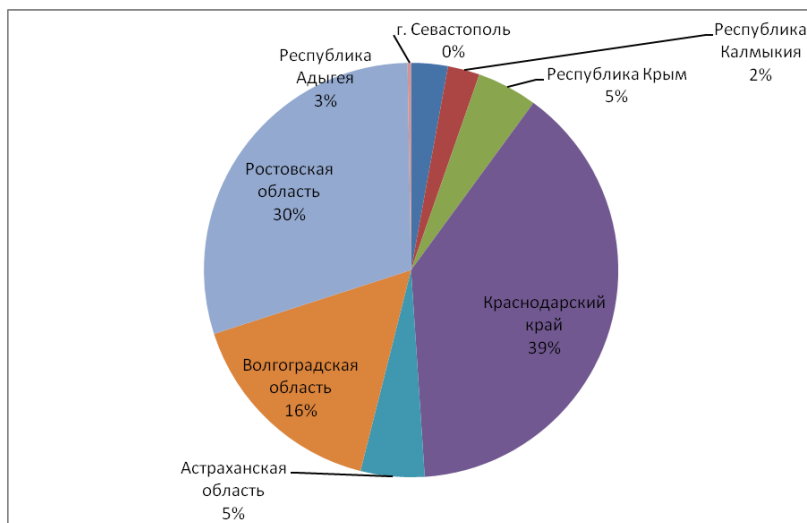

Рис. 5. Усредненное распределение сельскохозяйственного производства по регионам в Южном федеральном округе за 2010–2020 гг.
Источник: составлено авторами по данным¹¹

10. Сельское хозяйство регионов России (2023). URL: <https://ab-centre.ru/page/selskoe-hozyaystvo-regionov-rossii> (дата доступа: 28.02.2023).

11. Там же.

Лидерами сельскохозяйственного производства являются Краснодарский край (1-е место в общерегиональном рейтинге по объему производства сельхозпродукции) и Ростовская область (2-е место) — 64% от объема произведенной продукции макрорегиона. В макрорегионе производится 90% объема российского урожая риса, 62% бахчевых культур, 30% пшеницы, 33% кукурузы, 28% семян подсолнечника, 20% сахарной свеклы, 14% ячменя и 10% соевых бобов. Животноводство¹² макрорегиона обеспечивает 5% общероссийского производства свинины, 13% говядины, 30% баранины, 10% молока и яиц.

На 4-м месте по производству сельскохозяйственной продукции находится Сибирский федеральный округ (12% от общероссийского производства), увеличившись за 2020 год на 13% (673 млрд руб.). На душу населения в СФО произведено сельскохозяйственной продукции на 39,6 тыс. руб., с 2015 по 2020 год рост составил 22%.

Сельскохозяйственное производство в макрорегионе сконцентрировано в Алтайском крае, Омской и Новосибирской областях, на их долю приходится 57% всей производимой продукции (рис. 6).

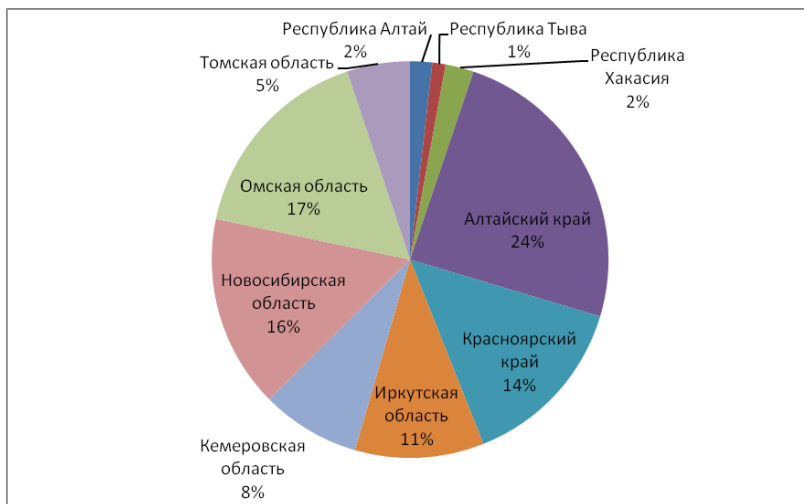

Рис. 6. Усредненное распределение сельскохозяйственного производства в Сибирском федеральном округе в 2010–2020 гг.

Источник: составлено авторами по данным¹³

Несмотря на огромные размеры макрорегиона, посевные площа-

12. Сельское хозяйство регионов России (2023). URL: <https://ab-centre.ru/page/selskoe-hozyaystvo-regionov-rossii> (дата доступа: 28.02.2023).

13. Там же.

ди Сибирского федерального округа составляют всего 18% от всех посевных площадей¹⁴ Российской Федерации.

В Сибирском федеральном округе собирают 45% всего российского урожая гречихи, 38% овса, 18% семян рапса и гороха, 15% пшеницы, 9% ячменя и картофеля. Животноводство Сибирского федерального округа обеспечило 14,5% всей производимой в РФ свинины, 18,9% говядины, 7,6% мяса птицы, 12,8% баранины и козлятины, 17,5% молока, 15,4% яиц¹⁵.

На 5-м месте по сельскохозяйственному производству находится Северо-Кавказский федеральный округ, обладающий только 5,5% сельскохозяйственных угодий страны, валовой объем продукции которого по итогам 2020 года составил 573 млрд руб., что на единицу жителя составляет 51,5 тыс. руб. (прирост составил 27%) и на 7% выше, чем в среднем по стране (рис. 7).

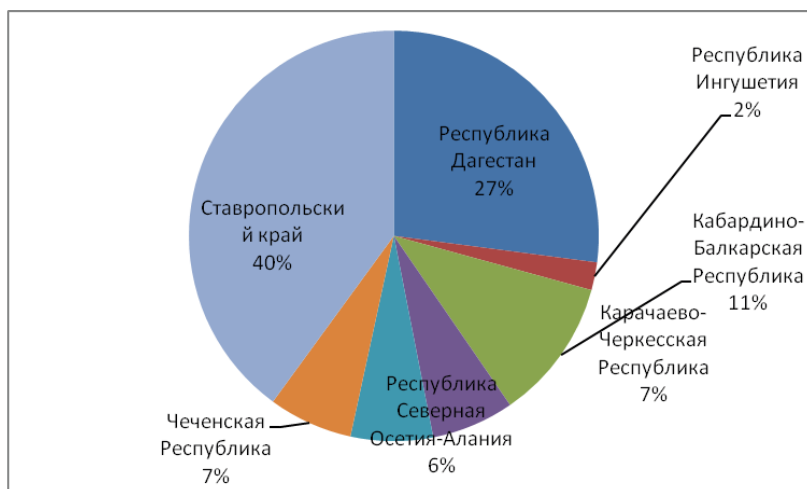

Рис. 7. Усредненное распределение сельскохозяйственного производства по Северо-Кавказскому федеральному округу в 2010–2020 гг.

Источник: составлено авторами по данным¹⁶

Основными производителями сельхозпродукции являются Ставропольский край и Республика Дагестан, которые в совокупности производят 67% валового сбора макрорегиона.

14. Сельское хозяйство регионов России (2023). URL: <https://ab-centre.ru/page/selskoe-hozyaystvo-regionov-rossii> (дата доступа: 28.02.2023).

15. Там же.

16. Там же.

На долю Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) в общем объеме показателей по РФ¹⁷ приходится 20% выращивания кукурузы, 16% гороха, 13% пшеницы, 12% овощей и бахчевых культур. В животноводстве макрорегиона 30% приходится на производство баранины и козлятины, 10% на производство говядины, 7% мяса птицы, 2% свинины, 9% молока и 3,5% яиц.

На оставшиеся три федеральных округа (Уральский, Северо-Западный, Дальневосточный) приходится в совокупности 13% валового производства сельскохозяйственной продукции. Имеются незначительные доли в растениеводстве и животноводстве.

Ситуация в рассмотренных округах свидетельствует о неустойчивости продовольственной экосистемы и требует пересмотра агропродовольственной политики, в частности, необходимо обратить внимание на специализацию отраслей данных регионов, развитие инвестиционных проектов, поддержку крестьянских (фермерских) хозяйств, применение и возможности обслуживания современных технологий, подготовку кадров.

Чтобы справиться с имеющимися проблемами и обеспечить продовольственную безопасность, основное внимание должно быть направлено на адаптацию сельскохозяйственных систем к последствиям экстремального изменения климата и на уменьшение воздействия сельскохозяйственного сектора на окружающую среду. Необходим поиск новых решений по преодолению негативных последствий в сельском хозяйстве регионов России, связанных в том числе и с актуальностью климатической повестки, которые базируются на внедрении цифровых инноваций и технологий искусственного интеллекта в сельское хозяйство России.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют, что основная часть сельскохозяйственной продукции (более 60%) производится в Краснодарском, Ставропольском, Алтайском краях, Ростовской, Воронежской, Белгородской, Саратовской, Омской, Курской, Новосибирской областях, республиках Татарстан, Башкортостан, Дагестан.

Факторный анализ группы показателей, характеризующих эффективность сельскохозяйственного производства в региональном разрезе

Устойчивое производство продуктов питания внутри страны имеет решающее значение для удовлетворения растущих потребностей в продовольствии в условиях изменения климата и дефицита природных ресурсов. В таком случае важно рассматривать новые пищевые и сельскохозяйственные технологии, потенциально спо-

17. Сельское хозяйство регионов России (2023). URL: <https://ab-centre.ru/page/selskoe-hozyaystvo-regionov-rossii> (дата доступа: 28.02.2023).

способствующие повышению продовольственной безопасности и безопасности питания, а также инновации в политике управления природными ресурсами, климатической и энергетической политике, системах биобезопасности, правах собственности и коллективных действиях, которые могут привести к повышению продовольственной безопасности и устойчивости регионов.

В центре внимания остается проблема неполного раскрытия потенциала аграрной экономики России (Максимова-Кулиева, 2022: 206-212). Также существуют регионы, которые в меньшей степени вовлечены в инновационную деятельность, что препятствует устойчивому развитию и конкурентоспособности аграрной экономики в России, обеспечению продовольственной безопасности и наращиванию экспорта продукции сельского хозяйства.

Региональная эффективность сельскохозяйственного производства традиционно оценивается с помощью следующих показателей:

- Экономическая эффективность по валовой продукции.
- Объем валовой продукции на 1 жителя.
- Отношение валового дохода (чистой продукции) к затратам на его получение.
- Отношение чистого дохода или прибыли к единице затрат.
- Производительность труда.
- Экономическая эффективность использования земли.
- Экономическая эффективность использования основных фондов и капитальных вложений.
- Индексы производства продукции растениеводства (по видам продукции).
- Индексы производства продукции животноводства (по видам продукции).
- Удельный вес продукции растениеводства в продукции сельского хозяйства (Гусаков, 2018: 34).
- Удельный вес продукции животноводства в продукции сельского хозяйства.
- Экономическая рентабельность активов.
- Капиталоемкость.
- Ресурсоемкость.
- Удельные капитальные вложения на 1 руб. прироста продукции.

Для оценки продуктивности сельскохозяйственного производства и определения уровня экономической отдачи, перспективности развития отрасли необходимо проведение факторного анализа, поэтому наиболее логичным видится применение метода главных компонент как эффективного аналитического инструмента.

На основании осуществленных расчетов были выделены три главные компоненты, собственные значения которых составили 7,145; 1,486; 1,278 соответственно. Все три компонента объясняют изменчивость 15 входных аналитических показателей, определяю-

щих уровень экономической эффективности сельскохозяйственного производства на 87,96%.

Максимальную информативность имеет первая компонента, поскольку ее дисперсия составляет 68,32% от общей дисперсии, вторая и третья компоненты имеют информативность 15,77% и 9,93% соответственно (Зенченко, 2008: 121-126).

Таблица 1. Базовые показатели факторного анализа показателей по Краснодарскому краю

Главные компоненты	Собственные значения	% общей дисперсии	Кумулятивный %
Фактор 1	7,145	71,4512	68,3246
Фактор 2	1,486	14,8612	56,4217
Фактор 3	1,278	12,7841	87,96457

Для получения адекватных оценок целесообразно нормализовать значения факторных нагрузок, это позволит исключить влияние переменных с большей общностью на результат (Вартанова, Зенченко, 2010: 239-250) (табл. 2).

Таблица 2. Факторные нагрузки в выделенных главных компонентах по Краснодарскому краю

Признаки (переменные)	Факторные нагрузки (варимакс нормализованный) Выделение: главные компоненты (отмечены нагрузки более 0,700000)		
	Factor 1	Factor 2	Factor 3
экономическая эффективность по валовой продукции (K1)	0,808077	0,067296	0,615572
объем валовой продукции на 1 жителя (K2)	0,981672	0,266423	0,02159
отношение валового дохода (чистой продукции) к затратам на его получение (K3)	0,945983	0,194817	0,336563
отношение чистого дохода или прибыли к единице затрат (K4)	0,133309	0,94877	0,35063
производительность труда (K5)	0,13331	-0,35063	0,94877
экономическая эффективность использования земли (K6)	0,582247	0,031434	-0,74778
экономическая эффективность использования основных фондов и капитальных вложений (K7)	0,612665	0,06707	0,810236
индексы производства продукции растениеводства (по видам продукции) (K8)	0,80965	-0,19683	0,489102

*С. В. Рязанцев,
М. Л. Вартанова*
Тренды устойчивого развития сельского хозяйства российских регионов в контексте обеспечения национальной и продовольственной безопасности страны

Признаки (переменные)	Факторные нагрузки (варимакс нормализованный) Выделение: главные компоненты (от- мечены нагрузки более 0,700000)		
	Factor 1	Factor 2	Factor 3
индексы производства продукции расте- ниеводства (по видам продукции) (К ₉)	0,780316	0,148806	0,40895
удельный вес продукции растениевод- ства в продукции сельского хозяйства (К ₁₀)	-0,78275	-0,40895	-0,52787
удельный вес продукции животновод- ства в продукции сельского хозяйства (К ₁₁)	-0,94877	-0,13334	-0,35063
экономическая рентабельность акти- вов (К ₁₂)	0,336563	0,194817	0,945983
капиталоемкость (К ₁₃)	0,6840	0,706474	-0,10564
ресурсоемкость (К ₁₄)	0,464794	0,886609	0,175625
удельные капитальные вложения на 1 руб. прироста продукции (К ₁₅)	0,539504	0,84949	0,172201
Общая дисперсия	7,112541	2,493983	6,119343
Доля общ.	0,418385	0,146705	0,359961

Проведенные расчеты показали, что в соответствии с полученными факторными нагрузками в первой выделенной главной компоненте наибольшие значения имеют следующие показатели: К₁, К₂, К₃, К₈, К₉, К₁₀, К₁₁, К₁₃; во второй компоненте максимальное значение получено по показателям — К₄, К₁₃, К₁₄, К₁₅; в третьей компоненте — К₅, К₆, К₇, К₁₂. Сумма вкладов всех выделенных факторов в дисперсию признака (табл. 3).

Таблица 3. Общности признаков по Краснодарскому краю

Переменные	Общности			
	Выделение: главные компоненты			
	Вращение: варимакс нормализованный			
	От фактора 1	От факторов 1, 2	От факторов 1, 2, 3	Составлен. R-квадрат
1	2	3	4	5
К ₁	0,359795	0,364096	0,984112	1,000000
К ₂	0,067398	0,982418	0,982861	1,000000
К ₃	0,849698	0,885736	0,99329	1,000000
К ₄	0,854713	0,871586	0,98832	1,000000
К ₅	0,854713	0,871586	0,98832	1,000000
К ₆	0,321895	0,852838	0,853776	1,000000
К ₇	0,356405	0,360677	0,984011	1,000000
К ₈	0,227142	0,263927	0,270151	1,000000

Переменные	Общности			
	Выделение: главные компоненты			
	Вращение: варимакс нормализованный			
	От фактора 1	От факторов 1, 2	От факторов 1, 2, 3	Составлен. R-квадрат
K9	0,021025	0,599172	0,757968	1,000000
K10	0,264579	0,423376	0,975133	1,000000
K11	0,854713	0,871586	0,98832	1,000000
K12	0,849698	0,885736	0,99329	1,000000
K13	0,444232	0,454828	0,928732	1,000000
K14	0,205125	0,234412	0,980795	1,000000
K15	0,276367	0,304524	0,989718	1,000000

*С. В. Рязанцев,
М. Л. Вартанова*
Тренды устойчи-
вого развития
сельского хозяй-
ства российских
регионов в кон-
тексте обеспече-
ния национальной
и продовольствен-
ной безопасности
страны

Расчеты выявили значительный вклад определенных главных компонент в вариацию анализируемых индикаторов.

На этапе реализации методического подхода осуществляется оценка показателей, формирующих компоненту. Данная задача решается с использованием оценки факторных нагрузок (a_i) из матрицы отображения, когда множество значений a_i для каждой компоненты F условно распределяется на четыре совокупности с гибкими границами:

M_1 — совокупность незначимых компонентов;

M_2 — совокупность значимых компонентов;

M_3 — совокупность значимых весовых коэффициентов, не участвующих в формировании названия компоненты (Зенченко, 2008: 121-126);

$M_4 = (M_2 - M_3)$ — совокупность значимых компонентов, участвующих в формировании названия.

Оценка значимости признаков, определяющих содержание главной компоненты, осуществляется на основе коэффициента информативности:

$$K = \frac{\sum a_i^2 \cdot (M_2 - M_3)}{\sum a_i^2} \quad (1)$$

При этом набор объясняющих признаков является приемлемым при значении коэффициента информативности — K_i в интервале от 0,75 до 0,95. В таблице 4 представлены результаты расчета автором исследования коэффициента информативности по трем компонентам при определении названия компонент (Зенченко, 2008: 121-126).

В первую компоненту, прежде всего, входят такие показатели, как K_1 , K_2 , K_3 , K_8 , K_9 , K_{10} , K_{11} , K_{13} , отражающие экономическую продуктивность сельскохозяйственного производства, вторую компоненту формируют показатели K_4 , K_{13} , K_{16} , отражающие финансовую эффективность сельскохозяйственного производства и его ресурсоотдачу, в третью компоненту вошли показатели, отражающие производительность труда в сельском хозяйстве и его фондоемкость при обеспечении продовольственной безопасности региона.

Таблица 4. Промежуточный расчет при определении названия компонент по Краснодарскому краю

Показатель	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
M1	0,627969604 0,271788896 0,593973635 0,625003781 0,498952625 0,451803 0,538503594 0,697764813 0,474155021 0,55036899 0,453571552 0,38600201	0,0733255 0,2122713 0,1452521 -0,1452521 0,0730794 -0,2144592 -0,4455909 -0,1452521 0,2122713 -0,1151006 0,1913602 0,1876295 0,1876295 0,0061748 0,0061748 0,1702209	0,021568364 0,336233212 0,350291697 -0,350286545 0,031403636 0,080886 0,408549152 -0,350286545 0,336233212 0,705782303
M2	0,964542495 0,967383773 -0,967383773 -0,967383773 0,964542495	0,971095616 -0,73972604 0,771909333 -0,938548111 0,935791525	0,80752798 0,809685051 -0,782216143 0,88600601 0,848912214 0,976053786 0,772671643
M3	0,89164452 0,8147415	-	0,801506414 -0,77431497
M2-M3	0,955086196 0,957899619 -0,957899619 -0,957899619 0,955086196	0,93254312 -0,710358917 0,741264533	0,81585301 0,895140093 0,857663887 0,916425474 0,78063733
K	0,783	0,887	0,821

Проведенные расчеты по 15 показателям, оценивающим развитие сельскохозяйственного производства, показали, что в большинстве случаев наполнение и распределение главных компонент аналогичное (Зенченко, 2008: 121-126). Исключение составил Алтайский край, по результатам деятельности которого были сформированы только две компоненты.

Расчеты главных компонент свидетельствуют о наиболее высоких показателях по данному направлению, минимальное значение — в Республике Дагестан ($F_1 = 5,32$). По второй компоненте лидером является Республика Татарстан ($F_2 = 13,27$), что говорит о рентабельности финансово устойчивой работы сельскохозяйственных предприятий (Зенченко, 2008: 121-126), а аутсайдером оказывается Саратовская область ($F_2 = 2,89$).

Данные по третьей компоненте показывают, что лидером является Белгородская область ($F_3 = 9,45$), а среди отстающих — Ставропольский и Алтайский края ($F_3 = 2,41$).

Таким образом, особое внимание должно быть направлено на решение проблемы балансирования между производительностью и рентабельностью, производством и потреблением сельскохозяйственной продукции, что позволило нам сформировать матрицу ключевых направлений в развитии сельского хозяйства при выполнении требований продовольственной безопасности (табл. 5). В ней с помощью статистических расчетов и экономического анализа подтверждены результаты исследования, раскрывающие ключевые направления развития сельскохозяйственного производства (эффективность сельскохозяйственного производства, финансовая ресурсообеспеченность, эффективное использование имеющихся ресурсов, производительность, баланс производство/потребление) в различных типах российских регионов.

Таблица 5. Матрица ключевых направлений в развитии сельскохозяйственно-го производства при выполнении требований продовольственной безопасности по выделенной группе регионов

Регион	Направления				Баланс производ- ство/по- требле- ние
	Эффектив- ность сель- скохозяй- ственного производства	Финансо- вая ресурсо- обеспечен- ность	Эффектив- ное исполь- зование имеющихся ресурсов	Производи- тельность	
Краснодарский край	+				+
Ставропольский край	+	+	+	+	+
Алтайский край	+	+	+	+	+
Ростовская область	+	+	+		+
Воронежская область	+		+	+	+
Белгородская область	+	+			+
Курская область	+		+	+	+
Саратовская область	+			+	+
Омская область	+		+	+	+
Новосибирская область	+		+	+	+
Республика Татарстан	+	+	+	+	+

Регион	Направления				Баланс производ- ство/по- требле- ние
	Эффектив- ность сель- скохозяй- ственного производства	Финансо- вая ресурсо- обеспечен- ность	Эффектив- ное исполь- зование имеющихся ресурсов	Производи- тельность	
Республика Башкортостан	+	+		+	+
Республика Дагестан	+	+	+	+	+

Расчеты показали, что снижение уровня производства существенно повлияет на доступность продовольствия, вследствие чего стратегии должны быть направлены на адаптацию сельскохозяйственных систем к последствиям экстремального изменения климата и на уменьшение воздействия сельскохозяйственного сектора на окружающую среду. Ключевые направления в развитии при выполнении требований продовольственной безопасности предполагают активизацию инвестиционной активности всех участников ангарного рынка, сельскохозяйственных товаропроизводителей и потенциальных инвесторов. Инвестиционный механизм, нацеленный на удовлетворение потребностей аграриев, должен обеспечивать получение максимального результата от затраченных средств.

Выводы

Нами была проведена модернизация существующих алгоритмов и методов линейного программирования, применяемого в прогнозировании социально-экономического развития систем мезоуровня на основе алгоритма имитационного моделирования процессов укрепления продовольственной безопасности с учетом дифференциации и экономической специализации регионов Российской Федерации по производству и реализации сельскохозяйственной продукции, что позволило разработать стратегическую матрицу ключевых направлений в развитии сельскохозяйственного производства регионов и повышения их потенциала с учетом трансформации организации производства растениеводства и животноводства с целью выпуска качественной, конкурентоспособной продукции и поддержания продовольственной безопасности страны.

Установлено, что полученные авторами данные при построении агрегированных индексов территориально локализованных хозяйствующих субъектов Российской Федерации по производству сельскохозяйственной продукции и получению валового дохода как основного источника расширенного воспроизводства ресурсов, за-

действующих в процессе аграрного производства, во многих существенных аспектах соответствуют оценкам, что находит свое выражение в их логической и эмпирической сопоставимости; выявлено соблюдение принципа научной преемственности полученных результатов и выводов исследования с предшествующими работами авторов по данной проблематике.

Библиография

- Аганбегян А. Г. (2010). Заметки о продовольственной безопасности России // Мир агробизнеса. № 2. С. 16-21.
- Алексеев С. Л. (2023). Состояние и проблемы государственных закупок в системе обеспечения экономической безопасности российских регионов // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. № 4 (98). С. 149-155.
- Алтухов А. И. (2014). Продовольственная безопасность России в условиях зарубежных санкций // АПК: экономика, управление. № 2. С. 19-29.
- Беликова М. П. (2019). Методика и система показателей комплексного информационно-статистического анализа продовольственной безопасности // Правовая информатика. № 4. С. 63-74.
- Вартанова М. Л. (2023). Необходимость развития экспортного продовольственного потенциала регионов России в условиях глобальной нестабильности // Материалы Международной научно-практической конференции «Современные тренды и приоритеты устойчивого развития регионов», посвященной 300-летию Российской академии наук. Махачкала: ИСЭИ ДФИЦ РАН. С. 100-104.
- Вартанова М. Л. (2022). Влияние пандемии COVID-19 на продовольственную безопасность стран ЕАЭС в контексте экономической интеграции // Проблемы и основные направления повышения эффективности функционирования АПК региона в условиях глобализации импортозамещения: коллективная монография. Пенза: РИО ПГАУ. С. 46-72.
- Вартанова М. Л. (2023). Стратегическое укрепление продовольственной безопасности регионов России в условиях обострения глобальных вызовов // Развитие экономических систем: теория, методология, практика: монография. Пенза: МНИЦ ПГАУ. С. 177-194.
- Вартанова М. Л., Зенченко С. В. (2019). Контроль за качеством и безопасностью продуктов питания в условиях санкций и роста бедности населения // Продовольственная политика и безопасность. Т. 6. № 4. С. 239-250.
- Вартанова М. Л. (2024). Продовольственная безопасность регионов России в условиях глобальной нестабильности: дисс. ... д-ра экон. наук (5.2.3). Москва.
- Герасимов Б. Н. (2022). Реформирование подпроцесса управления исследованием потребителей продукции // Вестник Международного института рынка. № 1. С. 12-19.
- Глазьев С. Ю. (2021). Актуальные задачи государства на селе // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. № 1-2 (184-185). С. 26-28.
- Гусаков Г. В. (2018). Комплексная система управления продовольственной безопасностью: методологические и методические решения: автореф. дисс. ... канд. экон. наук (08.00.05). Минск.
- Дудин М. Н. (2022). Трансгенные организмы (ГМО) в сельском хозяйстве: объективная необходимость в целях обеспечения глобальной продовольственной безопасности или способ увеличения прибыли ТНК АПК? // Продовольственная политика и безопасность. Т. 7. № 2. С. 107-120.
- Зенченко С. В. (2008). Диагностика уровня финансово-экономического развития региона // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. № 4. С. 121-126.

- Лявина М. Ю. (2021). Агропродовольственное импортозамещение в России: стратегия и механизм реализации: автореферат дисс. ... д-ра экон. наук (08.00.05). Саратов.
- Максимова-Кулиева Е. А. (2022). Потребление продуктов питания домохозяйствами и продовольственная независимость России // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 5-2. С. 206-212.
- Мельников А. Б. (2023). Конкурентоспособность агропродовольственной продукции в мировой торговле // Вестник Академии знаний. № 1 (54). С. 176-180.
- Милосердов В. В. (2017). Экономические механизмы хозяйствования, обеспечивающие продовольственную безопасность страны // Агропродовольственная политика России. № 12 (72). С. 2-9.
- Панасюк М. В. (2019). Методика анализа влияния факторов внешней среды на социально-экономическое развитие региона // Горизонты экономики. № 3 (49). С. 68-72.
- Руденко С. И. (2010). Обеспечение продовольственной безопасности Российской Федерации: теория, методология, практика: монография / Под науч. ред. В. И. Новичкова. М.: Дашков и К°.
- Рязанцев С. В. (2016). Миграционные процессы «Восток-Запад» в контексте европейской системы экономической безопасности // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). Т. 7. № 4 (28). С. 8-18.
- Рязанцев С. В. (2023). Демографические и социально-политические аспекты международного проекта «Диалоговое партнерство» // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 3. № 2. С. 191-198.
- Сафиуллин М. Р. (2022). Импортозамещение и устойчивость экономики региона в условиях системных преобразований (на примере Республики Татарстан) // Экономический вестник Республики Татарстан. № 3. С. 9-16.
- Семин А. Н. (2017). Формирование системы показателей продовольственной безопасности // Теория и практика мировой науки. № 11. С. 2-5.
- Ушачев И. Г. (2012). Проблемы в области обеспечения продовольственной безопасности в контексте глобального партнерства // Агропродовольственная политика. № 1. С. 2-6.
- Щетинина И. В. (2019). Продовольственная безопасность России в условиях глобализации и международных ограничений: монография. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН.

Dynamics and key directions of sustainable development of regional agriculture in the context of ensuring national and food security of the Russian Federation

Sergey V. Ryazantsev, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc (Economics), Professor, Department of International Economic Relations, RUDN University; Lecturer, Institute for Population and Social Research, Mahidol University, Nakhon Pathom, Phuthamonthon, Salaya, Bangkok, 73170, Thailand.
E-mail: riazan@mail.ru.

Marina L. Vartanova, DSc (Economics), Chief Researcher, Department of the Study of Socio-Demographic Processes in the EAEU, Institute of Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. Fotievoy St., 6, Moscow, 119333, Russia.
E-mail: 11marina11@mail.ru.

Abstract. The article identifies the problems and features of agricultural production in Russia's regions. The main arguments proving the relevance of target qualitative indicators in the methodology of regional management of the agricultural sector (improved efficiency of agricultural sector and increased output of agricultural and food products to the level that ensures regional food security) were chosen according

to the initial and projected situation in food supply. This allowed the authors to apply statistical forecasting methods and make a matrix of key directions in the development of agricultural production according to the national security requirements, to identify significant differences between Russia's regions and to present an optimal ratio of productivity and profitability, production and consumption of agricultural products for each territory. Thus, the article provides general theoretical ideas adapted to the current trends of social-economic and scientific-technical development to assess the role of agriculture and agro-industrial complex in Russian regions with different climatic conditions, and the authors formulate scientifically sound recommendations on the scope and directions for expanding agricultural specialization even in regions with unfavorable climatic conditions.

Key words: agricultural sector, dynamics, key areas, national security, indicators, food security, Russia's regions, agriculture, agricultural production, sustainable development, federal districts, economic security

References

- Aganbegyan A. G. (2010) Zametki o prodovolstvennoy bezopasnosti Rossii [Notes on food security in Russia]. *Mir Agrobiznesa*, no 2, pp. 16–21.
- Agriculture in Russian Regions (2023). URL: <https://ab-centre.ru/page/selskoe-hozyaystvo-regionov-rossii>.
- Alekseev S. L., Sharipov S. A., Sergeeva Yu. S., Gordeev S. G. (2023) Sostoyanie i problemy gosudarstvennykh zakupok v sisteme obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti rossiyskikh regionov [The state and problems of government procurement in the system of ensuring economic security of Russian regions], *Ekonomika, Trud, Upravlenie v Selskom Khozyaystve*, no 4, pp. 149–155.
- Altukhov A. I. (2014) Prodovolstvennaya bezopasnost Rossii v usloviyakh zarubezhnykh sanktsiy [Food security of Russia under sanctions], *APK: Ekonomika, Upravlenie*, no 2, pp. 19–29.
- Belikova M. P., Bogdanova M. V. (2019) Metodika i sistema pokazateley kompleksnogo informatsionno-statisticheskogo analiza prodovolstvennoy bezopasnosti [Methodology and system of indicators for summary data and statistical analysis of food security], *Pravovaya Informatika*, no 4, pp. 63–74.
- Decree of the Government of the Russian Federation of August 10, 2019, No. 1796-R "On the Long-Term Strategy for Developing Grain Complex of the Russian Federation until 2035" URL: <http://static.government.ru/media/files/y1lpAoZfzdMCfATNBKGff-1cXEQ142yAx.pdf>.
- Decree of the President of the Russian Federation of February 7, 2021, No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271.
- Decree of the President of the Russian Federation of January 21, 2020, No. 20 "On the Approval of the Doctrine of Food Security of the Russian Federation". URL: <http://government.ru/docs/all/125815>.
- Dudin M. N. (2022) Transgennyye organizmy (GMO) v selskom khozyaystve: ob'ektivnaya neobkhodimost v tselyakh obespecheniya globalnoy prodovolstvennoy bezopasnosti ili sposob uvelicheniya pribyli TNK APK? [Transgenic organisms (GMOs) in agriculture: An objective need to ensure global food security or a way to increase the profits of TNCs in agriculture?], *Prodovolstvennaya Politika i Bezopasnost*, vol. 7, no 2, pp. 107–120.
- Gerasimov B. N. (2022) Reformirovaniye podprotsessa upravleniya issledovaniem potrebiteley produktii [Reforming the subprocess of the product-consumption research management], *Vestnik Mezhdunarodnogo Instituta Rynka*, no 1, pp. 12–19.
- Glazeyev S. Yu. (2021) Aktualnye zadachi gosudarstva na sele [Current tasks of the state in rural areas], *Predstavitel'naya Vlast — XXI Vek: Zakonodatel'stvo, Kommentarii, Problemy*, no 1–2, pp. 26–28.

- Gusakov G. V. (2018) *Kompleksnaya sistema upravleniya prodovolstvennoy bezopasnostyu: metodologicheskiy i metodicheskie resheniya* [Integrated Food-Security Management System: Methodology and Techniques]: Avtoref. diss. k.e.n., Minsk.
- Lyavina M.Yu. (2021) *Agroprodovolstvennoe importozameshchenie v Rossii: strategiya i mekhanizm realizatsii* [Agrifood Import Substitution in Russia: Strategy and Its Implementation]: Avtoreferat diss. d.e.n., Saratov.
- Maksimova-Kulieva E. A. (2022) Potreblenie produktov pitaniya domokhozyaystvami i prodovolstvennaya nezavisimost Rossii [Household food consumption and Russia's food independence], *Vestnik Altayskoy Akademii Ekonomiki i Prava*, no 5–2, pp. 206–212.
- Melnikov A. B., Melnikov B. A., Dmitrieva A. G. (2023) Konkurentosposobnost agroprodovolstvennoy produktsii v mirovoy trgovle [Competitiveness of agri-food products in world trade], *Vestnik Akademii Znaniy*, no 1, pp. 176–180.
- Miloserdov V. V. (2017) Ekonomicheskie mekhanizmy khozyaystvovaniya, obespechivayushchie prodovolstvennyuyu bezopasnost strany [Economic management mechanisms to ensure national food security], *Agroprodovolstvennaya Politika Rossii*, no 12, pp. 2–9.
- Official website of the Russian Federal State Statistics Service (2023). URL: <https://rosstat.gov.ru>.
- Panasyuk M. V., Pudovik E. M., Vakhterova D. A. (2019) Metodika analiza vliyaniya faktorov vneshney sredy na sotsialno-ekonomicheskoe razvitie regiona [Methodology for the analysis of the influence of environmental factors on the regional social-economic development], *Gorizonty Ekonomiki*, no 3, pp. 68–72.
- Rudenko S. I. (2010) *Obespechenie prodovolstvennoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii: teoriya, metodologiya, praktika* [Ensuring Food Security of the Russian Federation: Theory, Methodology, Practice]. V. I. Novichkov (Ed.), Moscow: Dashkov and Co.
- Ryazantsev S. V. (2023) Demograficheskie i sotsialno-politicheskie aspekty mezhnunarodnogo proekta "Dialogovoe partnerstvo" [Demographic and social-political aspects of the international project "Dialogue Partnership"], *Demograficheskie Issledovaniya*, vol. 3, no 2, pp. 191–198.
- Ryazantsev S. V., Dudin M. N., Khokonov A. A. (2016) Migratsionnye protsessy "Vostok-Zapad" v kontekste evropeyskoy sistemy ekonomicheskoy bezopasnosti ["East-West" migration in the context of the European system of economic security], *Modernizatsiya. Innovatsiya. Razvitie*, vol. 7, no 4, pp. 8–18.
- Safiullin M. R., Elshin L. A., Mikhalevich P. O. (2022) Importozameshchenie i ustoichivost ekonomiki regiona v usloviyakh sistemnykh preobrazovaniy (na primere Respubliki Tatarstan) [Import substitution and sustainability of the regional economy under systemic transformations (on the example of the Republic of Tatarstan)], *Ekonomichesky Vestnik Respubliki Tatarstan*, no 3, pp. 9–16.
- Semin A. N. (2017) Formirovanie sistemy pokazateley prodovolstvennoy bezopasnosti [Developing a system of food security indicators], *Teoriya i Praktika Mirovoy Nauki*, no 11, pp. 2–5.
- Shchetinina I. V., Kalugina Z. I., Fadeeva O. P., Chupin R. I. (2019) *Prodovolstvennaya bezopasnost Rossii v usloviyakh globalizatsii i mezhnunarodnykh ogranicheniy* [Russia's Food Security under Globalization and International Restrictions], Novosibirsk: IEOPP SB RAS.
- Ushachev I. G. (2012) Problemy v oblasti obespecheniya prodovolstvennoy bezopasnosti v kontekste globalnogo partnerstva [Issues of food security in the context of global partnership], *Agroprodovolstvennaya Politika*, no 1, pp. 2–6.
- Vartanova M. L. (2023) Neobkhodimost razvitiya eksportnogo prodovolstvennogo potentsiala regionov Rossii v usloviyakh globalnoy nestabilnosti [The need to develop the export food potential of Russian regions under global instability], *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Sovremennye trendy i*

- prioritety ustoychivogo razvitiya regionov*”, *posvyashchennoy 300-letiyu RAN*, Makhachkala: ISEI DFC RAS, pp. 100–104.
- Vartanova M. L. (2023) Strategicheskoe ukreplenie prodovolstvennoy bezopasnosti regionov Rossii v usloviyah obostreniya globalnyh vyzovov [Strategic strengthening of food security in Russian regions under exacerbating global challenges]. // *Razvitiye ekonomicheskikh sistem: teoriya, metodologiya, praktika*, Penza: MNITS PGAU, pp. 177–194.
- Vartanova M. L. (2024) *Prodovolstvennaya bezopasnost regionov Rossii v usloviyah globalnoy nestabilnosti* [Food Security of Russian Regions under Global Instability]: Diss. d.e.n., Moscow.
- Vartanova M. L. et al. (2022) Vliyaniye pandemii covid-19 na prodovolstvennyuyu bezopasnost stran EAES v kontekste ekonomicheskoy integratsii [The impact of the covid-19 pandemic on food security in the EAEU countries in the context of economic integration]. *Problemy i osnovnye napravleniya povysheniya effektivnosti funktsionirovaniya APK regiona v usloviyah globalizatsii importozameshcheniya*, Penza: RIO PGAU, pp. 46–72.
- Vartanova M. L., Zenchenko S. V. (2019) Kontrol za kachestvom i bezopasnostiyu produktov pitaniya v usloviyah sanktsiy i rosta bednosti naseleniya [Control over quality and safety of food products under sanctions and increasing poverty of the population], *Prodovolstvennaya Politika i Bezopasnost*, vol. 6, no 4, pp. 239–250.
- Zenchenko S. V. (2008) Diagnostika urovnya finansovo-ekonomicheskogo razvitiya regiona [Diagnostics of the regional level of financial and economic development]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo Gosudarstvennogo Tekhnicheskogo Universiteta*, no 4, pp. 121–126.

*С. В. Рязанцев,
М. Л. Вартанова*
Тренды устойчивого развития сельского хозяйства российских регионов в контексте обеспечения национальной и продовольственной безопасности страны

Магистерский экзамен для А. В. Чаянова

Т. А. Савинова

Публикатор: *Татьяна Александровна Савинова*, кандидат экономических наук, Российский государственный архив экономики. 119435, Москва, ул. Большая Пироговская, 17.
E-mail: savinova3o@yandex.ru

Аннотация. В публикации представлено письмо профессора Московского сельскохозяйственного института В. Я. Железнова А. Ф. Фортунатову с требованиями к программе магистерского экзамена по политической экономии для выпускника института А. В. Чаянова.

Ключевые слова: магистерский экзамен, политическая экономия, А. Ф. Фортунатов, В. Я. Железнов, А. В. Чаянов

EDN TFNDGZ

Научная биография выдающегося экономиста-аграрника А. В. Чаянова изучена неплохо, но архивные находки продолжают радовать нас новыми ее подробностями.

Уже в одном из первых основательных биографических очерков ученого его автор В. В. Кабанов отмечал, что в 1912 году Чаянов сдал магистерский экзамен (Кабанов, 1989: 8), правда, без ссылки на какие-либо источники. Встречается упоминание о магистерском экзамене и у других авторов. Между тем с научной аттестацией в области сельскохозяйственной науки все обстояло не так просто.

В замечательном подробном исследовании, посвященном этой теме, О. Ю. Елина отмечает, что «с преобразованием Петровской сельскохозяйственной академии в МСХИ было утрачено главное завоевание агрономической школы — право присуждать ученую степень магистра» (Елина, 2012: 599). Она цитирует Д. Н. Прянишникова, который был возмущен тем, что агрономы фактически были лишены возможности получить ученую степень. В 1908 году, заняв пост помощника директора института по учебной части, Дмитрий Николаевич «впервые ввел в практику высшей сельскохозяйственной школы дипломные работы» (Гончаров, 2007: 483), а затем начал активно добиваться возвращения институту права научной аттестации. В январе 1910 года Советом института был заслушан доклад профессора Д. Н. Прянишникова «Об установлении особого экзамена для оставляемых при Институте в целях приготовления к научной и преподавательской деятельности», в котором говорилось, что «экзамен этот, хотя и не может носить название магистерского,

но по существу должен быть ему равнозначным, так чтобы в случае получения Институтом прав этот экзамен был зачтен как магистерский экзамен»¹. Совет института одобрил предложение Прянишников и поручил особой комиссии разработать проект о составе экзаменов и представить его на утверждение Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ). Комиссия разработала схемы испытаний для специализирующихся по трем направлениям: растениеводству, животноводству и сельскохозяйственной экономии. Ученый комитет ГУЗиЗ в июне 1910 года удовлетворил ходатайство Совета МСХИ о проведении такого экзамена, «признавая проектируемую меру по существу весьма желательной и с формальной стороны осуществимой».

Решение об оставлении Чаянова при кафедре сельскохозяйственной экономии «для усовершенствования в науках со стипендией» было принято в августе 1910 года² еще до защиты им дипломной работы по теме: «Южная граница преобладания трехпольной системы полевого хозяйства на крестьянских землях России к началу XX века», которая состоялась в феврале 1911 года. Теперь ему предстояло сдать «особый экзамен» для специализирующихся по сельскохозяйственной экономии, который состоял из четырех предметов, так как его схема, разработанная комиссией, включала четыре части: сельскохозяйственную экономию, политическую экономию, статистику и законоведение³.

Письмо, обнаруженное нами в архиве, свидетельствует о том, что его научный руководитель А. Ф. Фортунатов обратился к коллеге В. Я. Железнову с просьбой указать основные требования к экзамену по политической экономии и получил ответ уже в мае 1911 года. Содержание письма не оставляет сомнений в необходимости серьезной подготовки в области экономической теории для сдачи «особенного экзамена». К сожалению, программы остальных его частей пока нам не известны, мы лишь располагаем свидетельством, что Чаянов успешно сдал этот экзамен. Его будущий тесть В. Н. Григорьев в письме В. Г. Короленко от 3 апреля 1912 года сообщал: «Вот о Леке-то⁴ я и хочу сказать тебе, ее крестному к тому же. Она в апреле выходит замуж и уезжает за границу чуть ли не на два года. Жених ее — Ал[ександ]р Васил[ьевич] Чаянов недавно окончил сельскохозяйственный институт, любимый ученик А. Ф. Фортунатова, на днях окончил магистерский эк-

1. Отчет о состоянии Московского сельскохозяйственного института за 1910 год. М., 1911. С. 53.
2. Российский государственный архив экономики. Ф. 731. Оп. 1. Д. 38. Л. 1.
3. Отчет о состоянии Московского сельскохозяйственного института за 1910 год. М., 1911. С. 54.
4. Домашнее прозвище первой жены Чаянова — Елены Васильевны (в девичестве Григорьевой).

замен и командировается за границу для изучения крестьянского хозяйства на Западе»⁵.

Из писем 1915 года экономисту Н. П. Макарову известно, что Чаянов готовил и защиту диссертации⁶, но степень магистра так и не получил, поскольку, несмотря на титанические усилия Д. Н. Прянишникова, институт не добился права присваивать ученые степени магистра и доктора сельскохозяйственных наук. После Октябрьского переворота декретом СНК РСФСР от 1 октября 1918 года дореволюционные ученые степени были отменены, и все приват-доценты и преподаватели, проработавшие в высшей школе более двух лет, стали профессорами (Елина, 2012: 602).

Письмо В. Я. Железнова — А. Ф. Фортунатову о требованиях к магистерскому экзамену А. В. Чаянова

Малая Никитская,
д. 33, кв. 5
1 мая 1911

Глубокоуважаемый Алексей Федорович,

согласно выраженному Вами желанию, посылаю Вам письменное сообщение о требованиях, исполнение которых я считал бы желательными для магистерского экзамена А. В. Чаянова по политической экономии. Целью экзамена, по моему мнению, должно быть обнаружение знакомства испытуемого с общей теоретической системой, главными выводами, а в особенности — постановкой основных проблем экономической теории и приемами их решения у следующих крупных представителей экономической мысли и по следующим их трудам:

1. Fr. Quesnay. Tableau économique.
2. Ад[ам] Смит. Богатство народов.
3. Мальтус. Опыты о народонаселении.
4. Он же. Principles of Political Economy.
5. D. Ricardo. Principles of Political Economy.
6. Н. Thünen. Der isolierte Staat.
7. Родбертус. Социал[ьные] письма к фон Кирхману.
8. Маркс. Капитал. I, II, III тома.
9. К. Менгер. Курс полит[ической] экономии.
10. Б.-Баверк. Капитал и прибыль.
11. A. Marshall. Principles of Economics.
12. Walras. Éléments d'économie politique pure.

5. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 135. Карт. 22. Ед. хр. 15. Л. 44 об. — 45.

6. Для получения ученой степени магистра в дореволюционной России требовалось сдать магистерский экзамен и защитить магистерскую диссертацию.

13. Clark. Essentials of Economic Theory.

В качестве пособий для ориентировки в общем ходе развития экономической мысли для более раннего времени (до Ад[ама] Смита) я рекомендовал бы Онкена⁷. История полит[ической] экономики для новейшего времени — Gide and Rist. Histoire des doctrines économiques⁸.

Никаких других обязательных требований для экзамена я представлять не буду, если же по ходу занятий у А. В. Чаянова (о чем мы с ним и беседовали) возникнет желание более обстоятельно изучить какую-либо из основных проблем экономической теории, я рад буду оказать ему в этом мое посильное содействие.

Напр[имер], при нашей последней встрече он высказывал желание посоветоваться со мной будущей осенью по вопросу о земельной ренте.

Искренне преданный Вам В. Железнов.

Центральный государственный архив Москвы. Отдел хранения документов до 1917 года. Ф. 642. Оп. 1. Д. 407. Л. 49–50 об.

Библиография

- Гончаров Н. П. (2007). К 120-летию со дня рождения Н. И. Вавилова // Информационный вестник ВОГиС. Т. 11. № 3–4. С. 479–524.
- Елина О. Ю. (2012). Научная аттестация в области сельского хозяйства в России во второй половине XIX — начале XX в. // Вавиловский журнал генетики и селекции. Т. 16. № 3. С. 592–604.
- Кабанов В. В. (1989). Краткий биографический очерк // Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды / Редкол. сер.: Л. И. Абалкин и др. М.: Экономика. С. 6–25.

Master's exam for A. V. Chayanov

Publisher: Tatyana A. Savinova, PhD (Economics), Russian State Archive of Economics. Bolshaya Pirogovskaya St., 17, Moscow, 119435, Russia.
E-mail: savinova30@yandex.ru.

Abstract. This is the letter from the Professor of the Moscow Agricultural Institute V.Ya. Zheleznov to A. F. Fortunatov with requirements for the program of the Master's exam in Political Economy for the graduate A. V. Chayanov.

Key words: Master's exam, political economy, A. F. Fortunatov, V.Ya. Zheleznov, A. V. Chayanov

-
7. Онкен А. (1908). История политической экономики до Адама Смита / Пер. с нем. студентов С.-Петербур. политехнического института под ред. М. В. Бернацкого; с предисл. А. С. Посникова. СПб.
8. Gide C., Rist C. (1909). Histoire des doctrines économiques depuis les physiocrates jusqu'à nos jours. Paris: Larose et Tenin.

References

- Goncharov N. P. (2007) К 120-летию со дня рождения Н. И. Вавилова [On the 120th anniversary of N. I. Vavilov's birth]. *Information Bulletin of VOGiS*, vol. 11, no 3-4, pp. 479–524.
- Elina O. Yu. (2012) Nauchnaya attestatsiya v oblasti sel'skogo khozyaystva v Rossii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vv. [Scientific certification in the field of agriculture in Russia in the second half of the 19th — early 20th centuries]. *Vavilov Journal of Genetics and Breeding*, vol. 16, no 3, pp. 592–604.
- Kabanov V. V. (1989) Kratky biografichesky ocherk [Brief Biographical Sketch]. Chayanov A. V. *Krestyanskoye khozyaystvo: Izbrannye trudy* [Peasant Economy: Selected Works]. (Ed. by L. I. Abalkin et al.), Moscow: Economica, pp. 6–25.

Споры крестьян о земле, меже и не только

Рецензия на книгу: Гатиллов Э. В. Липецкий уезд Тамбовской губернии в 1917–1927 гг.: землеустройство и поземельная конфликтность. Воронеж: Кварта, 2024. — 167 с. ISBN 978-5-89609-820-1

В. Б. Безгин

Владимир Борисович Безгин, доктор исторических наук, профессор кафедры «История и философия» Тамбовского государственного технического университета. 392000, Тамбов, ул. Советская, 106. E-mail: vladyka62@mail.ru

EDN UPBNHQ

Выход в свет книги Э. В. Гатилова стало еще одним свидетельством эвристических возможностей и научных достижений российского крестьяноведения. Очевидно и то, что монография вызвала заинтересованное обсуждение ее содержания специалистами в области аграрной истории. Такая реакция коллег вполне закономерна по причине того, что проблема крестьянского землеустройства периода 1917–1927 годов впервые изучена в парадигме исторической конфликтологии. Другая особенность рецензируемой работы заключается в том, что она выполнена на микроуровне, вопросы крестьянского землеустройства и поземельной конфликтности автор исследует на материалах Липецкого уезда Тамбовской губернии. По своим социально-экономическим характеристикам и природно-климатическим условиям данная территория являлась типичной для Центрально-Черноземного региона.

Обстоятельный историографический обзор проблемы, которым автор предварил основную часть исследования, позволяет читателю не только понять степень изученности вопроса, но и оценить научную актуальность и общественную значимость заявленной темы. По сути, в работе дан анализ процесса социалистического землеустройства и конфликтных ситуаций, возникавших в ходе его осуществления. Источниковая база исследования позволила специалисту «сформировать объективное представление о роли поземельной конфликтности в жизни липецкого крестьянства в период землеустроительных трансформаций 1917–1927 гг.» (с. 10).

Структура работы логична, а изложение выполнено хорошим стилем. Визуализация данных, представленных в схемах, графиках, рисунках, фрагментах карт и выкипоровок (которые вошли в При-

ложения), конкретизирует содержание, ход и результаты представленных примеров поземельной конфликтности.

Первая глава монографии, посвященная землеустройству крестьян липецкой деревни, начата с характеристики природно-климатических условий, численности крестьянского населения, состояния земельных, водных ресурсов и транспортной инфраструктуры. На основе анализа условий хозяйственной деятельности крестьянства автор приходит к выводу о том, что вопросы землеустройства занимали центральное место в жизни липецкой деревни (с. 16). Им установлены региональные особенности аграрного кризиса начала XX в., а еще, что более важно, выявлена хозяйственная практика адаптации местного крестьянства к экономическим реалиям. Одним из таких путей стала аренда земли крестьянами, наряду с активным процессом купли-продажи частных земель при участии как сельских обществ, так и отдельных домохозяйств. Обоснованной представляется оценка специалистом хода и результатов аграрной реформы в исследуемом регионе. В частности, он утверждает, что «в силу природных особенностей территорий (ландшафт, почвы, водные ресурсы) и социальной составляющей (сохранение общинной доминанты), столыпинское реформирование на территории Липецкого уезда за годы прохождения реформы не охватило значительного массива как наделных, так и вненаделных земель» (с. 22).

В отдельном разделе главы рассмотрен процесс землеустройства липецкой деревни в изучаемый период. Отмечено, что вся землеустроительная кампания 1918 года была направлена на распределение между крестьянами на основе уравнительной нормы земель бывших частных владельцев. Анализ статистических данных, проведенный автором, показал, что реализация этой задачи выявила множество проблем организационного, технического и кадрового порядка. Трудности создавали временный характер разверстки, отсутствие правовой базы и нормативного обеспечения землеустроительных работ (с. 35). Корректировка землеустройства и практики земельного распределения периода 1919–1920 годов существенно изменения в процесс не внесла. Свидетельство тому — рост недосева по причине недостатка семенного материала и отсутствия тягловой силы, а также увеличение (почти в 6 раз) площади брошенных земель в уезде в силу отдаленности выделенных участков (с. 41). Советское землеустройство в восстановительный период изучено Гатиловым на основе двух этапов этого процесса: 1921–1922 и 1923–1927 годов. Первый этап он связывает с законодательным закреплением многообразия форм землепользования и правовым регулированием земельных отношений, ориентированных на их устойчивый характер и твердые границы. Автор делает вывод, что обязательное землеустройство сформировало единый земельный фонд уезда и в большей части устранило межселенную чересполосность, а внутриселенные проблемы — дальнотемелье

и чересполосица — были переданы для разрешения непосредственно в ведение сельских обществ и за их счет (с. 53). Землеустройство 1923–1927 годов в Липецком уезде, по мнению специалиста, характеризовалось: во-первых, расселением многодворных общин посредством выхода на поселки и выселки, землеустройством сельскохозяйственных товариществ, во-вторых, правовым оформлением закрепленных за пользователями земель. Обоснованным представляется вывод исследователя о том, что «в условиях восстановительного периода перейти на новые формы землепользования и системы севооборота было крайне затруднительно — липецкая деревня еще не восстановила своего потенциала» (с. 61).

Темой второй главы монографии стала проблема состояния крестьянских хозяйств и поземельной конфликтности в Липецком уезде 1917–1927 годов. Автором изучен процесс создания советских и коллективных хозяйств на территории уезда. Им выявлены трудности, возникшие при отводе земель созданным совхозам. А также установлен факт того, что фактическая площадь земли, использованная ими, былакратно меньше, чем размер земли, отведенный советским хозяйствам по плану землеустройства. Лучше дело обстояло с землеотводом, организованным в этот период, сельскохозяйственным коммуна и артелям. В то же время, оценивая их экономическое состояние, автор, наряду с другими трудностями в хозяйственной деятельности, отмечает неурегулированность земельных вопросов и враждебное отношение местного населения (с. 68). В пользовании совхозов и колхозов Липецкого уезда на 1921 год находилось 8907 десятин, что составляло 4,4% от всех пахотных земель уезда (с. 72). Таким образом, коллективные хозяйства находились в зачаточном состоянии как с точки зрения входившего в них населения, так и с точки зрения объединенной в них земли.

Состояние крестьянских хозяйств уезда к 1922 году, т.е. к началу восстановительного периода, характеризовалось сокращением численности рабочего скота и низкой обеспеченностью сельскохозяйственным инвентарем. Общинное землепользование сохраняло ведущую роль в аграрном производстве, на пашню наделных земель приходилось 77,85% обложения единым сельскохозяйственным налогом (с. 75). По величине посева и наличию скота большинство крестьянских хозяйств уезда были маломощными. Так, по состоянию на 1923 год посев менее чем 3 десятин земли имели 58,7% хозяйств, 59,7% — были безлошадными, не содержали коров — 44% (с. 76). Главным препятствием в хозяйственном развитии, уничтожении дальнотелье и переходе на многополье была бедность крестьян. Положительная динамика, выразившаяся в росте рабочего скота и увеличении поголовья свиней, отмечена автором в 1926 году. На основе 688 анкет сдатчиков и съемщиков земли в Липецком уезде за 1926–1927 год ученый определил роль аренды в хозяйственной жизни села посредством установления состава трудовых ресурсов крестьянских семей, мотивов сдачи/аренды земли. Обос-

нован вывод автора о том, что для сдатчиков из беднейших слоев земля выступала компенсатором нехватки производственных факторов (рабочих рук, живого и мертвого инвентаря, хозяйственных построек), а для середняцких хозяйств — арендаторов, земля являлась необходимым, «базовым» элементом хозяйствования и ее аренда была мерой физического, хозяйственного и социального выживания (с. 84). Отметим, что данное наблюдение Гатилова органично вписывается в концепцию «моральной экономики» и «этики выживания» крестьяноведения.

Наиболее оригинальная часть монографии представлена исследователем в разделе «Поземельная конфликтность в хозяйственной жизни липецкой деревни». Решение столь непростой в познавательном плане задачи он логично начинает с классификации поземельной конфликтности и характеристики предмета изучения. Вполне исчерпывающей, раскрывающей суть явления представляется данная автором дефиниция. «Поземельный конфликт — это не просто спор о какой-то площади, о правообладании, это острая реакция, рефлексия на нарушение параметра жизнеобеспечения (включая нематериальные), в котором одна из сторон прибегла к активным действиям по обретению, восстановлению условий функционирования затронутого параметра и хозяйства в целом» (с. 85).

Исследователь дал классификацию поземельных конфликтов и установил причины их возникновения. На основе данных о движении спорных дел по волостям Липецкого уезда за 1917 — май 1923 года он определил, что доминирующими конфликтогенами в данный период являлись семейно-имущественные разделы и усадьбные споры (с. 88). Волна семейных разделов в революционной деревне стала реакцией крестьянства на налоговую политику советского государства. Посредством анализа содержания земельных дел автор установил причины конфликтов, определил мотивы и аргументы сторон, выяснил принципы разрешения споров.

Отмечая неполноту статистических данных, автор констатирует высокий уровень поземельной конфликтности в регионе и утверждает, что «если на этапе 1917–1920 гг. ведущее место в них занимали межселенные конфликты, то в 1920-е гг. возобладали как раз внутриселенные» (с. 91). Гатилов детально разобрал суть спора между представителями Сошкинской волости Липецкого уезда (с. Сошки и д. Кривка) и гражданами с. Кривки и д. Анненки Дрязгинской волости Усманского уезда, длившегося пять лет. По его мнению, главной целью конфликта являлось правовое обеспечение стабильности хозяйственной деятельности, а важным мотивом была доступность земель как условия оптимизации трудовых затрат (с. 95). Обоснованным представляется вывод автора о том, что «введение в крестьянский оборот частновладельческих земель не исключило, а, напротив, активизировало деятельность сельских обществ по “оптимизации” землепользования, мотивированной как

хозяйственными, так и в не меньшей степени ментальными основаниями (по справедливости)» (с. 101).

По мнению автора, большая часть внутриселенных конфликтов приходилась на усадебные споры. Их число в Липецком уезде, по данным за март-июль 1920 года, превышало количество дел, связанных с семейно-имущественным разделом (с. 104). Действительно, в 1920–1921 годах земельные отделы уисполкомов Тамбовской губернии оказались перегружены спорными делами о семейно-имущественных разделах и об урегулировании споров внутриобщинного землепользования и землеустройства¹. Только в период с 1 декабря 1920 года по 20 мая 1921-го в подотдел землеустройства Тамбовского губисполкома поступило 680 жалоб крестьян о захвате огородов, садов и усадеб².

Земельный кодекс 1922 года передал разрешение спорных дел о разделе земельных угодий и имущества двора волостным земельным комиссиям. Усадебные участки уравнительным переделам, нарезкам, передвижкам без согласия их пользователей не подлежали. Садово-огородные участки изымались из переделов совсем. Споры по семейным разделам разрешались земельными комиссиями, не зарегистрированными в волисполкоме разделы хозяйств считались недействительными³. Таким образом, основанная на обычае практика регулирования вопросов землепользования в общине передавалась государству. Однако согласно «Инструкции о порядке участия сельских советов в разрешении земельных споров отдельных граждан», если земельные комиссии затруднялись в решении дел, им предоставлялось право привлекать к участию в них сельские советы тех селений, граждан которых эти споры касаются. На сельсоветы возлагалась обязанность освещения подробностей дела, а также предоставления заключения, как «было бы справедливо [!] его разрешить». В тех случаях, «когда сельсовет, ввиду запутанности дела, находит нужным сам в него вступить, в целях правильного освещения на суде и возможности правильного его разрешения, он может это сделать и без требования земельной комиссии, предоставив ей свое заключение по делу или выслав своего представителя»⁴. В этом выразилась потребность власти найти компромисс и установить связь между общиной и государством, обычаем и законом, между законом и справедливостью, т.е. решать земельные конфликты на основе правовых традиций российской деревни. К сожалению, утверждение автора о том, что нормы обычного права наряду с действующим законодательством выступали

В. Б. Безгин
Споры крестьян о земле, меже и не только

1. *Безгин В. Б., Юдин А. Н.* (2011). Политика большевизма и судьба русской общины // *Политика и общество*. № 2(68). С. 86.

2. Сборник кодексов РСФСР. М., 1925. С. 203–204, 226–228.

3. *Безгин В. Б., Юдин А. Н.* Указ. соч. С. 86.

4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 393. Оп. 43. Д. 18. Л. 11, 12.

правовой основой для решения спорных вопросов, не было подтверждено документальными источниками, например, решениями земельных обществ.

Анализ конфликтов между сельскими обществами и созданными коллективными хозяйствами показал, что в их разрешении советские органы управления порой руководствовались идеологическими установками (с. 120-122). Гатилов верно указал на значение принципа «справедливости» в возникновении спорных ситуаций при выходе из многодворных обществ на отруба, поселки, выселки. Природа конфликта проистекала из традиционного стремления общества сохранить равенство хозяйственных условий, поэтому даже потенциальные земельные преимущества выделенцев воспринимались крестьянским «миром» крайне болезненно (с. 126).

Выводы, к которым приходит автор в результате проведенного исследования, аргументированы и доказаны архивными документами, введенными в научный оборот впервые. Он обоснованно утверждает, что «увеличение количества субъектов поземельных отношений <...> при сохранении общинно-наделного землепользования, не снижали землеустроительной активности сельского населения, создавая благодатную почву для поземельной конфликтности» (с. 129). Не вызывает возражения заключение исследователя о том, что «крестьянский традиционализм вступал в конфликт с целеполаганием советского землеустройства — обеспечением роста производительности сельского хозяйства» (с. 129). Ценным в рецензируемом труде является то, что в нем исследованы актуальные и дискуссионные проблемы российского крестьяноведения, такие как хозяйственный уровень крестьянских дворов в послереволюционный период, судьба сельской общины в советской деревне, роль норм обычного права в повседневной жизни села доколхозной поры и многие другие. На наш взгляд, проблемное поле исследования следует дополнить изучением роли поколенческого фактора в поземельной конфликтности российского села. Можно предположить, что споры крестьян, связанные с поземельными отношениями, были отражением конфликта поколений в российской деревне первого советского десятилетия.

Peasant disputes over land, its division and other issues

Review of the book: Gatilov E. V. (2024) *Lipetsk District of the Tambov Province in 1917–1927: Land Management and Land Conflicts*, Voronezh: Kvarta, 167 p. ISBN 978-5-89609-820-1

Vladimir B. Bezgin, DSc (History), Professor, Department of History and Philosophy, Tambov State Technical University. Sovetskaya St., 106, Tambov, 392000, Russia.
E-mail: vladymka62@mail.ru.

Сельский ландшафт как инфраструктура: увидеть невидимое

Рецензия на книги: Vickery M. B. (2020). *Landscape and Infrastructure: Reimagining the Pastoral Paradigm for the Twenty-First Century*. London, New York, Oxford, New Delhi, Sydney: Bloomsbury Visual Arts.

Mathews A. S. (2022). *Trees Are Shape Shifters: How Cultivation, Climate Change, and Disaster Create Landscapes*. London, New Haven: Yale University Press.

Ф. С. Корандей

Федор Сергеевич Корандей, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра урбанистики, Тюменский государственный университет. 625003 Тюмень, ул. Володарского, 6. E-mail: f.s.korandej@utmn.ru

EDN VSHCUP

Трансформации, которые происходят в сельском ландшафте, такие как депопуляция и сжатие обрабатываемых земель в одних районах, превращение других в районы интенсивного агропромышленного производства, формирование новых типов ландшафта, населения, природно-антропогенных явлений¹, заставляют задуматься о связи ландшафта с инфраструктурой. Восприятие нашими информантами лесных пожаров начала 2020-х годов, которое мы фиксировали в сельских районах Тюменской области, очень напоминало восприятие местными жителями пожаров 2010-х годов в итальянской Тоскане, описанное антропологом Эндрю Мэтьюзом, о книге которого речь пойдет ниже. «Что-то пошло не так, раньше такого не было, кто-то (обычно производящее реформы государство) виноват, нужно что-то с этим делать!» — помимо всего прочего, такие комментарии — свидетельство восприятия местными жителями ландшафта как производящей аграрной инфраструктуры.

Широко цитируемое в англоязычной литературе место из антропологического определения инфраструктуры, данное Сьюзен Ли Стар в 1999 году, гласит: «[Инфраструктура] становится види-

1. *Нефедова Т. Г.* (2017). Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. М.: URSS; *Каганский В. Л.* (2021). Научное плодородие русской саванны // География и туризм. Т. 2. № 8. С. 5–9; Вдали от шума городского (2022): антропологи о сельской жизни в России / Отв. ред. О. Ю. Артемова. М., СПб. Нестор-История.

мой после того, как она сломалась»². Не все из антропологов с этим согласны, инфраструктурные проекты — излюбленное риторическое орудие власти, позволяющее убеждать аудиторию в верности проводимой политики, и потому они иногда, наоборот, выводятся на передний план. Брайан Ларкин, отсылая читателя к литературоведческой концепции Романа Jakobsona, называл любимое политиками свойство инфраструктурных объектов производить на людей сильнейшее впечатление, не связанное с их непосредственным функциональным назначением, «поэтикой инфраструктуры»³. Советский проект, создавший литературную инфраструктуру для того, чтобы систематически прославлять инфраструктуру промышленную, эту мысль подтверждает⁴. Все же в массе своей, конечно, как технические системы, обеспечивающие функционирование разных форм повседневной жизни и экономики, инфраструктура стремится к малозаметности. Как писал Пьер Беранже, мы видим инфраструктурные системы редко, лишь мельком, проезжая или пролетая мимо, и не замечаем их, пока они не выйдут из строя⁵.

Но как исторически связаны вездесущая инфраструктура и ландшафт, который наш современник, как правило, склонен трактовать как природный, даже если видит перед собой поля, непрерывно обрабатывавшиеся крестьянами на протяжении пары тысяч лет? Всегда ли инфраструктура, в том числе аграрная, пряталась от взгляда? Как научиться видеть скрывавшуюся в ландшафте инфраструктуру, как историческую, так и современную? Вообще, разные ли это вещи — ландшафт и инфраструктура, может быть, иногда их стоит отождествлять? Можно ли вернуть инфраструктуре утраченное ею место в ландшафте? Обо всем этом позволяют задуматься книги, о которых хотелось бы сказать несколько слов ниже.

Первая из них называется «Ландшафт и инфраструктура: переосмысление пасторальной парадигмы в XXI веке» и была написана Маргарет Бирни Викери, историком архитектуры, работающей в Массачусетском университете (Амхерст). Первая часть посвящена ответу на вопрос, как, когда и почему инфраструктура перестала быть видимой, вокруг этого объяснения развивается понятийный аппарат ее монографии, составленной на материа-

2. Star S. L. (1999). The ethnography of infrastructure // *American Behavioral Scientist*. Vol. 43. P. 382. См. об этом: Карасева А. (2018). Разомкнутая модерность: коммунальная авария в сенсорном ландшафте северного поселка городского типа // *Антропологический форум*. № 38. С. 122–146.
3. Larkin B. (2013). The politics and poetics of infrastructure // *Annual Review of Anthropology*. Vol. 42. P. 327–343, особенно P. 336.
4. Корандей Ф. С. (2021). Репрезентационная инфраструктура позднесоветского бустеризма: Урал и Западная Сибирь // *Уральский исторический вестник*. № 4(73). С. 115–124.
5. Bélanger P. (2016). Is landscape infrastructure? (2016) // *Is Landscape ...? Essays on the Identity of Landscape* / Ed. by G. Doherty and Ch. Waldheim. London, New York: Routledge. P. 196.

ле произведений фигуративного искусства, прежде всего живописи и архитектуры.

Центральный термин книги — «производящая пасторальная традиция» (*productive pastoral tradition*). По мнению Викери, в домодерный период (до наступления Нового времени) аграрные производственные системы были ключевыми элементами пасторальной эстетики, строившейся на гармоничном балансе между природным и экономическим, идеале «пасторальной золотой середины» (*pastoral middle ground*), включавшем в себя богатство, гражданскую гордость и природу. Обращаясь к поэмам Вергилия, часослову герцога Беррийского, голландской и английской пейзажной живописи XVII–XVIII веков, Викери утверждает, что заказчики этого искусства, элиты, до XVIII века непосредственно зависевшие в экономическом плане от сельского хозяйства, гордились заметными в ландшафте аграрными пространственными инфраструктурами и воспринимали их как обобщенный символ прогресса общества (р. 7, гл. 1–2). Примерами инфраструктурных объектов, которые приобрели впоследствии характер национальных символов, являются ветряные мельницы голландских пейзажей и загородные поместья, изображавшиеся английскими художниками времен Ганноверской династии. Однако с началом промышленной революции, в XIX и особенно в XX веке пасторальная идиллия отрывается от производящей экономики посредством инфраструктурного апартеида (*infrastructural apartheid*) (р. 7), противопоставляющего прогресс природе. Пастораль, уже не производящая, а рекреационная, становится ландшафтом респектабельных пригородов и университетов, где обитают элиты, основой городских и национальных парков, а инфраструктура уходит в тень, на периферию ландшафта (гл. 3–5).

По мнению Викери, в домодерный период (до наступления Нового времени) аграрные производственные системы были ключевыми элементами строившейся на гармоничном балансе между природным и экономическим пасторальной эстетики, для которой был характерен идеал «пасторальной золотой середины» (*pastoral middle ground*), включавший в себя богатство, гражданскую гордость и природу. Портреты овец (*portraits of sheep*) и образцы их шерсти были размещены в специально спроектированной кирпичной овчарне для того, чтобы любопытствующие горожане могли на них посмотреть (овцы сохранялись в ландшафте Центрального парка до 1930-х годов, пока Роберт Мозес не переместил их в другое место) (р. 94–95).

То, что происходит с сельскими ландшафтами после того, как пасторальная эстетика оторвалась от производящего хозяйства, а ландшафт от инфраструктуры, исследовал на материале современной сельской Италии Эндрю Мэтьюз, антрополог из Калифорнийского университета в Санта-Круз, автор второй рассматриваемой здесь книги «Многоликие деревья: как сельское хозяйство,

Ф. С. Корандей
Сельский ландшафт как инфраструктура: увидеть невидимое

климатические изменения и катастрофы формируют ландшафт». Полею Мэтьюза, работавшего в Италии в 2013–2016 годах, были аграрные и лесные ландшафты горного массива Монте-Пизано, расположенного в Тоскане, между городами Лукка и Пиза. Склоны гор в этом районе, покрытые рощами издавна культивировавшегося здесь каштана и соснами, высаженными в XX веке в лесовосстановительных целях, хранят следы многовековой крестьянской инженерии — террасы и дренажные системы, представляющие собой коллективный проект по переделке ландшафта в инфраструктуру (*remaking the landscape as an infrastructure*) (р. 33). До известной степени это именно те ландшафты, о которых пишет Викери, — порождение производящей домодерной пасторали, во второй половине XX и начале XXI века переживающие депопуляцию и упадок агропромышленного производства. С другой стороны, Мэтьюз опирается в своих выводах не на старинные картины, написанные по заказу представителей привилегированных классов, но на многочасовые прогулки по самому ландшафту в его современном виде, общение с теми, кто до сих пор живет и работает на склонах Монте-Пизано, на включенное наблюдение за практиками возделывания деревьев, при этом проявляя живейший интерес к истории этого ландшафта и разнообразию точек зрения на него, артикулируемых его собеседниками.

Как и многие другие абстрактные идеи, опускаясь «на землю», идея о том, что производящая сельская инфраструктура, когда-то воспринимавшаяся как социальный идеал, а ныне исчезающая из ландшафта, начинает усложняться. Во-первых, не факт, что в домодерный период представители элит, да и вообще кто-то, не вовлеченный непосредственно в крестьянский труд, были способны понять, а тем более описать или изобразить в сколь-нибудь развернутом виде сельскохозяйственный ландшафт Монте-Пизано. Мэтьюз пишет, что даже наиболее бросающийся в глаза ландшафтный элемент здешней агрикультуры — системы террас, восходящие к древнеримской эпохе, оставались незамеченными образованными людьми до XVI века, а первые систематические их описания относятся как раз к временам, когда производящая инфраструктура оторвалась от ландшафта, к последней четверти XIX века (р. 33–34). Во-вторых, даже сейчас сельская инфраструктура Монте-Пизано, пусть и воспринимаемая многими из собеседников Мэтьюза как «поломавшаяся» вследствие послевоенной депопуляции сельской местности, индустриализации и урбанизации (р. 73, 86–87, 89, 91 и т.д.), продолжает существовать, но отнюдь не открыта по умолчанию всем и каждому, и требует для своего понимания существенных усилий.

Из этого последнего факта и вырастает базовый, то есть фактически стоящий в самом начале полевых наблюдений, связанный с непосредственной феноменологической встречей с реальностью сельского ландшафта метод антропологической работы Мэтьюза,

делающий его книгу столь интересной для исследователя ландшафтов. Автор называет его морфологией растений (р. 7, 9), но это не та морфология, которой занимаются ботаники, не естественнонаучное, но социально-историческое строение растений, связь их формы с породившими ее социально-экономическими процессами. Мэтьюз, и в этом ему, с одной стороны, помогает имеющееся у него собственное лесоведческое образование, а с другой — антропологический интерес к людям и способность получать от них новое знание, посвящает первые главы книги анализу пней и стволов каштановых деревьев. Этот анализ демонстрируется с ловкостью сочинителя детективного романа: «В форме растения записаны биографии его встреч. Люди, пожары, заболевания, погода, почвы, растения и животные, кто угодно может оставить следы в морфологии растения» (р. 9). Особый интерес представляет иллюстративный ряд этой части книги, состоящий из рядов фотографий, демонстрирующих ландшафт в его обычной визуальной сложности, и их прорисовок, фокусирующих внимание читателя на важных для понимания аграрной инфраструктуры деталях.

Вглядываясь в раздвоенные стволы и следы прививок, а также вытягивая из своих собеседников технические подробности, обычно не выходящие за пределы прагматического садоводческого контекста, автор учит читателя видеть в деревьях их историю и историю формируемого ими ландшафта. Повествование развивается в логике обратного зума. Рассказав истории, которые открывает изучение шрамов на древнем каштановом пне (гл. 1), автор движется к историям сформированных этими деревьями структур ландшафта (гл. 2), а затем к историям конкретных групп людей, этот ландшафт населяющих и репрезентирующих, — местным жителям, занимающимся сельским хозяйством, тушением лесных пожаров, охраной и заготовкой леса (гл. 3–4), обсуждающим новости об участвовавших природных катаклизмах (гл. 5), собирающим в бывших аристократических парках местные атмосферные данные для их интеграции в глобальные климатические модели (гл. 6), пытающимся запустить электростанцию, работающую на щепе деревьев, спиленных в Монте-Пизано, и протестующим против этого намерения (гл. 7).

«[Инфраструктура] становится видимой после того, как она сломалась». Мэтьюз много берет от этой идеи, сосредотачивая основное внимание на тех моментах, когда функционирование ландшафтной инфраструктуры, незаметно работающей на заднем плане повседневной жизни, прерывается катастрофами, обнажающими конфликты и противоречия (р. 127). Пасторальные овцы, которых мы уже упоминали выше, появляются на страницах его книги, когда он описывает сложный клубок событий, породивших лесные пожары в Тоскане. Выступая против упрощенной каузации, к которой тяготеет современная политика, объявляющая причиной множества природно-антропогенных явлений изменения климата, Мэтьюз рассказывает в третьей главе своей книги, что для

того, чтобы эти изменения вызвали лесные пожары в конкретном ландшафте Монте-Пизано, потребовалось две вызванных процессами переноса культур из Азии в Европу эпидемии каштановых плантаций (в середине XIX и в середине XX века), за которыми последовала вырубка каштановых рощ и замена их сосной; сельская депопуляция, вызванная индустриализацией и урбанизацией региона, а значит — утрата традиционных практик ухода за территорией. Только когда люди фактически ушли из созданного ими тысячу лет назад сельскохозяйственного ландшафта, перестали использовать срезанные побеги и ветви каштана в качестве топлива при сушке каштанов в особых сараях, собирать листву на удобрения и разводить овец, которые бродят повсюду и едят сухую траву, повышение средних температур атмосферы смогло сыграть свою негативную роль.

Роль антрополога в реконструкции этой непростой системы конкретных причинно-следственных связей ключевая. Даже когда речь идет об эпидемии, уничтожившей в ландшафте целый вид широко распространенного там когда-то дерева, она может быть совершенно стерта из памяти старожилов, хорошо знающих местность (р. 77–78). При взгляде «из ландшафта» каждая деталь противится упрощению. «Встречая новую сосну, я каждый раз спрашиваю себя, похожа ли она на предыдущие, или это что-то новенькое» (р. 159–160). Особенно важна для Мэтьюза его роль как переводчика, осуществляющего медиацию между действующими силами, населяющими ландшафт, как природными (не-человеческими), так и социальными. В этом смысле главной темой книги оказывается проблема восприятия людьми, которых автор встречал на Монте-Пизано, актуального нарратива климатических изменений.

Мэтьюз не раз замечает, что его информанты, при всем их разнообразии и вовлеченности в процессы, происходящие в конкретном ландшафте, с присущими для него перепадами температур и лесными пожарами, мало что могли сказать об изменениях климата (р. 142, 197). Это не значит, утверждает автор, что его собеседники в массе своей не были обеспокоены этой хорошо известной темой или активно выступали против нее. Дело в другом — нарратив о климатических изменениях, восходящий к построенной на усредненных многолетних данных научной модели, ставшей важнейшим элементом политики на уровне глобальных медиа и международных отношений, неадекватен языку повседневных коммуникаций между обычными людьми, живущими в конкретном ландшафте. Люди в ландшафте предпочитают связывать возникающие лесные пожары с тем, на что (потенциально) могут повлиять — некомпетентностью чиновников, преступными действиями бизнесменов, уходом из ландшафта крестьян и государства и т.д. (р. 75–76). Описанные в седьмой главе книги Мэтьюза протесты итальянцев против развития в регионе биотопливной энергетики — следствие той же самой проблемы. Спустившийся в итальянскую экономику в резуль-

тате заключения международных соглашений, предполагающих переход мировой экономики на возобновляемое топливо, глобальный императив о строительстве электростанций на биомассе столкнулся в конкретном ландшафте Монте-Пизано с массой местных подробностей, которых он не учитывает, — экологически доступная биомасса (в данном контексте — древесная щепа) оказывается в дефиците, люди небезосновательно подозревают вовлеченных в криминальные связи бизнесменов и т. д. (р. 186, 189). Глобальное представление о климате, пишет Мэтьюз, не смогло убедить обычных жителей в необходимости развития в регионе производства электроэнергии из биомассы, ведь для них перевод местных деревьев на щепу был связан не столько с этой антиутопической научной концепцией, описывающей проблемы мирового масштаба, сколько с местной историей сельской депопуляции и лесов, которые выросли на месте исчезнувших каштановых рощ (р. 221). Нарратив об изменениях климата, оперирующий упрощенной статистической моделью всего мира, не описывает многообразия проблем, которые волнуют людей в связи с трансформациями окружающей их конкретной среды. Это не значит, что обычные люди, живущие своим маленьким мирком, всегда правы, и их мнения по поводу того, как жить дальше, более обоснованны, чем опасения климатологов или политиков, принимающих определенные решения, заключает Мэтьюз, но антрополог — это именно тот специалист, который способен обнаружить и показать скрытые противоречия, возникающие в процессе работы по переводу этих важных идей между чиновниками, учеными и обычными людьми (р. 175–176).

Глобальный нарратив об изменениях климата выходит на авансцену и во второй части книги Викери, посвященной современной архитектуре, авторы которой пытаются вернуть инфраструктурным сооружениям место в ландшафте и активно экспериментируют с элементами старинной пасторальной традиции, чтобы снова сделать пасторальные ландшафты производящими. Описывая красивые новые электростанции, водоочистительные сооружения и предприятия пищевой промышленности, Викери, на мой взгляд, не демонстрирует такой критической глубины, как предыдущий автор. По мнению Викери, как и цитируемых ей архитекторов, пасторальная эстетика этих инфраструктурных сооружений, строящихся в богатейших городах «золотого миллиарда», является способом привлечь внимание людей к экологическому качеству ландшафта и научить их ответственности перед природой (р. 182). Действительно, многие из них сочетают открытую «ландшафтность» расположения с открытостью для посторонних посетителей, которые могут увидеть своими глазами поданные в эстетически привлекательном ключе процессы очистки воды или сжигания топлива. Но за счет чего работает этот edutainment? Как связаны «серьезные» нарративы об изменениях климата и экологической устойчивости с рекреационной функцией новой «пасторальной»

инфраструктуры, которую можно возвести к паркам XIX века, показывавшим праздным горожанам овец в качестве диковинки? Для какой аудитории, вспомним упомянутый в начале тезис о «поэтике инфраструктуры», строятся эти «яркие» инфраструктурные объекты? Викери упоминает в этой связи «хорошо образованную и информированную публику», способную понять, какое влияние окажет внедрение такой передовой инфраструктуры на экологическое здоровье общества (р. 182–183). Наконец, насколько релевантны эти штучные «продвинутые» проекты из богатейших стран контексту массы других инфраструктурных объектов, расположенных за их пределами? На эти вопросы Викери не дает ответа, просто каталогизируя похожие по концепции архитектурные проекты. Завод по производству биомассы в Копенгагене (р. 143–144) описан Викери далеко не с такой критической проницательностью, как биотопливная электростанция в Банны-ди-Лукка, описанная Мэтьюзом.

Rural landscape as infrastructure: To see the invisible

Review of the books: Vickery M. B. (2020) *Landscape and Infrastructure: Reimagining the Pastoral Paradigm for the Twenty-First Century*, London; New York; Oxford; New Delhi; Sydney: Bloomsbury Visual Arts; Mathews A. S. (2022) *Trees Are Shape Shifters: How Cultivation, Climate Change, and Disaster Create Landscapes*, London; New Haven: Yale University Press.

Fedor S. Korandei, PhD (History), Senior Researcher, Center for Urban Studies, Tyumen State University. Volodarskogo St., 6, Tyumen, 625003, Russia.
E-mail: f.s.korandej@utmn.ru

Полезная книга по истории аграрной статистики¹

Рецензия на книгу: Ильиных В. А. *Сельскохозяйственная статистика в Сибири (1920–1930-е гг.)*. Новосибирск: СО РАН, 2022. — 202 с. ISBN 978-5-6047824-5-3

И. А. Кузнецов

Игорь Анатольевич Кузнецов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, РАНХиГС, 119571 Москва, пр-т. Вернадского, 82, стр. 1.
E-mail: kuznetsov-ia@ranepa.ru

EDN WYDXDD

В последние годы история статистики привлекает к себе растущее внимание исследователей российской истории, особенно историков экономики. Тема все больше воспринимается как актуальная и значимая, вокруг нее формируется новое проблемное поле. Сделаны небезуспешные попытки проследить эволюцию статистических учреждений России на протяжении двухвекового периода, заново оценить историческую роль и место основных деятелей статистики и их концепций². Стимулом и вызовом для отечественных авторов становятся работы зарубежных коллег, пишущих историю статистики на стыке истории государства, экономической политики и экономической науки³. В историографии накапливается материал для переосмысления статистики как вида исторических источников⁴. В этом контексте представляет интерес монография Владимира Андреевича Ильиных, ведущего представителя новосибирской

-
1. Публикуется в рамках Госзадания РАНХиГС 10.9-2025-1 «Экономическая статистика и российское государство: исторический опыт взаимодействия (середина XIX — первая треть XX в.)».
 2. *Елисеева И. И., Дмитриев А. Л.* (2016). *Очерки по истории государственной статистики России*. СПб.: Росток, а также ряд статей А. Л. Дмитриева.
 3. *Блюм А., Меспуле М.* (2006). *Бюрократическая анархия: статистика и власть при Сталине* / Пер. с фр. М.: РОССПЭН; *Туз А.* (2021). *Статистика и германское государство, 1900–1945: создание современного экономического знания* / Пер. с англ., под ред. А. А. Белых. М.: Изд. дом «Дело», и др.
 4. *Рышков В. М.* (2024). Статистические источники в свете видовой классификации // *Уральский исторический вестник*. № 3 (84). С. 114–124; см. также примечательную дискуссию с участием А. Станциани, Я. Коцоница, С. Нафцигера, М. Авреха, А. Маркевича и Е. Журавской в журнале *Slavic Review* (2017, no. 1, pp. 1–51).

школы историков-аграрников, посвященная истории сельскохозяйственной статистики СССР 1920–1930-х годов.

В потоке публикаций постсоветского времени работы Ильиных вообще выгодно выделяются двумя качествами. Во-первых, лаконизмом и содержательностью, что сильно повышает их ценность в глазах читателя в эпоху общей перегруженности информацией и дурной моды, взятой историками 2000-х годов на тысячестраничные псевдообобщающие монографии. Его монографии деловиты и ёмки. Во-вторых, будучи ярким представителем региональной историографии, он не замыкается в сибирской регионалистике, а через историю Сибири выходит на общероссийские и общеисторические проблемы. Такой подход был ценен всегда, но особенно важным представляется сегодня, когда региональные исследования зачастую редуцируют к краеведению, утрачивая возможность какой-либо генерализации своих выводов. На этом фоне работы Ильиных держат высокую планку, и сложившаяся вокруг него группа новосибирских историков представляет собой один из основных центров изучения российской аграрной истории.

Рецензируемая книга сводит воедино материалы, ранее опубликованные автором в отдельных статьях, однако она не является сборником статей, а представляет собой целостное исследование. Работа имеет источниковедческую направленность. В качестве центральной в ней выдвигается проблема достоверности советской статистики, которая видится источником для реконструкции объемов и динамики сельскохозяйственного производства в раннем СССР. Поскольку автор полагает, что «доказать или опровергнуть “лукавость” статданных можно на основе анализа особенностей функционирования системы сельскохозяйственной статистики» (с. 4), в книге рассматривается эволюция органов государственной статистики и методов их работы. Своей конечной целью Ильиных видел создание верифицированных динамических рядов данных, которые должны выступать «информационной основой для определения тенденций развития сельскохозяйственного производства и его организационно-производственной структуры» (Там же). В соответствии с этим структуру своей работы он построил вокруг истории четырех основных статистических показателей: посевной площади, урожайности, валового сбора и поголовья скота. Так как валовой сбор был производным от площади и урожайности, рассказ о нем было логично соединить с урожайностью, и тем самым книга получила деление на три части: (1) статистика посевных площадей, занявшая 34% объема основного текста, (2) статистика урожайности и валовых сборов зерновых культур, занявшая 45% объема, и (3) статистика животноводства, на долю которой остался 21%. Такая структура имеет свои преимущества, но создает также и некоторые издержки: этапы истории статистических учреждений в каждой части автору приходится проходить, по сути, заново или, как это характерно для третьей части, делать постоянные отсылки к вышеизложенному материалу.

Каждая из трех частей разбита на две главы: 1920-е годы и 1930-е годы. Деление по десятилетиям оправданно не только гранью «вели-

кого перелома» в истории сельского хозяйства, но и гранью 1930 года в истории статистических учреждений, когда было ликвидировано ЦСУ и функции статистического учета переданы Госплану. Материалы, посвященные обоим десятилетиям, занимают приблизительно равные проценты объема книги с небольшим перевесом в пользу 1930-х: 45 на 55 соответственно.

Согласно традициям журнала, рецензия русскоязычной книги избавляется от обязанности пересказа ее содержания. В данном случае это более чем кстати, поскольку книга Ильиных принадлежит к числу тех, которые почти невозможно пересказать, можно лишь переписать (как когда-то шутили о работах знаменитого статистика А. Ф. Фортунатова). Попытаемся несколько расширить контекст, чтобы полнее представить, о чем эта книга.

Прежде всего, в ней прослеживаются этапы экспансии советского государства в сферу хозяйственной информации. В этом отношении, как и во многих других, советское государство радикально отличалось от имперского. До революции правительство практически не регулировало сельскохозяйственное производство, бывшее сферой частного хозяйствования крестьян и более или менее крупных землевладельцев (помещиков), в той или иной степени включенных в рынок. Рынок регулировал распределение, ввоз, вывоз, переработку и потребление продуктов. Государственные закупки провианта, фуража и лошадей для армии строились на основе рыночных цен и составляли небольшую долю рынка. Размеры налогов, платившихся земледельцами и землевладельцами, не зависели от объемов производства, поэтому статистика не имела фискальных задач, а правительство не испытывало потребности в точном знании объемов производства. Единственным объектом, к которому оно проявляло интерес, было поголовье лошадей, которое время от времени подлежало весьма детализированным военно-конским переписям. Об остальном — урожаях и поголовье других видов скота — государственная статистика сообщала весьма приблизительные данные, а производство животноводческих продуктов не подлежало учету.

Поголовье скота традиционно учитывалось на конец или начало года, то есть на момент минимальной численности — стадо, оставленное на зимовку. Такой учет не стремился к «полноте», из него выпадал молодняк, ушедший на забой осенью, зато он имел ясную цель: учет основного капитала сельского хозяйства, не смешивая капитал с доходом (скотом, забитым в течение года).

Основная государственная статистика урожая, ведшаяся Центральным статистическим комитетом, имела целью общий контроль над продовольственным положением. Правительству (то есть Министерству внутренних дел, с 1802 г. отвечавшему за продовольственную безопасность страны), по большому счету надо было знать, достаточно ли в этом году хлеба, и в каких регионах есть опасность голода. Но определяя размер помощи голодающим, правительство использовало не статистику, а ориентировалось на конкретные запро-

сы с мест, подаваемые по соответствующим административным каналам. Дополнительный мониторинг урожайности вел Департамент земледелия по анкетам добровольных корреспондентов. Бизнес-сообщество и Министерство финансов, недовольные медлительностью и сомнительной достоверностью полицейско-продовольственной статистики ЦСК, с рубежа XIX–XX в. ориентировались на сообщения податных инспекторов и корреспондентов «Торгово-промышленной газеты», оперативно освещавших положение дел преимущественно в хозяйствах коммерческого сектора. Некоторые губернские земства, переселенческие управления в Сибири заводили собственную статистику урожайности, проводили местные переписи земель и скота. При общем критическом настрое властей, экспертного и бизнес-сообщества к российской сельскохозяйственной статистике она в целом выполняла свои задачи и постепенно совершенствовалась.

Революция сломала старую систему статистики и изменила само отношение государства к статистике. Статистика сельскохозяйственного производства получила фискальный характер, став основой для расчета налогооблагаемой базы. Советское государство монополизировало статучет, уничтожив частно-общественные альтернативы и постепенно выстраивая единую административную вертикаль статистики. Центр тяжести в работе статорганов переносился на контроль за полнотой и достоверностью информации, вводились санкции за ее искажение.

В 1920–1930-е годы советская сельскохозяйственная статистика пережила беспрецедентный в истории каскад реформ. Реформы происходили сначала в деятельности ЦСУ, затем последовала ликвидация самостоятельного органа статучета, так что в течение двух лет (1930 и 1931), по существу, не было нормальной статистики. Затем центральное статистическое учреждение было восстановлено (ЦУНХУ), но в структуре Госплана со специфическим пониманием цели его деятельности. С 1932 года новации в статистике сельского хозяйства происходили практически ежегодно. При этом соотношениям текущих методик то и дело производился перерасчет уже опубликованных цифр прошлых лет, что заставляет историков проявлять особенное внимание к сопоставимости данных.

Эпоха 1920-х годов еще сохраняла традиции и подходы дореволюционной земской статистики, лидеры которой после революции возглавили ЦСУ и получили, казалось, от новой власти добро на реализацию своих давних идей и стремлений. Стоявшие в оппозиции к казенной, полицейской статистике, они стремились создать новое статистическое учреждение как вневедомственное и надведомственное, соединенное с наукой и обладающее функцией внешнего, объективного контроля над состоянием общества, государства и экономики. Концентрировавшиеся до революции на изучении крестьянского хозяйства в рамках отдельных губерний, бывшие земские статистики теперь получили возможность проводить сельскохозяйственные переписи в масштабе всей страны и развернуть бюджетные обследования по единой программе.

Впрочем, урожайная статистика и вообще статистический мониторинг производства никогда не были сильной стороной земской статистики. Это проявилось уже в годы Первой мировой войны, когда планы снабжения пришлось базировать на пресловутой полицейской статистике ЦСК, отставив в сторону разрозненные земские материалы. И далее в годы Гражданской войны именно старые данные ЦСК о средних предвоенных урожаях служили советской статистике основой, пусть и шаткой, для вычислений приблизительных объемов сельскохозяйственного производства, позволяя переводить условные оценки урожайности в баллах — в пуды.

В 1920-е годы корифеи земской статистики в полной мере ощутили сложность организации собственного текущего учета урожая во всесоюзном масштабе. К застарелым, но понятным методологическим проблемам, требовавшим научного решения, присоединились новые политические аспекты, не существовавшие в царской России. Объемы производства, распределения и потребления зерна, бывшие ранее частным делом, в СССР стали необходимым элементом планов государственных заготовок, на которых строилось и снабжение городов, и растущей промышленности, и экспорта, ставшего государственной монополией. Неверное определение урожая угрожало срывом государственных планов. Статистики оказывались у правительства в роли стрелочников. Фискальная функция статучета (хотя формально налоговый учет был отделен от статистики, на практике они координировались) стимулировала крестьян укрывать объекты обложения (посевы, скот), а статистиков ставило в положение хуже царской полиции, заставляя разоблачать крестьянские ухищрения. Кроме того, в советском идеократическом государстве у статистики постепенно оформлялась новая функция — средства пропаганды и легитимации власти. Царская «полицейская» статистика подобными вещами не занималась. Деятели старой земской статистики, верные идеалам научности, объективности и народолюбия, все меньше вписывались в политику коммунистической партии и правительства. Это находило отражение в конфликтах ЦСУ и Госплана, вспыхивавших в первой половине 1920-х годов, а в середине 1920-х и прямых конфликтах с партийным руководством по поводу оценки урожая, процента необходимых поправок и принципов составления хлебофуражного баланса страны. «Великий перелом» окончательно оборвал нить, шедшую от традиций земско-статистической методологии с ее «весенними» и «осенними» опросами крестьян, крестьянскими бюджетами и сетью добровольных корреспондентов (статкоров) на местах.

Коллективизация изменила объект статистического наблюдения: на место мелких крестьянских хозяйств пришли крупные колхозы и совхозы с добавлением сектора карликовых частных хозяйств (ЛПХ). Это меняло и задачи, и возможности статистики. С другой стороны, государство непрерывно наращивало требования к полноте, достоверности и оперативности статистических данных. Создав директивно-плановую экономику, сталинское правительство хотело

как можно раньше знать объем произведенного в данном году ресурса, продовольственного и сырьевого. Вычисление реального объема собранного урожая, который определяется лишь по итогам обмолота, было слишком длительной и сложной процедурой. Государство хотело знать его уже в начале уборки, если не еще раньше. Отсюда повышение интереса к данным о «видах на урожай» (которые, сколько бы им ни придавали вида научных экспертных оценок, всегда условны и, как правило, завышены). Отсюда привязка статистики в 1930-е годы в конечном счете к биологическому урожаю (на корню), который можно было замерить объективными методами (наложением метровок, выборочными контрольными обмолотами), но который на практике весьма далек от размеров реально собранного урожая.

Сущность происходившего в советской статистике и вокруг нее представляется достаточно простой. Государство стремилось максимизировать объем изымаемых из села ресурсов. Крестьяне и колхозники, защищаясь от постоянной угрозы голода, стремились завысить свои производственные показатели. Государство непрерывно боролось с занижением. По мере огосударствления сельского хозяйства статистика из метода научного знания перерождалась в орган дознания. Дополнительные сложности в 1930-е годы создавала позиция местного руководства, партийного и колхозного, интересы которого, причудливо сочетая стремление к поощрениям и страх перед наказаниями, заставляли лавировать между завышением показателей в угоду сталинским установкам и приближением их к реальности.

Книга Ильиных содержит последовательное фактологическое описание этих процессов, выдержанное в сугубо позитивистском ключе, с осторожностью в интерпретациях и выводах. Автор приходит к заключению, что в результате усилий государства во второй половине 1930-х годов качество учета посевных площадей и поголовья максимально улучшилось: «Советская статистика второй половины 1930-х гг. в части определения динамики посевных площадей и поголовья скота, по нашему мнению, была в целом достоверной и репрезентативной. Утайка субъектами учета части своего хозяйства от органов госстатистики, а также приписки в полной мере искоренить не удалось, но их масштабы существенно снизились и в достаточной степени учитывались при обработке первичных данных» (с. 189). Гораздо сложнее обстояло дело с качеством данных об урожайности и, соответственно, о валовых сборах хлебов: «Размеры официально утвержденного валового сбора зависели не от реального амбарного веса, а от политической конъюнктуры. Базовыми показателями его определения являлась урожайность на корню, на основе которой принимались хлебозаготовительные планы. Попытки реформирования системы в середине и конце 1930-х гг. ситуацию принципиально не изменили. Несмотря на новации, исчисленные урожаи оставались политически обусловленными. Урожайная статистика по-прежнему в значительной степени имела пропагандистский и мобилизационный характер» (с. 150, 189).

Важным итогом работы выступают составленные Ильиных ряды данных, которыми завершается каждая из глав книги. Они приводятся в таблицах, отдельно по СССР в целом и по Сибири (по мере возможности в сопоставимых границах или по ее макрорегионам). Источниками всех цифр являются официальные издания, в некоторых случаях архивные дела, авторских реконструкций нет. При наличии альтернативных данных, с теми или иными поправками, ряды имеют варианты. Важно, что данные в каждом из рядов отобраны автором после выяснения обстоятельств их появления, методик подсчетов и тем самым проверены на сопоставимость. В этом аспекте монография может использоваться в качестве справочника.

Говоря о недостатках книги, можно отметить, что в историографическом очерке, составляющем Введение, думается, заслуживали упоминания некоторые, увы, пропущенные работы. В частности, коллективная монография «Массовые источники по социально-экономической истории советского общества», созданная по инициативе И. Д. Ковальченко и ставшая для своего времени (1979 год) определенным этапом в разработке проблем исторической статистики: в особенности ее глава 4 «Статистика сельскохозяйственного производства в СССР», а также отчасти главы 6 и 7, посвященные источникам по истории колхозов и совхозов⁵. Ильиных ссылаются на статью И. А. Тропова, однако ему стоило хотя бы упомянуть небольшую, но знаковую монографию того же автора, тем более что в ней он также излагал свою точку зрения на поправки в статистику 1920-х годов, отличную от точки зрения Ильиных⁶.

В целом рецензируемая работа заслуживает высокой оценки. Собранный и обобщенный в ней фактический материал может служить основой для дальнейших изысканий, а также размышлений об истории сельского хозяйства, статистики как государственного института, особенностях социально-политического устройства советского общества и исторической эволюции советской государственности.

A useful book on the history of agricultural statistics

Review of the book: Ilyinykh V. A. (2022) *Agricultural Statistics in Siberia (1920—1930s)*, Novosibirsk: SO RAN, 202 p.

Igor A. Kuznetsov, PhD (History), Senior Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: kuznetsov-ia@ranepa.ru

5. Массовые источники по социально-экономической истории советского общества (1979) / Отв. ред. И. Д. Ковальченко; предисл. В. З. Дробижина, Ю. А. Мошкова. М.: Изд-во МГУ.

6. Тропов И. А. (2007). «Национализация информации»: Политическая власть и ЦСУ в послереволюционной России. СПб.: ГУАП, 2007.

В. П. Данилов и российское крестьяноведение

Д. А. Сафонов

*Дмитрий Анатольевич Сафонов, доктор исторических наук, профессор,
Оренбургский государственный университет. 460050, г. Оренбург, пр. Победы, 13.
E-mail: d_safonov@mail.ru*

EDN XNXCUK

Всероссийская научно-практическая конференция «В. П. Данилов и российское крестьянство» прошла 4 марта 2025 года, в день столетнего юбилея известного историка-агрия Виктора Петровича Данилова. Город Оренбург стал местом проведения данной конференции не случайно: Оренбуржье — родина В. П. Данилова.

В конференции приняли участие несколько десятков человек из многих городов России: Москвы, Уфы, Брянска, Новосибирска, Воронежа, Липецка, Тамбова, Орска, Пскова, Саратова, Курска, Калининграда. Они присутствовали на заседаниях, выступали перед присутствующими, online и участвовали в заочной форме. Конференция была организована Институтом общественных наук Оренбургского государственного университета. Ее поддерживали Объединенный государственный архив Оренбургской области, Оренбургская областная универсальная научная библиотека им. Н. К. Крупской, Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей, Оренбургский союз архивистов.

Организаторы конференции ставили перед собой две основные задачи: рассказать — прежде всего, землякам — о личности выдающегося ученого и способствовать вовлечению в исследовательскую среду молодежи. Первой задаче служили выступления *Д. А. Сафонова* «В. П. Данилов и Оренбуржье» и *А. В. Журавеля* «Умное семейство Даниловых». Докладчики рассказывали о жизненном и творческом пути Виктора Петровича, представили в презентациях богатые, ранее практически неизвестные широким кругам исследователей материалы. Д. А. Сафонов акцентировал больше внимания на «оренбургских» страницах биографии ученого, учебе в школе, военном училище, а также в Оренбургском (тогда — Чкаловском) государственном педагогическом институте после демобилизации в 1946 году, контактах с Оренбургом впоследствии. А. В. Журавель в название своего выступления вынес слова известного историка С. О. Шмидта, назвавшего так в свое время семейную чету Даниловых. Он также обнародовал интересные материа-

лы о научном творчестве супруги Виктора Петровича, Людмилы Валериановны Даниловой, и их совместных работах. Выступавшие подчеркивали, что исследователи не были диссидентами в традиционном понимании этого термина, т.е. борцами против режима, а подлинными учеными, твердо и последовательно выступавшими за научную объективность исследований, против идеологической зашоренности.

Директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ А. М. Никулин предложил слушателям обзор «От ежегодника «Крестьяноведение» к журналу «Крестьяноведение»: сохраняя и развивая интеллектуальное наследие В. П. Данилова». Будучи главным редактором нынешнего «Крестьяноведения», он также непосредственно участвовал в издании ежегодника «Крестьяноведение», основанного и редактируемого В. П. Даниловым и Теодором Шаниным с середины 1990-х годов. Нынешний журнал заслуженно считает себя идейным наследником даниловского ежегодника, чтит и развивает интеллектуальное наследие В. П. Данилова.

Особый интерес вызвал доклад В. М. Рынкова, доктора исторических наук, директора Института истории Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск), сделавшего темой выступления поиск ответов на вопросы, выиграло или проиграло российское крестьянство по итогам завершившейся крестьянской революции и разрешения земельной проблемы? Чаще всего результатом крестьянской революции полагают отмену продразверстки, аграрного законодательства времен военного коммунизма и восстановление общины как института. В. П. Данилов еще в 1965 году, разбирая данные «черного передела», указывал, что механическое прибавление миллионов десятин помещичьих земель к крестьянским не является убедительным доказательством резкого повышения эффективности крестьянских хозяйств. Прирост земельных площадей не принес той пользы, на которую рассчитывали. Уравнительное перераспределение земли привело к своеобразному «осереднячиванию» хозяйств, приведению деревни на средний уровень благосостояния. Так, В. А. Ильиных сегодня полагает допустимым говорить о нивелировании на уровне «обеднячивания». Таким образом, просто факт увеличения у крестьян количества земли в результате аграрной революции не является убедительным свидетельством роста их благосостояния; напротив, уравниловка, с одной стороны, и невозможность для новой власти осуществить инвестиции в сельское хозяйство (А. Чаянов писал о необходимости инвестирования до 5 млрд золотых рублей) препятствовали этому. И перспективы развития села можно считать положительными при одном условии — сохранении той дореволюционной институциональной среды, которая тогда позволяла накапливать деньги и вкладывать их в производство. Гипотетически итоговый выигрыш был бы возможен в долгосрочной перспективе лет десяти, не менее, при усло-

вии сохранения в своей основе инвестиционной среды, позволявшей накапливать инвестиции в сельскохозяйственное производство.

Работа конференции продолжилась в трех секциях. На первой обсуждались вопросы переселения крестьян различных регионов, правовое положение земледельцев, протестное движение в XX веке и взаимоотношения крестьян с властью. Особый интерес вызвал доклад профессора *А. В. Посадского* «За Волгой в Гражданскую войну: о крестьяноведческих возможностях для понимания феномена “третьей силы”». Автор обратил внимание на территории, на которых, во-первых, отсутствовало массовое помещичье землевладение, во-вторых, любая власть имела самые ограниченные возможности для контроля и изъятия ресурсов, в данном случае — Заволжье. Огромные пространства, слабость транспортной сети и редкость городов, казачье и кочевое соседство давали здесь крестьянам известную фору во времени в общении с государственным «красным проектом». Сегодня изучение этой активности способно дать ответы на многие вопросы о понимании крестьянами революции и траекториях ее протекания, о потенциале и характере внутридеревенских отношений.

Вторая секция включала доклады, затрагивавшие изменения в сельской жизни при советской власти. Ряд исследователей касались темы коллективизации в СССР. Особый интерес вызвало выступление кандидата наук из Афинского национального университета им. Каподистрии (Афины, Греция) *Костиса И. Сидериса* «Обзор истории коллективизации в СССР: перетягивание каната между централизованным планированием и рынком в послесталинский период». Придерживаясь позиций западной историографии, он говорил о «советском историческом ревизионизме», понимая под этим пересмотр прежней оценки коллективизации как второй революции в деревне («Краткий курс»). «Первая ревизионистская попытка» группы В. П. Данилова в начале 1960-х годов сыграла переходную роль, подходя к коллективизации как к необходимому процессу, который, однако, был осуществлен волюнтаристски и насильственным путем, вразрез с кооперативным планом Ленина. В целом же интерпретационные подходы к коллективизации имеют глубокие корни в противоречиях эпохи. Пересмотр истории коллективизации на протяжении четырех десятилетий шел от критики волюнтаризма сталинского руководства к отрицанию развития классовой борьбы в советской деревне и необходимости коллективизации. После распада СССР коллективизация характеризовалась как «война» против крестьянства, которое считалось классово недифференцированным, единым, базирующимся на традиционной культуре сельской общины. Автор рассматривает борьбу за пересмотр истории коллективизации в СССР как, условно говоря, некое перетягивание каната между сторонниками централизованного планирования и сторонниками рынка: «советскими ревизионистскими аграрными историками» во главе с В. П. Даниловым

и «рыночно-ориентированными советскими аграрными экономистами», наставником которых был В. Г. Венжер. После распада СССР взгляды В. П. Данилова существенно изменились, доходя в работах 1990–2000 годов до полного отрицания какой-либо социальной основы коллективизации.

Привлек внимание участников и доклад *И. В. Логуновой* «Деколлективизация 1990-х годов (на материалах Центрального Черноземья)», отмечавшей, что у истоков изучения «антиколхозной» аграрной реформы 1990-х годов, в частности, процессов приватизации и деколлективизации, стоял В. П. Данилов, первым среди ученых-историков приступивший к анализу данных явлений и считавший, что этот процесс был, по сути, продолжением «раскрестьянивания» деревни.

Докладчики проанализировали также государственные меры по развитию Нечерноземья, специфику создания колхозов в Оренбургском крае, участие женщин в коллективном хозяйстве и положение сельского населения в послевоенные годы (Курская и Калининградская области). С учетом того факта, что крестьяноведение как научное направление существует на стыке наук, освещались и темы изучения крестьянства как социальной общности, проявления культурной идентичности, отражения советской деревни в творчестве оренбургских художников. Продолжая источниковедческую традицию, ряд исследователей затрагивали проблемы источников — по культуре и быту советского крестьянства, делопроизводственной документации местных органов военного управления в годы Гражданской войны. Ведущий научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского ФИЦ РАН *М. И. Роднов* описал «Информационный потенциал нового источника по истории оренбургского крестьянства (подворные карточки переписи 1920 г.)», впервые подвергнув анализу весь массив карточек по региону.

На специальной студенческой секции молодые исследователи затронули тематику средневековых бунтов, образ селянина в русской литературе XIX века, народные верования и особенности деревенского говора в историческом разрезе. Материалы их выступлений будут опубликованы в журнале ОГУ «Шаг в науку».

По результатам конференции в самом скором времени на сайте Оренбургского государственного университета будет выложен электронный сборник, доступный всем желающим.

V. P. Danilov and the Russian Peasant Studies

Dmitry A. Safonov, DSc (History), Professor, Orenburg State University. Pobedy Prosp., 13, Orenburg, 460050. E-mail: d_safonov@mail.ru

Крестьяноведение

2025. Том 10. №1

Учредитель: Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003
Редакция журнала «Крестьяноведение»
<http://peasantstudies.ru>
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать . Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 14,7. Заказ
Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии РАНХиГС

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru